Л. В. АЛЕКСЕЕВ

ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Полоцкая земля

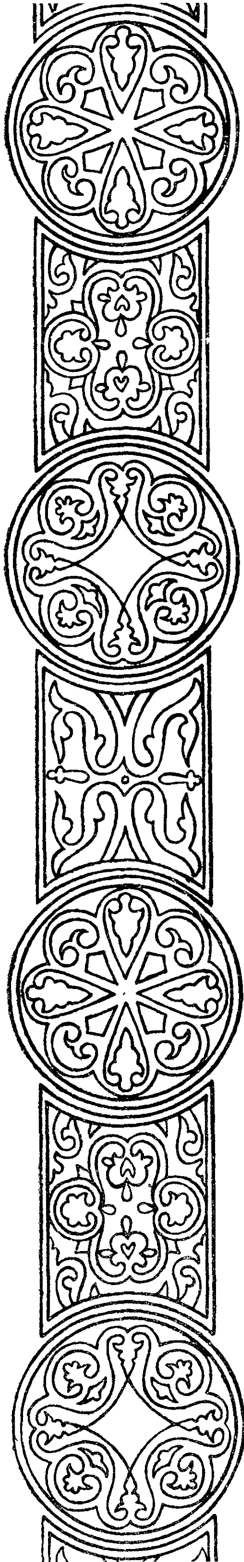
Эта книга — первое обобщающее советское исследование, посвященное древнейшей истории Белоруссии. Автором детально собраны и изучены все имеющиеся источники исторических и неисторических дисциплин — летописи, данные археологии, этнографии, лингвистики и т. д. В результате воссоздается жизнь Северной Белоруссии в далеком прошлом в самых разнообразных ее проявлениях. Освещаются вопросы, связанные с дославянским аборигенным населением этих мест, с появлением здесь славянских племен. Данные археологии и этнографии позволили автору остановиться на некоторых чертах быта древних полочан на их религиозных представлениях.

В разделе о Полоцком княжестве много места уделяется ранее не разработанным вопросам, связанным с характером заселенности страны, с его конкретными границами, путями сообщения, с торговлей и экономикой. Много нового, ранее абсолютно не известного, содержит глава о древних городах Северной Белоруссии, являющаяся результатом обобщения новейших достижений археологии и прежде всего раскопок самого автора.

В разделе о культуре Полоцкой земли читатель узнает о замечательных памятниках архитектуры, живописи и прикладного искусства, которые нам оставила домонгольская Полотчина, узнает имена высокоодаренных мастеров, создавших многие из них, выяснит вопросы, связанные с христианской идеологией, просвещением и письменностью Полоцкой земли.

Все летописные сведения о политической истории Полоцкой земли пересмотрены автоом заново.

Книга широко иллюстрирована новейшим материалом и рассчитана на научных работников, преподавателей исторических и филологических дисциплин и на широкие круги читающей интеллигенции.



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ

(ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ БЕЛОРУССИИ) В IX—XIII ВВ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · 1966

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

академик

Б. А. РЫБАКОВ

1—6—2
131—66

ПАМЯТИ
ОЛЬГИ ИВАНОВНЫ
ГОРОЖАНКИНОЙ-АРНОЛЬДИ

От автора

Настоящая книга посвящена одной из малоизученных тем в истории СССР — истории Полоцкой земли в эпоху образования и развития древнерусского государства.

Мысль о необходимости изучения отдельных земель — областей древней Руси приходила исследователям давно. Многие историки, особенно воспитанники Киевского университета 60—90-х годов прошлого века, обращались к письменным источникам для изучения древнерусских областей: Д. И. Иловайским, В. С. Борзаковским, Д. И. Багалеем, П. В. Голубовским, В. Е. Данилевичем изучены соответственно Рязанское, Тверское, Черниговское, Смоленское, Полоцкое княжества. Однако сравнительно низкий уровень развития науки того времени, недостаточность текстологического изучения летописей и отсутствие археологических данных ограничивали их исследования рамками лишь внешней, политической истории земель, а все другие стороны исторического процесса оставались неосвещенными.

Исследователи нашего времени также неоднократно обращались к истории отдельных древнерусских земель, но почти ни одна работа не охватывала историю той или иной страны в целом. А. В. Арциховским, Б. А. Рыбаковым, П. Н. Третьяковым, В. В. Седовым и другими учеными

исследовались земли вятичей, радимичей, кривичей, дреговичей и другие, но не изучались выросшие на этих землях княжества. Напротив, в книгах В. Т. Пашуто, посвященных Галицко-Волынской земле и образованию Литовского государства, исследовалась только поздняя история этих стран, а археология и прочие смежные науки оказывались в стороне. Наконец, землям-областям было посвящено важное и для нашей темы исследование А. Н. Насонова об образовании территории древней Руси, однако и здесь ставились лишь историко-географические вопросы. Все это показывает, что наша наука подошла вплотную к задаче регионального изучения древнерусских земель, основывающегося на комплексном исследовании всех имеющихся источников и выводах исторических и смежных дисциплин. Первая такая работа, посвященная Рязанской земле, не так давно была опубликована А. Л. Монгайтом. Подобную попытку представляет и настоящая книга.

Профиль издания и ограниченность объема поставили автора перед необходимостью опустить некоторые узкоспециальные, чисто археологические вопросы, ввести которые первоначально предполагалось, но которые теперь будут рассмотрены в одном из подготавливаемых им выпусков Свода археологических источников. Сюда отнесены, например, вопросы типологии курганных древностей, их хронологии и некоторые другие. Многие важные выводы данной книги базируются на анализе археологической карты Северной Белоруссии, специально составленной для нее автором и насчитывающей 3 тыс. памятников. Однако все указатели к ней и ссылки на источники при ее составлении также пришлось перенести в Свод.

При скудости и отрывочности наших знаний по истории Полоцкой земли казалось целесообразным изучению общих проблем предпослать решение некоторых, может быть, очень частных и конкретных вопросов, которые обычно принято обходить, но, по мысли автора, крайне важных неотъемлемых от общего. Сюда относится определение точного направления границ княжеских уделов, конкретного направления путей сообщения, детальное изучение генеалогии полоцких князей и др.

Термин «Полоцкая земля» принадлежит летописи, где встречается впервые под 1128 г. «Земля» в понимании летописца — совокупность уделов, экономически связанных с Полоцком и ему подчиненных. Термин «Полоцко-Минская земля», получивший в науке некоторое распространение благодаря В. И. Пичете и другим ученым, рожден в кабинете и исторически не оправдан, хотя и вводит в название земли наименование белорусской столицы. Полоцк во все времена был крупнейшим и единственным административно-хозяйственным и культурно-религиозным центром исследуемого края.

Хронологические рамки исследования — IX—XIII вв. — объясняются тем, что охватывают целиком исторически единый период образования,

развития и падения Полоцкой земли, как древнерусского политического объединения.

В заключение хочу выразить самую искреннюю признательность академику Б. А. Рыбакову, побудившему меня в свое время к занятиям этой темой и оказывавшему мне неоценимую помощь советами. Я благодарен Н. Н. Воронину, А. А. Зимину, а также Т. Н. Никольской за полезные указания при рецензировании этой книги на ее различных этапах. Должен, наконец, горячо благодарить всех тех лиц, содействие которых способствовало успешному завершению этого труда и, прежде всего, работников витебского музея К. И. Хомко (директор), Н. Л. Логойко (сотрудник) и других. Конкретное содействие в полевых исследованиях мне оказывал секретарь по пропаганде и агитации Витебского обкома партии кандидат исторических наук Н. И. Пахомов.

Большую помощь в полевой работе мне неоднократно оказывал известный витебский краевед М. Ст. Рывкин со своим кружком краеведов-энтузиастов.

Введение

История изучения Полоцкой земли

История Полоцкой земли, столь отличавшаяся от других древнерусских княжеств, уже давно привлекала внимание. Ею занимались польские хронисты XV—XVI вв., мешавшие часто подлинные события русских летописей с позднейшими легендами и собственными домыслами (например, М. Стрыйковский)[1]. В ней искали поддержки в церковно-политической борьбе униатские и католические писатели XVII—XVIII вв.[2] К ней же и с той же целью обращались и в XIX в.

Общие работы по истории Полоцкой земли

Мысль о создании специально полоцкой истории возникла в XIX в. и принадлежала кобринскому монаху католического ордена пиаров —

[1] J. Dlugoss. Ioanni Dlugossi seu longini canonici Cracoviensis, historiae polonicae, кн. XII, ч. I—III. Cracoviae, 1873—1876; M. Stryjkowski. Kronika Polska Litewska, Żmódzka, wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846.

[2] J. Kulczyński. Menologium Basilianskie. Wilno, 1777, стр. 11; Stebelski. Dwa wielkie swjatla na horyzoncie polockim, t. I, II. Wilno, 1781. В полоцкой Софии, принадлежавшей тогда униатскому (базилианскому) монастырю, П. И. Кеппену показывали в 1819 г. хранящуюся там книгу: «Historia o cerkwiach Polockich, a w czególnosci o Sophii Katedralney, o Borisie i Hlebie i S. Spacie wzeta z Stryikowskiego, Kroniiarza».

Матвею Бродовичу, но труд его так и не был опубликован[3]. Не суждено было увидеть свет и работе И. А. Гарижского, специально изучавшего совместно с П. И. Кеппеном древности Северной Белоруссии (1819)[4].

Стремление к более глубокому изучению истории Белоруссии начало проявляться лишь в 50-х годах прошлого века, с выходом ряда работ в местных изданиях. Польский историк В. Сырокомля впервые, в противоположность своим соотечественникам, привлек древнерусские летописи[5]. Историю Полоцкой земли пишет К. А. Говорский, однако в печать из его труда попали лишь краткие отрывки[6]. В это же время издается первое исследование по истории Белоруссии, составленное О. Турчиновичем[7].

В 60-х годах прошлого века начинают выходить местные губернские издания — «Памятные книжки», включившие со временем исторический, этнографический и археологический отделы[8]. Здесь впервые стали известны имена местных историков К. А. Говорского, А. М. Сементовского, П. Л. Дружиловского, иеромонаха Сергия и др.

Первые обобщающие работы по истории Полоцкой земли появляются во второй половине XIX в. Кроме популярной книги И. Д. Беляева, весьма далекой от методов научного исследования[9], вышли работы М. В. Довнар-Запольского и В. Е. Данилевича, которые попытались подойти к вопросу с научных позиций. Работа М. В. Довнар-Запольского

[3] «Tygodnik powszechny», 1880, No 13, стр. 202; «Slownik geograficzny królewstwa polskiego», VIII. Warszawa, 1887, стр. 720.

[4] П. И. Кеппен. Список русских памятников. СПб., 1822, стр. 48.

[5] Wł. Syrokomlę. Mińsk. «Teka wileńska», I, стр. 173—232; t. II, стр. 133—204. Wilno, 1857.

[6] К. А. Говорский. Исторические сведения о полоцком Софийском соборе с двумя отрывками из неизданной истории Полоцкой епархии. «Вит. ГВ», 1858, № 39—52; Он же. О начале христианства в бывшем Полоцком княжестве и начале учреждения Полоцкой епархии (отрывок из неизданной истории Полоцкой епархии). «Вит. ГВ», 1859, № 2; Он же. О введении римского католицизма в Белоруссии (отрывок из неизданной истории Полоцкой епархии). «Вит. ГВ», 1860, № 15—18. Книга К. А. Говорского в 1917 г. была уже набрана и должна была выйти в первом томе «Трудов Витебского церковного историко-археологического общества» с предисловием А. П. Сапунова (А. Цьвькевіч. Западнорусская школа. «Полымя». Менск, 1927, № 8, стр. 106, прим. 2).

[7] О. Турчинович. Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен. СПб., 1857.

[8] «Пк Вит. Г.» на 1861, 1862, 1864, 1865, 1866, 1867 годы. СПб. (Исторический отдел появился в 1864 г., этнографический — в 1865 г., археологический — в 1867 г.); «Пк Мин. г.» на 1910 г.

[9] И. Д. Беляев. История Полоцка или Северо-Западной Руси до Люблинской унии. М., 1872. Автор исходил из предположения, что Полоцк и его земля — колонии Новгорода — и реконструировал историю Полотчины, используя данные о Новгороде и новгородцах (!).

суживала хронологические рамки (только до XII в.) и широких исторических задач не ставила. Ее заслуга — стремление выйти за пределы древнерусских летописей и привлечь сведения других источников (хроник, данных исторической географии, топонимики и т. д.). Автор ставил вопрос и о границах расселения древнерусских племен [10].

Вышедшая следом работа В. Е. Данилевича носила более глубокий характер [11]. Автор заново изучил все известные русские и иностранные первоисточники, среди которых привлек много новых, что позволило ему написать исследование по истории Полоцкой земли «от каменного века». Собственно история Полоцкой земли строилась только на письменных источниках (главным образом на пассивном пересказе древнерусских летописей) и отражала лишь политическую историю земли и взаимоотношения между древнерусскими князьями. Немногим отличалось и изложение истории Полоцкой земли в литовское время, хотя некоторую помощь здесь оказывало большее количество письменных источников, которыми располагал автор. В последнем разделе рассматривалось политическое и общественное устройство Полоцкой земли, юридическая роль веча и князя во все периоды истории Полотчины, роль пригородов, классовая дифференциация населения, роль торговли и т. д. Однако монография В. Е. Данилевича, скрупулезно собравшая большое количество письменных источников, но, как и книга М. В. Довнар-Запольского, писавшаяся в дошахматовский период изучения летописных источников и, следовательно, недостаточно критически к ним относившаяся, теперь нас не удовлетворяет.

Развитие местной археологии и историко-краеведческой мысли [12]

Интерес к археологическим древностям Белоруссии возник уже в XVI в. У известного польского хрониста Матвея Стрыйковского мы находим довольно много сведений этого рода и прежде всего о Борисовых камнях, описанных, правда, с большой неточностью [13]. Трудами этого автора пользовались позднее многие историки XVI—XVII вв., пересказывая его сведения без всякой критики (Вьюк-Коялович, Шлецер, Стебельский, Свенцицкий и др.) [14]. Ученые (Кромер, Длугош, Матезиус и др.) неоднократно упоминали курганы и недоумевали по поводу встреченных там находок. Матезиусом (XVI в.)

[10] М. В. Довнар-Запольский. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891.

[11] В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896.

[12] Этот раздел более подробно публикуется нами отдельно (см.: Л. В. Алексеев. Очерк истории белорусской археологии. СА, в печати).

[13] M. Stryjkowski. Kronika..., стр. 241, 242.

[14] В. П. Таранович. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР. СА, VIII, 1946, стр. 252.

было высказано даже предположение, что курганные горшки не что иное, как «произведение природы (!)»[15]. Белорусскими археологическими древностями интересовался В. Н. Татищев, который, отыскивая место Тмутаракани, поместил ее в верховьях р. Прони, где, сообщал он, по сведениям одного «знатного дворянина», «есть запустелое городище и неколико здания каменнаго видно, имени же никто не знает»[16].

Первые, крайне любопытные известия о раскопках в Белоруссии и, в частности, именно в Полоцкой земле, дошли до нас благодаря собранию Винцентия Меницкого и относятся к концу XVIII в. У него хранилось ответное письмо последнего польского короля Станислава Августа от 24 февраля 1790 г. «чеснику» Бжостовскому. Сильно заинтересованный раскопками последнего в кургане у имения Мосар Витебской обл. коронованный любитель древностей просил дополнительных сведений: не найдено ли при скелете, помимо бубенчиков на ремешке, каких-либо еще предметов? Принадлежит ли скелет мужчине или женщине («это может выяснить всякий цирюльник»), находился ли он в гробу или без[17].

В изданиях, выходивших в первые три десятилетия XIX в. (до опубликования работ братьев Е. П. и К. П. Тышкевичей), неоднократно мелькают сведения об археологических древностях Белоруссии. Будущий известный историк Литвы Ф. Е. Нарбут[18], командированный М. Б. Барклаем де Толли в качестве военного инженера для возведения укреплений между Могилевом и Рогачевом в 1810 г., вскрывает в районе Рогачева несколько курганов. Он также раскапывает курганы под Новогрудком, а в 1822 г. — в своем имении (очевидно, Шавры Лидского уезда)[19]. Ему принадлежит (1818) первое в Белоруссии определение курганов, как древних могил, оставленных, как он считал, каким-то неизвестным народом, жившим «до русинов» в этих местах[20]. В «ученое путешествие» пускается моло-

[15] А. М. Сементовский. Белорусские древности. СПб., 1890, стр. 27.

[16] В. Н. Татищев. История Российская, т. II. М.—Л., 1963, стр. 240. В. Н. Татищев считал возможным поместить здесь Тмутаракань, потому что город входил в Черниговское княжество; он предполагал, что Черниговскому княжеству могли принадлежать и верховья Прони.

[17] Wincenty Mienicki. Wykopalisko w Mosarzu. Wiadomości numismatyczno-archeologiczne, 1892, № 1—2, стр. 285—289.

[18] Нарбут Федор Ефимович (1784—1864) — известный историк Литвы и первый по времени археолог Белоруссии. Как военный инженер участвовал в войнах с Наполеоном, выйдя в отставку (1812), поселился в своем имении Шавры Лидского уезда, где посвятил себя изучению местных древностей, этнографии и фольклора. Результаты исследований были опубликованы в девятитомном труде, выходившем в 1835—1841 гг.

[19] К. П. Тышкевич. О курганах в Литве и Западной Руси. Вильно, 1865, стр. 70.

[20] Narbutt. Badanie starozytnosci litewskich. O kurhanach. В кн.: «Tygodnik Wileński», t. VI. Wilno, 1818, № 123, стр. 161—168.

дой П. И. Кеппен (1819), воспользовавшийся поручением ревизовать почтовые станции Белоруссии и собирающий материалы для будущей книги «Список русским памятникам»[21]. Однако курганы и городище тогда еще не входили в разряд исторического источника, на них внимание не обращалось; исследователи интересовались только «несомненными» историческими предметами, т. е. предметами с надписями: Борисовыми камнями, крестом Евфросинии Полоцкой и т. д.

Рано умерший талантливый ученый Зориан Доленга-Ходаковский первый обратил серьезное внимание на археологические памятники. Ходаковский исходил русские губернии с целью отыскания и нанесения на карту городищ, курганов и других урочищ[22]. Труды этого исследователя частично касались и Белоруссии: ему были известны, например, городище в Старом Селе под Витебском[23], городища в Северной Белоруссии; судя по его карте, опубликованной М. П. Погодиным[24], он исследовал также городища в м. Радомле Чаусского у., Дороговичи Бобруйского у. и т. д.[25] Труды З. Ходаковского вызвали большой интерес, стали широко известны и послужили, очевидно, толчком к началу массового увлечения местными древностями и «раскопками» на местах.

Первые исследования Западнорусского края принадлежат помещикам, преимущественно польского происхождения, а иногда и монахам местных монастырей[26]. Повысился интерес к краеведению и древностям. В 30—40 годах XIX в. говорили уже о появлении девятитомного труда Ф. Е. Нарбута, а также «Obrazy Litwy» Крашевского (1844—1845), этнографического труда Я. Чечота, Зенкевича и др. Под воздействием духа времени начались в Белоруссии и первые, сравнительно серьезные раскопки местных помещиков — К. П. и Е. П. Тышкевичей и в соседних за-

[21] П. И. Кеппен. Список русских памятников.

[22] З. Д.-Ходаковский. Проект ученого путешествия по России. «Сын Отечества», 1820, т. XXIII—XXXIX; Он же. Извлечение из плана путешествия по России для отыскания древностей славянских. Вестник Европы. М., 1820, № 17, 18.

[23] «Историческая система З. Д.-Ходаковского». «Русский исторический сборник», т. I, кн. 3. М., 1838, стр. 10; «Донесение о первых путешествиях по России З. Д.-Ходаковского». «Русский исторический сборник», т. 7. М., 1844; и др.

[24] М. П. Погодин. Древняя русская история до монгольского ига, т. III. «Атлас исторический, географический и археологический». М., 1871.

[25] «Историческая система З. Д.-Ходаковского...», стр. 50.

[26] Дважды путешествуя по Белоруссии и посещая Полоцк, П. И. Кеппен, например, оба раза упоминает ученого монаха, аббата Бельчицкого (тогда базилианского) монастыря Шулакевича, «занимавшегося усердно» местными древностями и выезжавшего за пределы Полоцка для ознакомления с ними. «Отрыв под землею церковь, — писал П. И. Кеппен, — ... и поныне показывает он [Шулакевич] предел оной». Речь, вероятно, идет о большом бельчицком соборе (см. ниже) (П. И. Кеппен и И. А. Гарижский. Дорожные записки, тетрадь I, 1819 год. Архив АН СССР в Ленинграде ф. 30, оп. 1, д. 131, стр. 21, 22; П. И. Кеппен. Путевые записки 1821 года Петра Кеппена. Архив АН СССР, в Ленинграде ф. 30, оп. 1, д. 136, стр. 23, 24).

надных землях их двоюродного брата А. С. Платера[27], с 1800 г. собиравшего археологические предметы. Однако основы археологической науки в Белоруссии были заложены Е. П. Тышкевичем[28], начавшим в 1835 г. в Логойске систематические раскопки древних курганов (продолжавшиеся восемь лет)[29]. В вышедшей вскоре небольшой статье он описывал свои первые исследования, сообщая о трудностях и даже страхе, который ему пришлось преодолевать, берясь впервые за раскопки погребений[30]. Уже тогда автор сделал совершенно правильный вывод, что раскопанные им курганы (речь шла об 11 насыпях в Логойске) содержали не братские могилы, оставшиеся после войны, как это утверждало, по-видимому, местное население, а были погребениями «какого-то знатного рода». Автор понимал, что раскапывает курганы славян, но о датировках ни в этой, ни в последующих работах еще речи не было. Он первый начал сопровождать свои работы рисунками[31].

Капитальные труды по археологии его старшего брата стали выходить позднее. Если Е. П. Тышкевич писал почти исключительно о курганах, то К. П. Тышкевич[32] обратил внимание и на городища, которым и была посвящена первая его работа[33]. В этом исследовании мы встречаем не

[27] Платер Адам Степанович (1790—1862), граф, один из первых археологов Западнорусских земель. Основные его труды: «Rzut oka na sklad geognostyczny Inflant» (1832), «O dawnich grobach i starožytnosciach odkrytych w Inflantach polskich» (1848); то же по-немецки: «Ueber alte Gräber und Alterthümer in Polnisch-Livland» (Riga, 1848); «O Dynaburskim starym zamku, Rubon» (t. III, Wilno, 1843); и др.

[28] Тышкевич Евстафий Пиевич (1814—1873), граф, основоположник научной археологии в Белоруссии и первый открыватель археологических древностей края. С 1835 г. проводил массовые систематические раскопки белорусских курганов и написал ряд археологических и других трудов (E. T y s z k i e w i c z. Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilna, 1847; О н ж е. Badania archeologiczne nad zabytkami przedmiotow sztuki i rzemiosl i t. d. w dawnei Litwie. Rusi Litewskiej. Wilno, 1850, и др.).

[29] W. K o r o t y ń s k i. Tyszkiewicz Eustachy. «Tygòdnik illustrowany». Warszawa, 1873, № 299, стр. 134.

[30] E. T y s z k i e w i c z. Wiadomośc o Kurhanach. «Tygodnik Peterburgski», ч. XVI, № 94. СПб., 1837, стр. 561, 562.

[31] E. T y s z k i e w i c z. Rzut oka zrodla Archeologii Krajowej. Wilno, 1842. То же, на русском языке: Е. Т ы ш к е в и ч. Быстрый взгляд на источники местной археологии или описание некоторых древних памятников, открытых в Западных губерниях Российской империи. «Виленский Вестник», 1843, № 21.

[32] Тышкевич Константин Пиевич, граф (1806—1868), как и его брат Евстафий, — один из основателей белорусской археологии. Начав заниматься раскопками в 30-х годах, в своем имении Логойске, создал обширный музей белорусских древностей и ценную библиотеку. Провел ряд исследований по поручению ОЛЕАЭ, нуждавшегося в антропологическом материале, в результате чего в ГИМ попала большая коллекция археологических материалов («Виленский Вестник», 1867, № 20). После смерти братьев Тышкевичей оставшаяся часть логойской коллекции попала в руки Г. Х. Татура и была продана.

[33] K. T y s z k i e w i c z. Wiadomość historyczna o zamkach, horodyszczach i okopiskach starozytnych na Litwie i Rusi Litewskiej. Wilno, 1859.

только описание десяти обследованных им городищ, но и первые топографические планы памятников. Однако раскопки их еще тогда не производили. Вторая книга К. П. Тышкевича основана на большом опыте раскопок курганов в Белоруссии, но, к сожалению, при далеко идущих сравнениях (например, с римскими и западноевропейскими древностями) конкретного материала она содержит чрезвычайно мало [34]. Посмертная книга К. П. Тышкевича носит скорее этнографический характер, и археологических сведений в ней сравнительно немного [35].

Одновременно с Тышкевичами западнорусскими древностями занимался А. К. Киркор (1812—1886), в работах которого мы встречаем первые соображения о датировках [36] и этнической принадлежности погребенных [37]. Впрочем, собственно Полоцкой земли его исследования касались меньше.

Следующее поколение исследователей Северной Белоруссии было моложе первых в среднем на 10—15 лет. На очереди дня стоял вопрос о выявлении археологических памятников, регистраций их и составлении археологической карты. Этим и начинают заниматься все, работающие в области археологии. К. А. Говорский обследует и копает курганы под Полоцком [38]. С ноября 1863 г. А. М. Сементовский [39] начинает собирать сведения о древних археологических памятниках Витебщины и через четыре года публикует результаты своих работ вместе с первой еще далеко не подробной

[34] К. П. Тышкевич. О курганах...; K. Tyszkiewicz. O kurhanach na Litwie i Rusi zachodniej. Berlin, 1868. Среди интересных здесь наблюдений отметим замечание автора о преобладании трупосожжений в Вилейском у. и о малом количестве их в междуречье Гайны, Березины и Вилии (К. П. Тышкевич. О курганах..., стр. 20), о распространении погребений с серпами по Вилие (К. П. Тышкевич. О курганах... стр. 52). Автор первый обратил внимание на гончарные клейма горшков (К. П. Тышкевич. О курганах... стр. 62 и сл.), однако действительного значения их не понял.

[35] K. Tyszkiewicz. Wilija i jej brzegi. Drezno, 1871.

[36] А. К. Киркор. Археологические разыскания в Виленской губернии, ИРАО, I. СПб., 1859, стр. 17.

[37] «Система могил убеждает нас, что литовец зарывал дорогие останки своего сочлена глубоко в землю, кривичанин клал их на самой поверхности, насыпав курган сверху, чернорусин укладывал их в середине кургана, литовец сжигал на костре...» (А. К. Киркор. Указ. соч., стр. 19).

[38] Говорский Ксенофонт Антонович (1821—1871) — историк и издатель. Из интересующих нас работ, помимо указанных, опубликовал: «Археологические разыскания в окрестностях Полоцка»; статьи о Евфросинье Полоцкой, о Бельчицком монастыре и др. («ИМАО в первое пятидесятилетие его существования». М., 1915, стр. 86).

[39] Сементовский Александр Максимович (1821—1893) — один из крупнейших краеведов Витебщины, занимавшийся ее древностями, природоведением и статистикой. Среди многочисленных его трудов по археологии см. следующие: «Заметки для археолога» («Вит. ГВ», 1863, № 44) неофициальная часть, стр. 1—2; «Сведения о земляных памятниках Витебской губернии» («Вит. ГВ», 1864, № 28 и 29); «Памятники старины Витебской губернии» (СПб., 1867); «Белорусские древности» (СПб., 1890).

археологической картой[40]. Тем же занимается и его младший современник М. Ф. Кусцинский[41], известный своими большими раскопками в Лепельском у. и в Гнездове под Смоленском[42]. С этого же начинает исследования минских древностей в 1877 г. и Р. Г. Игнатьев (1829—1886), сделавший интересные наблюдения при раскопках в Соломеречье под Минском (об этом см. ниже) и начавший составление археологической карты Минской губернии.

Археологические исследования — Западнорусских (и Прибалтийских) земель получили особенно сильное развитие в последнем десятилетии XIX в., когда Археологическая комиссия начала подготовку к IX и X археологическим съездам. По специальным программам, публиковавшимся в местной прессе[43], были начаты сборы сведений об археологических памятниках и составление археологических карт[44]. Проводились также специальные раскопки, среди которых прежде всего следует назвать массовые исследования В. З. Завитневича[45] и Ф. В. Покровского[46]. В крае впервые проводились целенаправленные раскопки. К началу съездов был издан ряд специальных археологических трудов[47], однако не все намечен-

[40] А. М. Сементовский. Памятники Витебской губернии. СПб., 1867.

[41] Кусцинский Михаил Францевич (1828—1905) — белорусский археолог, занимавшийся главным образом изучением древностей Лепельского у., где находилось его имение Завидичи (М. Ф. Кусцинский. Из заметок о курганах Лепельского уезда. «Полоцкие Епархиальные ведомости». Витебск, 1903, № 7, стр. 232; Он же. Опыт археологических исследований в Лепельском у. «Вит. ГВ», 1865, № 20; Он же. Лепельские древности. «Виленский Вестник», 1866, № 181 и др.).

[42] «Есть сведения о посылке такой карты М. Ф. Кусцинским в ОЛЕАЭ («Известия ОЛЕАЭ», XXVII. «Антропологическая выставка», I. М., 1878, стр. 316—317).

[43] Инструкция Московского археологического общества для исследования курганов, городищ и других памятников древности Северо-Западного края. «Труды ВОМПК», отд. I, стр. 109—117. Список вопросов, по которым желательно было бы получить ответы для составления археологической карты Северо-Западного края России». «Труды ВОМПК», стр. 27—30; см. также «Могилевские Епархиальные ведомости», 1892, № 9, стр. 97—100.

[44] Ф. В. Покровский составлял карту Виленской и Гродненской губерний, Е. Р. Романов — Витебской и Могилевской, А. П. Смородский (учитель Минской гимназии) — Минской. См.: «Записки о деятельности ВОМПК». «Виленский Вестник», 1893, № 9, 10.

[45] В. З. Завитневич. Археологические раскопки в системе рек Немана и Березины. ЧИОНЛ. Киев, 1888, кн. II, стр. 270—280; Он же. Археологические разыскания в бассейне реки Березины. ОАК за 1892. СПб., 1894, стр. 124—153; Он же. Формы погребального обряда в могильных курганах Минской губ. «Труды IX АС». М., 1895, т. I, стр. 221—235.

[46] Ф. В. Покровский. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. «Труды IX АС», т. I, стр. 166—200; Он же. Отчет о раскопках X АС, т. II. М., 1896, стр. 36, 37; см. также его статьи в «Трудах ВОМПК», стр. 122, 123 и др.

[47] А. М. Сементовский. Белорусские древности; Н. Мышенков. О курганах Минской губернии. М., 1890; Г. Х. Татур. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии. Минск., 1892; А. П. Сапунов. Река Западная Двина. Витебск. 1893.

ное было, к сожалению, выполнено. Так, например, археологические карты Западнорусских губерний составлены только Ф. В. Покровским[48]. Е. Р. Романов и А. П. Смородский по каким-то причинам своих карт так и не опубликовали, хотя материалы карты Романова неоднократно просачивались в печати[49]. Здесь же, попутно, упомянем археологическую карту прибалтийских губерний, выпущенную в 1896 г. И. Ситцке, представляющую также подробный каталог древностей с их библиографией, захватывающий и Западнополоцкие земли, начиная с Дриссы[50].

Вообще же надобно сказать, что во второй половине XIX в. идея археологических раскопок приобрела необычайную популярность. Уже К. П. Тышкевич в конце своей жизни жаловался на то, что «в последнее время нашлось много охотников разрывать или, лучше сказать, портить курганы»[51]. В 80—90-х годах раскопки курганов становятся повальным увлечением (главным образом местные помещики), но сведения о них лишь изредка проникают в печать[52]. Некоторые деятели такого рода приобретают и печальную известность. Например, минский «краевед», невежественный, но ловкий делец, Г. Х. Татур, раскопавший во многих уездах Минской губернии сотни курганов и продававший найденное любителям-коллекционерам. Составлявшаяся им карта археологических памятников Минской губернии так и не была издана, а «обобщающий труд» его «исследований» обесценен отсутствием сколько-нибудь подробных ссылок на материал[53]; все это вызывало справедливое негодование современников[54]. Однако можно назвать многих краеведов, работы которых носили серьезный характер. Это были в большинстве случаев учителя местных гимназий: А. П. Сапунов (Витебск), Ф. В. Покровский (Вильно)[55],

[48] Опубликованы в «Трудах ВОМПК», в трудах IX и X АС.

[49] А. П. Сапунов. Река Западная Двина, прим. № 202, 206, 247; К. Т. Аникиевич. Сенненский уезд Могилевской губернии. Могилев, 1907, стр. 60—65 и др.

[50] J. Sitzke. Arhäologische Karte von Liv-Est und Kurland. Jurjew, 1896.

[51] К. Тышкевич. О курганах.., стр. 11.

[52] См.: «Нам сообщают из Плиссы». «Вит. ГВ», 1894, № 66; также ДАК, 1894, № 143 (о самовольных раскопках местных жителей); «Второе дополнение к каталогу Могилевского музея». Могилев, 1892, стр. 1—2 (о раскопках землевладельца Зуева) и т. д. О курганах в Бельмонтах под Браславом Ф. В. Покровский сообщает, что едва ли не половина их «испорчена отчасти кладоискателями, а в большинстве ненаучными раскопками гостей владельца имения» (графа Платера. — *Л. А.*); Ф. В. Покровский. «Труды IX АС», т. I, стр. 181.

[53] Г. Х. Татур. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губ. Минск, 1892, стр. 264.

[54] См. рецензию на книгу Г. Х. Татура в «Этнографическом обозрении», 1894, № 3, стр. 178—180.

[55] Покровский Федор Васильевич (1844—1903). Хранитель Виленского музея. В 1890-х годах провел капитальные исследования курганов на современной границе Литвы и Белоруссии, за что был удостоен большой серебряной медали Русского археологического общества («ИМАО в первое 50-летие его существования», стр. 278, 279).

Е. Р. Романов (Витебск, Могилев)[56], труды их получили широкую известность, или народных училищ: К. Т. Аникиевич (с. Ивановка Витебской губ.), И. Горбачевский (Крейцбург Витебской губ.), помогавшие Е. Р. Романову в поле и потом писавшие интересные работы[57]. Кроме того, были просто любители, многие из которых занимались серьезными раскопками[58]. Упомянем, наконец, деятельность некоторых педагогов Полоцкого кадетского корпуса, широко интересовавшихся местными древностями[59] и активно помогавших развитию археологии[60].

Создание Белорусской Академии наук и Института белорусской культуры в послереволюционные годы дали толчок новым археологическим исследованиям. Здесь прежде всего следует упомянуть труды крупнейшего советского археолога А. Н. Лявданского (1893—1941)[61], таланту и исключительной энергии которого белорусская наука обязана своим быстрым развитием. Переключившись с раскопок курганов на исследования поселений, ученый обследовал Смоленщину, почти все области БССР, входившие тогда в Советский Союз. Он открыл, что почти вся территория Белоруссии на рубеже нашей эры была заселена балтийским населением, оставившим городища со штрихованной керамикой, и наметил в общих чертах другие культуры, распространенные в Белоруссии в I тысячелетии н. э. Датировки памятников, предложенные А. Н. Лявданским, до настоящего времени почти не поколеблены. Группой археологов во главе с А. Н. Ляв-

[56] Романов Евдоким Романович (1855—1922) — крупнейший белорусский фольклорист, этнограф, археолог и краевед. Его научное наследие составляет 210 крупных и мелких работ, среди которых около трех десятков посвящено археологии Белоруссии (В. К. Бандарчык. Еўдакім Рамановіч Раманаў. Минск, 1961).

[57] К. Т. Аникиевич. Сеннинский уезд Могилевской губернии. Могилев, 1907; И. Горбачевский. О волоках великого водного пути из варяг в греки. «Вит. ГВ», 1894, № 72, 73. Есть отдельный оттиск (Витебск, 1894).

[58] Т. Сοподько, например, раскапывал курганы у дер. Мурава Игуменского у.; детально изучал их строение и впервые провел химический анализ костей человека (Tytus Sopodźko. Poszukowania archeologiczne w powiecie Ihumeńskim. Zbior wiadomości do antropologii Krajowej, t. XIII. Kraków, 1889, отд. I, стр. 58, 59).

[59] И. И. Долгов. Наш Край. «Вит. ГВ», 1898, № 113, 114; Он же. Прошлое и настоящее Белоруссии. «Вит. ГВ», 1897, № 19; А. К. Морель. О былом Полотска. «Вит. ГВ», 1892, № 83—85, 90; Он же. Монетный клад. «Вит. ГВ», 1893, № 56; Он же. Еще о находках монет в пределах Витебской губ. «Вит. ГВ», 1894, январь. О деятельности И. И. Долгова, как краеведа и археолога (раскапывал курганы у дер. М. Ситно и т. д.) см.: Д. Леонардов. Памяти действительного члена Витебской ученой архивной комиссии И. И. Долгова. «Полоцко-Витебская старина». Витебск, 1911, ч. II, стр. 1—13. В. П. Викентьев. Полоцкий кадетский корпус. Полоцк, 1910 (книга содержит, между прочим, сведения по древней топографии Полоцка).

[60] См. сведения о письмах с мест с предложениями составить археологическую карту местного края («Древности». ТМАО, т. X. М., 1894, протоколы, стр. 30; «Древности». ТМАО, т. XVI. М., 1900, протоколы, стр. 58 и др.).

[61] О А. Н. Лявданском см.: «А. Н. Лявданский». СА, 1964, № 1.

данским было выпущено довольно много книг по белорусской археологии, где основное внимание было уделено публикациям памятников. Первостепенное значение для науки эти труды сохранили и до наших дней[62].

В послевоенные годы (с 1945 г.) работы по археологическому изучению Белоруссии были возглавлены К. М. Поликарповичем. Древности территории Полоцкой земли изучались А. Г. Митрофановым (городища штрихованной керамики и западнодвинские городища), В. Р. Тарасенко (раскопки Минска в 1945—1951 гг.), Э. М. Загорульским (раскопки Минска, 1957—1961 гг.), М. К. Каргером и группой белорусских археологов (Г. В. Штыховым и др. в Полоцке), автором этой книги (Браслав — 1955—1956 гг., Друцк — 1957—1965 гг., Мстиславль — 1959—1964 гг.), В. Н. Кузнецовым (Витебский музей, небольшие исследования городища Жуково II Езерищанского р-на Витебской обл. в 1955 г.)[63].

Источники[64]

Письменные источники, созданные в собственно Полоцкой земле, до нас не дошли, мы можем лишь догадываться об их существовании, судя по отрывкам, сохранившимся в других древнерусских летописях, и по свидетельству В. Н. Татищева, державшего в руках Полоцкие летописи (об этом см. ниже).

Главным источником по истории Полотчины остается Киевско-новгородское летописание, представленное так называемой начальной летописью Нестора в двух последних редакциях «Повести временных лет», а также Ипатьевской и частично Новгородской первой летописями[65]. Некоторые оригинальные сведения сохранила и Лаврентьевская летопись, однако их здесь немного[66]. Естественно, что все сообщения перечисленных источников — неполны, отрывочны: летописцев Киева и Новгорода эпохи феодальной раздробленности мало интересовала окраинная Полоцкая земля.

Наш первый летописный свод «Повесть временных лет», написанный, как известно, Нестором около 1113 г. и отредактированный около 1116 и 1118 гг., содержит довольно много сообщений о Полоцкой земле. Ранние сведения ее особенно отрывочны и наименее достоверны. Они написаны, вероятно, по слухам и преданиям. Рука современника обнаруживается лишь в изложении событий XI в. (например, статья 1044 г., где летописец

[62] Среди них главнейшие: Працы, I—III, «Гістарычна-археолёгічны зборнік» (Менск, 1927), и др.

[63] Главнейшие работы белорусских археологов по Северной Белоруссии послевоенного периода. «Материалы по археологии БССР». Минск, 1957; Э. М. Загорульский. Древний Минск. Минск, 1963; Он же. Белорусская археология. Минск, 1965.

[64] Этот раздел здесь излагается лишь в общей форме, так как в главе VI проводится источниковедческий анализ отдельных летописных текстов.

[65] ПВЛ, т. I. М.—Л., 1950; ПСРЛ, т. II. М., 1962; Новг. 1. М., 1950.

[66] ПСРЛ, т. I. Л., 1927.

сообщает, что Всеслав носит «„язвено“ на голове и до сего дня». Как первоначально указывал К. Н. Бестужев-Рюмин, а позднее подробно разработал А. А. Шахматов[67], «Повесть временных лет» — памятник неодновременный, составленный, по крайней мере, четырьмя летописцами. Неоднородность эта прослеживается и в сообщениях о полоцких событиях. Сведения, занесенные в летописный свод 1073 г. шахматовской схемой летописания, написаны с явной симпатией к полоцкому князю Всеславу. Автор интересовался им, хорошо знал легенду о его рождении, о битве на Немиге (указаны даже месяц и число) и т. д. Сообщения о событиях, касающиеся Полоцкой земли после 1073 г., почти отсутствуют. Мы вообще ничего не знали бы о деятельности Всеслава Полоцкого в последней четверти XI в., если бы не «Поучение» Владимира Мономаха, составленное им в конце жизни (летописец, правда, дает нам точную дату смерти Всеслава, но сообщение это все же проскальзывает незаметным). Если первый летописец, Никон, был современником Всеслава и явно симпатизировал ему, выражая интересы и политические устремления Киево-Печерского монастыря в то время, то второй, вероятно Нестор, им не интересовался. Для него события 1067—1069 гг. были делами давно минувших дней, хотя, по-видимому, хорошо еще известными. Он ничего не говорит о столкновении Глеба Святославича (Новгородского) со Всеславом, о нападении последнего на Смоленск, о мести Мономаха, «ожегшего» Лукомль и Логожеск, и т. д. (обо все этом мы узнаем из «Поучения» Мономаха). Его волнуют другие события, те события, которые прошли перед ним в последнее десятилетие — начало XII в.

Ипатьевская летопись содержит наиболее полное количество сведений для XII в. по интересующему нас вопросу. Летопись в этих сведениях восходит к южным первоисточникам, среди которых одним из главных была, по предположению А. А. Шахматова, «Черниговская летопись, сочувствовавшая Ольговичам»[68], по М. Д. Приселкову, «Летописец Святослава Ольговича»[69]. Следует думать, что основная часть полоцких сведений взята составителем Ипатьевского свода именно оттуда, так как Ольговичи, как увидим, больше всего интересовались полоцкими событиями[70].

Новгородско-псковское летописание лишь изредка дает по интересующему нас вопросу оригинальные сведения главным образом о местных событиях. Так например, в «Повести временных лет» под 1021 г. мы чи-

[67] К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1869; А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; Он же. Повесть временных лет. Пг., 1916.

[68] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М., 1938, стр. 72.

[69] М. Д. Приселков. История русского летописания. Л., 1941, стр. 49.

[70] А. Соловьев. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». «Ист. зап.», № 25, 1948, стр. 81.

таем только сообщения, что полоцкий князь Брячислав разграбил Новгород, но был настигнут на Судомири реке[71], а в Софийской I летописи и в Воскресенской[72] сведение дополняется известием об условиях соглашения Брячислава с Ярославом Мудрым. Под 1065 г. в Псковской летописи читаем о походе Всеслава Полоцкого на Псков, о чем молчат все другие летописи[73]. Более подробные сведения находим в Новгородских и Псковских летописях и о походах Всеслава на Новгород в середине и во второй половине XI в.[74] Наконец, оригинальные сведения о Полоцкой земле находим в Новгородско-Псковском летописании в статьях, относящихся ко второй половине XII в.[75], и т. д. Все же следует отметить, что Новгородско-Псковское летописание, несмотря на соседство Новгорода и Пскова с Полоцком, основным источником по истории Полоцкой земли называть нельзя. Статьи, содержащиеся в Новгородско-Псковских летописях, лишь дополняют наши сведения, почерпнутые главным образом из Ипатьевской и повторяющей ее в этих статьях более поздней Воскресенской летописей, что, вероятно, объясняется извечной враждой названных городов с Полоцком.

Говоря об источниках, следует отметить и упомянутое уже «Поучение» Владимира Мономаха, попавшее в Лаврентьевский свод. Из него мы узнаем о походе Всеслава в 1076 г. на Смоленск, о борьбе его с новгородским Глебом, с Владимиром Мономахом и т. д.[76]

Наконец, значение источника приобретает для нас сообщение В. Н. Татищева[77], располагавшего, как известно, некоторыми документами, которые до нас не дошли. Сообщая оригинальные сведения о полоцких событиях, он писал в примечаниях, что «сис выписано из летописца Еропкина, который видно, что пополниван в Полоцке, ибо в нем много о Полоцких, Витебских и других литовских князьях писано, токмо я не имел времени

[71] ПВЛ, т. I, стр. 99; ПСРЛ, т. I, стр. 63; ПСРЛ, т. II, стр. 264; ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 134; ПСРЛ, т. VII, стр. 328.

[72] ПСРЛ. т. V. стр. 134; т. VII, стр. 328.

[73] ПСРЛ, т. V, стр. 8.

[74] Новг. 1, стр. 17; ПСРЛ, т. IV, стр. 176; т. V, стр. 8 (поход 1066 г.); Новг. 1, стр. 17; ПСРЛ, т. V, стр. 143; т. VII, стр. 337 (поход 1069 г.).

[75] Новг. 1, стр. 32; ПСРЛ, т. V, стр. 163; Новг. 1, стр. 33; ПСРЛ, т. IV, стр. 12, т. V, стр. 9.

[76] ПВЛ, т. I, стр. 159 и сл.

[77] Среди некоторых историков, еще со времен Н. М. Карамзина вплоть до наших дней (С. Л. Пештич), как известно, распространен скептический взгляд на сведения В. Н. Татищева, не совпадающие с русскими летописями. Однако подлинность их защищалась С. М. Соловьевым, К. Н. Бестужевым-Рюминым, И. Сениговым; к В. Н. Татищеву вполне серьезно относился А. А. Шахматов, а в наши дни его защищали М. Н. Тихомиров и Б. А. Рыбаков и др. Последние аргументированные возражения А. Г. Кузмина в полемике с С. Л. Пештичем заставляют со всем основанием относиться серьезно к труду нашего первого историка (см. А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание, М., 1965, стр. 33—43).

всего выписать, и потом его видеть не достал, слыша, что отдал списывать»[78]. Следовательно, если верить автору, в его руках находилась полоцкая летопись, о которой совершенно не сохранилось сведений. Сам В. Н. Татищев ссылается на эту летопись дважды[79]. Первый раз (под 1213 г.) он сообщает сведения о Галицкой Руси, упоминая, между прочим, Смоленск; второй раз (под 1217 г.) он на нескольких страницах описывает Полоцкие события[80]. Отметим еще одно сведение о полоцких князьях, которое помещено в исследовании В. Н. Татищева под 1021 г. и может быть отнесено к Еропкинскому списку (на что автор, правда, не указывает, может быть, из-за краткости сведений): «Владимир, князь великий, был с детьми своими в Смоленске для рассмотрения несогласий и усмирения Полоцких князей»[81]. Ничего подобного мы не находим в летописях. Это сообщение проливает некоторый свет на взаимоотношения полоцких князей с Мономахом в период между поражением Глеба под Минском и походом на них его сына в 1127 г. Встречаются и другие дополнения к событиям Полоцкой земли (об этом см. в гл. VI).

Второй категорией источников по истории Полоцкой земли домонгольского времени служат «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского[82] и некоторые грамоты. «Хроника Ливонии» включает погодную запись событий Ливонии между 1186—1225 гг. и написана в 1225 г. священником-миссионером Генрихом по происхождению, по-видимому, немцем, привезенным еще в шестнадцатилетнем возрасте (1203 г.) в Ливонию[83]. Из хроники становятся ясными взаимоотношения полоцкого князя с соседними прибалтийскими племенами в конце XII—начале XIII в. с немецким орденом и т. д. Многое мы узнаем и о владениях Полоцка в низовьях Западной Двины (о полоцких городах Герцике, Кукейносе и о их князьях). К сожалению, Генрих Латвийский не выходит за пределы Ливонских земель, и собственно полоцкие сведения в его хронике ничтожно малы.

Среди грамот прежде всего следует упомянуть Смоленские грамоты XIII в., характеризующие торговлю, осуществлявшуюся тогда по Западной Двине[84], в которых встречаются и упоминания полоцких городов — Полоцка (грамота 1229 г.) и Витебска (грамота 1229 г.).

[78] В. Н. Татищев. История Российская с древнейших времен, т. III. М., 1774. стр. 513, прим. 597.

[79] В. Н. Татищев. История Российская..., т. III, стр. 377, прим. 589; стр. 403—409, прим. 597 (в дальнейшем при ссылках на это издание указывается год).

[80] Первое сообщение находит некоторые аналогии в хронике М. Стрыйковского, что позволяет предполагать, что и в его руках как будто бы был список Полоцких летописей. Второе сообщение совершенно оригинально.

[81] В. Н. Татищев. История Российская..., т. II, 1963, стр. 134.

[82] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938.

[83] См. анализ этого памятника, принадлежащий С. А. Аннинскому (Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 21—23, 28 и сл.).

[84] «Смоленские грамоты XIII—XIV вв.» М., 1963.

Этническая история Северной Белоруссии в дославянский период

Вопрос об этнической принадлежности древнейшего населения Белоруссии занимал исследователей еще в дореволюционное время. И. П. Филевич, А. А. Кочубинский и Е. Ф. Карский, изучая белорусскую гидронимику, высказывали предположение, что первыми насельниками этой страны были балты (литва)[85]. Отмечалось наличие балтийских гидронимов в верховьях Оки (до устья р. Москвы) и Волги. В настоящее время, благодаря наблюдениям Х. А. Моора и В. В. Седова, топонимические карты лингвистов начинают находить соответствие в археологическом материале[86].

Современные данные археологии и топонимики показывают, что в эпоху раннего железа (до прихода славян) Восточную Европу населяло три крупных группы племен. Первая, ираноязычная, занимала Крымский полуостров, Кубань, Нижний Дон, Нижний Днепр и доходила на севере до водораздела Сейма, Десны и Оки[87]. Здесь она представлена лесостепным вариантом скифской культуры, носители которой, появившиеся впервые на этой территории в VI—V вв. до н. э., оставили памятники так называемой зольничной культуры[88]. Вторая, финно-угроязычная группа, охватывала все верхнее Поволжье, бассейн Средней и Нижней Оки, на западе доходила до оз. Эзель и оставила так называемую дьяковскую культуру[89]. Наконец, третья, балтоязычная, для нас наиболее важная, охватывала все верхнее Поднепровье (включая Киев), правобережье Сейма, верхнюю Оку и уходила на запад в Прибалтику, занимая территорию всей северной и центральной Белоруссии[90]. Балтийские племена достигли указанных границ, по-видимому, очень давно. Во всяком случае, территория распространения так называемой культуры боевых топоров днепров-

[85] И. П. Филевич. История древней Руси. Варшава, 1896, стр. 124, 134; А. А. Кочубинский. Территория доисторической Литвы. ЖМНП, 1897, № 1, стр. 60—94; Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I. Вильна, 1904, стр. 60—63.

[86] Х. А. Моора. О расселении балтийских племен. СА, 1958, № 2; В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. СА, 1961, № 2; Он же. О юго-западной группе восточнославянских племен. «Историко-археологический сборник». М., 1962; Он же. Дреговичи. СА, 1963, № 3; Он же. Курганы ятвягов. СА. 1964, № 4; Он же. Балто-иранский контакт в днепровском левобережье. СА, 1965, № 3.

[87] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; В. В. Седов. Балто-иранский контакт..., стр. 53, рис. 1.

[88] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, 104, 1961.

[89] Х. А. Моора. О расселении балтийских племен, стр. 24, рис. 4.

[90] Х. А. Моора, В. В. Седов. Балто-иранский контакт, стр. 54, рис. 2.

ского типа почти абсолютно [91] совпадает с территорией балтоязычных племен раннего железного века. Возможно, что предки балтийских племен проникли сюда уже в эпоху неолита (рис. 1) [92].

Археология выделяет сейчас, по меньшей мере, четыре племенные группы балтийских племен раннего железного века в Белоруссии: милоградскую (на юге), группу городищ штрихованной керамики (в центральной части страны), западнодвинскую (в среднем течении Западной Двины и севернее) и крайне близкую к ней смоленскую (на северо-востоке). Нас, естественно, интересуют три последние. Северная граница сплошного распространения городищ штрихованной керамики проходит от Орши на северо-запад к реке Усяж-Бук и далее по ней идет севернее Лепеля на Докшицы, Дуниловичи и Поставы. Здесь она круто поворачивает на север к Западной Двине и уходит в Прибалтику. Благодаря публикациям [93] эта группа белорусских городищ наиболее известна. Население жило патриархально-родовым строем в укрепленных местах, группировавшихся чаще по нескольку вместе (три-четыре городища). Каждое городище населяла одна родопатриархальная семья, а их группа составляла, по-видимому, род. Жители городищ занимались подсечным земледелием, скотоводством, также охотой и рыболовством. Использовались наземные столбовые постройки больших размеров, разделенные на несколько помещений. Печей не существовало, и жилища отапливались примитивными очагами, состоящими из подковообразно выложенных камней на глиняном поде. А. Г. Митрофанов выделил западный и восточный вариант этой культуры и определил, что она просуществовала с III в. до н. э. по III—IV вв. н. э. В витебском течении Западной Двины (выше Витебска), на верхнем Днепре (до Орши), а также в верховьях Сожа, Десны, Угры и даже частично на верхней Волге располагалась смоленская группа восточнобалтийских племен, оставившая городища с гладкостенной керамикой смоленского типа [94]. В соседстве с племенами-носителями культуры штрихованной керамики на севере, по Западной Двине и еще далее, бытовали племена

[91] Исключение составляет территория фатьяновской культуры вдоль течения Волги и нижнего течения Камы, где балтийские гидронимы неизвестны.

[92] Х. А. Моора. О расселении балтийских племен, стр. 12, рис. 2.

[93] А. Г. Митрофанов. К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа. Автореферат. Л., 1955, стр. 11, 12; А. Г. Митрофанов и В. Р. Тарасенко. Типы жилищ на территории БССР эпохи раннего железа и раннего средневековья. Вопросы этнографии Белоруссии. Минск, 1964; Э. М. Загорульский. Археология Белоруссии. Минск, 1965.

[94] П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и Зарубинецкая культура. СА, 1960, № 1; Е. А. Шмидт. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. IV. Смоленск, 1961, стр. 344—375; П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963.

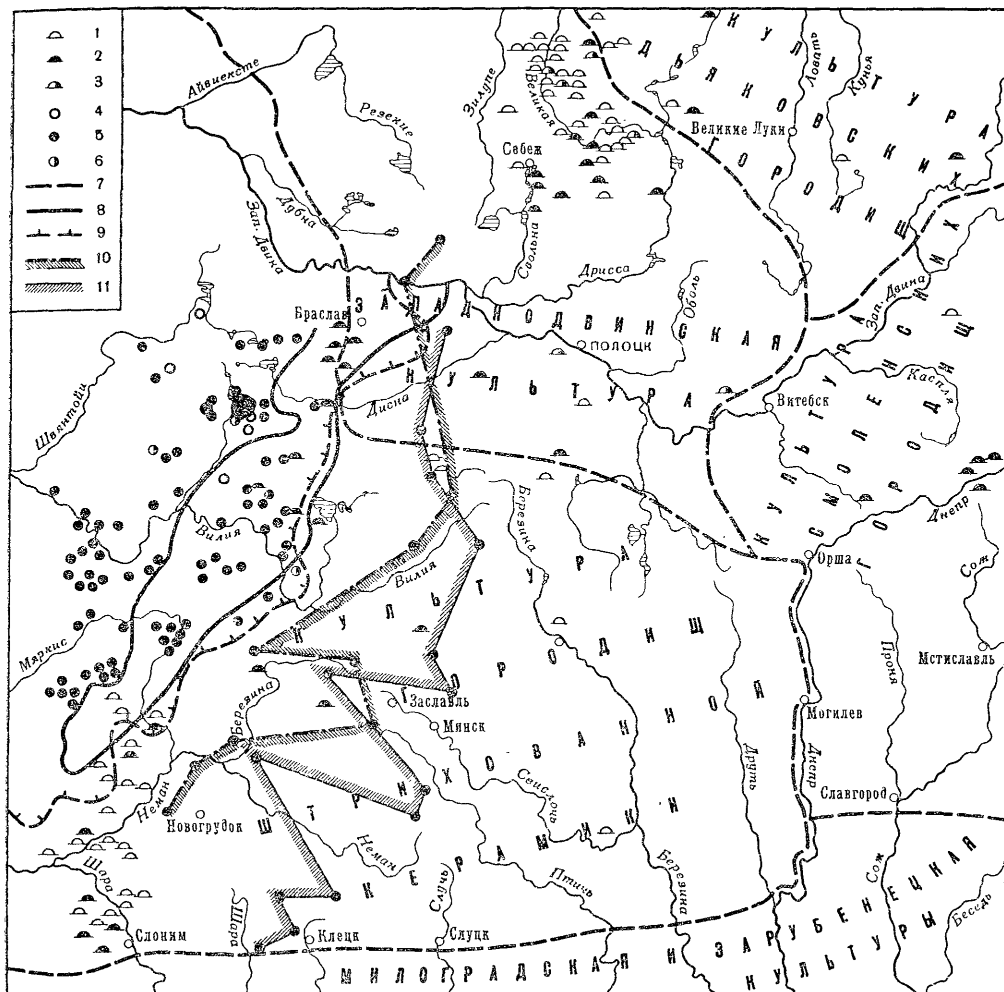


Рис. 1. Границы археологических культур в Белоруссии

1 — длинные курганы; *2* — удлиненные курганы; *3* — длинные и удлиненные курганы, встречающиеся в одной группе. Курганы восточнолитовского типа: *4* — с трупоположением; *5* — с трупосожжением; *6* — с трупоположением и трупосожжением вместе; *7* — границы культур; *8* — зона расселения белорусов-католиков, потомков обелорусенных литовцев (по М. Я. Гринблату); *9* — восточная граница топонимов с окончанием на «ишки»; *10* — западная граница кривичей по топонимам «кривичи»; *11* — восточная граница литовских племен по топонимам «литва»

так называемой западнодвинской культуры, этнически близкие племенам Смоленщины и распространенные, судя по исследованиям А. Г. Митрофанова, в окрестностях Полоцка (Ветринский, Миорский, Диснинский, Дриссенский, б. Освейский и другие районы; см. рис. 1). Для поселений этой культуры характерна особая гладкостепенная керамика, содержащая в тесте крупную дресву и имеющая бугристую поверхность. По форме преобладают баночные сосуды. Поверхность чаще не орнаментирована, но иногда встречается орнамент в виде наклонных линий, нанесенных вдавливанием неподвижной щепочки, либо в виде круглых отверстий по краю венчика сосуда[95]. Подобная посуда встречается и севернее, в ряде городищ б. Великолукской области[96]. В северо-восточной части Витебской области она найдена нами на городищах Жеребцы (рис. 3), Березно, Казиново[97]. Исследователями отмечалась близость этой культуры к культуре группы Смоленских городищ[98], а также к дьяковской, соседствующей с севера и принадлежавшей, как указано, древним финнам[99]. Последнее наблюдение прошло как-то мимо внимания археологов, однако этому есть топонимические подтверждения. Западногерманским лингвистом Кипарским установлено, что, кроме балтийской, в Белоруссии встречается и финнская топонимика, куда она заходит с севера вплоть до 55 параллели[100]. Параллель эта проходит южнее Постав, севернее Докшиц и Лепеля, т. е. почти полностью соответствует границе, разделяющей памятники западнодвинской культуры от памятников культуры штрихованной керамики. Следовательно, племена западнодвинской культуры находились под известным влиянием и, может быть, частично смешивались с их северными финноязычными соседями. К тому же, в Северо-Восточной Белоруссии обнаружено несколько городищ с дьяковской, так называемой текстильной, керамикой — Загорцы и Бураково, открытые А. Н. Лявданским и Мямли и обнаруженные мною (рис. 2)[101]. Сюда эти городища

[95] Л. В. Алексеев. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины. ТПЭ, I. М., 1959, стр. 275, 276, табл. VII.

[96] Ф. Д. Гуревич. Археологические памятники Великолукской области. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 98, рис. 39, *2*; С. А. Тараканова. Себежские городища и курганы. ТПЭ, I, стр. 124, табл. I; стр. 126, табл. III; Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, № 76, 1960, стр. 182, табл. XI, *1*, *2*, *3*, *4*; стр. 58, рис. 38, *2*.

[97] В. В. Седов. Балто-иранский контакт..., стр. 54, рис. 2, ср. Л. В. Алексеев. Археологические памятники..., стр. 278—280, табл. II, 4; III.

[98] П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, стр. 8, рис. 1 и др.

[99] А. Г. Митрофанов. К истории населения..., стр. 10.

[100] Из выступления Кипарского (ФРГ) по докладу П. Н. Третьякова на IV международном съезде славистов в Москве 1958 г. (см. протоколы заседаний).

[101] А. Н. Ляўданскі і К. М. Палікарповіч. Археолёгічныя досьледы ў БССР ў 1933—1934 гг. «Запіскі БАН», кн. 5. Менск, 1936; Л. В. Алексеев. Археологические памятники..., стр. 281.

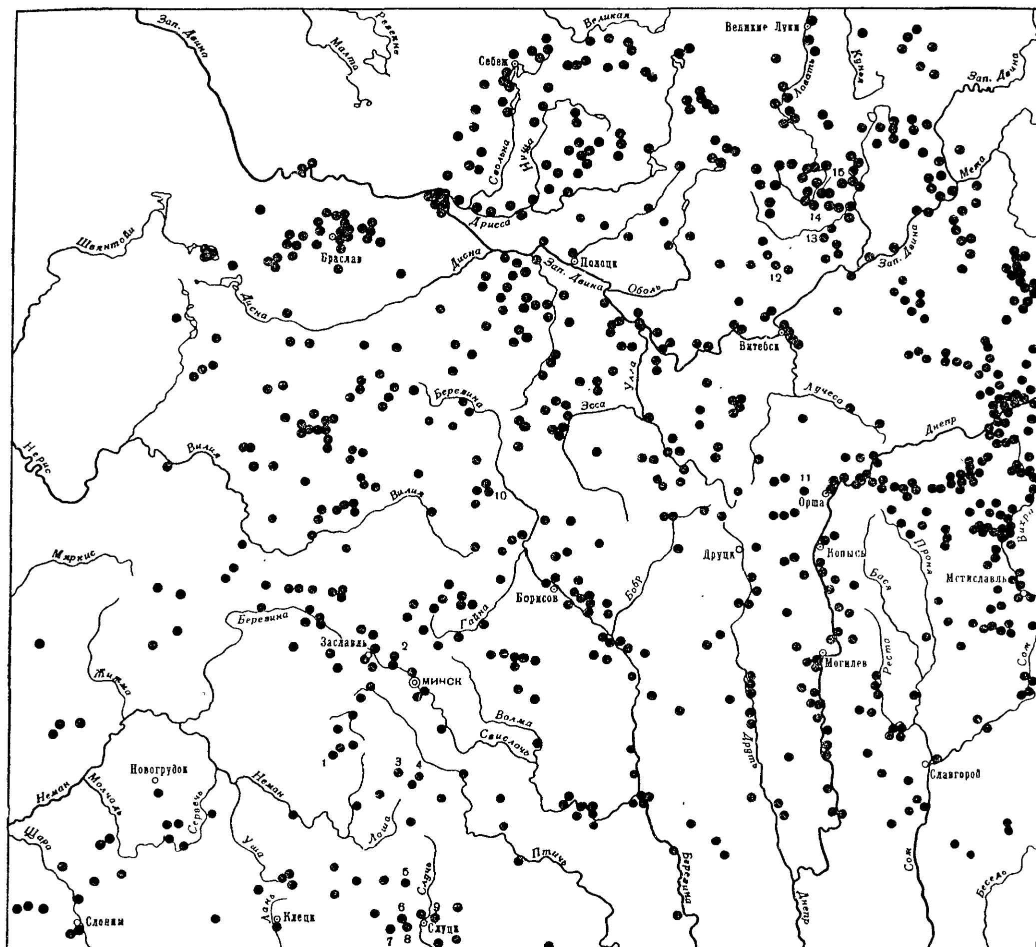


Рис. 2. Дославянские поселения Северной Белоруссии и неизвестные городища

Памятники, упоминаемые в тексте. *Междуречье Немана, Случи, Птичи и Свислочи:* *1* — Ст. Рудица; *2* — Банцеровщина; *3* — Городище; *4* — Теплень; *5* — Грэск; *6* — Ивань; *7* — Селище; *8* — Ивань; *9* — Падеры. *Верховья Березины:* *10* — Дедиловичи (Замкова гора). *К западу от Орши:* *11* — Кисели-Дымокуры; *Правобережье Западной Двины:* *12* — Бураково (Бураки); *13* — Мямли. *Верховья Ловати:* *14* — Загорцы; *15* — Жеребцы

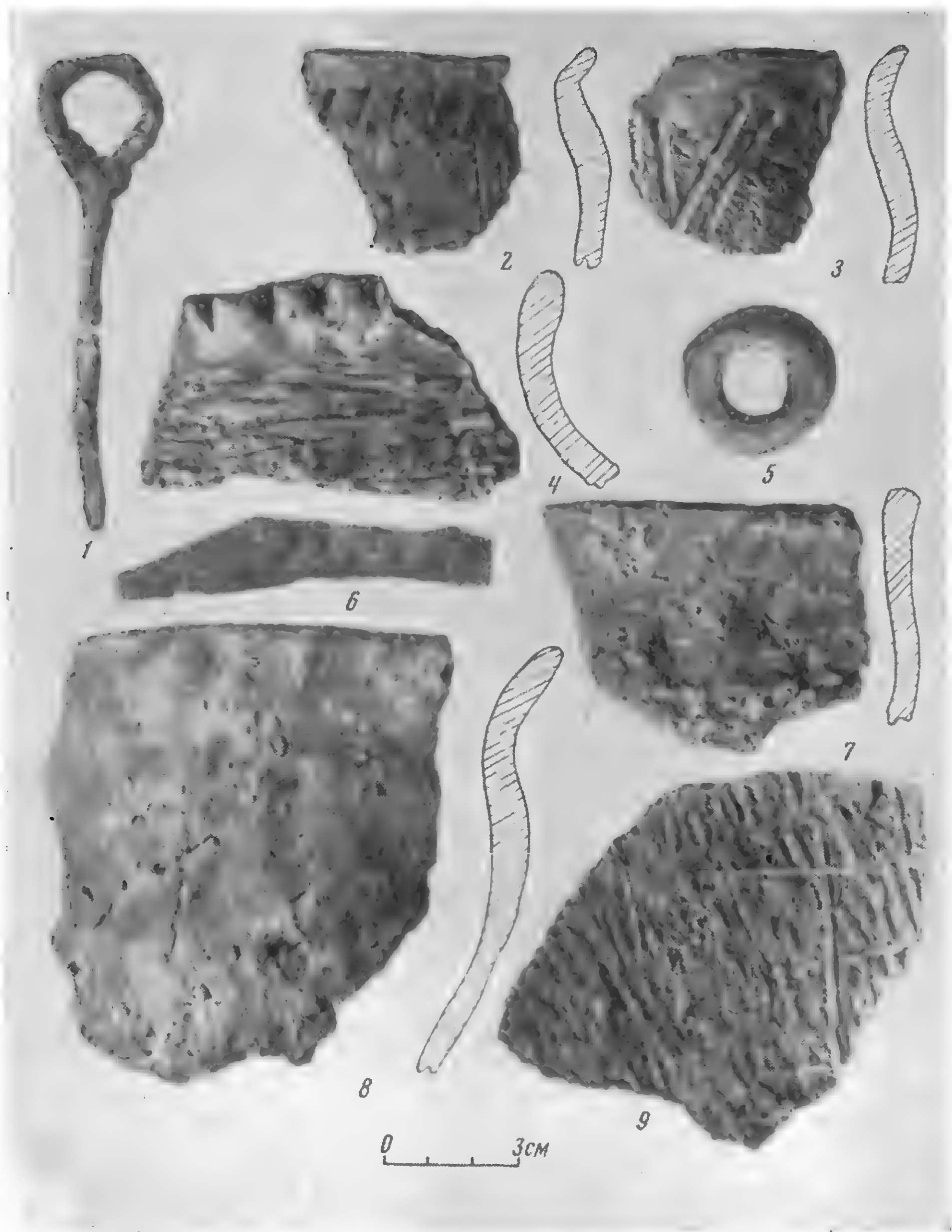


Рис. 3. Вещи с городища Жеребцы

1 — булавка с эсовидным завитком; *2—4, 7- 9* — керамика; *5* — глиняное пряслице; *6* — нож

заходят, очевидно, из междуречья рек Великой и Ловати, Ловати и Западной Двины, где они известны по работам Л. Ю. Лазаревича-Шепелевича и Я. В. Станкевич [102].

В конце I тысячелетия до н. э. в пределы Северной Украины и Южной Белоруссии хлынула волна новых племен, оставивших зарубинецкую культуру [103]. Этническая принадлежность их еще не ясна, но относить их к славянам, как делают некоторые исследователи, усматривая черты сходства ее с пшеворской культурой междуречья Вислы и Одера [104], по-видимому, преждевременно, так как связующие звенья с достоверно славянскими племенами более позднего времени VIII—IX вв., как известно, отсутствуют [105]. Почти полностью обходя территорию городищ штрихованной керамики, племена эти в дальнейшем (I—V вв.) продвинулись на верхний и средний Днепр, Десну, нижний Сейм, Сож, подойдя, тем самым, вплотную к междуречью Днепра и Оки и ассимилировав аборигенов. Трудно еще сказать при современной изученности вопроса, как далеко проникли собственно зарубинецкие племена, а где лишь прощупывается их влияние. Северную же Белоруссию зарубинецкая колонизация почти не коснулась. Затронутой ею оказались лишь южная часть междуречья Днепра и Березины и правобережье Днепра, от Смоленска до Орши.

Вторая волна чужеземных племен вторглась в современную Белоруссию в IV—V вв. н. э. и коснулась лишь ее западных окраин, где на смену племенам — носителям культуры штрихованной керамики в IV—V вв. пришло население, погребавшее в курганах так называемого восточнолитовского типа. Кто были эти новые пришельцы и в каких отношениях они находились с аборигенами, еще не ясно. Древнейшие восточнолитовские курганы содержат трупоположение, в более позднее время под влиянием соприкосновения со славянами, обряд меняется: переходят к трупосожжению, которое и продержалось до XIII в. Восточнолитовские курганы охватили территорию на севере и западе, ограниченную реками Швентойей и Неманом, на юге — р. Меркис, а на востоке доходили до оз. Свирь [106] и принадлежали неизвестному пока, но, очевидно, пришлому литовскому населению. Такова была картина расселения племен в Северной Белоруссии до прихода туда славян в середине I тыс. н. э.

[102] Л. Ю. Лазаревич-Шепелевич. Извлечение из отчета о раскопках, произведенных в 1901 г. в Витебской губернии. ИАК, вып. 6. СПб., 1904, стр. 2; Я. В. Станкевич. К истории верхнего Подвинья..., стр. 18.

[103] «Памятники Зарубинецкой культуры». МИА, вып. 70, 1959.

[104] Там же. Введение.

[105] И. И. Ляпушкин. Некоторые вопросы из предыстории славян. КСИА, вып. 100, 1965, стр. 117.

[106] А. З. Таутавичус. Восточнолитовские курганы. ТПЭ, т. I. М., 1959, стр. 128—153; Ф. Д. Гуревич. Этнический состав населения Верхнего Понеманья по археологическим данным второй половины I тысячелетия н. э. «Исследование по археологии СССР». Л., 1961, стр. 174—181.

1

Славянские племена Северной Белоруссии

Появление славянских племен в Северной Белоруссии

Археологические памятники Белоруссии середины I тысячелетия н. э. в настоящее время изучены еще недостаточно. Дело в том, что в этот период на смену родовой организации приходит организация по территориальному признаку. Забрасывая прежние укрепленные городища, население переходит на открытые селища, отыскание остатков которых представляет, как известно, значительные трудности. Лишь в редких случаях поселки нового типа остаются на прежних укрепленных местах и могут служить ценнейшим объектом археологического изучения (Колочин, Банцеровщина, Дымокуры и др.).

Археологические памятники Белоруссии в середине I тысячелетия н. э.

На обширной территории от Эльбы до верховьев Оки поселения этого времени характеризуются особым типом узких и сравнительно высоких лепных сосудов, в очень общей форме распадающихся на две разновидности. Одна, сравнительно менее вытянутая, была распространена от Эльбы до правобережья Днепра (в междуречье Припяти и Тетерева) и носит наименование «керамики пражского типа» (или типа «корчак»)[1]. Другая — включает сосуды значительно более вытянутые, малопрофилированные и охватывает зону Центральной Белоруссии: городища Банцеров-

[1] Ю. В. Кухаренко. О памятниках раннеславянского времени на Полесье УССР. КСИА АН УССР, вып. 4. 1955, стр. 48; Он же. Памятники пражского типа на территории Приднепровья. «Slavia antikva», VII, 1960, стр. 111—124.

щину под Минском (см. рис. 2), Кисели-Дымокуры под Оршей (рис. 4), Дедиловичи (так называемая Замкова гора) в Борисовском районе (рис. 2) (раскопки А. Г. Митрофанова) и другие; также в Латвии (Кентескалнс)[2]. Известна она в верхнем течении Западной Двины, селище Жабино (см. рис. 2)[3], на Смоленщине (верхний слой городища Тушемли)[4] и Гомельщине (Колочин)[5]. Однако в Южной Белоруссии Колочин уникален (население, оставившее здесь верхний слой, по признанию автора раскопок, было инородным — завоевателями, захватившими зарубинецкий поселок[6]) и все левобережье Припяти и правобережье Днепра, таким образом, выпадает из описанной территории.

Большинство исследователей относит керамику пражского типа к славянам и пытается проследить ее связи с предшествующей зарубинецкой культурой или с последующей роменско-боршевской[7]. Существует также мнение, что область распространений корчакской керамики соответствует территории древнего племенного союза дулебов VI—VII вв.[8]

Меньше изучены памятники, расположенные севернее, для которых характерны вытянутые типы сосудов. Белорусские археологи 30-х годов считали их принадлежащими к дославянскому времени[9]. А. Я. Стубавс относит близкой формы сосуд из городища Кентескалнс к типично прибалтийским и указывает, что подобные делались в Латвии на месте[10]. Обнаружив близкую керамику в верховьях Западной Двины, Я. В. Станкевич указала на ее сходство, с одной стороны, с сосудами этого же времени городища Кентескалнс, с другой, с горшками из верхнего слоя городища Банцеровщины[11]. В этой же керамике Банцеровщины П. Н. Третьяков видит аналогии керамике верхнего слоя городища Тушемля в Смоленщине и отмечает при этом, что смоленские городища всей второй половины I тысячелетия н. э. «не встречают себе аналогии ни среди Волго-Окских городищ,

[2] А. Я. Стубавс. Раскопки городища Кентескалнс в 1954—1956 гг. ТПЭ, I, 1959, стр. 207, табл. VII, 1.

[3] Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Подвинья. МИА, № 76, 1960, стр. 15, рис. 72, 73.

[4] П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 69, рис. 29, *1—6*.

[5] Э. А. Сымонович. Городище Колочин I. МИА, № 108, 1963, стр. 119, рис. 17.

[6] Там же, стр. 135.

[7] Библиографию см. в указанной работе Э. А. Сымоновича, стр. 136, прим. 42.

[8] В. В. Седов. О юго-западной группе восточнославянских племен. «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 197—203.

[9] См. работы А. Н. Лявданского и др. в «Працы», II (Менск, 1930).

[10] А. Я. Стубавс. Раскопки городища Кентескалнс..., стр. 207. Форма высоких вытянутых сосудов с валиком неподалеку от горла, по-видимому, в Латвии традиционна. Она встречается, например, среди так называемой защипной керамики первой половины I тысячелетия н. э. на городище Асоте (Э. Д. Шноре. Асотское городище. МИАЛ. 2. Рига, 1961, стр. 113, табл. XVI, *3*).

[11] Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Подвинья, стр. 126.

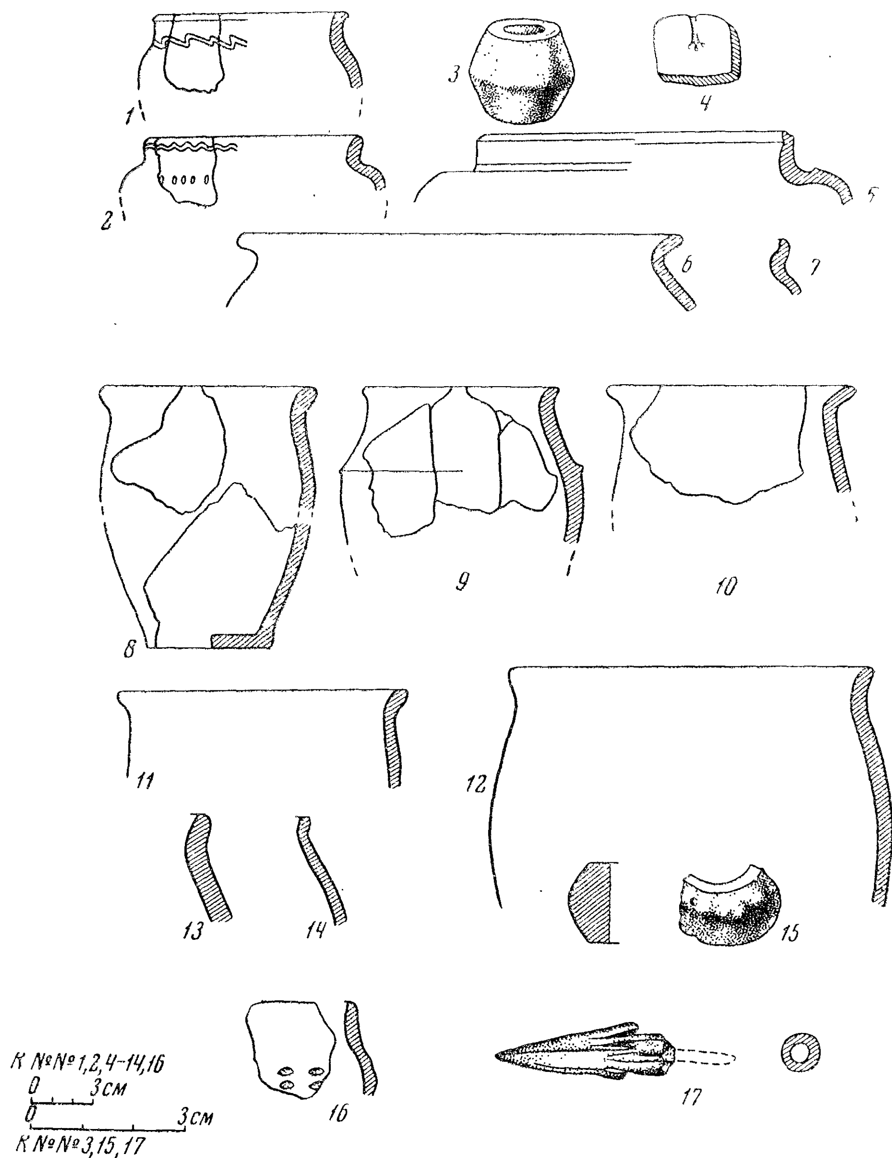


Рис. 4. Вещи с городища Кисели-Дымокуры Оршанского р-на

1, 2, 5—14, 16 — керамика; *3* — шиферное пряслице; *4* — лигейная форма; *15* — глиняное пряслице; *17* — костяная стрела. *1—7* — верхний слой; *8—15* — средний слой; *16, 17* — нижний слой (по материалам Л. А. Михайловского и автора)

принадлежавших древним финно-угорским племенам, ни среди славянских древностей Поднепровья. Единственной категорией памятников, с которой можно сравнивать городища-убежища типа Тушемли, продолжает он далее, это древние городища-пилькальнисы Литовской, Латвийской и отчасти Белорусской ССР, принадлежавшие балтийским летто-литовским племенам»[12]. Просматривая литературу, можно убедиться, что в середине I тысячелетия в междуречье Волги и Оки, на Верхней и Нижней Оке и на Десне характерны совершенно иные формы керамики, вовсе не похожие на описанные удлиненные; форма сосудов, да и сами памятники этого времени здесь носят иной характер[13], что свидетельствует, по-видимому, об ином населении этих мест.

Итак, перед нами довольно обширная территория, охватывающая Северную и Центральную Белоруссию, также верхнее течение Западной Двины и Смоленщину, занятая в середине и во второй половине I тысячелетия н. э. однородной культурой с явными признаками прибалтийских черт (общий характер городищ, некоторые черты керамики и т. д.) и некоторым сходством со славянскими памятниками (известная близость формы керамики с типами «корчак» и т. д.). Учитывая, что вся эта территория, занятая в предшествующее время городищами со штрихованной и гладкостенной керамикой, представляла зону балтийской гидронимики и принадлежала, очевидно, балтийским племенам, остается заключить, что новый этап в жизни распространенного здесь населения, по-видимому, следует связывать со славянской колонизацией этих мест, что дало новую, в общих чертах сходную культуру, локальные особенности которой до сих пор остаются почти неизвестными.

Вопрос о характере проникновения славянских племен в Белоруссию и Смоленщину

Вопрос о характере проникновения славянских племен на территорию восточных балтов, как и вопрос о судьбах последних, в науке еще не поставлен из-за малой изученности археологических памятников.

Балтийские гидронимы, выявленные первоначально на территории Восточной Европы Фасмером и К. Бугой[14],

[12] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 29.

[13] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, стр. 62—94 и рис. 74, 86; Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, стр. 37—57, рис. 16, 18; А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 73, рис. 32; Л. В. Артишевская. Могильник раннеславянского времени на р. Десне. МИА, № 108, 1963, стр. 90, рис. 3; А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, № 1, стр. 58, рис. 2, стр. 64, рис. 7; П. Н. Третьяков. О древностях середины и третьей четверти I тысячелетия в южных частях Верхнего Поднепровья. СА, 1965, № 4.

[14] K. Buga. Die Vorgeschichte der Aistischen (Baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung. Streitberg Festgabe, Leipzig, 1924, стр. 23—35.

а теперь изученные Топоровым и Трубачовым[15], показывают, что эти наименования, распространенные от Прибалтики до Оки, дошли до нас только потому, что были восприняты славянами от аборигенов, что могло иметь место лишь при длительном соседстве тех и других на одной территории. Кроме того, территория балтийских племен, четко очерчиваемая археологическими памятниками — городищами со штрихованной керамикой, почти полностью повторяется в ареалах распространения определенного антропологического типа, судя по исследованиям курганных черепов и современного населения этих мест[16]. Это же подтверждает и белорусская диалектология. Два основных диалектных массива белорусского языка — с твердым «р» и «аканьем» (сильным и умеренным) почти полностью соответствуют территории распространения городищ штрихованной керамики, несмотря на разделяющие их две тысячи лет[17]. Дополнительный материал дает новейшее картографирование белорусских диалектов[18]. Некоторые границы, разделяющие различные диалектальные явления, повторяют племенные границы раннего железного века. Так, поморская культура, например, распространенная в III—I вв. до н. э. в Польше и открытая недавно в Юго-Западной Белоруссии к западу от Верхней Горыни и Пинска[19], с северной границей по р. Ясельде, отчетливо прослеживается в границах распространения определенных диалектов (карты — № 34, 35, 55 указанного атласа см. сноску 18 и другие). Интересующая нас территория городищ со штрихованной керамикой в целом, по-видимому, соответствует районам распространения глаголов с основой на «г», «к» и др. (карты № 178, 179, также № 42 и т. д.). Отдельные границы племен неоднократно повторяются (в однообразных вариантах) при картографировании других диалектных явлений (южная — см. карты № 87, 139, северная — 148, 149, восточная — № 42 и т. д.). Все эти совпадения современных данных с данными археологии показывают, что древнее балтийское население не было уничтожено и не спасалось бегством, а постепенно, может быть, первоначально далеко не мирно, как это принято предполагать, было ассимилировано славянами. В последнем убеждает и наблюдение П. Н. Третьякова о том, что городища Смоленщины (т. е. той территории восточнобалтийских племен, на которую первона-

[15] В. Н. Топоров и О. Н. Трубачов. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М., 1962.

[16] В. В. Седов. Славянские курганные черепа верхнего Поднепровья. СЭ, 1954, № 3; В. В. Бунак. Антропологические исследования в Южной Белоруссии. Антропологический сборник. М., 1956, стр. 21.

[17] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I. Варшава, 1903, карта говоров.

[18] «Дыялекталагiчны атлас беларускай мовы». Минск, 1963.

[19] В. Б. Никитина. Вновь открытые памятники Поморской культуры. КСИА, вып. 102. М., 1964, стр. 47. Она же. Помнiкi паморскай культуры на тэрыторыi БССР. «Весцi АН БССР». Серыя грамадскiх навук, вып. 2. Мiнск, 1964, стр. 76.

чально проникли славяне) в третьей четверти I тысячелетия н. э. (т. е. именно тогда, когда началась славянская колонизация) были необычайно укреплены «многочисленными валами, рвами и искусственно обработанными склонами»[20]. В постоянном взаимодействии местные и славянские черты постепенно модифицировались и дали, наконец, на территории ассимиляции те оригинальные признаки в современной антропологии, диалектологии и, может быть, даже в фольклоре, которые мы считаем сейчас присущими белорусам. Таким образом, процесс ассимиляции древними славянами восточных балтов можно считать одним из важнейших при изучении образования белорусской народности. Его всестороннее исследование стоит на очереди дня. Какие же археологические памятники следует связывать с проникновением в Белоруссию славян?

Период VII—IX вв. в Смоленщине, Псковщине, в Северной Белоруссии, также на верхнем Немане и в ряде других мест связан, как известно, с распространением особого типа памятников — «длинных курганов». Картографирование их в пределах Белоруссии показывает, что они распространены здесь либо на севере, где за прежнюю границу городищ со штрихованной керамикой почти не заходят, либо в верхнем Понеманьи. Территория же верховьев неманской Березины, Сервеча, озер Свирь, Мядель, верховьев Дисны и Браславских озер занята (в противоположность утверждению Ф. Д. Гуревич)[21] только удлиненными курганами. В Белоруссии длинные курганы почти не раскапывались, а судить о них по раскопкам удлиненных, как это делает В. В. Седов, не правомерно[22]. Приходится довольствоваться пока лишь самыми общими представлениями о памятниках этого вида и об оставившем их населении.

Этническая принадлежность населения, оставившего длинные курганы, казалась еще во времена А. А. Спицына спорной, и сам этот исследователь в конце жизни стал склоняться к мысли о принадлежности их литовцам[23]. Дело в том, что территория распространения этих курганов значительно шире летописной территории кривичей (верховья Волги, Двины и Днепра), а их инвентарь далеко не чисто славянский. Количество сторонников литовской принадлежности этих курганов увеличилось после систематических раскопок их в Смоленщине, во время которых был обнаружен многочисленный балтийский материал (гривны, спиральки, цепочки, характерные подвески и т. д., а также керамика внешне близкая роменско-боршевской, а в действительности идентичная керамике курганных трупо-

[20] П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 10.

[21] Ф. Д. Гуревич. О длинных и удлиненных курганах. КСИИМК, вып. 72, 1958, стр. 54—59, 65. На карте, приведенной в этой работе, длинные и удлиненные курганы не расчленены.

[22] В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, № 1, стр. 59.

[23] Подробнее о взглядах А. А. Спицына см.: Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья, стр. 186 и сл.

сожжений Литвы, правда, несколько более поздних)[24]. Однако балтийские вещи дают в основном только смоленские памятники, а в псковских длинных курганах, которые по географическому положению ближе к Прибалтике и к тому же древнее Смоленских, их нет. Итак, как это уже показал В. В. Седов[25], племена, оставившие длинные курганы, расселившиеся в Смоленщину и, вероятно, в северную Полотчину (где курганы очень похожи на смоленские по внешнему виду) из Псковщины, первоначально балтийскими вещами не пользовались и восприняли их от балтийских аборигенов только на Смоленщине, по-видимому, при ассимиляции этих племен. Если это были действительно славяне и именно кривичи, то как они проникли на Псковщину первоначально? Ф. Д. Гуревич впервые обратила внимание на изобилие длинных курганов в Понеманьи[26]. Руководствуясь наблюдением о распространении там курганных насыпей длиною до 80 м (что в Псковщине служит признаком наибольшей древности этого вида памятников) и используя утверждение А. Г. Митрофанова о гибели некоторых городищ штрихованной керамики западных областей БССР в результате пожара, а также учитывая, что ранних длинных курганов в Смоленщине нет, В. В. Седов высказал предположение, что длинные курганы Понеманья являются промежуточным звеном в продвижении кривичских племен на Псковщину через западные области Белоруссии. Исходной территорией их движения исследователь называет Польшу, где изредка якобы встречаются длинные курганы[27]. Действительно, на пути предполагаемого В. В. Седовым движения кривичей на север, казалось бы, повсеместно должны встречаться и кривичские топонимы (см. рис. 1). Однако движение кривичей из Польши польским археологам кажется сомнительным, так как длинные курганы там почти неизвестны[28]. Оставим в стороне вопрос о путях проникновения кривичей на Псковщину до раскопок длинных курганов на верхнем Немане и выскажем следующее предположение. Мы полагаем, что длинные курганы Псковщины действительно оставлены кривичами, которые позднее расселились в Полотчину и в Смоленщину, где и ассимилировали аборигенное балтийское население, восприняв от них многие (вероятно) предметы материальной культуры, часть которых попала в погребения. Окончательное разложение родопатриархальных отношений и изменения в структуре общества и, в частности семьи, привели к появлению нового вида памятников погребений, к так называемым круглым (или, точнее, к полусферическим) курганам.

[24] Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. «Материалы по изучению Смоленской области», т. V. Смоленск, 1963, стр. 112—113.

[25] В. В. Седов. Кривичи.

[26] Ф. Д. Гуревич. О длинных и удлиненных курганах.

[27] В. В. Седов. Кривичи, стр. 56 и сл.

[28] См. рецензию Кристины Мусианович на статью В. В. Седова «Кривичи» в «Rocznik Bialostocki» (III. Bialystok, 1962, стр. 465, 466).

Археологические памятники Полоцкой земли конца I — начала II тысячелетия н. э.

Обряд трупосожжения в круглых курганах Северной Белоруссии (в Полоцкой земле) встречается в трех разновидностях: курганы с остатками кремации в насыпи, на горизонте и в яме.

Круглые курганы в Северной Белоруссии

Курганы с трупосожжением на горизонте наиболее распространены и известны на всей территории Полоцкой земли. Такой же обряд распространен среди большей части и литовских курганов западных областей БССР и восточных Литовской ССР. Здесь трупосожжение совершается всегда на стороне, и часть его располагается в основании курганов, либо в центре их, иногда обложенная оградой из камней (курган № 9 в Желядах, № 11 в Черной Луже, № 1 и 12 — в Рацком бору, см. рис. 5[29] в раскопках Ф. В. Покровского), либо без такой обкладки (чаще). Находки, с одной стороны, арбалетных фибул, пинцетов, умбонов от щитов, В-образных пряжек и узколезвийных топоров, а с другой—сакт (пряжек) с расширяющимися концами, широколезвийных топоров, типа известных по русским курганам, сравнительно позднего втульчатого наконечника копья с ромбическим рожном показывают, что этот обряд просуществовал в литовских курганах с середины I тысячелетия до начала II тысячелетия н. э. Вещи этих курганов (особенно в начале второй половины I тысячелетия н. э.) крайне близки находкам в восточнолитовских курганах IV—V вв. н. э. с трупоположением[30]. Изменение инвентаря в поздних, восточнолитовских курганах с кремацией, по-видимому, следует объяснить влиянием Руси. С этим же влиянием, очевидно, следует связывать и появление в некоторых курганных группах курганов удлиненных (или, точнее, овальных) форм. Такие курганы встречаются, например, возле Браслава[31].

Отличительная особенность курганов с трупосожжением, расположенных восточнее описанных (Рудня, Бельчицы — под Полоцком; Поречье — у истоков Березины; Старое Село под Витебском и др.), — это сожжение на месте и лишь изредка на стороне. Погребение здесь состоит либо из горшка-урны, наполненной прахом, либо из кучки костей, внутрь которой вставлен горшок (Рудня, курган № 3, 5, 6, 9, 11); Бельчицы (курган № 1); Старое Село (курган № 6), Казимирово (Суражский у.), по-видимому, Черцы (Лепельского у. Курган № 1, 2). Гончарные горшки редки и встречаются вместе с лепными (Уречье, Поддубники, Черневичи, Поречье,

[29] Все курганы, поименованные в этой книге, далее помещены на карте. К ней каждый раз и надлежит обращаться.

[30] А. З. Таутавичус. Восточнолитовские курганы. ТПЭ, т. I. М., 1959.

[31] Ф. Д. Гуревич. О длинных и удлиненных курганах, стр. 54—65.

Рудня-Бездедовичи и Бельчицы, Лятохи (к югу от Витебска), по-видимому, Черцы)[32].

Курганы с трупосожжением в насыпи, столь характерные для древностей радимичей, встречаются в большом количестве в Полоцкой земле, но, правда, в довольно определенном районе. Они начинаются на границе земли в районе Себежа (оз. Глубокое и т. д.)[33] и тянутся полосой с северо-запада на юго-восток вдоль верхнего течения Березины. Такие захоронения известны к западу (Горовые) и юго-западу (Рудня-Бездедовичи) от Полоцка, в верховьях Березины (Точилище, Большой Стахов, Оздятичи, Прибар, Большая Ольса)[34]. Подобные погребения встречены, по-видимому, на р. Бобр[35] у дер. Грязивец под Оршей[36], под Друцком (дер. Синчуки)[37]. В среднем течении Березины, судя по исследованиям Г. Ф. Соловьевой, располагается группа курганов с кремацией в основании кургана. Здесь лишь однажды был встречен курган с трупосожжением на стороне (Большая Ольса). Таким образом, территория данного обряда распространена в Северной Белоруссии по диагонали от Полоцка (и Себежа) до средней Березины.

Что представляет собой этот вид погребения? У деревень Рудня, Бездедовичи большинство курганов с кремацией в насыпи либо овальной, либо четырехугольной формы с кострищем на горизонте и с остатками кремированного покойника — в лепных урнах в насыпи (курганы № 4, 7, 8, 10, 14 в раскопках А. Н. Лявданского). Такие курганы встретил здесь, как указывалось, их первый исследователь К. А. Говорский и А. М. Сементовский. Подобный обряд обнаружен и к западу от Полоцка у дер. Горовые, где в кургане четырехугольном в плане, с кострищем на горизонте,

[32] Е. и В. Голубович. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР. КСИИМК, вып. XI, 1945; А. К. Супінскі. Магільнік каля вёскі Лятох, Віцебскага райену й акругі. Сб. «Віцебшчына», т. I. Віцебск, 1925; А. М. Сементовский. Белорусские древности. СПб., 1890, стр. 22.

[33] С. А. Тараканова. Себежские городища и курганы. ТПЭ, т. I, 1959, стр. 118, 119.

[34] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Полацкаі акрузе. Працы, II, стр. 173—176; К. А. Говорский. Поездка из Полоцка по направлению так называемой Ольгердовой дороги. ЗРАО, т. V. СПб., 1853. Перечень заседаний. Приложение, стр. 90—92; А. М. Сементовский. О раскопках 1883 года. «Виленский Вестник», 1884, № 73; о раскопках 1887 года см. его книгу: «Белорусские древности». СПб., 1890, стр. 20, 21; А. Н. Ляуданскі. Раскопкі і археолёгічныя разьведкі ў Барысаўскім павеце. Навукові зборнік інституту Беларускае Культуры. Менск, 1925; «Хроника». Працы, III. Менск, 1932, стр. 231, 234, 235; В. Завитневич. Археологические разыскания в бассейне реки Березины. ОАК, 1892, стр. 135 и сл.

[35] К. П. Тышкевич. О курганах в Литве и Руси. Вильно. 1865.

[36] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе. Працы, II, стр. 101—103.

[37] Г. Ф. Соловьева. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. СА, XXV, 1956.

Рис. 5. Поселения и погребения раннефеодального времени в Северной Белоруссии

а — курганы; *б* — поселения; *в* — бескурганные могильники; *г* — современные города; *д* — остатки древних дорог; *е* — остатки древних колодцев; *ж* — границы бассейнов рек. Памятники, упоминаемые в тексте: *Бассейн р. Ловати: 1* — Еменец; *2* — Буцнево; *3* — Межно. *Бассейн Западной Двины, правый берег: 1* — Придруйск; *2* — Грудинино; *3* — Горовые; *4* — Полоцк; *5* — Минтурово; *6* — Струнь; *7* — Сморыги; *8* — Домники; *9* — Заборье; *10* — Жуковичи; *11* — Получье; *12* — Малое Ситно; *13* — Стряслицы; *14* — Авдеево; *15* — Белохвостово; *16* — Селище; *17* — Заречье; *18* — Осмот; *19* — Смольки; *20* — Боровая; *21* — Герасимово; *22* — Круглики; *23* — Горбуны; *24* — Каховка; *25* — Старое Село; *26* — Усвят. *Левый берег: 1* — Рымшаны; *2* — Рацкий бор; *3* — Машули; *4* — Браслав; *5* — Уречье; *6* — Череневичи; *7* — Поддубники; *8* — Рудня; *9* — Глинище; *10* — Экимания; *11* — Бельчицы; *12* — Кисево; *13* — Шо; *14* — Осетище; *15* — Путилковичи; *16* — Августово; *17* — Пышно; *18* — Матюшина стена; *19* — Грошовка; *20* — Глыбочино; *21* — Княгинки; *22* — Черцы; *23* — Неколочь; *24* — Кубличи; *25* — Закурье; *26* — Лукомль; *27* — Овсянники; *28* — Вядец; *29* — Богдановское озеро; *30* — Рясно; *31* — Переволочня; *32* — Ходцы; *33* — Березшево; *34* — Лятохи; *35* — Рыбаки; *36* — Синяки; *37* — Яновичи; *38* — Казимирово; *39* — Ковали. *Бассейн Немана: 1* — Будраны; *2* — Желядь; *3* — Черная лужа; *4* — Навры; *5* — Платово; *6* — Дзержинск (Койданово); *7* — Каменка; *8* — Кривичи; *9* — Радошковичи. *Бассейн Березины: 1* — Поречье; *2* — Рожно-Доможерицы; *3* — Ствольно; *4* — Омнишево; *5* — Волок; *6* — Смоляры; *7* — Зембин; *8* — Халхолец; *9* — Мостище; *10* — Разуваевка; *11* — Борисов; *12* — Лошница; *13* — Нача; *14* — Крупки; *15* — Масалая; *16, 17* — Заславль; *18* — Заречье; *19* — Соломеречье; *20* — Видогощи; *21* — Петровщины; *22* — Точилище; *23* — Заречье; *24* — Полилеевка; *25* — Оздятичи; *26* — Мурава; *27* — Калужицы; *28* — Жуковка; *29* — Бол. Стахов; *30* — Мачески; *31* — Дулебы; *32* — Дулебни; *33* — Большая Ольса; *34* — Вирково; *35* — Свислочь; *36* — Орча-Вязье. *Бассейн Днепра: 1* — Орехи; *2* — Брюхово; *3* — Высокое; *4* — Черкасово; *5* — Грязивец; *6* — Орша; *7* — Друцк; *8* — Суярковщина; *9* — Синчуки; *10* — Эсмоны; *11* — Дымово; *12* — Иглиница-Старина; *13* — Пустосело; *14* — Осовец; *15* — Прибар. *Бассейн р. Припяти: 1* — Селище; *2, 3* — Строчицы; *4* — Гребень; *5* — Клецк; *6* — Грэск; *7* — Городище; *8* — Прошицы; *9* — Слуцк

лепная урна с прахом в насыпи была накрыта еще одной перевернутой урной [38]. Дважды подобные сожжения встречены под Витебском (Старое Село). В одном кургане лепные урны располагались под дерном, в другом такие же остатки кремации развеяны и по материковому кострищу [39].

Отличаются от описанных курганы с трупосожжением в насыпи в Поречье (верховья Березины). В двух курганах, содержащих этот обряд (курган «Д» и курган № 1 группы I), погребение находилось над кострищем, на высоте 30 см и без урн [40]. В Точилище, Оздятичи и Прибар сожжения в насыпи содержали лепные горшки иногда цилиндрической формы (например, Точилище) [41]. Есть сведения об одном лишь кургане у дер. Закурье бывшей Лукомольской волости, где погребение также в насыпи оказалось на особой подсыпке из крупного желтого песка. Трупосожжение совершалось на этой подсыпке, и кострище с четырех сторон было обнесено обугленными бревнами. В центре в урне располагалось погребение [42]. Есть в Полоцкой земле еще один район — островок, где распространены курганы с трупосожжением в насыпи. Это район Койданова (современного Дзержинска), где обряд приближается «к кривичским погребениям типа полоцких курганов» [43]. По соседству с ним расположены трупосожжения на грунте [44] (деревни Каменка, Кернаш). Близкий обряд спорадически встречается у северных границ Полотчины [45].

Не касаясь курганных трупосожжений в специально устроенных небольших ямках, редко встречающихся в Полотчине и для нее не характерных (по одному случаю — в Горовых, Рудне, Лятохи, Грязивец, гораздо более их на полоцком западном пограничье — Черная Лужа, Рымшаны, Желядино, Понизовье и др.), обратимся к тем предварительным заключениям, которые можно сделать на основании изложенного материала.

Прежде всего следует отметить массовое распространение курганных групп часто со сплошным трупосожжением в Северной Белоруссии, что неизвестно в южной [46]. Памятники этого типа встречаются в наибольшем

[38] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы, ў Полацкаі акрузе. Працы, II, 1930, стр. 183, и сл.

[39] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе, стр. 101—103.

[40] H. Cehak-Holubowiczowa. Słowiańsko-wareskie cmentarzysko kurhanowe kolo Porzecza. «Przeglad Archeologiczny», t. VI, p. 23. Poznan, 1938—1939, стр. 184, 185.

[41] Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. СА, XVI, 1950, стр. 190.

[42] Е. Р. Романов. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г. «Древности». ТМАО, т. XIII, вып. 1. М., 1889, стр. 148, 149.

[43] С. А. Дубінскі. Досьледы культур жалезнага пэрыяду на БССР ў 1929 г. Працы, II, стр. 512 (имеется в виду Новосад под Дзержинском).

[44] Там же, стр. 512.

[45] Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Подвинья, стр. 266.

[46] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў БССР пасля кастрычніцкаі рэвалюцыі. Працы, III, Менск, 1932, стр. 216, 217. В Южной Белоруссии лишь

количестве в районе Полоцка (Горовые, Рудня, Бездедовичи) и тянутся вдоль течения Верхней и Средней Березины. Наблюдения над курганами в Южной Белоруссии приводят к убеждению, что из немногих случаев сожжения, известных там, большая часть находится в низовьях именно этой реки [47].

Древнейшими из известных сейчас раскопанных курганов в Северной Белоруссии (не длинных) следует считать, по-видимому, те, которые расположены к югу и юго-западу и частично к западу от Полоцка (Рудня, Бездедовичи, Горовые и др.), а также в верхнем течении р. Березины (например, Точилище). Возможно, что к ним следует относить и некоторые другие группы курганов белорусского севера, сведения о раскопках которых до нас дошли лишь частично (например, Межно Городокского р-на Витебской обл.) [84]. Курганы эти в плане часто овальной или четырехугольной формы и содержат остатки трупосожжения (чаще в насыпи) с грубыми лепными горшками, в большинстве случаев сходными с сосудами из длинных курганов Смоленщины и других мест. Самые ранние среди них, по-видимому, те, в которых найдены цилиндрические лепные урны, аналогичные подобным же сосудам из нижних горизонтов Старой Ладоги, из длинных курганов Псковщины, из ряда древнеславянских памятников Средней Европы [49]. Среди собственно белорусских древностей подобный цилиндрический сосуд известен из могильника эпохи полей погребений под Могилевом [50]. Кроме того (и это очень важно), на селище у дер. Рудня, где позднее возникли длинные и другие курганы, эта керамика сочеталась со штрихованной (на что в свое время обратила внимание Я. В. Станкевич) и, таким образом, становится вероятным, что в дальнейшем она окажется, наряду с керамикой из верхнего слоя Банцеровщины, основным претендентом на первую славянскую керамику в Белоруссии. В период возникновения овальных, удлиненных и квадратных в плане курганов цилиндрические сосуды, по-видимому, начали выходить из употребления. В это время делаются сосуды также лепные, но иных форм. У них небольшой вертикальный или слегка отогнутый венчик, заметные

две курганные группы содержат только трупосожжения (Б. Ольса и Красный Берег) и обе они граничат с северной группой памятников (А. С. Спицын. Материалы по доисторической археологии России, т. X, вып. 1—2. СПб., 1898, стр. 326, 327).

[47] А. В. Успенская. Курганы южной Белоруссии. «Труды ГИМ», XXII. М., 1953, стр. 104.

[48] А. Н. Ляўдански і К. М. Палікарповіч. Археолёгічныя досьледы ў БССР ў 1933—1934 гг. «Запіскі АН БССР», кн. V. Менск, 1936, стр. 223.

[49] Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. СА, XIV, 1950, стр. 189, 190. Цилиндрические урны из дер. Горовые автор ошибочно приписывала длинным курганам. В действительности они происходят из кургана, характеризуемого А. Н. Лявданским кругловатым или, точнее, судя по приложенному рисунку, первоначально, очевидно, бывшего почти квадратным (ср. Працы, II, стр. 174, рис. 8).

[50] Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта..., стр. 190.

плечики (наружная сторона стенок внизу вместе с дном иногда составляет почти острый угол). По внешнему виду горшки эти очень грубо сделаны; поверхность бугристая, в тесте примесь крупной дресвы[51]. Подобный сосуд впервые был опубликован А. М. Сементовским и происходил из той же деревни Рудня[52]. Аналогии описанному типу керамики следует искать прежде всего на Смоленщине (например, в длинных курганах у дер. Слобода-Глушица[53] и в других памятниках).

Вещи из круглых курганов с трупосожжением не менее характерны и также в большинстве случаев аналогичны вещам, встречаемым как в длинных курганах Смоленщины, так и в литовских древностях. Наиболее богаты из опубликованных руднянских курганов № 1, 10[54]. Первый (овальный) содержал, по-видимому, два трупосожжения на месте на материке в двух небольших ямках. Кроме 1,8 кг кремированных обломков костей, в первой ямке находились фрагменты двух лепных горшков, 50 обломков бронзовых спиралек, четыре бронзовых пуговицы, бронзовый наконечник ремня, обломки бронзовой шпильки, ажурной бляшки, а также бронзовая бляшка, железное кольцо и обломки других неясных предметов из бронзы. Во второй ямке, кроме 5,45 кг остатков кремированного человека, положенных без горшка, находилось глиняное пряслице, бронзовые спиральки и две бронзовые бляшки. На кострище найдены части железных предметов и т. д.[55] В кургане № 10, квадратном в плане, с трупосожжением (на стороне) в насыпи, в особой ямке, обнаружены фрагменты двух лепных горшков, расплавленное стекло от синих, белых и желтых бусин, такие же бусины, не попавшие в огонь, сплавившиеся бронзовые предметы, обломки так называемых височных колец прибалтийского типа, аналогии которым также встречены в курганах Смоленщины[56], бляшки-оковки и ряд оплавившихся неясных металлических вещей[57].

Сравнивая руднянские курганы с прибалтийскими захоронениями, А. Н. Лявданский пытался видеть аналогии индивидуальным находкам курганов Рудни в Люцинском могильнике и указывал одновременно на

[51] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Полацкаі акрузе. Працы, II, табл. IV, *2*; *V*, *11*, *12*, *14*, *15* и др.

[52] А. М. Сементовский. Белорусские древности, стр. 14, рис. 1.

[53] Е. А. Шмидт. Длинные курганы у д. Слоба-Глушица; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Указ. Соч, стр. 184, рис. 4.

[54] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Полацкаі акрузе, стр. 182, 183, рис. 17, табл. V и VI.

[55] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Полацкаі акрузе.

[56] Е. А. Шмидт. Длинные курганы у д. Цурковки в Смоленском районе. СА, 1958, № 3, стр. 165, рис. 3/11; Он же. Длинные курганы у д. Слобода-Глущица; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 183, рис. 56, 3/14. Ср. Ф. В. Покровский. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. «Труды, IX, АС», т. I. М., 1895, стр. 183, рис. 56.

[57] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Полацкаі акрузе, стр. 189, 190, табл. V и VI (в частности табл. VI, *36—39*).

различия в погребальном обряде[58]. Однако сходство погребального обряда (как и по вещам) нужно искать не там, а южнее, в восточнолитовских курганах, раскопанных Ф. В. Покровским. Здесь (например, в Свенцянском уезде) встречается трупосожжение на стороне в ямках под курганными насыпями (что в Полоцкой земле крайне редкое явление), а также и сходство вещей[59] и т. д.

Кажется правдоподобным, что древнейшие курганы, известные сейчас под Полоцком, судя по аналогиям в длинных курганах Смоленщины и по ряду косвенных соображений, можно датировать IX в.[60]

Среди указанных курганов с трупосожжениями у дер. Рудня есть, несомненно, и более поздние; здесь прежде всего следует назвать курган № 2 из раскопок А. Н. Лявданского, где трупосожжение совершено на месте будущего кургана, прямоугольного в плане, а урна в виде небольшого прямостенного низкого лепного горшка с остатками погребения (весом в 105 г) вынесена в насыпь[61]. Ниже, на кострище, расположенном на материке, погребальный прах находился среди головешек от костра в четырех кучках, где и обнаружены фрагменты двух лепных (неясной формы) горшков и следующие вещи: обломки бронзового ребристого пластинчатого браслета, бронзовый бубенчик с крестообразной прорезью, бронзовые спираль, трапециевидная подвеска и цепочка сложной формы. Ребристый браслет хорошо известен в литовских древностях, где он датируется Ф. Д. Гуревич, IX—X или X—XI вв. Все же данный комплекс следует датировать IX—X вв., так как все его вещи ближе по типу к находкам из могильника Ясудово (X—XI вв.) (где, кроме подобного браслета, есть точно такие же трапециевидные подвески и т. д.), чем к Наче (VIII в.). К тому же такой же браслет найден под Полоцком еще и в Бельчицах, в комплексе с типичным гончарным горшком X в. и сердоликовой призматической бусиной, также характерной для X в. (об этом см. ниже). Однако в Ясудове обнаружена только гончарная керамика[62],

[58] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Полацкаі акрузе, стр. 195, 196.

[59] Курганы № 4, 5 в Понизовье; № 2, 4 в Желядине; № 1, 3 в Рымшанцах и т. д. (Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна р. Вилии в археологическом отношении. «Труды X, АС». М., 1899, стр. 32, 63, 64).

[60] Утверждения В. В. Седова о возникновении в Смоленской и Полоцкой землях длинных курганов в VII в. (В. В. Седов. Кривичи, стр. 59) вряд ли основательны. Те ранние курганы, которые он указывает (Машули, Шалтени, Будраны — раскопки Ф. В. Покровского), расположены среди восточнобалтийских древностей и отношения к кривичам, вопреки утверждению автора, не имеют. С этой мыслью согласился недавно и Е. А. Шмидт (Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. V. Смоленск, 1963, стр. 112).

[61] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Полацкаі акрузе, стр. 183, табл. IV, *3*; VI, *12*, *24*, *27*, *28*, *33*.

[62] Ф. Д. Гуревич. Древности белорусского Понеманья, стр. 68, рис. 55, *7*, стр. 120, рис. 105, *4*.

а здесь только лепная, что и позволяет, с нашей точки зрения, спустить дату на одно столетие и датировать не X—XI вв., а IX—X вв. По-видимому, этим же временем датируются и некоторые другие курганы у дер. Рудня. Курган № 9, например, круглый в плане, с трупосожжением на месте, на грунте, на кострище содержал характерный лепной горшок (довольно развитой и профилированной формы), обломок глиняного пряслица и обломок костылевидного конца бронзовой гривны, характерной для латгальских племен[63]. Курганы с более поздними трупосожжениями встречаются значительно шире. Так, в Старом Селе, к западу от Витебска, в квадратном в плане кургане № 6, содержавшем трупосожжение на месте на материке, А. Н. Лявданский обнаружил на кострище сильно пережженные кости (весом в 470 г), рядом с которыми были положены вверх дном лепной и гончарный горшки небольших размеров. Среди костей найден третий горшок, также лепной, стоявший, по-видимому, дном книзу. Вещей не было, поэтому дата погребения (X в.) может быть определена по взаимному сосуществованию лепных и гончарного горшков и по их форме[64]. В непосредственной близости от Полоцка в Бельчицком кургане № 9 (в плане он до некоторой степени прямоугольной формы) на кострище обнаружено трупосожжение с гончарной урной, которая также позволяет датировать погребение X в. (остальные вещи — бусы и бронзовые предметы — были расплавлены)[65]. Также датируется и другой, вышеупомянутый уже бельчицкий курган (№ 1) с трупосожжением на материке (на месте) и с перечисленными уже вещами. Следует полагать, что в бельчицкой группе было еще несколько таких курганов, позднее испорченных.

Коротко упомянем еще подобные курганы в группах, более удаленных от Полоцка. У дер. Поречье вместе с сожжением в овальном кургане обнаружена арабская монета X в., что позволяет датировать нам подобные курганы именно этим временем (или самым началом XI в.). Трупосожжение в них совершалось на стороне и затем помещалось либо в основании насыпи, либо в самой насыпи[66]. Такие же курганы встречены и в Черневичах (группа VII) Диснинского у., и автор раскопок склоняется к той же дате[67]. При трупосожжении у Богдановского оз. бывшего Сенненского у.

[63] Гривны с костылевидными концами характерны для латгаллов VII—XI вв. Гривны ранних форм обмотаны на концах проволокой (чего в найденных гривнах нет); у поздних форм (XI в.) костылевидные концы несколько иного вида (Э. Д. Шноре. Нукшинский могильник. МИАЛ, I, Рига, 1957, стр. 27, табл. I, *4*).

[64] Подобные сочетания похожих лепных и гончарных горшков известны, например, в Гнездове, где горшки обнаружены, со стеклянными ребристыми бусами X в. А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. П. Сергеева. ИАК, 15. СПб., 1905, стр. 39, курган № 46 (35); М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. «Труды ГИМ», 33. М., 1959, № 10, Приложение V.

[65] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Полацкаі акрузе, стр. 161, табл. I, II, рис. 4.

[66] H. Cehak-Hołubowiczowa. Słowiańsko-wareskie cmentarzysko..., стр. 191.

[67] H. Cehak-Hołubowiczowa. Słowiańskie groby kurhanowe..., стр. 420 и др.

Е. Р. Романов обнаружил также монету X в.[68], а у дер. Вядец раскопал курган с трупосожжением без вещей[69]. Круглые курганы с «поздними» трупосожжениями с кострищами на грунте или в насыпи обнаружены и южнее. В дер. Синчуки под Друцком в насыпи курганов найдены трупосожжения, совершенные на стороне. Курганы с сожжением на материке известны и под Витебском (Лятохи), еще восточнее — в Казимирово под Суражем и далее — в Смоленщине, Соломеречье под Заславлем.

Нам осталось определить территорию сплошного распространения интересующих нас памятников в Белоруссии. Не касаясь Правобережья Припятского Полесья, памятники которого принадлежат территории более южной, отметим, что курганы с трупосожжением массово представлены в Белоруссии, в ее восточной части за Днепром, где они оставлены радимичами[70], в ее западной части, где они принадлежат восточнолитовским племенам[71] и, наконец, в области Северной Белоруссии, где, как предполагал еще В. В. Завитневич, их южная граница проходит в районе верховьев Березины (севернее зоны его исследования)[72] и, как мы теперь знаем, севернее линии, соединяющей Минск (несколько южнее Борисова и Друцка) с Оршей[73]. Южнее этой линии трупосожжения встречаются значительно реже, в большинстве случаев содержат гончарные горшки и являются, следовательно, сравнительно поздними, что крайне важно для понимания направления заселения Полоцкой земли славянскими племенами. Наиболее древние курганы с сожжением, как мы видели, распространены ближе к Полоцку: по нижнему течению р. Ушачи (Рудня, Бездедовичи и др.) и на правобережье Западной Двины (Горовые). Здесь распространены длинные курганы, удлиненные (точнее — овальные и четырехугольные в плане), курганы с сожжением в насыпи и с вещами, аналогии которым (как и погребальному обряду) следует искать прежде всего в одновременных и предшествующих погребениях литовских древностей (главным образом в восточнолитовских курганах), а также в уже исследованных длинных курганах Смоленщины. Датируются эти ранние курганы Полотчины, по-видимому, VIII(?)—IX вв. Курганы с сожжением IX—X вв. распространены значительно шире и охватывают Полоцкую землю полностью. В некоторых случаях они сохраняют прямоугольность плана и обряд погребения в насыпи, но их лепные урны уже несколько иных форм, приближаются к формам сосудов раннегончарных.

[68] Е. Р. Романов. Очерки Витебской губернии, стр. 66.

[69] ОАК за 1893 год. СПб., 1895, стр. 12.

[70] Г. Ф. Соловьева. Славянские союзы племен...

[71] Указанные курганы в раскопках Ф. В. Покровского.

[72] В. З. Завитневич. Формы погребальных обрядов в могильных курганах Минской губернии. «Труды IX АС», 1895, стр. 226.

[73] А. Н. Лявданский. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции, стр. 58.

Рис. 6. Погребальные урны из курганов с трупосожжением у д. Синчуки (под Друцком)

1—5, 11—13 — из кургана № 2; *6—10* — из кургана № 3 (раскопки автора)

Рис. 7. Погребение из кургана у д. Черкасово под Оршей (раскопки автора)

На окраинных территориях Полотчины (Поречье, Черневичи, Синчуки и др.) встречаются и гончарные урны (рис. 6). Значительно меняется инвентарь, все более приобретающий древнерусские черты (например, бубенчики с крестообразной прорезью из Рудни и т. д.). Влияние Прибалтийских племен, если и чувствуется, то не в такой степени и всего более в районе Западной Двины. Аналогии теперь нужно искать не в литовских древностях, а в Люцинском, Нукшинском и других латышских могильниках, т. е. в древностях латгальских племен, с которыми местное население связывают теперь не родственные (по происхождению), а, очевидно, торговые связи, обмен. Поздние курганы с сожжением, сочетающие как лепные, так и гончарные урны, принадлежат тому переходному периоду идеологии, когда многие роды начинают хоронить покойников несожженными, ставя им в могилу по традиции то лепные, то гончарные горшки, то и те и другие вместе. Период этот принято связывать с постепенным проникновением в деревню христианских миссионеров и датировать второй половиной X—началом XI в.

* * *

Курганы с трупоположением[74] в Полоцкой земле с полусферической насыпью и по обряду могут быть разделены на погребения с положением

[74] Этот раздел я излагаю очень кратко, так как он служит предметом подготавливаемого мною выпуска «Свода археологических источников».

умершего на горизонте (рис. 7) и на погребения в яме. Судя по отчетам о раскопках, гроб в большинстве случаев не прослеживается. Гробы и особые деревянные сооружения внутри кургана встречаются только южнее Минска, Логойска, Орши. Принято думать, что обряд трупоположения в яме появился под влиянием христианства, проникавшего в языческую обрядность древнерусской деревни. Однако уже давно многие исследователи с этим не соглашаются, например Е. и В. Голубовичи после раскопок 77 курганов с трупоположением в северо-западных районах Полоцкой земли[75]. Е. И. Тимофеев, изучавший юго-западные курганы восточных славянских племен, и, между прочим дреговичей, убедился, что обряд захоронения в ямах одновременен с обрядом погребения на горизонте, и различия здесь не хронологические, а этнографические[76]. В некоторых курганах этого типа встречаются остатки кострищ, в этом Е. Н. Тимофеев видит подтверждение их ранней даты. Впрочем, в Северной Белоруссии кострища, по наблюдениям Е. и В. Голубовичей, соответствуют зимней ориентировке покойника, когда земля перед погребением оттаивалась и, возможно, что никакой связи с сожжениями здесь нет[77].

Инвентарь курганов с ингумацией, естественно, богаче, так как вещи не сгорали (рис. 8). Больше всего вещей в курганах с погребениями на материке. Из височных колец здесь чаще всего попадаются проволочные завязанные, так называемого кривичского типа (рис. 8, *2*). На границе с дреговичами встречаются и перстнеобразные полутораоборотные кольца дреговичского типа. В двух случаях были обнаружены кольца новгородских словен (ромбощитковые), выявленные в Радошковичах и Селище под Минском,[78] а в одном два радимических семилучевых (рис. 8, *5*, *6*). Кроме общекривичских височных колец, в ряде местностей носили и свои особые. Так, в курганах северо-западных областей Полотчины, где известны кривичские кольца (Черневичи и др.), были распространены еще и мелкие проволочные несомкнутые[79], а на верхней Березине — проволочные браслетообразные, смыкающиеся при помощи концов, загнутых в виде крючков, либо в виде крючка и петли (Рудня, курган № 6; Черневичи, гр. I, курган № 1; гр. II, курганы № 17, 39; гр. V, курган № 13; Поречье, гр. II, курган № 11; Кисиево, гр. II, курган № 3; Княгинка, Пышное, Матюшина Стена, Грошовка, Глыбочино, Эсмоны; см. карту рис. 5). Гривны из курганов данного типа менее характерны и нередко были привозными

[75] Е. и В. Голубович. Указ. соч., стр. 135.

[76] Е. И. Тимофеев. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. СА, 1961, № 3, стр. 57.

[77] Е. и В. Голубович. Указ. соч., стр. 128, 129.

[78] Ф. В. Покровский. Археологическая прогулка в окрестности Радошкович. «Труды ВОМПК IX АС». Вильно, 1893; К. П. Тышкевич. О курганах в Литве и Западной Руси. Вильно, 1865, стр. 48.

[79] Е. и В. Голубович. Указ. соч., стр. 129.

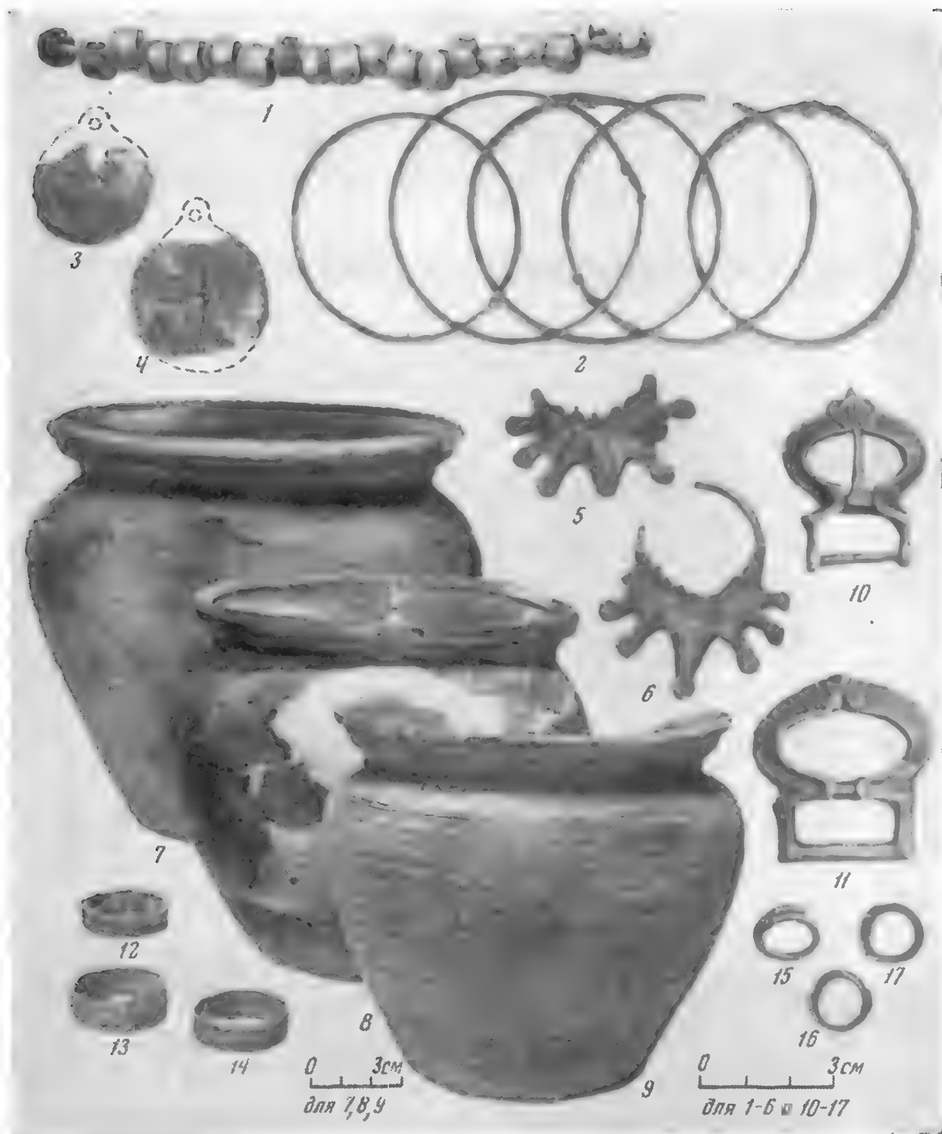
Рис. 8. Инвентарь из курганов с трупоположением в Полоцкой земле ►

1 — стеклянные позолоченные бусы; *2* — височные кольца кривичского типа; *3, 4* — бронзовые подвески; *5, 6* — височные кольца радимичского типа (семилучевые); *7—9* — гончарные горшки; *10, 11* — бронзовые пряжки; *12—14* — перстни; *15—17* — колечки. *1—6, 10—17* — из курганов у д. Дымово под Оршей (раскопки Н. Турбина, ГИМ); *7* — Логойск (раскопки К. П. Тышкевича, ГИМ); *8* — д. Черкасово под Оршей (раскопки автора); *9* — д. Мурава, курган № 4 (раскопки В. З. Завитневича, ГИМ)

(Гребень, курган № 4; Заславль, курган № 8, гр. II; Рудня, курган № 13 и др.). Часто обнаруживаются и гривны прибалтийские, известные по древностям Люцинского могильника. Браслеты встречаются значительно чаще гривен. Это либо проволочные завязанные, полностью повторяющие формы височных колец, либо пластинчатые узкие со змеиноголовыми окончаниями, подобными литовским древностям, либо иных форм. Перстни в курганах рассматриваемого вида — довольно распространенная категория. Встречаются жгутовые несомкнутые (Петровщины, курган № 2; Заславль, курган № 2, гр. IV); пластинчатые несомкнутые узкие, с узкими заходящими друг за друга концами (Заславль, гр. II, курган № 3). Известны три находки перстней с круглым сечением. В одном случае это кольцо замкнутое с насечками (Заславль, курган № 6, раскопки Н. Турбина), в другом — два кольца (одно такое же с насечками), но не замкнутые. В Заславле, гр. II (курганы № 7, 26) найдены широкосрединные перстни с завязанными концами. В дер. Гребень обнаружен проволочный перевитой перстень. Из оружия в курганах чаще всего встречаются копья. В трех случаях они втульчатые, в четырех с гранным острием (Заславль, курган № 11, гр. II; Заславль, курган № 2, гр. III); в других трех — листовидные, с легкой профилировкой и тоже втульчатые (Заславль, раскопки Турбина, колл. ГИМ) [80]. В одном случае — листовидный без профилировки (такой наконечник легко сгибался) (Кубличи, курган № 1). Из ромбических встречены профилированные (Равнущина, курган № 25; Поречье, курган № а, с монетой X в.) и непрофилированные (Княгинка, курган № 4; Заславль, гр. III, Заславль, гр. I, курган № 2). Бусы — наиболее частое стеклянное украшение в курганах рассматриваемого вида [81]. Больше всего найдено мелкого бисера синего и желтого цветов.

[80] Комплекс очень странный по смешению мужских и женских вещей при одном костяке: топор, а также сердоликовые и пастовые бусины. Следует полагать, что здесь мы имеем дело с двумя погребениями.

[81] Иногда в одном погребении встречается огромное количество бусин. Так, в Овсянках бывшей Замочской волости Сеннинского у. в кургане № 27 Е. Р. Романов обнаружил при костяке 460 целых бусин и много разрушившихся (Е. Р. Романов. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г. «Древности». ТМАО, т. XIII, вып. 1, стр. 150).


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
0 3см
для 7,8,9
0 3см
для 1-6 и 10-17

В очень большом количестве обнаружены и бусины стеклянные, позолоченные и посеребренные, которые А. В. Арциховский даже считает типичными для кривичей[82]. Попадаются сердоликовые, пастовые глазчатые и другие бусины, хорошо известные по раскопкам восточнославянских курганов. Распространено мнение, что привески в виде ложечек, коньков и т. д. чрезвычайно редки в Белоруссии и обильно найдены на Смоленщине[83]. По опубликованным данным, это как будто действительно подтверждается, однако нельзя не учитывать большую часть исчезнувших коллекций, где эти подвески были (например, в обширной коллекции Г. Х. Татура, о которых он глухо упоминает; в коллекциях К. П. Тышкевича в Логойске и др.)[84]. Оружия в курганах Северной Белоруссии сравнительно мало. Встречаются лишь стрелы (известны несколько штук), копья, дротики. Из орудий труда в рассматриваемых курганах иногда находят серпы (Поречье, Заславль, и др.). Если в погребениях с кремацией топоры крайне редки, то в курганах с ингумацией их много.

В курганах с трупоположением в яме вещей, как обычно, значительно меньше, и их круг несколько иной. Чаще это пряжки и поясные кольца, т. е. вещи необходимые, реже украшения. Христианская религия, по-видимому, уже сильно подорвала языческий обряд и в этом. Керамика, насколько можно судить по неполным отчетам, также встречается реже. Это главным образом глиняные горшки с довольно резкой профилировкой и вылепленные на гончарном круге, так называемый курганный тип. Из браслетов встречаем лишь пластинчатый с суживающимися и закрученными концами (Разуваевка, курган № 5) и круглый несомкнутый (Поречье, курган № 8). Перстни появляются совершенно новые: либо просто в виде кольца (Разуваевка, курган № 2), либо с каким-то камнем (Омнишево, курган № 1), либо подделка под прежний жгутовой и, наконец, так называемый рубчатый, находящий аналогию в Гдовских курганах изборских кривичей[85] (Разуваевка, курган № 5). Есть одна находка

[82] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 11 и сл. Они найдены в Рыловщине, Петровщине под Минском (в Заславле в группе IV — единичная находка), в Логойске, Черкасове, Кострицкой Слободе, Курине, Каховке. Есть они и в Южной Белоруссии — в Любоничах, Эсмонах, Новодорожной, Березино и др. Золотостеклянные бусины встречены с вещами Люцинского типа в местах, расположенных в непосредственной близости к Люцину. В одних комплексах с мелким бисером они не встречаются совершенно, так как являются более поздними.

[83] П. Н. Третьяков. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. СА, IV, 1937, стр. 43.

[84] Г. Х. Татур. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губ. Минск, 1892, стр. 126; К. П. Тышкевич. О курганах в Литве и Западной Руси. Вильна, 1865, стр. 40.

[85] А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, вып. 29. СПб., 1903.

лунницы, подвески в виде конька и ложечки (Грязивец, № CCIX). Курганный обряд с трупоположением в Северной Белоруссии в общих чертах следует датировать XI—XII вв.

* * *

В Полоцкой земле распространены и так называемые жальники — переходные погребения от курганов к современным могилам и встречающиеся более всего в Новгородской земле [86]. По внешнему виду жальники представляют собой бескурганные могильники, в которых погребения впущены в материк, а могила — едва заметный холмик — обложена по контурам камнями (чаще всего по прямоугольнику с большим камнем в стороне головы погребенного и иногда с вкопанным в землю каменным крестом). Жальниками в Полотчине занимались мало. Копали еще меньше. Как правило, костяки в жальниках лежат на глубине от 1 м (Виркова) до 1,5 м (Дубровка), головой на запад, хотя известно и положение на восток (Придруйск). Вещи почти не встречаются; это либо стеклянная шарообразная бусина (Каховка), либо шиферный крестик с позолоченными концами (Халхолец), либо, наконец, головной убор в виде венчика из шелковой ткани с позолоченными бляшками (Путилковичи, в раскопках А. Н. Лявканского). Интересным оказался жальник у Кубличей, в котором И. А. Сербов обнаружил два костяка. Возле первого найдены мелкие стеклянные бусы, бронзовое проволочное мелкое височное кольцо, подвеска в виде креста, проволочный толстый несомкнутый браслет, гончарный горшок с резкой профилировкой. Возле второго — несколько мелких бусинок [87]. В нескольких погребениях Придруйска Е. Р. Романов нашел монеты XV в., которые дают, по-видимому, верхнюю дату всему погребальному обряду. Постепенный переход от жальников к современным могилам, вероятно, произошел в Северной Белоруссии в XV в. Наконец, отметим уникальный вид жальничного погребения, нигде более не встретившегося, — погребение с трупосожжением у дер. Каховки, к северу от Витебска (бывшее имение А. П. Сапунова) [88]. Подобно другим, малоизученным памятникам Северной Белоруссии, жальники ждут еще своего исследователя.

[86] Н. И. Репников. Жальники Новгородской земли. «Известия ГАИМК», т. IX, вып. 5, 1931.

[87] И. А. Сербау. Археолёгічныя помнікі Вушецкага расну Полацкае акругі. Працы, II, стр. 208—211.

[88] Е. Р. Романов. Раскопки в имении Каховка Витебского у. «Древности». ТМАО, т. 13, вып. 1, М., 1900, стр. 76—80.

Вопрос о полочанах и кривичах

В предыдущих разделах мы рассмотрели виды археологических памятников второй половины I—начала II тысячелетия н. э. Теперь предстоит определить, какими племенами они оставлены. Длинные курганы, распространенные в среднем течении Западной Двины, принадлежат, очевидно, кривичам[89], откуда следует, что это славянское племя, поселившееся в Полоцкой земле, постепенно ассимилировало аборигенов. Двигаясь на юг и юго-восток вдоль Ушачского, а затем Березинского бассейнов, славянские племена оставляли там длинные (например, у дер. Орча-Вязье на р. Березине), а также удлиненные (овальные и прямоугольные в плане) курганы с коллективными и одиночными трупосожжениями большей частью в насыпи с грубыми лепными горшками. Из этого Ушачско-Березинского «ядра» инфильтрация славянских племен продолжалась, по-видимому, и дальше в районы Дисны, верховьев Вилии, Свислочи, Друти и, может быть, даже Лучесы.

Этническая карта Северной Белоруссии во второй половине I—начале II тысячелетия н. э.

Здесь, в курганах с сожжением (чаще уже на материке), встречаются как лепные, так и гончарные сосуды со сравнительно поздними вещами (IX—X вв., см. выше), граница сплошных славянских трупосожжений на западе теперь проходит по правобережью Дисны, затем, спускаясь на юг, севернее Заславля (Соломеречье) и Минска поворачивает на восток к Борисову (Оздятичи и др.) и идет в район р. Бобра (раскопки К. Тышкевича) и далее — левых притоков верхней Друти (Красный Берег, Большая Ольса).

Дальше кривичское население почти не двинулось, встретив в районе Минска — Заславля дреговичей, двигавшихся с юга (X в.), восточнее Минска — в XI в. (рис. 9). В западных областях Северной Белоруссии курганы с типично кривичскими височными кольцами (проволочными, браслетообразными завязанными) за пределы прежних границ не выходят (Черневичи, Шо, Поречье, Кисиево, Навры, Платово, Верино)[90]. Приблизительно то же можно сказать о южном кривичском порубежье, где еще К. П. Тышкевич заметил, что курганы в имении Карпиловка Минского уезда «отличаются совершенно другими моделями, нежели те, какие добываются из курганов на другом берегу»[91]. Река Усяжа — приток Гайны, о которой говорится у К. П. Тышкевича, расположена севернее Минска,

[89] Предположение Ф. Д. Гуревич о принадлежности длинных курганов не только кривичам, но и дреговичам, не подтверждается (Ф. Д. Гуревич. Древности белорусского Понеманья, стр. 75; ср. В. В. Седов. Кривичи, стр. 56, прим. 45).

[90] См. коллекции Вильнюсского музея и указанные статьи Е. и В. Голубовичей.

[91] К. П. Тышкевич. О курганах на Литве и Руси, стр. 42.

Рис. 9. Расселение славянских племен в Белоруссии (по работам В. В. Седова, Е. Н. Тимофеева с дополнением и уточнением автора)

1 — территория археологической культуры VI—VII вв. «Корчак»; *2* — территории, занятые дреговичами в IX в.; *3* — территории, занятые дреговичами в X в.; *4* — в XI—XII вв.; *5* — территории, занятые кривичами в IX—X вв.; *6* — в X—XI вв.; *7* — территория литовских курганов; *8* — ятвягов; *9* — территория длинных курганов на Немане

течет почти в направлении географической параллели и, подобно р. Дисне на западе, безусловно могла быть для кривичей пограничной. Выше мы отмечали наблюдение Р. Г. Игнатьева о южной границе трупосожжений у Соломеречья. Мы вправе ждать здесь наличие границы и в более поздний период, когда сожжений уже не существовало (XI в.). Однако южная археологическая граница кривичских племен проходит не здесь, а южнее, у Заславля, где кривичские височные кольца изобилуют. Исследования А. Н. Лявданского [92] показывают, что под Заславлем в начале второго тысячелетия новой эры жило смешанное, так называемое кривичское и, как увидим далее, дреговичское население, каждое из которых, судя по раскопкам, сохраняло до известной степени в обряде погребения и костюме свои этнографические черты. Древний Изяславль, основанный, если верить летописи, в X в. (этим временем там действительно датируются курганы), был, очевидно, тогда экономическим центром, стянувшим вокруг себя разноэтничное население. Двигаясь по южной границе на восток, мы проходим вдоль р. Усяжи на Гайну и по Березине к Борисову, где кривичские височные кольца были обнаружены, как мы уже указывали, еще Е. П. Тышкевичем. Восточнее Борисова они встречаются в Оршанском уезде (Черкасово, ныне Оршанского р-на) [93] и в северной части бывшего Могилевского у. (Дымово, ныне Старосельский сельсовет Шкловского р-на [94]) и т. д. В заключение отметим, что наше предположение о том, что указанные древности относятся к кривичам, с одной стороны, подтверждает летопись, называя Полоцкую землю страной кривичей [95] или полоцких князей — кривичскими князьями [96], а, с другой — топонимика: западная граница кривичских курганов содержит и ряд современных названий населенных пунктов «Кривичи» (см. рис. 10).

Какие же племена обитали к западу и югу от полоцких кривичей? С запада, мы видели, были широко распространены могильники балтийского и литовского населения, жившего за болотистым левобережьем Дисны, в районе оз. Свирь и южнее [97]. Восточнее в верховьях р. Вилии и юго-западнее, на верхнем Немане, по предположению Ф. Д. Гуревич [98], располагались дреговичские курганы, что кажется маловероятным [99].

[92] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі Менскай акругі. Працы, I. Менск, 1928, стр. 24, 29, 49 и др.

[93] А. Н. Ляўданскі. Курганны магільнік каля в. Чаркасова, Аршанскае акругі. Працы, II, стр. 68.

[94] Н. М. Турбин. Раскопки 1885 г. «Древности». ТМАО, т. XI, вып. 2. М., 1886, стр. 83—86.

[95] ПСРЛ, т. I, вып. I. Л., 1927, стр. 297.

[96] ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 521.

[97] П. С. Рыков. Могильник близ станции Сморгонь. «Зап. Северо-Западного отделения РГО». Вильна, 1914, кн. 4.

[98] Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья, стр. 136.

[99] В. В. Седов. Дреговичи. СА, 1963, № 3, стр. 116; см. также его рецензию на указанную книгу Ф. Д. Гуревич (СА, 1966, № 1, стр. 311).

К югу от рассматриваемой территории жили племена, хоронившие под курганной насыпью в особых «домовинах» или «теремках». Среди найденных женских украшений здесь преобладают зерненые бусы, полутораоборотные височные кольца и почти не встречаются (за исключением пограничных территорий) браслетообразные височные кольца, шейные гривны, подвески-лунницы, бубенчики, коньки, браслеты, ожерелья из большого количества бусин, металлические пронизки и т. д., характерные для кривичских древностей [100]. На долю летописных дреговичей, таким образом, остаются земли к югу от линии Логойск—Борисов (южнее) — Орша.

Территория по среднему течению Западной Двины (к западу от Витебска) на рубеже и в начале новой эры, мы видели, выделяется особой «западнодвинской» культурой, близкой культуре соседней Смоленщины. Мы вправе ожидать, что проникшей туда и слившейся с ней славянской культуре будут свойственны археологические черты, отличающие ее от культур соседних территорий с другой дославянской подосновой. Иными словами: что же собой представляли полоцкие кривичи, именуемые летописью «полочанами»? Были ли они самостоятельной этнической единицей в общекривичской среде, или они из нее не выделялись?

В исторической литературе вопрос о полочанах специально не поднимался, и исследователи обычно довольствовались короткими сообщениями летописных текстов, из которых делались выводы либо о кривичском происхождении полочан [101], либо о полочанском происхождении кривичей [102]. В советское время была выдвинута и еще одна точка зрения, доказывающая, что полочан не существовало вовсе [103]. Слабая археологическая изученность Северной Белоруссии не позволяет, к сожалению, всесторонне осветить этот вопрос.

Однако кое-что уже и теперь сделать возможно. Начнем с летописи.

Сведения летописи и вопрос о полочанах

Сообщая о расселении древнерусских племен в Восточноевропейской равнине, летописец касается и территории Полоцкой земли: «Инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане» [104]. Далее, переходя к государственным образо-

[100] Е. И. Тимофеев. Расселение юго-западной группы восточных славян. СА, 1961, № 3, стр. 72.

[101] М. Довнар-Запольский. Очерк истории кривичских и дреговичских земель. Киев, 1891, стр. 24 и др.; В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли. Киев, 1896, стр. 49 и др.

[102] Ст. Микуцкий. Шестой отчет Ст. Микуцкого ИАНОРЯС, IV. СПб., 1855, стр. 111; П. В. Голубовский. История Смоленской земли. Киев, 1895, стр. 46; С. М. Середонин. Историческая география. Спб., 1916.

[103] П. Н. Третьяков. Расселение древнерусских племен по археологическим данным, стр. 33—53; Он же. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 222.

[104] ПВЛ. т. I. М.—Л., 1950, стр. 11.

ваниям, возникшим на местах прежних княжений, он пишет: «И по сихъ братьи[105] держати почаша родъ ихъ княженье в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣне свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане. От нихъ же и кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра...»[106]. За географическим описанием расположения русских княжений у летописца следует этнографическое перечисление племен: «Се бо токмо словѣнескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверъ, бужане зане сѣдоша по Бугу, послѣже же велыняне...»[107]. При чтении этих трех отрывков у нас создается впечатление, что в древности существовало, наряду с другими племенами, племя полочан, которое говорило на славянском языке, жило на р. Полоте и позднее образовало свое Полоцкое княжение.

Но вот мы переходим к датированной части летописи и в статье 862 г. читаем: «И прия власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городамъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ Словѣне, въ Полотьски кривичи, в Ростовѣ — меря...»[108]. В этом отрывке, принадлежавшем, как и первые три, по гипотезе А. А. Шахматова, одному и тому же автору — создателю первой редакции «Повести временных лет», мы встречаем текст, который обычно принято считать противоречащим первому цитированному отрывку. Там было указано, что на Полоте осели племена, которые назвались по реке, на которой они поселились, — полочане, здесь указывается, что Полоцк, который сам стоит на Полоте, был построен не полочанами, а кривичами.

Таким образом, мысль, переданная в предыдущих отрывках, затемняется здесь неясностью формулировки, соотношение кривичей и полочан остается загадкой, что вынуждает отыскивать действительный смысл не только в анализе летописи, но и в других источниках.

Данные археологии

Есть ли в Северной Белоруссии, и в частности в районе Полоцка, область, которая могла бы быть выделена по каким-либо археологическим признакам и которую, тем самым, можно было бы приписать летописным полочанам? Слабая изученность территории Полоцкой земли позволяет, к сожалению, лишь поставить предварительные вехи, которые в будущем приведут к решению вопроса.

Прежде всего надлежит поставить вопрос о заселенности земель вокруг самого Полоцка в древности. Из археологической карты этого времени (рис. 5) видно, что территория, прилегающая непосредственно к По-

[105] Т. е. после княжения легендарных братьев — Кия, Щека и Хорива.
[106] ПВЛ, т. I, стр. 13.
[107] Там же.
[108] Там же, стр. 18.

лоцку, т. е. на правобережье Западной Двины и на самой Полоте, была заселена слабо. Ближайший густозаселенный район находился к югу и занимал весь бассейн р. Ушачи, вплоть до левобережья Уллы. Его естественными границами были Западная Двина на севере, верховья Березины и Сервеча на юге, Дисна и Улла на северо-западе и Улла на юго-востоке. Здесь, в этой озерной местности, мы находим древнейшие курганы с сожжением.

Можно предполагать, что именно эти курганы и оставлены тем племенем, которое летопись называет полочанами. В дальнейшем, расселяясь, они распространились на всю Северную Белоруссию, охватив к XV в. ее территорию вплоть до линии Логойск—Борисов—Орша. Сравнение курганов Полотчины с курганами соседней Смоленщины показывает, что население, оставившее их, было, по-видимому, родственным (сходный погребальный обряд, набор украшений и т. д.), однако у курганов Полоцкой земли есть некоторые свои особенные черты, подмеченные в свое время П. Н. Третьяковым [109]: малое число украшений (ряд Смоленских типов вообще отсутствует), характерные височные кольца с завязанными концами (тонкие, малых размеров, грубо скрученные), почти полное отсутствие частых в Смоленщине ромбощитковых височных колец (для Полотчины укажем лишь два кольца — в курганах у Радошковичей и у д. Селище под Минском), малое количество характерных для Смоленска подвесок в виде конька, ложечки или ключа, головные украшения из бронзовых спиралей (у полочан этот головной убор очень редок и происходит, по-видимому, из Прибалтики, где этих уборов много в Люцинском могильнике, Ашерадене и т. д.), ожерелья и гривны такие же, как в Смоленщине, но более бедные.

Таким образом, археологический материал приводит к заключению, что в конце I тысячелетия н. э. на территории Полотчины жило население, близкое по материальной культуре населению Смоленщины и отличавшееся от него незначительно некоторыми деталями погребального обряда и инвентаря. Это и были летописные полочане.

Обратимся к смежным наукам — этнографии, диалектологии и топонимике, которые сохранили до настоящего времени ряд древних черт, относящихся к интересующему нас времени.

Некоторые данные смежных наук

В настоящее время еще не существует ни одной обобщающей работы, посвященной определению отдельных микрорайонов Белоруссии, их взаимосвязей и исторического прошлого. Главной задачей всех исследователей до сих пор было лишь общее, суммарное выявление границ расселения белорусов и определение их характерных черт. Даже Е. Ф. Карский

[109] П. Н. Третьяков. Расселение древнерусских племен..., стр. 43.

коснулся микрорайонов частично, да и то главным образом в связи с диалектологией [110].

Все изданные этнографические карты Белоруссии [111] сильно расходятся, что объясняется, очевидно, недостаточно четким критерием их выработки. Все же из них очевидно, что за истекшие 800—1000 лет славяно-литовская граница, например, изменилась лишь незначительно, передвинувшись с правобережья Дисны в р-н к западу от Браслава, и южнее, и прошла через Швенчёнис (бывшие Свенцяны), ранее заселенный, как указывалось, литовцами (см. рис. 1). В значительной мере сохранилась, по-видимому, южная граница Полочан. Так, по наблюдению П. М. Шпилевского [112], в середине прошлого века население Борисовского уезда отчетливо делилось на две этнографические группы: так называемых лесян [113], которые населяли южную и юго-западную части уезда и занимались главным образом рыбной ловлей, скотоводством, пчеловодством, и полян [114], населявших северо-восточную часть уезда, занимавшихся земледелием. Этнографическая граница между обеими группами населения, проходившая в этих местах с северо-запада на юго-восток, соответствует в общих чертах юго-восточной границе расселения кривичских племен, определенной нами по археологическим данным. Эта же граница прослеживалась в XIX в., по-видимому, и восточнее. Во всяком случае, Е. Р. Романов отмечал разницу в костюмах белоруса Лепельского и Могилевского уездов [115]. Упомянем еще любопытное наблюдение, сделанное недавно белорусскими этнографами, которые выяснили, что в Северной Белоруссии (в Витебской области и в северной части Минской) вплоть до

[110] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I. Варшава, 1903.

[111] Р. Ф. Эркерт. Этнографический атлас Западнорусских губерний и соседних областей. СПб., 1863; А. Ф. Риттих. Атлас народонаселения Западнорусского края по исповеданиям. СПб., 1863 (1 изд.); СПб., 1864 (2 изд.); Т. Д. Флоринский. Этнографическая карта Западного славянства и Западной Руси. Киев, 1911; Приложение к карте.

[112] П. М. Шпилевский. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. «Современник», т. 52. СПб., 1865, стр. 43—46.

[113] Лесняне жили неопрятно; одевались по-особому; мужчины носили темно-бурую *капоту* до колен, *насо́в* (нечто вроде пальто из толстого полотна, сшитого наподобие свиты), штаны *учкурные*, на веревочке, шапку из белого сукна в виде фуражки с длинными ушами, которые, как и околыши, обшивались мехом. Женщины (замужние) обвивали голову *наметками*, закрывая уши и нижнюю часть лица, с распущенными сзади концами и т. д.

[114] Поляне вели более опрятный образ жизни и одевались тоже оригинально. Мужчины носили суконную свиту бронзового цвета, белый полотняный насо́в. Штаны не учкурные, а *нагави́цы* из серого сукна. На шее — цветные платки. Шапки не в виде фуражки, а из белых валенок, в виде опрокинутого горшка для цветов, называемые *магёрками*. Женщины носили наметки, но не распускали сзади концов и не закрывали лица и т. д.

[115] Е. Р. Романов. Говоры Могилевской губернии. «Запіскі адзела гумманитарных навук. Працы клясы філёлёгіі», т. I. Менск, 1928.

революции употреблялась соха особенного вида для одноконной упряжки с перекладной палицей или перекладкой [116].

Из-за отсутствия прямых сведений нам трудно провести со всей определенностью восточную и северную границу древних полочан по этнографическим данным. Всего вероятнее, она должна совпадать с этнографической границей «чистых» белорусов (очевидно, в общих чертах где-то у современных границ БССР).

* * *

Белорусские диалекты изучены значительно лучше, главным образом благодаря трудам Е. Ф. Карского [117]. Судя по диалектологической карте, составленной им, для Центральной Белоруссии характерны твердое «р» и аканье, которое, в свою очередь, делится на сильное, распространенное в южной части распространения этих диалектов, и умеренное, типичное для более северных районов. Граница, разделяющая оба диалектальных явления, несмотря на тысячу прошедших лет, в общих чертах совпадает с западной и южной границей полочан, что для наших дальнейших выводов также важно.

Интересные сведения можно получить, по-видимому, из топонимического материала, для Белоруссии еще, к сожалению, малоразработанного. Кривичские этнонимы, мы видели, определяют лишь западную границу Полоцкой земли. Это были, по всей вероятности, те населенные пункты, которые подходили наиболее близко к чужой, литовской территории. Наоборот, встречающиеся здесь наименования «Литва», по-видимому, принадлежали тем поселениям, которые ближе всего подходили к кривичским землям (см. рис. 1). Важные наблюдения сделаны И. Сафаревичем, установившим восточную границу поселений, название которых с литовским окончанием *ишки*, *ишкес* [118]. Граница эта почти полностью совпадает с западным рубежом славянских курганов Северной Белоруссии, описанным выше. По наблюдению экспедиции М. Я. Гринблата 1954 г., многие районы западной части этой страны славянизировались лишь недавно и, следовательно, в курганную эпоху территория к западу от славянских земель была, по-видимому, действительно заселена литовскими племенами [119].

[116] Л. А. Молчанова. Основные итоги этнографической экспедиции 1959 года по северным районам Белоруссии. «Весцi АН БССР», 1960, № 1, стр. 144. К сожалению, замкнувшись в рамках только Белоруссии, исследователи не выяснили, встречается ли этот вид сохи к северу и востоку, т. е. на других древних кривичских территориях.

[117] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I. Варшава, 1903.

[118] J. Safarewicz. Rozmieszczenie nazwana «iszki», na pograniczu Słowiańsko-litewskim, Sprawozdania z czynności posiedzeń. PAU, t. XLVIII, 1947.

[119] М. Я. Гринблат. К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов. ТПЭ, т. I. М., 1959, стр. 527 и др.

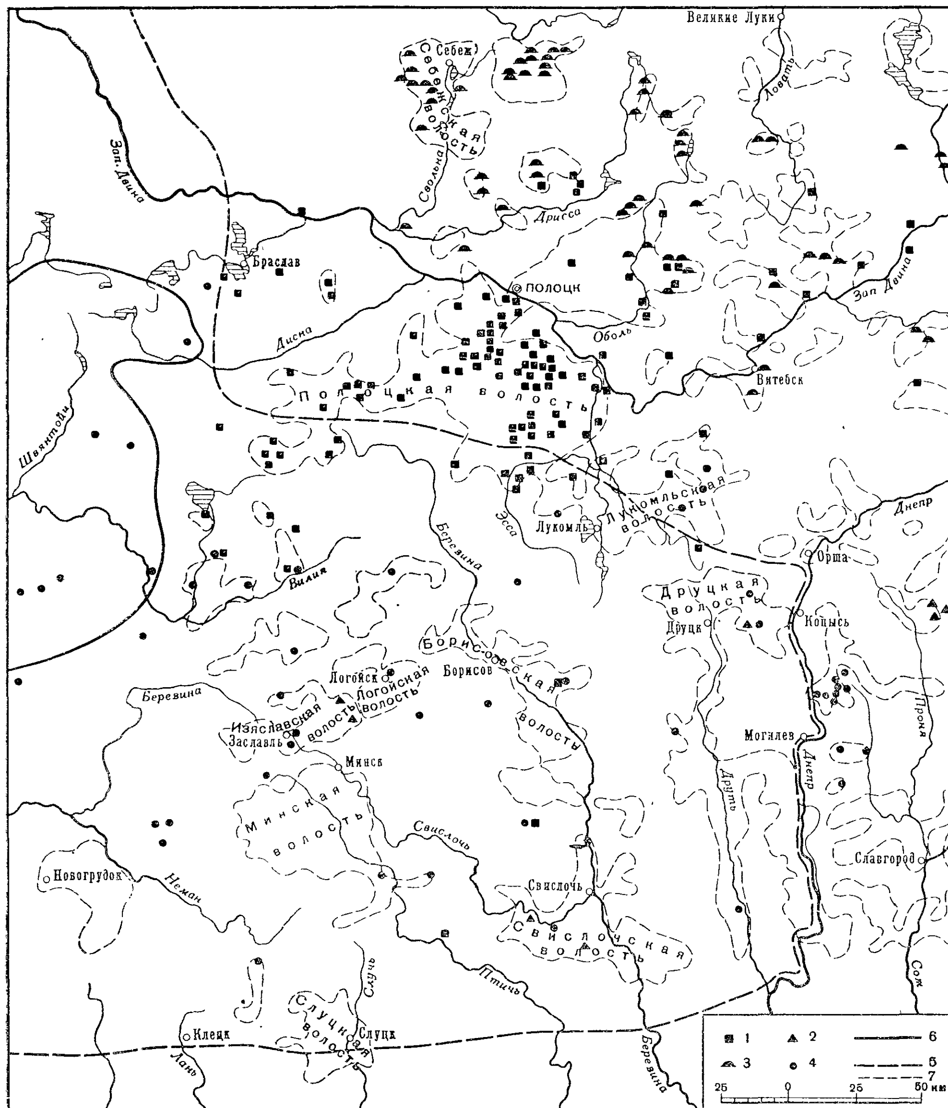
Любопытны наблюдения над народными наименованиями курганов, распространенными в современной Белоруссии. Картографирование этих названий, полученных главным образом из археологической литературы и частично из наших разведок, выделило в Центральной и Северной Белоруссии два района с оригинальными терминами (рис. 10). В районе Полоцка, к северу и востоку от Витебска, распространены наименования *волотовки* (118 терминов), встречающиеся на соседних территориях спорадически (единичные случаи в окрестностях Браслава, Вилейки, Борисова (дер. Велятичи) и Бельска в Западной Смоленщине). Здесь же известны и 16 топонимов волотовки (в бывшем Полоцком у. — семь, в бывшем Витебском и Лепельском — по два, Городокском, Невельском, Бельском, Борисовском, Люцинском — по одному)[120]. К югу, в Центральной Белоруссии, вплоть до Днепра на востоке и до Клецка и Слуцка на юге, распространены названия курганов и топонимы *капцы* (54 термина и девять топонимов: в Минском у. — три, в Слуцком и Мозырском — по два, в Новогрудском и Бобруйском — по одному). Кроме новгородского термина *сопки*, частично заходящего в Белоруссию с севера (рис. 10), в остальных ее районах курганы именуются просто *курганами*[121]. Любопытно, что в зонах соприкосновения границ распространения описываемых названий курганы обычно именуются двояко (на оз. Мядель, в Велятичах Борисовского у. и т. д.).

Из всего сказанного можно сделать некоторые выводы.

Древнейший термин, обозначающий курганы, является *капцы*, от литовского *kapas* — могила. Он принадлежит лишь той территории, где славяне ассимилировали балтийские племена — потомков населения городищ

[120] А. П. Сапунов. Список населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1906, Возражение В. В. Седова (В. В. Седов. Дреговичи, стр. 119) о широкой якобы распространенности наименования курганов *волотовками* неосновательно. Проверенная мною археологическая литература абсолютно не обнаруживает их ни на указанных им радимической земле, ни в верхнем Поволжье. В Смоленщине же эти наименования действительно есть, но они единичны и встречаются в самых западных областях, примыкающих к Северной Белоруссии (Е. Р. Романов. Очерки Витебской губернии. Велижский уезд. Витебск, 1898, стр. 234; А. Г. Векслер Археологическое обследование бассейна р. Каспли. Материалы по изучению Смоленской области, вып. 2, 1957, стр. 336). Отмечая, что я впервые использовал наименования *волотовки*, *сопки* и *капцы* для исторических выводов, В. В. Седов по недоразумению приписал мне также утверждение о дреговическом якобы происхождении термина капцы. Вместе с тем, на странице 109 рукописи, на которую он ссылается (см. в фонде б-ки им. В. И. Ленина: Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1955, стр. 109), я отмечал, что термин этот, происходящий от литовского *kapas* (могила), распространен на территории с литовской гидронимией, что границы его распространения совпадают с границами городищ штрихованной керамики и что он, следовательно, восходит к «славяно-литовской общности», т. е. в данном случае к эпохе славянской ассимиляции. О связи с дреговичами не было ни слова!

[121] Так именовались они в Смоленщине еще в XVI в. (Ф. Аделунг. Древнейшие путешествия иностранцев по России. ЧОИДР. М., 1863, кн. 2, разд. 3, стр. 175).



7

Рис. 10. Распространение народных наименований курганов в современной Белоруссии

1 — «волотовки»; *2* — «курганы»; *3* — «сопки»; *4* — «капцы»; *5* — границы культур штрихованной керамики; *6* — граница курганов литовского типа; *7* — границы волостей

со штрихованной керамикой. Наличие у аборигенов термина, обозначающего могилу, косвенно удостоверяет, что этот вид погребения, неизвестный еще археологам, все же у них существовал. Термин *волотовка*, известный в Белоруссии еще и в XVI в.[122], связываемый учеными прошлого с велетами Страбона (П. Шафарик) и даже с кочевыми («влачившимися») племенами, для которых они служили якобы путеуказателями (К. П. Тышкевич), в действительности, как это заметил еще А. Афанасьев, отражает древние представления славян о волотах (великанах)[123]. Его приобрели курганы в то сравнительно позднее время, когда их истинное назначение было уже забыто, и населению, неоднократно их разрушающему и видевшему остатки погребений, потребовалось объяснение столь больших могил. Распространение термина *волотовки* в четко очерченных районах позволяет догадываться, что в этих районах, где не было ассимиляции балтов (потомков населения городищ штрихованной керамики), длительно сохранялись древнеславянские узкоплеменные предания (может быть в прошлом — культы) о волотах-великанах, с погребениями которых и были увязаны курганные захоронения. Если это предположение считать уместным, то наименование волотовки очерчивает нам, по-видимому, ту часть территории кривичей, особую ветвь которых летописец именовал полочанами. Она точно совпадает с указанной территорией сплошного распространения курганов между реками: Западной Двиной, Дисной, верховьями Сервеча, Березины и Уллы. Отсюда и началось дальнейшее продвижение полочан в глубь Северной Белоруссии (на верхнюю Березину и далее на юго-восток и юго-запад).

* * *

Итак, предварительно (до целенаправленных раскопок) можно считать, что полочане — часть кривичей, обосновавшаяся первоначально на водной магистрали ответвления пути из варяг в греки (к югу от Полоцка — верховья Березины) и расселившаяся затем на запад (вплоть до поселений литовских племен), юг (вплоть до ломаной линии — севернее Минска — южнее Борисова — Орша) и северо-восток (северная Витебщина). Ассимилировав некоторые племена балтов и, может быть, единичные поселки финнов (по Западной Двине), восприняв повсеместно топонимику аборигенов, полочане, по-видимому, впитали некоторые черты их материальной культуры и языка, которые, постепенно видоизменяясь

[122] «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской», т. III. Витебск, 1872, стр. 304 и др.

[123] А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. II. М., 1868, стр. 650, 651; ср. А. А. Потебня. Этимологические заметки. «Живая старина», 1891, вып. III, стр. 121; А. Н. Веселовский. Уголок русского эпоса в саге о Тидреке Бернском. ЖМНП, ч. CCCVI, стр. 248, 249, 275.

и дали те особенности локальных вариантов белорусской этнографии и диалектологии, о которых мы говорили. Все это позволяет считать, что проблему происхождения белорусского народа нельзя рассматривать изолированно от взаимовлияния славянских племен и балтийских аборигенов. Рассмотрим в заключение вкратце некоторые важнейшие черты идеологических представлений полочан, насколько это позволяют источники.

Язычество

Как в древние времена, так и в начальную эпоху Киевской Руси, дофеодальная идеология — языческая религия — была в Полоцкой земле господствующей. Описывая быт языческих племен, летописец возмущенно писал: «... живяху в лѣсѣ, яко же и всякий звѣрь, ядуще все нечисто, и срамословие в них предъ отьци и предъ снохами, и браци не бываху въ них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на бѣсовская пѣени и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены»[124]. А многие события, происшедшие в Полоцкой земле позднее, уже в XI в., в глазах просвещенного книжника все равно связывались с колдовством и чародейством. Там, в Полоцкой земле, князь родился «от вълхвования» и всю жизнь был «немилостив на кровопролитие», так как носил по указу волхвов на себе талисман — «язвено», с которым появился на свет[125]. Там, в конце XI в. в Друцке и Полоцке являлись живым среди дня души умерших — страшные всадники, при виде которых люди падали замертво[126]. Даже многие природные явления рассматривались летописцами как предзнаменования походов полоцкого Всеслава. «Слово о полку Игореве», созданное через восемьдесят шесть лет после смерти этого князя, рисует его в сверхъестественном виде, а русский фольклор вообще именует его волхвом (Волх Всеславич)[127].

Языческие представления славянских племен в Полотчине безусловно нашли отзвук в курганных захоронениях Северной Белоруссии, но этот источник специфичен, так как отражает в основном культ предков, да и хорошо фиксированных раскопок (здесь важен погребальный обряд) у нас еще слишком мало. Незаменимым и драгоценным источником служит белорусская этнография. Много столетий, ведя борьбу с панским ополячиванием и окатоличиванием, дореволюционный белорус бережно и, может быть, не совсем сознательно сохранял свои прежние долитовские древнерусские черты — обряды, верования, песни. К неудовольствию православных священников дореволюционной России христианство, как в древние времена, так и в XIX—XX вв., отложило отпечаток на его жизни лишь

[124] ПВЛ, т. I, стр. 15.
[125] Там же, стр. 104.
[126] Там же, стр. 141.
[127] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. М., 1963, стр. 94 и сл.

чисто внешне [128]. Отправляясь в церковь, белорус говорил, что «идет молиться богам и божкам» [129]. Иконы, висящие в красном углу, именовались «боги», где наряду с христианскими священными изображениями, можно было встретить предметы отнюдь не христианского культа, включая изваяние Нила Столбенского, одетого в сарафан из цветных тряпочек (!) [130]. Перед иконами, как перед идолами, на коленях произносили заговоры [131]. В сознании белоруса причудливо переплетались пережитки древних тотемических культов, восходящих еще к эпохе неолита и бронзы (культ медведя, змеи, коня, растений и т. д.), с пережитками культов предхристианской поры [132].

Как показывает белорусская этнография, языческие верования славянских племен Северной Белоруссии делились в основном, как и у прочих восточных славян, на поклонение природе и поклонение предкам. В первом, естественно, наибольшего развития достиг аграрный культ, связанный с урожаем. Кратко его охарактеризуем.

Календарь славянина северо-западных областей начинался с зимних коляд. Дореволюционный белорус, часто не осведомленный в названиях месяцев, твердо знал, что «от коляд до благовещения — 12 недель, до Юрия — шестнадцать, до Миколы двадцать, до Купалы — двадцать шесть и от купалы до коляд — тоже двадцать шесть [133]. Игры, распространенные на коляду, начинались 24 декабря, т. е. в день рождественского сочельника, были тесно связаны с пожеланием хорошего урожая и сохраняли много остатков языческой древности. Так, буйная игра «женитьба Терешки», распространенная в наиболее «безнравственном» виде в части бывшей Витебской, Минской и Виленской губерниях [134], была, очевидно,

[128] Миссионер. Язычество в епархии. «Полоцкие епархиальные ведомости». Витебск, 1906, № 6, стр. 193, 194; Он же. Немножко язычества. «Полоцкие епархиальные ведомости», там же, № 10, стр. 384—388; три статьи в журн. «Полоцкие епархиальные ведомости» за 1903 г., № 18, стр. 675—678; № 20, стр. 755—756, № 22, стр. 821—824.

[129] А. В. Никитенко. Дневник, т. I. М., 1955, стр. 210.

[130] В. Покровский (священник). Религия нашего простого народа. «Полоцкие епархиальные ведомости», 1908, № 44, стр. 872.

[131] А. Е. Богданович. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Гродно, 1895, стр. 40.

[132] Симон Нечаев. Нечто из религиозных обрядов и суеверий в Бегомльском приходе Борисовского уезда. «Минские епархиальные ведомости», 1874, № 7, стр. 229—231; «Следы почитания змей в Белоруссии», «Ковенские губернские ведомости», 1893, № 89; «Белорусские поверья о змеях». «Зап. Сев.-Зап. отд. РГО». Вильна, 1911, кн. 2, стр. 386 и др.

[133] Е. Р. Романов. Белорусский сборник. т. VIII—IX. Вильна, 1912, стр. 67.

[134] П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. II. СПб., 1893, стр. 99—105, 110; А. К. Киркор. Этнографический взгляд на Виленскую губернию. «Этнографический сборник РГО», 1858, стр. 168; А. Е. Богданович. Пережитки. . ., стр. 90—93.

одним из отдаленных отголосков языческих «игрищ между селами». Так называемые весновые (весенние) песни были позднее приурочены к Сорокам (дню сорока мучеников Севастийских — 9 (22) марта), их продолжали петь весь великий пост. В конце XIX в. старики еще помнили пережитки обрядовых игр, которыми некогда сопровождалось «выкликание» весны [135]. Особенно много языческого сохранилось в песнях, так называемых *волочебных*, которые в христианскую эпоху были приурочены к пасхе. Нигде в белорусских песнях прошлого не отводилось столь почетного места земледельческому труду, как здесь. В них «... нет ничего такого, что указывало бы на христианское значение праздника пасхи», — писал Е. А. Богданович. — «А в некоторых местах волочебников вообще называют *ралешниками* (от *ралля — пахота*), т. е. певцами земледелия» [136].

Всякое дело, которое начинал славянин-язычник, он связывал с определенными обрядами; в XIX в. в Северной Белоруссии, например, готовясь пахать, хозяин должен был выйти с хлебом и солью [137]. Когда после сева урожай поручался солнцу, в языческой деревне устраивались, видимо, особые игрища, посвященные богу солнца Яриле, олицетворяемому в XIX в. девушкой в белом на белом коне, вокруг которой водили особые хороводы [138]. Описание этнографами XIX в. празднества Купалы (в ночь с 23 на 24 июня) в Борисовском, Лепельском и Велижском уездах, где это общеславянское торжество сохранилось в наиболее нетронутой форме, воскрешает яркую картину славянского языческого праздника, посвященного солнцу. Здесь и необычайно реалистичный символ солнца — пылающее колесо на воткнутом длинном жерде, и хороводы с языческими песнями, и очистительные прыганья через костер, и священное блюдо — яичница-глазунья, и игры и, наконец, обряд умыкания невест, ожесточавший некогда летописца [139]. Жатва снова связывалась в представлении язычника с солнечным культом. В первый день жатвы крестьянки Себежского у., выйдя в поле и повернувшись к солнцу, молились (!) [140]. Получив урожай, в помощи бога солнца нуждались значительно меньше, поэтому благодарственные обряды, обращенные к божеству, давшему урожай, распространены были в языческой древности только в день окончания жатвы (на *дажинки*) [141].

[135] А. Е. Богданович. Пережитки..., стр. 101—105.
[136] Там же, стр. 106, 107.
[137] Н. Я. Никифоровский. Простонародные приметы и поверья в Витебской Белоруссии. Витебск, 1897, стр. 102, 103.
[138] А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. 1. М., 1865, стр. 441.
[139] А. Е. Богданович. Пережитки...; см.: «Повесть временных лет», I. М.—Л., 1950, стр. 15.
[140] Е. Р. Романов. Белорусский сборник, стр. 240.
[141] Там же, стр. 265—267.

Последующие месяцы до зимних коляд сохранили у белоруса мало интересного. Постепенное увядание природы отразилось лишь в повсеместно отмечаемом празднике предков *дзядов*, но останавливаться на этом мы не имеем возможности.

Крайне важен и интересен вопрос для восстановления идеологических представлений полочан — вопрос о языческих святилищах. Такие памятники археологами еще не обнаружены, но драгоценные свидетельства о них сохранил белорусский фольклор. До нас дошли многочисленные народные предания о местах, где некогда якобы провалилась разрушенная силачом, или ушла под землю сама по себе церковь [142]. Места эти с давнего времени почитались святыми и, проходя мимо них, крестьянин XIX в. снимал шапку и крестился. Предание о силачах — форма, в которой отложилась в народной памяти ожесточенная борьба в Полоцкой земле христианства с язычеством, когда специальные миссионеры разрушали в глухих местах древние капища, свергали кумиров и прочее, что еще имело место на Руси и в XVI в.[143] Белорусский фольклор сохранил, как сказано, и описания этих мест: «У цёмном леси, — читаем мы в записи одного заговора, — стоиць гара высокая, там растуць дубы вечистые, там стаиць церква свянцовая, там бяжиць вада цудоуная. А яж ту воду брала, балючее цела абмывала, пиць давала...» (заговор против болезни) [144]. Драгоценнейшее и единственное описание святилища встречаем в так называемых волочебных песнях.

На яго дваре ды стаяць горы,
Да стаяць горы высокия;
А на тых горах да лежаць бруськя,
Да лежат бруськя цесовыя.
А на том бруськи ди стояць стоубы
Ды стояць стоубы малеваные,
А на тых стоубах ды висяць котлы,
Да висять котлы отливанные;
А по под котлами ды горать агни,
А гараць агни ясьненькие,
Да идуть дымки синенькие.
Там сидяць дзедки старенькие,

[142] О таком предании в окрестностях Лукомля сообщает А. Е. Богданович (Пережитки..., III, стр. 27); П. В. Шейн (имение Велишковичи, Суражского у.). Материалы, т. II, стр. 424 и др.; Н. Я. Никифоровский. Простонародные приметы..., стр. 304, 305. А. М. Сементовский. Белорусские древности. СПб., 1890, стр. 56 и др.

[143] П. Кеппен. Водь и вотская пятина. ЖМНП, 1851 г.

[144] Н. Никифоровский. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897. Записано в дер. Холпениче бывшего Борисовского уезда.

Варацъ воски жоуценькие,
Сучацъ свечи двойчастыя,
Сподзеются любых госцікоу,
Любых госцикоў великодничкоў [145].

Песня позволяет примерно реконструировать древние языческие святилища в Полоцкой земле. Они располагались, очевидно, на возвышенном месте, на горе, и представляли собой деревянную постройку, состоящую из деревянных продольных брусьев, на которых стояли вертикальные столбы с привешенными к ним котлами для варки воска. Под котлами специально приставленные старики возжигают костры и сучат «двоечастные» свечи. Старики эти — древнерусские волхвы, кудесники, деятельность которых очень мало известна вообще и, в частности, в Полотчине. В Полоцкой окраинной земле, близкой к языческой Литве, волхвование было распространено значительнее, нежели в Киевской и отчасти в Новгородской земле. Так было в северных русских окраинных землях, близких к языческим финнам, так могло быть и здесь. Недаром даже представитель княжеской верхушки Всеслав Полоцкий в народном предании конца XI—начала XII в. представлялся чародеем.

Еще в XVII в. Симеон Полоцкий ожесточался против пережитка волхвов — колдунов и ведьм, влияние которых было еще необычайно велико в Белоруссии в его время [146], а в XVIII в. местные помещики их просто сжигали [147].

[145] А. Е. Богданович. Пережитки..., стр. 27, 28. Записано в с. Погорелове бывшего Шуменского уезда.

[146] Симеон Полоцкий. Вечеря душевная. М., 1683.

[147] «С Вашего позволения, — доносил графу Тышкевичу его управляющий, — сжег я 6 чаровниц. Три из них сознались... Вот и г. Эпернети по нашему примеру сжег женщину и мужчину...» («Московские ведомости», 1858, № 60).

2

Полоцкое княжество. Страна. Территория. Границы

Судя по летописи, Полоцкое княжество образовалось в среднем течении Западной Двины в IX—X вв., занимало всю Северную Белоруссию и граничило на севере с Новгородской землей, на востоке — со Смоленской, на юге — с Турово-Пинской, на западе — с землями литовско-латышских племен. По современному административному делению в Полоцкую землю входила полностью Витебская область, северная часть Минской и северо-западная часть Могилевской. В конце XII—начале XIII в. под протекторатом Полоцка находилось также нижнее течение Западной Двины, где даже образовались два небольших княжества — Герцике (современная Ерсика) и Кукенойс (современное Кокнессе) — оба в Латвии.

Природные условия

Полоцкое княжество было одним из крупнейших на Руси государственных феодальных образований, не уступающим по размерам подобным образованиям в Западной Европе — Баварскому герцогству и Португальскому королевству (рис. 11).

Географически Полоцкое княжество занимало Придвинскую низменность вплоть до Белорусской холмистой гряды, тянущейся в широтном направлении от Орши к Минску, и захватывало весь водораздел Западной Двины и Днепра в пределах БССР. Основной водной артерией была

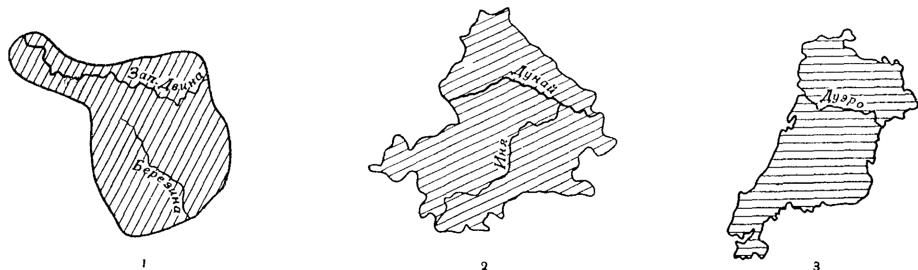


Рис. 11. Сравнение территории Полоцкой земли с некоторыми политическими объединениями Западной Европы XII в.

1 — Полоцкая земля; *2* — Баварское герцогство; *3* — Португальское королевство

Западная Двина, связывающая страну с востоком (через волоки) и с западом (через море). С северными и южными странами Полоцкую землю связывали крупные реки (через Северную Белоруссию проходит главный водороздел европейских рек) — Березина, Друть, Ловать и частично (у Орши) — Днепр. Крайне благоприятным обстоятельством для Полоцкой земли была близость верхнего Днепра (у Орши) и среднего течения Западной Двины (у Бешенкович). Это обеспечивало надежный транзит товаров, движущихся с Черного моря в Балтийское, и способствовало торговле внутри страны. Кроме многочисленных рек, Полоцкая земля изобиловала озерами, происхождение которых связывается с Вюрмским оледенением. Болот в Северной Белоруссии, по сравнению с южной, немного. Большая часть их тянется вдоль верхнего течения Березины. Болотные руды, наряду с озерными, играли, как известно, крупную роль в древнерусском железоделательном производстве [1].

Почвы Полотчины входят в так называемый северный или озерный геоморфологический округ, возникли они на древних девонских отложениях и характеризуются дерново-подзолистостью и небольшим плодородием. Это либо суглинистые и супесчаные почвы (Браславско-Дуниловичско-Богушевско-Городокский р-ны), либо пылевато- (и глеево-пылевато) суглинистые (Витебско-Лиозненский и Дриссенско-Шарковщинский р-ны),

[1] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 36, 37. Любопытно, что болотная руда Белоруссии привлекала внимание вплоть до сравнительно недавнего времени, когда в бывшем Борисовском у. на ней некоторое время работал чугуноплавильный завод. Однако плохое качество руды вынудило вскоре прекратить производство («Россия», т. IX. СПб., 1905, стр. 18).

либо пылевато-супесчаные (Полоцко-Суражский р-ны), либо, наконец, песчаные почвы (Лиснянско-Дретуньский р-ны)[2].

Полезных ископаемых, доступных человеку в древности, в Северной Белоруссии немного. Кроме указанных железных болотно-луговых и озерных руд, следует упомянуть гончарные глины, встречающиеся здесь во всех местах (например, под Минском)[3], известняки девонской системы, употребляемые в строительных нуждах и для выжигания извести, близ Витебска и ниже по Двине (в районе Полоцка и Дриссы, также в районах Городка, Сенна, близ Орши и т. д.)[4]. Из-за обилия лесов торф, по-видимому, не использовался.

Климат Северной Белоруссии, как и всей Восточной Европы во времена Киевской Руси, еще не определен. Попытки его изучения на основании замечаний летописей о дождях и засухах, которые не так давно были предприняты И. Е. Бучинским, историк не может признать удачными из-за некритического использования материала[5]. При современном состоянии знаний можем лишь сказать, что в связи с лесами, обильными в древности в Полоцкой земле, а также во всех других странах лесной полосы, климат был несколько иным, по сравнению с современным. Дендрологические и дендрохронологические анализы образцов древнеполоцкого леса из раскопок полоцких городов (Полоцка, Витебска и Друцка) в ближайшем будущем, очевидно, смогут ответить на этот вопрос со значительной полнотой.

Сейчас материалы на эту тему получены в результате дендрохронологического изучения образцов древнего полоцкого дерева. Его шкала, разработанная Б. А. Колчиным для 1124—1276 гг., как оказалось, полностью совпадает с новгородской шкалой. И климатические условия обеих земель, следовательно, были одинаковы. В нижеследующей таблице мы пы-

[2] П. П. Роговой, А. Г. Медведков и др. Почвы БССР. Минск, 1952, стр. 233—238.

[3] «Россия», т. IX, стр. 19.

[4] Там же.

[5] Собрав все сведения, например о засухах с X по XVIII в., автор заносит их в таблицу (И. Е. Бучинский. О климате прошлого Русской равнины. Л., 1957, стр. 101, табл. I) и выясняет, что засухи в X в. упомянуты летописцем однажды, в XI в. — дважды, в XII в. — 5 раз, в XIII в. — 2 раза, в XIV в. — 9 раз, в XV в. — 15 раз, в XVI в. — 8 раз, в XVII в. — 6 раз, в XVIII в. — 9 раз. Это свидетельствует о колебаниях климата с X по XVIII в., о наиболее засушливом XV столетии и т. д. Все это не имеет силы, так как автор не учитывает, что сведения о X и XI вв. записаны летописцами начала XII в., когда жанр летописи был еще не разработан, да и точные годы засух вряд ли сохранялись в памяти древнерусских книжников. С разработкой жанра летописи (куда специально стали заносить все стихийные бедствия, в том числе недороды), с колоссальным увеличением количества летописных списков и местных летописей, страницы их стали пестреть указаниями подробностей, в частности излагались причины неурожаев, что И. Е. Бучинским и было принято за изменение климата.

таемся сопоставить выводы Б. А. Колчина со сведениями о неурожаях вследствие засух[6], собранными И. Е. Бучинским для XII в., и известных из письменных источников[7]. Из табл. 1 следует, что данные дендрохронологии почти всегда находят соответствие в летописях и что периоды засухи за 90 лет повторялись в Полотчине (крайне нерегулярно) 8 раз, и каждый период продолжался в среднем два года.

Таблица 1

Сравнительные данные дендрохронологии и летописи о периодах засухи в Новгородской и Полоцкой землях с 1162 по 1250 г.

Угнетения годичных колец в Новгородской и Полоцкой землях, годы	Неурожайные и засушливые годы по летописям					
	Новгородская	Лаврентьевская	Ипатьевская	Воскресенская	Никоновская	Германские хроники
1162—1163	1161					
1169	Дороговизна хлеба в Новгороде					1170, 1173 в Польше — засуха
1191—1192			1193			
1210—1212	1215—1216			1212		
1219—1220		1223				В Польше — дождливое лето
—						
	1228—1230				1229	
1237—1238						
1250	1251					

Растительность страны прежде всего характеризуется (особенно в древности) изобилием лесных массивов, непроходимых чащ, на что указывали, как увидим, многие авторы XV—XVII вв. Вследствие изобилия подзолистых почв, большинство лесов смешанные, состоящие из ели, березы и осины, также белой ольхи, различных пород ив. Более редки сосна и орешник; совсем в малом количестве встречается черная ольха, клен, дуб и липа. На песчаных почвах смешанные леса перемежаются сосновыми борами[8]. В древности состав леса был, по-видимому, тот же. Площадь

[6] Б. А. Колчин. Дендрохронология древнего Полоцка. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 264 и сл.
[7] И. Е. Бучинский. О климате. . ., стр. 44—48.
[8] «Россия», т. IX, стр. 34, 35.

лугов тогда была ничтожной, и луговая флора, вероятно, более бедной, а водная и болотная мало отличались от растительности остальной части средней полосы Европейской России [9].

Животный мир, судя по находкам костей диких животных, был значительно богаче современного. Леса изобиловали турами, лосями, благородными оленями, медведями, кабанами, дикими козами, волками, лисицами, барсуками, бобрами, зайцами и др. Многие из этих животных водились в Северной Белоруссии в большом количестве еще в XIX в.[10] Раскопки также показывают, что в самых западных областях Северной Белоруссии и прилегающих к ней землях обитало еще одно дикое животное — маленькая лошадь — лесной тарпан, открытое впервые и описанное Т. Ветуляни (1925). Остатки этого малоизученного животного несколько раз встречались при раскопках в Белоруссии и в Прибалтийских странах [11]. Как показал Т. Ветуляни, лесной тарпан — потомок степного, распространенного в степных районах Европы в ледниковое и послеледниковое время [12].

Характер заселенности страны

Вопрос о характере заселенности древнерусских земель из-за кажущегося отсутствия данных обычно не освещается, подробная карта археологических памятников Северной Белоруссии (рис. 2 и 5) [13] позволяет подойти к вопросу вплотную. Нет сомнения, что в древности характер заселенности страны был не всегда одинаковым. Так, наблюдения над распространением памятников эпохи раннего железа (рис. 9) показывают, что плотность населения до прихода славян здесь была невысокой, а многие места, которые позднее (в эпоху раннего феодализма) были густо заселены (например, к югу от Минска, междуречье Гайны и Вилии и т. д.), почти полностью пустовали (рис. 2). Мало было поселений и к югу от Полоцка, где позднее

[9] «Россия», т. IX, стр. 35—39.

[10] Из одной только Витебской губернии в 1859 г. было отправлено в Ригу по Западной Двине — 215 пудов лосиных кож и 15 пудов лосиных рогов («Россия», т. IX, стр. 48). Медведей в конце XIX—начале XX в. было так много, что охота на них (например, в Городокском уезде) давала до четырех шкур взрослых особей за одну облаву («Россия», т. IX, стр. 45). До начала XIX в. в Белоруссии были распространены (ныне сохранившиеся только искусственно в Беловежской Пуще) благородный олень и зубр («Россия», т. IX, стр. 47).

[11] Кости лесного тарпана обнаружены в Восточной Прибалтике (В. И. Цалкин. Фауна из раскопок средневековых городищ на территории Латвии. МИАЛ, II. Рига, 1961, стр. 210), в Браславе (раскопки автора; кости животных любезно определены В. И. Цалкиным). Некоторые аналогии им находят в древностях III—V вв. н. э. Сувалщины.

[12] Т. Ветуляни. Проблема тарпана на фоне новейших работ Академии наук СССР по истории лошадей в Старом Свете. «Зоологический журнал», XXXI, 1952. вып. 5, стр. 727—735.

[13] Карта составлена автором по всем имеющимся опубликованным данным и на основании собственных разведок.

древнерусских поселений было много (рис. 5). Люди жили в укрепленных местах, группируя по три-четыре городища вместе. Среди памятников штрихованной керамики мы видим, например, в районе Слуцка городища Ивань, Слуцк, с нижним слоем этого времени — Селище, Падеры, может быть несколько далее Грэск (см. рис. 2); в междуречье Уссы и Птичи городища Алеховка, Городище, Теплень, а также особая группа городищ на правобережье Уссы в районе современного Дзержинска: ст. Рудица, Дзержинск, Каменка, Новосады. Еще одну группу городищ можно указать к северо-западу от Минска: Лабенщина, Збаровичи, Радошковичи. Это же прослеживается на Березине у Борисова, южнее Борисова, а также в районе Лепельских озер. Дальнейшее изучение ранних городищ Белоруссии, вероятно, расширит наши предварительные наблюдения.

Распространение курганов и курганных групп, а также некоторое количество известных сейчас остатков древних поселений позволяют судить о заселенности страны в последующую — предфеодальную и раннефеодальную эпохи. С приходом славян и, по-видимому, с естественным приростом аборигенного населения, количество поселков — теперь это неукрепленные деревни — необычайно возрастает. Особенно заселенными оказываются территории к югу от Полоцка, где изобилует поселениями озерный край Улльско-Ушачского междуречья, также окрестности верховьев рек Ловати, Березины, Гайны, Друти, Свислочи и Птичи (рис. 5). Если к югу от Полоцка в междуречье Мнюты, Дисны, Западной Двины и Березины насчитывается всего 45 городищ, из которых большинство безусловно ранние (разведка А. Г. Митрофанова, 1949 г.), то памятников второй половины I и начала II тысячелетий н. э., судя по курганам и городищам с датированным слоем, оказывается свыше 120 (рис. 5). То же мы видим к юго-западу от Минска, где всего 12 городищ, из которых семь безусловно ранние и четыре с неизвестным культурным слоем (рис. 2), однако памятников второй половины I и начала II тысячелетий н. э. оказывается 86 (рис. 5).

Что же представляла территория, не занятая поселениями? Болот в Северной Белоруссии сравнительно мало, поэтому всего правильнее обратиться к истории белорусского леса. Древнейшая история русских лесов почти не изучена, и у исследователей существуют на этот счет самые туманные представления. М. А. Цветков, например, полагает, что в изучаемое нами время все пространство между Днепром и Балтийским морем находилось под сплошными лесами, и делает исключение лишь для окрестностей древних городов [14]. Первые значительные порубки леса, по его мнению, начались лишь в конце XIV в., с уничтожением Ягайлой священных рощь в Самогитии, о чем бегло упомянул автор XVI в. М. Меховский.

[14] М. А. Цветков. Изменение лесистости Европейской части России с конца XVII столетия по 1914 год. М., 1957, стр. 9.

Для историка ясно, что первые действительно обширные порубки начались за много столетий до действий Ягайлы, а именно: в период перехода от родовых коллективов к сельской общине, от подсечно-огневого способа обработки почвы к системе больших пашень. Именно тогда, с ростом сети деревень, окруженных возделываемыми полями, началось массовое истребление лесов. Однако в XV—XVI вв. лесов в Белоруссии еще было очень много, и часто в тех местах, где их теперь уже давно нет. Так, Комтур Рагнети, например, следовавший в 1406 г. через Белоруссию в Брянск для помощи Витовту, от самого Днепра ехал лесами и за 17 дней пути лишь трижды смог заночевать под крышей [15]. С. Герберштейн отметил в 1517 г.: «...между Вильно и Полоцком... неизмеримо длинные леса, так что они простираются на 50 немецких миль», и далее: многочисленные леса к северу от Западной Двины, в районе крепости (см. рис. 10) и озера Нищи [16]. Эти леса, по свидетельству Р. Гейденштейна, распространенные к северу от Полоцка на 100 миль, задерживали продвижение войск Батория в 1579 г. Непроходимые леса описывает Р. Гейденштейн и между Суражем и Велижем [17]. Бернгард Таннер, направлявшийся в Московию 99 лет спустя, еще ужасался обилию «страшных лесов» между Минском и Борисовым [18]. Хищническое уничтожение лесов в Белоруссии, по-видимому, началось в XVIII в., продолжалось до революции [19], что и изменило картину заселенности страны. Сейчас, используя косвенные данные, можно только приблизительно наметить распространение лесов в древности. Наступление человека на леса в период до варварского их сведения в XVIII—XIX вв. частично отразилось в наименованиях современных населенных пунктов типа «Бор», «Борок», «Лесная» и т. д., нанесение которых на археологическую карту показывает, что большинство их располагается в тех местах, где нет ни современных лесов, ни древних археологических памятников. По-видимому, эти наименования отражают не первоначальное наступление на лес, а тот его период, когда курганы (наиболее массовый вид памятников) уже перестали возводить, но леса еще в этих местах продолжали существовать. Первоначальные наименования деревень

[15] A. Prochaska. Codex epistolaris Vitoldi. Krakow, 1882, стр. 131.

[16] С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 223 и 224.

[17] Р. Гейденштейн. Записки о московской войне. СПб., 1889, стр. 49, 62 и 116.

[18] Бернгард Таннер. Описание польского посольства в Москву в 1678 г. М., 1891, стр. 25.

[19] Есть сведения об уничтожении лесов в Могилевской губернии в 1774 г. («Полное собрание законов». Первое, т. XIX. СПб., 1830, стр. 895). В 1797 г. стало известно о хищническом уничтожении лесов в Минской губернии (там же, т. XXIV, стр. 608). На массовое сведение лесов в конце XVIII—начале XIX в. указывал А. М. Сементовский («Описание Витебской губернии в лесном отношении». «Труды императорского вольного экономического общества». СПб., 1862, т. III—IV).

«Бор», «Борок» и другие позволяют расширить наши представления о лесных массивах между XII в. (век окончания насыпки курганов в этих местах) и XVIII в. (век массового уничтожения лесов) в Северной Белоруссии.

Все это позволяет заключить, что современные лесные массивы Северной Белоруссии представляют рудименты тех больших лесов, которые видели в XV—XVII в. путешествующие иностранцы и которые в глубокой древности были еще обширнее. Естественные преграды, крайне затрудняющие передвижение человека, леса эти издревле, по-видимому, служили надежной границей для отдельных групп населения внутри страны и границей для всей земли в целом.

Процесс формирования территории Полоцкой земли и ее составные части

В главе о курганах мы рассмотрели процесс расселения славянских племен в Северной Белоруссии, который начался со стороны Полоцка и продвигался в глубь страны сначала по Березине, а затем и в остальную часть территории.

Процесс роста государственной территории Полоцкой земли, начавшийся в конце I тысячелетия н. э., подробно исследован А. Н. Насоновым[20]. С возвышением Полоцка и появлением «местного феодального класса, в интересах которого было создать аппарат принуждения, распространяя его действие на значительные территориальные объединения, и бороться за расширение своей областной территории»[21], дань, поставляемая в Полоцк, начала разрастаться. VIII, IX и X века были, очевидно, «поглощены» формированием и утверждением власти в Полоцке, «освоением» населения внутри страны феодальным классом и, вероятно, данническим подчинением некоторых прибалтийских народов на западе. В это время, по-видимому, возникла граница интересов Полоцкой и Турово-Пинской земель.

Как выяснил А. Н. Насонов, в первой половине XI в. полоцкие интересы сталкиваются на северо-востоке с интересами новгородскими, так как полоцкая дань, очевидно, дошла до волоков пути «из варяг в греки». Столкновение Ярослава Мудрого с полоцким Брячиславом (1021) и уступка Усвята и Витебска последнему на два с половиной десятилетия примирила страсти (см. главу VI). В середине XI в. интересы Полоцка столкнулись с интересами его северо-западного соседа — Пскова и затем снова Новгорода, в конце XI в. скрестились с интересами Смоленска, а в начале XII в. Полоцк, возможно, претендовал и на нижнее течение Западной Двины. Так следует, по-видимому, объяснять походы Всеслава Полоцкого на Псков (1065), Новгород (1066) и Смоленск (1078) и его

[20] А. Н. Насонов. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 145—158.

[21] Там же, стр. 146.

сыновей на Земгалов (1106). Войны XII и начала XIII в. в Полоцкой земле носили совершенно иной, главным образом внутренний характер и ставили совершенно иные цели (см. главу VI).

Итак, территория Полоцкой земли не была равномерно населена и представляла в древности конгломерат нескольких густозаселенных массивов, разделенных между собой часто большой территорией леса. Слабая археологическая изученность курганных древностей Северной Белоруссии пока не позволяет решить, как возникли, как развивались эти массивы в отдельности и какие этнографические черты их отличали. Следует полагать, что первоначально каждый массив принадлежал объединению нескольких небольших племен. Возникновение же государственной власти и постепенное подчинение населения такого массива образовавшемуся в его среде центру привело к объединению с новым видом подчинения, которое в раннем периоде летописи именуют термином *волость*. Это не были еще волости более поздних времен, когда они стали почти равновелики погостам. Это были большие части земли, в более позднее время называвшиеся *уделом*.

Начнем с Полоцкой волости-удела. Под 1169 г. летопись сообщает, что новгородцы и псковичи «ходиша... к Полотьску и пожьгше волость воротишася от города за 30 вьрстъ»[22]. Из этого следует, что Полоцкая волость на севере простиралась более чем на 30 км. Здесь действительно на расстоянии 50 км к северо-северо-востоку по прямой от Полоцка и сейчас есть озеро и поселок Межно, а далее располагается озеро Нещерда, еще в 1403 г. принадлежавшее Псковской земле[23]. В 60 км к северо-востоку от Полоцка находилось оз. Неколочь и возле него полоцкий пограничный пункт, а далее, в 90 км, лежал уже новгородский Еменец (см. гл. IV). Сообщая о волнениях в Полоцке в 1159 г. и о бегстве в Минск князя Ростислава Глебовича, летописец указывает, что этот князь «много зла створи волости Полотьской воюя и скоты и челядью...»[24]. По-видимому, эта значительная часть Полоцкой волости (иначе летописец бы о ней не упомянул) находилась к югу от Полоцка, через которую и бежал изгнанный князь. На карте археологических памятников этого времени мы действительно видим область к северо-востоку от Полоцка (вплоть до Неколоча), до некоторой степени насыщенную курганами (рис. 5). Гораздо более насыщенную ими область обнаруживаем и к югу и юго-западу от Полоцка. Полоцкий удел-волость, судя по этой карте, на юго-западе доходила до правобережья Дисны, на левобережье которой располагались

[22] Новг. 1. М., 1950, стр. 33.

[23] Псковские летописи, т. II. М., 1955, стр. 110. Во второй половине XIV в. волость Нещерда принадлежала уже Полоцкому повету (Н. Оглоблин. Объяснительная записка к карте Полоцкого повета. «Сборник археологического об-ва», кн. 4. СПб., 1880.

[24] ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 495, 496.

уже литовские племена, известные по работам Ф. В. Покровского на Браславских озерах[25] и оставившие, судя по Сафаревичу, литовские топонимические наименования, оканчивающиеся на *ишки*[26]. Западной границей удела была река Березвица (правый приток Дисны, междуречье ее и Мяделки было, по-видимому, занято пограничным лесом). Верховье реки Березины (днепровской), озера в районе современного Березинского канала, левобережье Уллы служили южной границей удела, а нижнее течение Усвячи — его восточной границей. На правобережье Двины Полоцкий удел охватывал, по-видимому, реки: Оболь, Сосницу, Полоту (и, может быть, среднее течение р. Дриссы, см. рис. 12). Представляется важным, что очерченные южные границы Полоцкой волости почти полностью соответствуют южной границе Полоцкого повета второй половины XVI в.[27], это подтверждает правильность нашего определения южных границ удела.

Обратимся к Минскому уделу-волости. Минскому княжеству, несомненно, не принадлежал ни соседний Изяславль, ни Логойск, так как эти города составляли, по-видимому, особые уделы и при захвате Минской земли Мономахом (1118) отошли к Полоцкой земле (см. ниже). Исходя из расположения курганов вокруг Минска (рис. 5), можно считать, что владения минского князя простирались главным образом на юг и далее верховьев рек Уссы и Птичи не заходили (рис. 12). Южнее распространились, очевидно, обширные леса, отделяющие Полоцкие земли от Турово-Пинских. Западнее еще более непроходимые леса Ислочьско-Неманского и Неманско-Сервечского междуречий отделяли Минскую волость от Новогрудских владений. Судя по топонимическим наименованиям «Литва», позднее сюда продвинулись литовские поселения. Как полагает по другим данным Э. М. Загорульский, отмеченные нами малозаселенные лесные массивы Свислочско-Березинского междуречья, как и район древнего города Свислочи, всецело принадлежали Минску[28].

Друцкий удел-волость под наименованием «Друцкая земля» упоминается в «Западнорусских летописях», при сообщении легенды о Киевском князе Дмитрии, бежавшем якобы от Батыя в Друцк «и землю Друцкую», где он «посел и город Друческ зарубил»[29]. Владения удела приблизительно можно очертить исходя из нашей карты (рис. 12); очевидно, до

[25] Ф. В. Покровский. Археологическая карта Виленской губернии. «Труды ВОМПК». Вильна, 1893.

[26] J. Safarewicz. Rozmieszczenie nazw na — «iszki» na pograniczu słowiańsko-litewskim. Sprawozdania z czynności posiedzeń Państwowej Akademii Nauk, t. XLVIII, 1947.

[27] Н. Оглоблин. Объяснительная записка....

[28] Э. М. Загорульский. Древний Минск. Минск, 1962, стр. 8. Автореф. канд. дисс.

[29] ПСРЛ, XVII. СПб., 1907, стр. 230, 243, 299, 360.

верховьев рек Бобр, Усяж-Бук, Обольянка — на севере и северо-западе (где начинались владения Лукомля), видимо, по рекам Адров и Днепр — на востоке, вниз по р. Друть — на юге, довольно далеко, до впадения реки Грезы, а, может быть, и до самого устья (рис. 5 и 12). Такое заключение кажется правдоподобным потому, что других претендентов на владения поселениями на Друти нет, а Друцк почти несомненно контролировал весь друцкий путь, по которому было удобно, к тому же, поддерживать связь со всеми подвластными землями, несмотря на растянутость. Березина была, вероятно, рубежом, разделявшим Минский и Друцкий уделы. Во всяком случае, как увидим по сообщению В. Н. Татищева, полоцко-друцкий князь Борис Всеславьич в 1102 г., возвращаясь из похода на ятвягов, отстроил город Борисов и населил его пленными [30]. По-видимому, Борис это и сделал на границе своего удела.

Витебская волость упоминается уже в списке договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. [31] Позднее, в XVI в., она именовалась воеводством [32]. Крайне слабая изученность Витебского района в археологическом отношении, к сожалению, значительно затрудняет наши наблюдения и заставляет привлекать почти лишь исключительно косвенные данные. Судя по карте, в междуречье Каспли и Лучёсы памятников почти нет; оно почти сплошь до сих пор занято лесами. Это, вероятно, остатки пограничных лесов Полоцкой земли на ее восточном порубежье. Таким образом, поселения Витебской волости следует искать к северу и западу от города, по берегам Западной Двины. Памятники здесь известны в очень небольшом количестве. Судя по карте Полоцкого повета, в XVI в. западная граница Витебского повета проходила в 20 км к западу от Витебска у Старого Села [33]. Может быть, где-то здесь она проходила и в домонгольское время (рис. 12).

Осталось сказать несколько слов об Изяславльско-Логожском и Лукомльском уделах. Первый, судя по летописи, существовал уже в начале XII в. [34] и во второй половине этого столетия был разделен на две части [35]. Он располагался, очевидно, в междуречье Гайны, Вилии и Березины (днепровской), находился на волоках в Литву и был довольно сильно заселен (рис. 5 и 12). Лукомльский удел, упоминаемый в качестве удела только во второй половине XII в. [36], располагался на торговых путях между Днепром и Двиной и граничил с Друцким и Полоцким уделами-волостями.

[30] В. Н. Татищев. История Российская. М., 1963, т. II, стр. 123.
[31] «Смоленские грамоты XIII—XIV вв.». М., 1963, стр. 39.
[32] ПСРЛ, т. XVII, стр. 353, 409, 411.
[33] Н. Оглоблин. Объяснительная записка...
[34] ПСРЛ, т. I, вып. 2. Л., 1927, стр. 297, 298.
[35] ПСРЛ, т. II, стр. 620.
[36] Там же.

Рис. 12. Волости-уделы Полоцкой земли (реконструкция)

а — волости; *б* — древние лесные массивы (реконструкция); *в* — современные лесные массивы; *г* — область длинных курганов Понеманья; *д* — область литовских курганов; *е* — примерная граница латгалльских памятников

Шесть первоначальных уделов-волостей соответствовали, как увидим, шести сыновьям Всеслава Полоцкого, между которыми после его смерти (1101) они и были, по-видимому, поделены.

Границы

Вслед за формированием территории Полотчины к XI в. определились и ее границы. Отсутствие прямых данных обычно вынуждает исследователей решать этот вопрос в самых общих чертах [37]. Изучив заселенность страны, мы можем подойти к теме намного ближе. Казалось, можно было бы считать, что пределы окраинных волостей-уделов в своей наружной части и составят границу Полоцкой земли. Однако некоторые топонимические наблюдения показывают, что здесь все было сложнее.

Еще Н. П. Барсовым было замечено, что названия деревень Межа, Межник, Рубеж, Сутоки могут отражать древние границы [38]. Наименованием Рубеж, Рубежевичи пользовался и А. Н. Насонов, определяя границы Полоцкой земли [39]. Однако специальное изучение этих терминов в письменных источниках показывает, что безоговорочно ими пользоваться нельзя. Слово *межа* (восходящее к индоевропейскому корню, обозначающему лес) более древнее. Впервые оно встречается в Правде Ярославичей (60-е годы XI в.); «...а иже межоу переореть...» [40], в Пространной правде (начало XIII в.): «...дуб... межьный» [41]; также в «Повести временных лет» под 1097 г.: «..довлъть нама на межи своей стати» [42], где впервые выступают в качестве границы княжества. Это же слово можно встретить в «Грамоте Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на рель у Волхова с установлением меж между Юрьевым и Пантелеймоновым монастырями» (1125—1137) [43], в грамоте Антония Римлянина (не позднее 1147 г.) и в купчей Михаила Федоровича Крюка (конец XIV—1410 г.) [44] и т. д. Сохранилось летописное свидетельство о том, что и в Полоцкой земле, по-видимому, в XII в. границы именовались межами (1180) [45]. Судя по письменным источникам, на межах уже с XII в. существовали знаки, именуемые *межник*, *межень*, портить которые возбраня-

[37] В. П. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895, стр. 84—86; В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли. Киев, 1896, стр. 5 и сл.; В. Ляскоронский. История Переяславской земли. Киев, 1903, стр. 50—53. А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1951, стр. 144.

[38] Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 88.

[39] А. Н. Насонов. Русская земля и образование..., стр. 156—158.

[40] М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. стр. 83.

[41] Там же, стр. 103.

[42] ПВЛ, т. I. М.—Л., 1950, стр. 179.

[43] «Памятники русского права». Под. ред. А. А. Зимина, т. II. М., 1953, стр. 103.

[44] Там же, стр. 105 и 191.

[45] ПСРЛ, т. I, вып. 2. Л., 1927, стр. 404.

лось [46]. Слово *рубеж*, по-видимому, значительно более позднего происхождения. В «Русской Правде» обеих редакций, как и в «Повести временных лет», его нет. Судя по словарю И. И. Срезневского, этот термин начинает появляться в документах только с 1307 г.[47] Однако мы встречаем его в смысле границы в Лаврентьевской летописи еще под 1216 г. («И Смолнянъ на рубеж послаша») [48]. Полное господство оно получает, по-видимому, лишь в литовский период существования Полоцкой земли. В XVI в. получает распространение и термин *сутоки* (перекресток границ) [49]. Приводимая карта (рис. 13) показывает, что наименования *межа, межно, межник* и т. д. (их насчитывается сейчас 39) [50] распространены не хаотически, а в строго определенных местах: они либо окружают Полоцкую землю плотным кольцом, либо проходят ломаной линией с севера на юг, рассекая ее на две части, либо, наконец, составляют вторую линию, дублирующую северные пункты Полоцкой земли (но на известном расстоянии от нее). Наименования *рубеж* (известно 28 пунктов) также не расположены хаотично. Совпадая (с известным приближением) в некоторых местах с распространением названия *межа*, они охватывают большую территорию на севере (присоединяя к Полотчине Себежский район) и проходят внутри страны с запада на восток. Наконец, еще одна линия

[46] «Памятники русского права», т. II, стр. 103, 104, 136, 215, 216, 287, 299; ср. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, II. СПб., 1895, стр. 127.

[47] И. И. Срезневский. Материалы для словаря. . ., III, стр. 180.

[48] ПСРЛ, т. I, вып. 3. Л., 1928, стр. 493. Вообще же, наши наблюдения над известными письменными документами показывают, что первоначально слово *рубеж* означало, по-видимому, главным образом пошлину на границе («а рубежа им не деяти» — договор Смоленска с Ригой 1229 г. См. «Памятники. . .», II, стр. 66. «А гости нашему гостити по Суждальской земли без рубежа» — «Третья договорная грамота Новгорода с в. кн. Ярославом Ярославовичем 1270 года». Там же, стр. 141) и лишь позднее, в XIV в. оно завоевало право гражданства в значении *граница* (там же, стр. 141, 248, 296, 297), что первоначально значило, видимо, место на границе, где взимается пошлина.

[49] И. И. Срезневский. Материалы для словаря. . ., т. III. СПб., 1903, стр. 630.

[50] Источниками для такой работы явились: А. П. Сапунов. Список населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1906; В. С. Ярмолович. Список населенных мест Минской губернии. Минск, 1909; Г. П. Пожаров. Список населенных мест Могилевской губернии. Могилев, 1910; И. И. Гошкевич. Полный список населенных мест Виленской губернии. Вильно, 1905; «Список населенных мест Ковенской губ.». Ковно, 1892; «Список населенных мест Новгородской губернии», вып. 1—8. Новгород, 1909; И. И. Васильев. Опыт географическо-статистического словаря Псковской губернии, Великолукский у., Псков, 1884; «Себежский уезд». Псков, 1884. Привлекались оказавшиеся менее ценными следующие работы: Список населенных мест Минской губ. Минск, 1924, и др. После составления списков всех населенных мест с требуемым наименованием, каждый пункт наносился на мелкую карту с точностью до волости (большая точность в данной работе не нужна), для чего было использовано очень важное, но в нашей литературе незаслуженно забытое издание «Волости и гмины 1890 г. Приложение. Карты волостей», т. XVII. СПб., 1890; т. XXVIII, 1893; т. XLIII, 1894.

Рис. 13. Границы Полоцкой земли по топонимическим данным. Наименования современных населенных пунктов

1 — Межа, Межно; *2* — Рубеж, Рубежевичи; *3* — граница волостей; *4* — граница Полоцкой земли (реконструкция); *5* — предполагаемые границы Полоцкой земли; *6* — Браслав, Брославль, Брячиславль; *7* — Полочане; *8* — земли дреговичей в составе Полоцкой земли; *9* — земли литовских племен в составе Полоцкой земли

Рис. 14. Планы укреплений Полоцкой земли на западных границах ▶ (глазомерная съемка) Городища

на о-ве Мядель (*1*); на о-ве Дрисвяты (*2*)

Керамика:

а — *в* — сосуды из Мяделя; *г* — *ж* — из Дрисвят (*г* — шурф на валу; шурф на площадке: *д* — гл. 0,2—0,4 м; *е* — гл. 0,4—0,6 м; *ж* — гл. 0,6—0,8 м)

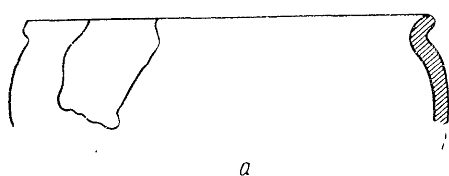
поселений с наименованием *рубеж* проходит между Смоленским и Витебском.

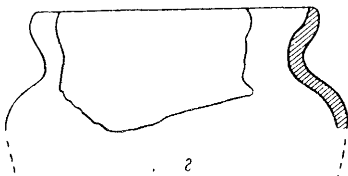
Приведенная карта показывает, что наименования современных деревень *Межа* и другие отражают пределы Полотчины домонгольского времени, когда граница шла не столько по рубежам заселенных территорий, но и частично захватывала пограничные леса (см. карту 13). Ломаная линия этих населенных пунктов, занявшая меридиональное направление, возникла, по-видимому, во второй половине XII в., в тот период, когда Друцкая и Витебская волости вошли под эгиду Смоленска (см. главу VI). Какое-то время южная граница Новгородской и Псковской земель с северной границей Полотчины, по-видимому, не соприкасались, что нашло отражение и во втором ряда наименований *межа* на севере (см. карту, рис. 13). Судя по распространению наименования деревень *Рубеж*, *Рубежник*, можно заключить, что, в соответствии с письменными источниками, оно отражает границы Полоцкой земли XIII—XVII вв. Как показывают писцовые книги, в Полоцкий повет в это время действительно входила Себежская волость[51], а линия пунктов, делящая Северную Белоруссию с запада на восток, соответствовала границе повета. Наконец, восточная линия наименований *рубеж* обозначает границу Литвы и Руси в позднем средневековье.

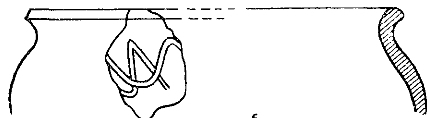
Итак, граница Полоцкой земли в домонгольское время на севере проходила по южным пределам Себежской волости, захватывала озеро Неколочь (озеро Еменец, судя по летописям бывшее также на рубеже, принадлежало уже Новгороду), после 1021 г. — Усвятскую и Витебскую волости и далее шла на юг в междуречье Днепра и Друти (какое-то время Полотчине здесь принадлежало правобережье Днепра, см. главу VI). Северо-западнее Могилева граница уклонялась на юго-запад к Свислочской волости, а затем между Минской и Слуцкой волостями шла на запад к верховьям Немана, откуда вдоль неманской Березины и Ошмянки ломаной линией уходила на север к области Браслава. С образованием княжеств по Двине, Герцике и Кукенойс во второй половине XII в. полоцкие владения охватывали и большие земли нижнего течения Западной

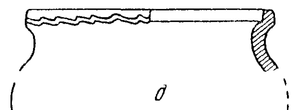
[51] Н. Оглоблин. Объяснительная записка..., карта.

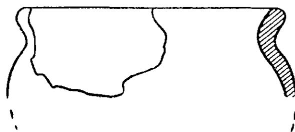
1 2


а

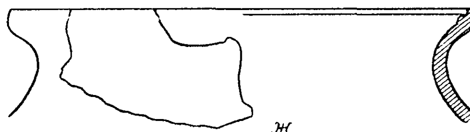

г


б


д


в

е


ж

Двины. Возникновение четких границ требовало, по-видимому, их охраны, особенно с запада, где можно было ждать нападения литовцев. Так в XI в. возникли, по-видимому, пограничные укрепления — Брячиславль (современный Браслав, см. гл. IV), отстроенный полоцким Брячиславом (1001—1044), городища на островах озер Дрисвяты, Мядель (рис. 14, *1*, *2*), где найдена и керамика соответствующего времени (рис. 13), и т. д. Им же, вероятно, отстроены другие «Брячиславли», которые мы встречаем на границах Полотчины: дер. Бряслов у оз. Сивир в 20 км к северо-востоку от г. Краславки (восточная Латвия) [52], где есть сильно разрушенное городище [53], Браславо (в современном Абренском р-не Латвийской ССР) [54], Браславль в 15—20 км к северу от Орши [55].

[52] А. А. Спицын. Сведения 1873 года о городищах и курганах. ИАК, вып. 5. СПб., 1903, стр. 12.

[53] Любезное свидетельство Э. Д. Шноре.

[54] А. П. Сапунов. Список населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1906, стр. 193, № 239.

[55] «Список населенных мест Могилевской губернии». Могилев, 1910, стр. 109, № 23.

3

Пути сообщения, торговля. Хозяйство

Водные пути

Изучение археологической карты и карты домонгольских монетных кладов в Северной Белоруссии (рис. 15) приводит к мысли, что сравнительно ранним возникновением и интенсивным развитием Полоцкая земля более всего обязана торговым путям, связующим Южную Русь, Византию и арабский Восток с Северной Русью, Прибалтикой и Скандинавией. В самом деле бо́льшая часть поселений IX—XII вв., судя по курганам, располагалась по диагонали с северо-запада на юго-восток, в зонах, соединяющих Днепр с Западной Двиной (по их притокам — Березине, Свислочи, Птичи, Усвяче и Улле); несколько меньше, но все же значительно была населена область верховьев Вилии и Немана, т. е. там, где бассейн Днепра ближе всего подходил к бассейну Немана. Из той же археологической карты видно, что в верховьях других рек древних поселений почти нет. Следовательно, описанные междуречья притягивали жителей чем-то другим. Это и были, очевидно, места древних водных путей сообщения. То же подтверждают и находки куфических монет, расположенные от Днепра и Друти на северо-запад, к Двине, и далее в Прибалтику.

Путь из варяг в греки

Среди водных путей, наиболее распространенных в древности, самое большое значение для Полоцкой земли имел «путь из варяг в греки». Летописец, как известно, ограничивается лишь суммарным его описанием (Днепр—Ловать). Однако несколько далее он описывает и путь по Западной Двине, через который, как выясняется, можно попасть «в варяги и из варяг до Рима, от Рима же

Рис. 15. Пути сообщения Полоцкой земли

1 — скопления курганов; *2* — клады восточных и западноевропейских монет (по В. Н. Рябцевичу, с дополнениями, исправлениями и расшифровкой названий автора); *3* — единичные находки восточных монет (то же); *4* — основные пути сообщения; *5* — неосновные пути сообщения; *6* — волоки; *7* — предполагаемые волоки; *8* — курганные группы, подтверждающие наличие дороги; *9* — топонимы «Волок»; *10* — топонимы «Переволочье», «Заволочье».

Клады и находки монет (см. карту): *1* — Ахременцы; *2* — Полоцк; *3* — Струнь; *4* - Славены (курган); *5* — Усвица; 6, *7* — Стражевичи; *8* — Прусиничи; *9* — Суходрева; *10* — Добрино; *11* — Соболево; *12* — Смольяны; *13* — Багриново; *14* — Симоны; *15* — Погорельщина; *16* — Минск; *17* — Летьковщина; *18* — Новый двор; *19* — Пятовщина; *20* — Дегтяны; *21* — Слуцк; *22* — Могилев; *23* — Вотня (курган); *24* — Веть; *25* — Поповка; *26* — Старый Дедин; *27* — Покоть; *28* — Поставы; *29* — Поречье

до племени Хамова...»[1]. Отсутствие кладов и отдельных находок куфических и византийских монет между Витебском и Великими Луками и их изобилие в междуречье Днепра и Двины наводит на мысль, что путь с Днепра на Западную Двину имел для международной торговли с востоком большее значение, чем путь по Ловати на Новгород, о чем уже писал С. В. Бернштейн-Коган[2]. Вряд ли это было в первый период обращения диргема на Руси, установленный Р. Р. Фасмером, а также В. Л. Яниным до 833 г.[3] Находки арабских монет в Латвии этого периода немногочисленны, располагаются по берегам Балтийского моря, через которое, очевидно, туда и попали[4]. В так называемый второй период обращения диргема на Руси (833—900 гг.) монеты продолжали двигаться на Русь волжским путем из Болгар, однако у устья Оки путь разветвлялся. Часть их через Клязьму, Нерль поступала на верхнюю Волгу и далее в Новгород и в Эстонию, а часть (и притом бóльшая) направлялась вверх по Оке (где найдена треть всех диргемов Восточной Европы) и далее через верховья Сейма попадала в Киев. Исходя из отсутствия в то время данных о кладах диргемов второго периода в Белоруссии, Смоленщине и на Брянщине, В. Л. Янин заключал, что названные области надолго выпали «из сферы обращения диргема и системы косвенных международных связей...», что эти явления «нельзя расценивать как прогрессивные...» и т. д.[5] Сейчас мы располагаем сведениями о четырех кладах этого вре-

[1] ПВЛ, т. I. М.—Л., 1950, стр. 11, 12.

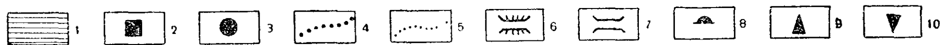
[2] С. В. Бернштейн-Коган. Путь из варяг в греки. «Вопросы географии», вып. XX. М., 1950.

[3] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, гл. 4.

[4] Э. Ст. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965.

[5] В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 105, 106.

в Прибалтику
Себеж
Великие Луки
Кунья
в Новгород
Еменец
Неколоч
Усвят
Зап. Двина
Браслав
Полоцк
Витебск
Зап. Двина
Днепр
в Смоленск
в Литву
Вилия
Березина
Лукомль
Орша
Друцк
Копыс
Борисов
Логожск
Изяслав
Минск
в Литву
Могилев
Новогрудок
Неман
Свислочь
Друть
Птичь
Клецк
Слуцк
в Киев
в Киев
в Киев
в Киев
Днепр
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29



мени в Белоруссии[6]. Два из них обнаружены в зоне между Днепром и Западной Двиной (Соболево и Добрино), один в районе оз. Плисса и один у дер. Симоны (северный берег оз. Нароч, рис. 15). Как попали в Белоруссию эти монеты? Маловероятно, чтобы они проделали путь с верховьев Оки или ее притоков на верхний Днепр. Здесь лежал большой торговый центр Смоленск, где диргемы, если бы их через него и возили, не могли бы не оседать. Однако находок этого времени ни в самом Смоленске, ни на Смоленщине нет.

Монеты предыдущего периода, как известно, с юга по Днепру завозили к радимичам[7]. Очевидно, и теперь монеты покупались в Киеве и везлись по Днепру на север. От Киева до самой Орши не было больших торговых центров, что и объясняет отсутствие там осевших монет. Однако в IX в. куфические монеты, как мы видели, в Прибалтику по Западной Двине еще не возили. Следовательно, покупка диргемов в Киеве производилась только для внутренних нужд Полоцкой земли и носила, вероятно, не очень широкий характер. Все же путь по Днепру и Западной Двине в то время был, несомненно, хорошо известен. Его значение подтверждает скандинавский эпос и эпиграфика (надписи на камнях в Скандинавии). Так, эмигранты с о. Готланда не могли прокормиться в устье Западной Двины и двинулись вверх «по воде, что зовется Дуна» через «Гардарик» (Киевскую Русь) и достигли «Гракландии» (Греции). Победитель Парижа (845 г.) Рогнар Лодброке похвалялся, что победил «8 ярлов на востоке от устья Западной Двины». Св. Торвальд — герой исландской саги — в 80-х годах X в. также проник в Полоцк, где и был погребен[8]. Резкое увеличение притока арабских диргемов на Русь в X в. не могло не сказаться на двинско-днепровском пути. Путь этот стал теперь сквозным — куфические диргемы распространились в Латвии (главным образом по Западной Двине), на о. Готланде число кладов с 12 в IX в., в X в. доходит до 74[9]. Большинство кладов, зарегистрированных в Белоруссии, относятся к X—XI вв. В середине X в. приток восточных монет на Русь начинает сокращаться, что немедленно сказывается и на днепро-двинском пути. «Днепр, начиная с середины 60-х годов X в., снова не отмечен находками монет ниже Могилева»[10]. С 80-х годов X в. количество кладов арабских диргемов начинает сокращаться и в Латвии, а к концу X—началу XI в.

[6] К. В. Кузнецов. Соболевский клад. «Изв. АН БССР», 1949, № 6, стр. 155—157. В. Н. Рябцевич. Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области. Нумизматика и эпиграфика, т. V. М., 1965, стр. 121—160.

[7] В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 86.

[8] С. В. Бернштейн-Коган. Путь из варяг в греки, стр. 240; В. А. Брим. Путь из варяг в греки. «Известия АН СССР». Л., 1931, № 2, стр. 216—218; «Antiquites Russes d'apres les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves». II. Copenhague, стр. 165; ПВЛ, т. I, стр. 18.

[9] Э. Ст. Мугуревич. Восточная Латвия..., стр. 23, прим. 4.

[10] В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 132.

они уже встречаются только в ее восточной части и в начале XI в. прекращаются вовсе[11]. Однако днепро-двинский путь еще продолжал существовать. Сокращение ввоза арабских диргемов купцы пытались первое время восполнять западноевропейской и византийской монетой. Большая часть византийских монет, найденных при раскопках в Латвии, относится именно к концу X—началу XI в. Последняя монета датируется XII в.[12] Все это свидетельствует, что днепро-двинский путь существовал еще долго, вплоть до XII, а может быть и XIII в. А некоторые из его вариантов не потеряли своего значения вплоть до XVIII в.[13] Добавим, что, по сообщению Д. Василевского, на оз. Орехи до сих пор сохранилось в наименовании некоторых мест слово *пристань* («Юрьева пристань», «Карпицкая пристань», «Плехановская пристань»)[14]. Путь на оз. Орехи вел через Лучесу к Витебску и далее, как и в летописи через Усвячу на Ловать. Если он и не был главным, то все же игнорировать его значение нельзя. Судя по обилию древних поселений вокруг усвятского волока (см. рис. 5), можно думать, что он был важен для поездок в Новгород. Монетных кладов на этом пути не найдено, видимо, он не был международным транзитом для восточных и западноевропейских товаров[15].

Помимо пути «из варяг в греки», очевидно, существовал путь по Березине. Берега этой полноводной реки в полоцком ее течении изобилуют курганами, свидетельствующими о заселенности в X—XII вв. Как видно на карте (рис. 5), эти памятники более всего группируются у древних городских центров — Свислочи (который, очевидно, существовал уже в то время) и Борисова, постройка которого, если верить В. Н. Татищеву, относится к 1102 г. По распространению курганов в районе Борисова древние поселения с правого берега Березины в районе устья р. Уши, у устья Бобра, переходили на ее левую сторону (на правой неизвестно ни одного кургана) и тянулись широкой полосой до впадения р. Гайны, где на ее левом берегу располагались вдоль ее течения вплоть до Логожска (Логойска) и шли далее, до верховьев р. Свислочи, соединяя этот город с Изяславлем (Заславлем, см. карту, рис. 5). Такое расположение не случайно и объясняется, очевидно, торговой магистралью, идущей по Березине и Гайне, откуда было легко связаться с реками бассейна Немана (носящими, кстати, почти те же наименования) — неманской Березиной, Ушей, Илиею и Ислочью (ср. Свислочь). Возникает вопрос, какие товары попадали в Изяславль—Минск через Гайну. Ясно, что товары,

[11] Э. Ст. Мугуревич. Восточная Латвия..., стр. 26.

[12] Там же, стр. 29.

[13] Е. П. Заклинская. Вотчинные хозяйства Могилевской губернии во второй половине XVIII в. Могилев, 1958, стр. 66, 67.

[14] Д. Васілеўскі. З матэр'ялаў да археолёгічнай карты Аршанскае акругі. «Наш край». Менск, 1926, № 6—7, стр. 65.

[15] ПВЛ, т. I.

шедшие с низовьев Днепра, возились в эти города по Свислочи и лишь в исключительных условиях или из каких-либо политических соображений, когда нельзя было везти их через Минское княжество, везлись окружным путем. Но тогда трудно было бы объяснить скученность поселений по Гайне—Березине. По-видимому, пути по Гайне и Березине связывали район Полоцка с районами Изяславля—Минска и с южнорусскими землями. Бассейн Западной Двины ближе всего подходит к верховьям Березины у оз. Плавно, и, действительно, среди лесов мы видим в этих местах «курганный перешеек» из нескольких курганных групп, свидетельствующий о наличии здесь, на волоке, в древности ряда больших поселений (Ствольно, Рожно-Домажерицы, Асетище [16]). Наличие волока в верховьях Березины подтверждает и топонимика. На ее правом берегу, например, и сейчас существует в этих местах деревня «Волок», возле которой, по свидетельству фольклориста П. В. Шейна, были курганы (подтверждающие, следовательно, ее древность) и какой-то «князь-камень» [17]. Топонимические данные позволяют определить и конец начавшегося здесь волока. Минуя Рожно-Домажерицы и Ствольно, он кончался, по-видимому, вблизи оз. Плавно, здесь располагается деревня «Заволочье» [18]. Таким образом, наличие березинско-двинского торгового пути, пересекающего Полоцкую землю с юга на север, можно считать установленным.

Выше мы предполагали существование сухопутных связей между верховьями Гайны и ближайших притоков Немана. В районе Логойска есть населенный пункт «Волок», который подтверждает и это предположение.

Существовал, по-видимому, и еще один водный путь, соединявший Псковскую землю с Западной Двиной, о котором догадывался уже В. Н. Татищев [19] и который проходил через р. Великую, на Себежские озера, а также на р. Дриссу. Это подтверждается упомянутым названием деревни «Заволочье», расположенным на границе Псковской и Витебской губерний, «близ истоков реки Великой» [20]. Судя по курганам и остаткам поселений, эта местность была густо заселена [21].

[16] Одна из групп содержала в момент обследования 209 больших сферических насыпей и несколько могил жальничного типа (дер. Ствольно) (А. Н. Ляўдански. Кароткае паведамленьне аб досьледах культур эпохі жалеза ў БССР ў 1930—1931 гг. Працы, III, 1932, стр. 234), другая — 150 курганов (д. Рожно-Домажерицы). См.: «Описание церквей и приходов Минской епархии» (приложение к Минским епархиальным ведомостям за 1878—1879 гг.), вып. II, Борисовский уезд, стр. 187. Возле Асетище при А. Н. Лявданском сохранилось лишь четыре кургана («Кароткае паведамленьне. . .», стр. 234).

[17] П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, II. СПб., 1893, стр. 419.

[18] В. С. Ярмолович. Список населенных мест Минской губернии. Минск, 1909.

[19] В. Н. Татищев. История Российская. . ., II, М.—Л., 1963, стр. 265, прим. 388.

[20] Н. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 219.

[21] Ф. Д. Гуревич. Археологические памятники Великолукской области. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 96, рис. 38.

Итак, водные пути сообщения Полоцкой земли представляли, как обычно, реки и озера, соединенные в местах водоразделов волоками, находившими часто отражение в топонимике. Волоки — важнейшая часть пути — были сильно заселены. Здесь останавливались ладьи, наполненные товарами, возникали широкие возможности заработка при их транспортировке и просто торговле. На полоцких волоках, по-видимому, как и в других подобных местах Руси, текла своя обычная «волочная» жизнь. Как и на Смоленщине, здесь жило население, промышлявшее перевозками грузов (товаров) — волочане. Владение инвентарем для передвижения судов посуху, которого проезжие гости иметь не могли, делало волочан незаменимыми и приносило им большую прибыль. Здесь требовались катки для вытаскивания судна на берег, канаты (может быть и специальный ворот), колы — повозки для транспортировки судна (вероятно, два колеса на оси), тягловый скот и т. д. Несомненно, здесь имели место многочисленные столкновения проезжающих с перевозчиками, их споры о том, кого первого следовало везти через волок и кто должен был ждать возвращения перевозчиков, об этом мы читаем в договоре Смоленска с Ригой 1229 г.[22] Вынужденные остановки подобного рода безусловно вели к оживленному обмену с местным населением и, надо думать, что археологическое изучение волоков даст в этом направлении ценные материалы. Как в Смоленской, так, вероятно, и в Полоцкой земле, на волоке жило официальное лицо — *волочский тивун*, собиравший от лица князя специальную дань за проезд через его землю — *волок*[23].

Сухопутные пути сообщения

Сухопутные пути сообщения Полоцкой земли, изученные хуже водных, могут быть нами подробно рассмотрены благодаря археологической карте. Уже А. М. Сементовский, впервые затронувший этот вопрос, считал, что до специального постановления краковского сейма 1565 г. «сношения местных жителей и торговля производились в Северной Белоруссии по временным проселочным трактам, проложенным через непроходимые леса, болота и горы, где и как можно было»[24]. Действительно, в долитовский период дороги в Полоцкой земле (вероятно, и в других местах), как правило (и тем более на большое расстояние), не прокладывались. Пути сообщения в то время шли по сложившимся ранее торговым коммуникациям, использовавшим на территориях с густой заселенностью дороги,

[22] «Смоленские грамоты XIII—XIV вв.». М., 1963, стр. 24.
[23] Там же, стр. 22, 23.
[24] А. М. Сементовский. Обзор сухопутных сообщений Витебской губернии. Сборник в память первого статистического съезда 1870 года. СПб., 1872, стр. 187.

связывавшие близлежащие селения, в незаселенных же местностях — по речным долинам и другим удобным местам, проезжая которые можно было обогнуть естественные преграды (главным образом большие леса). Военные дороги, проложенные напрямую через непроходимую многокилометровую чащу, стали появляться, по-видимому, лишь во времена Ольгерда и Витовта, а по-настоящему широко прокладывались лишь в эпоху тяжелой артиллерии XV—XVI вв. (о чем мы читаем в источниках). Определение конкретных сухопутных путей сообщения сводится, по нашему мнению, к установлению лишь проезжих мест между отдельными скоплениями поселений, транзитные же дороги внутри этих скоплений вряд ли определимы, так как наверняка их было несколько, да и не так уж они важны. Но прежде всего обратимся к реальным остаткам древних белорусских дорог.

Реальные остатки древних дорог в Северной Белоруссии

Подобно древним курганам, происхождение которых современный белорус связывает с французским, либо шведским нашествием, древние дороги Северной Белоруссии приурочиваются населением к походам Ольгерда, Витовта и Батория (так называемые Ольгердовы, Витовтовы и Баториевы дороги). Е. П. Тышкевич первый описал такую дорогу в Борисовском уезде[25]. Г. Х. Татур уловил ее продолжение в Игуменском, отметив при этом (по-видимому, справедливо), что «Витовт проходил по дорогам, существующим издревле»[26]. Однако последний конкретных мест, где встречаются ее следы, не указал, и нам приходится использовать свидетельство, по-видимому, о той же дороге К. Кулевца[27], который отметил ее остатки у деревень Калужицы, Жуковка (вероятно, Жуковец, где известны курганы)[28], Полелуне (вероятно, Полилеевка, курганы которой многократно раскапывал Г. Х. Татур)[29], Мурава (где также есть курганы[30] и где древний путь, по свидетельству К. Кулевца, проходил над самой Березиной). Таким образом, эта дорога шла через Борисов с севера на юг, в Киевскую землю. Неподалеку от Полоцка следы ее были обнаружены М. Ф. Кусцинским (так называемая Витовтова дорога)[31], а еще севернее остатки этой дороги, уходящей, очевидно, к Новгороду (дорога Ольгерда), упоминаются в описании руко-

[25] E. Tyszkiewicz. Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilna, 1847, стр. 202.

[26] Г. Х. Татур. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии. Минск, 1892, стр. 202.

[27] K. Kulewiec. Z nad Berezyny. «Ziemia». Warszawa, 1912, № 49, стр. 793.

[28] А. Н. Лаўданскi. Кароткае паведамленьне..., стр. 235.

[29] Г. Х. Татур. Очерк археологических памятников..., стр. 67, 74, 76, 89, 90 и др.

[30] А. Н. Лаўданскi. Кароткае паведамленьне, стр. 231.

[31] М. Ф. Кусцинский. Лепельские древности. «Виленский вестник», 1866, № 181.

писей А. Х. Востокова, где сказано, что она проходит над р. Верусой[32] Остатки другой дороги, тянущейся с запада на восток, в пределах Борисовского уезда были замечены Шпилевским, отметившим их у селений Начи, Крупок и Лошницы (где сохранились курганы). Поблизости находился и так называемый колодезь Витовта, выложенный камнем (ближайшая деревня — Масалая). Остатки этой же дороги видны у д. Мостище неподалеку от Борисова, где известны также остатки плотины, моста и есть курганы[33]. Е. П. Тышкевич, кроме того, упоминает остатки еще одной дороги в северной части Борисовского уезда (очевидно, Докшицкий и южная часть Лепельского р-ов Витебской губ.), тянущиеся с запада на восток[34], а К. А. Говорский отмечает следы Ольгердовой дороги, идущей от Полоцка[35]. Наконец, уже в наше время следы древних дорог, сохранившиеся в Оршанском районе, упоминает оршанский краевед Д. Васильевский. Одна дорога проходила от Орши через Смольяны в сторону Сенно и у дер. Васьковичей огибала бывшее здесь некогда болото, другая — Екатерининский большак, — который мог быть и древним, проходила через деревни Орехи, Брюхово, Высокое (см. карту, рис. 5), где есть курганы.

Реконструкция древних сухопутных путей Полоцкой земли

Семь сухопутных коммуникаций соединяли в древности Полоцк с Ригой, Новгородом, Псковом, Литвой, Витебском и Минском.

Путь на Ригу шел, по-видимому, вдоль Западной Двины[36]; по нему ходили полоцкие князья за данью в Прибалтийские земли. По нему же, видимо, двигалась коалиция всех полоцких князей на «земиголу» в 1106 г. (см. ниже)[37]. На нем стояли подвластные Полоцку Герцике и Кукенойс. Он пролегал, видимо, по правому берегу Западной Двины, впрочем, Андрей Полоцкий шел на Двинск в 1375 г. и по левой стороне (правда, через Браслав)[38].

На Новгород не могло быть много путей, как это предполагал В. Е. Данилевич, так как этот район и сейчас изобилует лесами, а в XVI в. при Герберштейне и Гейденштейне их было гораздо больше. Судя по

[32] А. Х. Востоков. Описание русских славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, XXIII. Л., 120.

[33] А. Н. Ляўданскі. Раскопкі і археолёгічныя разьведкі ў Барысаўскім павеце. Науковы зборнік ин-та беларуск культуры. Менск, 1925, стр. 101.

[34] E. Tyszkiewicz. Opisanie...

[35] К. А. Говорский. Поездка из Полоцка. ЗРАО, V, стр. 87—97.

[36] Вряд ли был прав В. Е. Данилевич, предполагавший, что дорог в Ливонию было много, так как многочисленные лесные массивы этих мест свидетельствуют против этого.

[37] ПВЛ, т. I, стр. 186.

[38] В. Е. Данилевич. Пути сообщения..., стр. 5.

древним поселениям, расположенным здесь цепочкой в сторону Неколоча [39] и Еменца (на эти пункты двигались новгородцы, нападая на Полоцк), дорога проходила, очевидно, близ Минтурово, где, судя по обилию курганов, длительно существовало большое поселение [40], Струнь [41], Сморыги [42], Домники и далее вдоль реки Сосницы к Получью и Малому Ситну. затем к Стряслицам [43], Авдееву, Белохвостову и далее, минуя невдалеке Неколочь, через Буцнево [44] — к Еменцу.

Через Витебск, по-видимому, попадали в Смоленск. Летопись сообщает о нескольких походах полоцких князей на Витебск во второй половине XII в.[45] Вряд ли этот путь шел вдоль Западной Двины, так как здесь, судя по курганам, очень мало было в древности поселений, да и река делает большой крюк. Из Витебска в Полоцк ездили, очевидно, сначала на север через Горбуны, Круглики, Герасимово, Боровую [46], может быть Смольки [47] и далее на Осмот, Заречье, Селище [48], Жуковичи [49], Заборье [50] и до описанной дороги Новгород—Полоцк вдоль реки Сосницы к Полоцку. Из Витебска в Смоленск попадали, очевидно, через Касплю. Летописи многократно сообщают о сношениях этих двух городов [51]. Путь начинался в северной части города (где и сейчас имеется Смоленская площадь) и шел, всего вероятнее, на восток к современным деревням Рыбаки, Синяки [52] и Яновичи (около этих деревень есть курганы) [53] и далее вдоль берегов Каспли на юго-восток к Смоленску. От пути на Смоленск, где-то между Яновичами и Суражем, ответвлялась еще одна дорога, про-

[39] До Неколоча дошли новгородцы, нападавшие на Полоцкую землю с коалицией южнорусских князей в 1128 г. (ПСРЛ, т. II, стр. 292, 293). При обследовании этих мест мною в 1955—1956 гг., остатков древних городов ни в Неколочи, ни в Еменце не оказалось. В Неколочи у озера с тем же названием существовал, судя по курганам, древний поселок, в Еменце на Наутдиновой горе заметны следы небольшого, некогда укрепленного селища XII—XIII вв. (о чем ниже). Еменец упомянут как порубежный пункт под 1128 г. (ПСРЛ, т. II, стр. 620).

[40] По сведениям 1873 г. в XIX в. здесь еще сохранялось 137 насыпей (ИАК, вып. 5, стр. 24).

[41] Там же.

[42] Курганы у деревень Сморыги, Домники, Получье выявлены в 1951 г. автором этой книги (Л. В. Алексеев. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины. ТПЭ, I. М, 1959, стр. 285).

[43] О курганах у д. Стряслицы и Авдеево см.: ИАК, вып. 5, стр. 20; Белохвостова, см. ИАК, вып. 6, стр. 3.

[44] ИАК, вып. 5, стр. 22.

[45] ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 526—527 и др.

[46] ИАК, вып. 5, стр. 9, 10.

[47] Л. В. Алексеев. Археологические памятники..., стр. 283.

[48] ИАК, вып. 5, стр. 10.

[49] Там же, стр. 9.

[50] Там же, стр. 9—10.

[51] ПСРЛ, т. II, стр. 598, и др.

[52] ИАК, вып. 5, стр. 8.

[53] «Разрушают памятники старины». Газ. «Заря Запада», Витебск, 1926, № 126.

ходившая (очевидно, через Усвят, упоминаемый уже под 1021 г.) на Торопец. Известно, что из Торопца в Витебск в 1245 г. приезжал Александр Невский[54]. В XVIII в. дорога из Витебска в Торопец проходила через Сураж, Ниской Бор, Шершню, Усвят и далее до Торопца[55]. Возможно, правда, что в Торопец можно было проехать и через Велиж.

Внутренние пути связывали Полоцк с его южными городами, через которые осуществлялась связь с южной и юго-западной Русью. Обилие поселений к югу от Полоцка (см. рис. 5) не позволяет с достаточной достоверностью определить конкретное направление дорог. Всего вероятнее их было несколько: одни вели к верховьям Ушачи и по ним направлялись в Логожск, Минск и Борисов, другие — к Лукомлю и далее на Оршу и Друцк. Между Оршей и Лукомлем, была, очевидно, прямая дорога. По ней в 1078 г. проскакал Всеслав Полоцкий, спасавшийся после нападения на Смоленск от преследовавшего его по пятам Мономаха[56]. Дорога из Полоцка на Друцк ответвлялась от только что названной, по-видимому, где-то южнее или юго-восточнее Лукомля. Летопись сообщает о сношениях Друцка с Полоцком в 50—60-х годах XII в.[57] Всеслав Полоцкий (второй) ходил на Друцк в 1180 г. вместе с коалицией остальных князей (см. ниже)[58] и т. д. Летопись многократно сообщает о походах полоцких князей на Минск и минских на Полоцк[59]. Дорога пролегала, очевидно, от Полоцка прямо на юг, к верховьям р. Ушачи, и с точностью здесь неопределима. От Августова или Путилкович она сворачивала, вероятно, к Асетищу[60] и далее шла среди березинских лесов через «перешеек», служивший также и волоком (см. выше) у Ствольно и Рожно-Домажериц, по правому берегу Березины к устью Гайны и затем по левому берегу последней через деревни Волок, Смоляры[61], Зембин[62] к Логойску, Изяславлю, Минску и далее на юг.

Особый путь связывал Полоцк с Литвой, остатки которого видел К. А. Говорский. Путь проходил от Полоцка на юго-запад через Рудню[63], Бездедовичи[64], мимо Медвежьего озера на так называемый Чертов мост,

[54] «Россия». СПб., 1905, т. IX, стр. 453.
[55] «Новейший российский дорожник», СПб., 1796.
[56] ПВЛ, т. I, стр. 159.
[57] ПСРЛ, т. II, стр. 493—496.
[58] Там же, стр. 620, 621.
[59] Там же, стр. 491—496, 505, 512.
[60] О курганах в названных пунктах см.: А. Н. Ляўданскі. Кароткае паведамленьне..., стр. 234.
[61] О курганах см.: П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка..., стр. 419
[62] О курганах см.: П. М. Шпилевский. Путешествие..., стр. 89.
[63] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Полоцкае акрузе. Працы, II, стр. 183.
[64] Там же, стр. 197.

Таблица 2

Транзитные пункты	Источник,* год / Пункты следования	1809 Дорожник	1803 Дорожник	1787 Дорожник	1697 Толстой	1699 Толстой	1678 Таннер	1609 Бельский	1606 Неизвестный	1602 Кокаш и Текандер	1575 Кобенцель	1517 Герберштейн	1525 Герберштейн туда	1525 Герберштейн обратно	1421 Фотий	1180 Всеслав Микулич	1078 Мономах	Следы дороги, видимые в XIX в.
Через Логойск	Вильно	+	+					+				+		+	+			
	Молодечно							+				+		+				
	Радошковичи		+					+				+		+				
	Соломеречье																	
	Логойск **										+	+	+	+		+	+	
Через Минск	Минск	+					+	+	+	+	+		+					
	Городище						+	+										
	Смолевичи		+				+	+	+									
	Богославово поле						+											
	Жадино		+															
Через Борисов	**Борисов**	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+			
	Лошница	+	+				+	+										+
	Нача						+	+	+		+							+
	Крупки	+	+				+											+
	Бобр				+		+	+	+		+							
Через Тетерин	Павловичи						+											
	Тетерин				+		+											
	Головчин				+		+											
Через Друцк	Славени					+					+ ?							
	Друцк											+	+	+	+	+	+	
	Круглое																	
Через Толочин	**Шклов**						+											
	Толочин	+	+	+		+		+	+				+					
	Коханово		+					+	+									
	Переволочье					+												
	Орша	+	+	+		+		+	+	+	+	+	+	+				
	Дубровно					+												
	Баево					+		+	+		+							
	Горки				+		+				+							
	Смоленск				+		+				+							

* Источники см. в прим. 72 на стр. 96—97.
** Полужирным шрифтом выделены населенные пункты, в которых путь разветвлялся.

Бохоновскую Гору к оз. Глубокому. В источниках эта дорога упоминалась в грамоте Стефана Батория, приказавшего ее ремонтировать [65]. По свидетельству Меховского, этой дорогой в XVI в. обычно ездили в Прибалтику. Однако С. Герберштейн (1517) избрал более западный путь — на Дрисвяты, Браслав, Дриссу [66]. Войско Батория 1579 г. тоже шло западнее (до верховьев Дисны, затем по ней до г. Дисны и т. д.) [67], причиной чего, вероятно, была сильная запущенность пути через оз. Глубокое.

В Минске сходился целый ряд путей, как из Половецкой земли, так и из соседних стран. Дорога, шедшая через него с запада на восток, связывала крупнейшие центры юга земли — Изяславль, Минск, Логойск, Борисов, Друцк, Оршу и выводила по правому берегу Днепра в Смоленск. Сведений о движении по этому пути в целом в летописи нет, но об отдельных частях пути можно узнать по различным передвижениям князей. Так, например, в 1078 г. Мономах возвращался из Логойска в Чернигов через Друцк [68], в 1128 г. при коалиционном походе южнорусских князей на Полоцкое княжество, Изяслав Мстиславьич, захватив Логойск, проходит к Изяславлю, а его брат Ростислав направляется из Смоленска (очевидно, через Оршу) в Друцк [69]. В 1180 г. к этому же городу направляется Всеслав Микулич из Логожска, а Давид Ростиславьич Смоленский из Смоленска приходит (вероятно, через Оршу) друцкому князю па помощь (подробнее см. гл. VI) [70] и т. д.

Особо интенсивно начали использовать описываемый путь в последующий период — в эпоху Великого княжества Литовского [71]. Кроме гого, в XV—XVII вв. через Литву в Московию и обратно проезжало большое количество иностранных послов, часто описывавших подробно этот путь [72], что позволяет значительно уточнить его конкретное направление.

[65] «Россия», IX, стр. 311, 312.

[66] С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 223.

[67] Р. Гейденштейн. Записки о московской войне. СПб., 1889, стр. 45—49, 105. В следующем 1580 г. Замойский отправил провиант, фураж и порох следующим образом: по Неману до Ковны, оттуда вверх по Вилие до Михалишек; далее посуху до Постав и по Дисне и Двине в Витебск (там же, стр. 113).

[68] ПВЛ, т. I, стр. 159.

[69] ПСРЛ, т. I. Л., 1927, стр. 297, 298.

[70] ПСРЛ, т. II, стр. 292, 293.

[71] Летописи свидетельствуют о поездке митрополита Фотия в 1421 г. из Вильны «ко Борисовоу и ко Дроуцьку и ко Тетериноу» (ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стр. 59, 109).

[72] Таковы два путешествия Сигизмунда Герберштейна в Москву, когда, возвращаясь оттуда в первый раз (1517), он ехал через Оршу—Друцк—Борисов—Логойск—Радошковичи, а в 1525 г. ехал в Москву через Минск—Борисов—Оршу, а обратно первым путем (С. Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 228, 244, 245); И. Кобленц проехал в 1575 г. через Логойск, Борисов, Начу, Славени, Оршу, Дубравно и Баево (Вержбовский. Посольство Иоанна Кобенцеля в Москву в 1575—

Все имеющиеся сведения о данной дороге (включая даже дорожники эпохи Екатерины II[73]), могут быть сведены в таблицу (см. табл. 2).

Рассматривая таблицу, приходим к выводу, что дорога Минск—Орша—Смоленск существовала с XI по XIX в. и в древности соединяла южные центры Полоцкой земли: Минск, Изяславль, Логойск, Борисов, Друцк, Оршу. Этим путем еще ездили в начале XVI в. (Герберштейн), в XV в. (митрополит Фотий, 1421) и в XII в. (Всеслав Микулич Логожский (1180) и еще раньше (Мономах). В отдаленные времена (XI—XV вв.) сухопутная дорога эта, видимо, шла по сильно заселенным местностям левобережья Гайны и Березины, о которых уже говорилось. Тогда этот путь проходил где-то около Заречья (где есть курганы)[74], уходил к Изяславлю, упоминаемому уже в X в., где селений, судя по курганным группам, было множество. Далее он шел в районе современного села Видогощи[75] и через летописный Логожск, вероятно, по левому берегу Гайны, у устья которой переходил на левобережье Березины (может быть современной дер. Халхолец, где о древнем поселении также свидетельствуют курганы)[76]. Здесь дорога круто поворачивала на юг и направлялась к Борисову — городу, отстроенному, судя по В. Н. Татищеву, еще в 1102 г.[77] На всем описанном участке пути реконструируемая нами дорога, вероятно, огибала большой безлюдный и малопроходимый лесной массив между Минском и Борисовым, о котором писал еще в XVII в. Бернгард Таннер, как о «многих страшных лесах». Дальнейший участок пути, как это видно из таблицы, соединял Борисов с Бобром через позднейшие селения — Лошницу, Начу и Крупки, упоминания о которых относятся к XVII в. (Лошница — 1618 г.[78]); Крупки — XVII в.[79] владения на р. Наче (упоминается даже под

1576 гг. «Варшавские университетские известия». Варшава, 1896, кн. VIII, стр. 49, 50), отметим описание Кокаша и Текандера, ехавших в 1602 г. в Персию (Кокаш и Текандер. Путешествие в Персию через Московию в 1602—1603 гг. М., 1896 (оттиск из ЧОИДР), стр. 10, дневник некоего поляка, ехавшего в Москву в 1606 году («Акты исторические». СПб., 1842, стр. 159), так называемый дневник Самуила Бельского (С. Бельский. Дневник 1609 года. М., 1948, стр. 1—4); путешествие Бернарда Таннера («Описание путешествия Польского посольства в Москву в 1678 году», М., 1891, стр. 24—27), Путевые записки стольника Толстого («Первоисточники для истории Могилевского края», вып. I. Одесса, 1916).

[73] См. например: «Дорожный месяцеслов на 1787 год с описанием почтовых станов в Российском государстве». СПб., 1787, указывающий на наличие в то время почтовой дороги из Орши до Толочина, стр. 42.

[74] «Магільнікі Крівічоу», «Савецкая Беларусь», 1928, № 226.

[75] К. Тышкевич. О курганах в Литве и Западной Руси. Вильна, 1865, стр. 43, 44, 46, 52, 56.

[76] А. Н. Ляўданскі. Кароткае паведамленьне. . ., стр. 234.

[77] В. Н. Татищев. История Российская, II. М.—Л., 1963, стр. 123.

[78] «Россия», т. IX, стр. 401.

[79] Там же, стр. 400.

1399 г.[80]). Здесь проезжали все без исключения, включая, по-видимому, и Мономаха, возвращавшегося из Логожска через Друцк в 1078 г. Путь был единственным потому, что пролегал через непроходимые леса, почти без селений и дублировать его в других местах было трудно. Отчетливо сохранились и его следы (у Лошницы, Начи, Крупок, а возле Масалой и так называемый колодезь Витовта)[81]. Дальнейшая часть пути в древности шла, очевидно, на Друцк (см. табл. 2).

С развитием торговли, с увеличением интенсивных военных действий и появлением артиллерии старые дороги, возникшие стихийно, перестали удовлетворять. Строительству дорог уделяют гораздо большее внимание уже во времена Ольгерда, Витовта и позднее[82]. Так возникли, по-видимому, новые части дороги, спрямляющие ее на западе (Минск—Городище—Смолевичи—Жадино—Борисов) и на востоке (Бобр—Славены—Толочин—Коханов—Орша). Однако вначале эти дороги были внове, и большинство ездило старым маршрутом. «В этих местностях, — писал Сигизмунд Герберштейн, проезжая в 1525 г. в Оршу не на Толочин, а на Шклов (т. е. так, как он возвращался из первого путешествия 1517 г. — через Друцк), вследствие величайших пустынь (очевидно, незаселенных мест. — *Л. А.*), мы ехали не кратчайшею, а обычною дорогою и, оставив город Могилев, лежащий вправо, на расстоянии 4 миль, через Шклов..., Оршу... прибыли в Москву»[83]. Все же новые части дороги имели преимущества перед старыми, и с их развитием в XV в. мы впервые узнаем о возникших на них городах — Толочине (1433)[84], в XVI в. Смолевиче (1508)[85] и т. д. Судя по документу 1765 г., старой дорогой через Друцк пользовались в последующее время только купцы, торговавшие контрабандными товарами[86].

Хорошо известным путем была, очевидно, дорога между Минском и Слуцком. По ней ходил в 1116 г. Глеб Минский, нападая на Слуцк[87], ее проехал в 1135 г. Изяслав Мстиславич, направляясь из Турова через Минск в Новгород для участия в коалиции против Юрия Долгорукого[88]. Этой же дорогой бежал Рогволод Борисович Полоцкий после проигранной

[80] «Белоруссия в эпоху феодализма», I. Минск, 1959, стр. 109.

[81] Народная традиция упорно связывает данную дорогу с Витовтом (ум. 1430), что вполне возможно, так как известно, что в конце XIV в. этот князь ходил из Вильно (вероятно, этим маршрутом) к Орше на Свидригайла (ПСРЛ, XVII. СПб., 1907, стр. 326).

[82] Р. Гейденштейн. Записки о Московской войне, стр. 117.

[83] С. Герберштейн. Записки о Московитских делах, стр. 244.

[84] «Россия», IX, стр. 398.

[85] Там же, стр. 409.

[86] «Белоруссия в эпоху феодализма», II. Минск, 1960, стр. 351.

[87] ПВЛ, т. I, стр. 200.

[88] ПСРЛ, т. I, вып. 2. Л., 1927, стр. 302.

битвы под Городцом, не смея вернуться в Полоцк (1162)[89]. Дорога, очевидно, шла так же, как она идет и теперь — от Минска на юг, пересекала пограничный лес, где на расстоянии одного перегона в 20—25 км не встречалось, судя по отсутствию археологичных памятников, жилья, и вступала в Слуцкое княжество Турово-Пинской земли.

По минско-слуцкой дороге пролегал, вероятно, еще один путь, соединяющий Минск с Клецком. Клецкий князь Вячеслав Ярославич в 1128 г. двигался (в числе других князей) на полоцкий Изяславль, очевидно[90], через Минск, который в то время находился во владении Мономаховичей.

Из Минска существовала еще одна дорога, уходившая через Койданов в соседнюю Литву. Вероятно, этой дорогой шел на Изяславль гродненский Всеволодко в том же 1128 г.[91] Из Минска же была дорога на Городец (может быть, через Изяславль), куда неоднократно ездили минские князья и где княжил Володарь Глебович — брат минского Ростислава, наголову разбивший в 1162 г. осаждавшего его Рогволода Борисовича Полоцкого[92]. К сожалению, местонахождение этого города с точностью не определено. Существовал, видимо, и путь из Витебска в Друцк, по которому в 1180 г. прошел сначала витебский князь Брячислав Васильковича, а затем великий киевский князь Святослав Всеволодович[93]. Так как южнее и юго-восточнее Витебска в древности располагались сплошные леса (остатки которых сохранились и сейчас на Лучесе), разграничивавшие Полоцкую и Смоленскую земли, то путь на Друцк пролегал, следовательно, где-то западнее. Всего вероятнее, он шел вдоль левого берега Западной Двины (там, где и теперь существует большая грунтовая дорога на Бешенковичи—Лепель), а затем в районе современных населенных пунктов Ходцы и Берешево (где, судя по курганам, были древние поселения)[94], поворачивал к юго-западу и где-то поблизости соединялся с дорогой Лукомль—Друцк, описанной ранее.

От Друцка, очевидно, ответвлялись еще две дороги на юг в Чернигов (поход Мономаха 1078 г.) и в Слуцк (им дважды пользовался Рогволод Борисович — в 1159 и 1162 гг.)[95]. Судя по расположению курганов, путь шел первоначально вдоль Друти до устья р. Ослик, а затем уклонялся в сторону современных пунктов Осовец[96], Пустоселo[97], Иглиница—Ста-

[89] ПСРЛ, т. II, стр. 519.
[90] Там же, стр. 292, 293.
[91] Там же.
[92] Там же, стр. 519.
[93] ПСРЛ, т. II, стр. 620, 621.
[94] К. Т. Аникиевич. Сенненский уезд Могилевской губернии. Могилев, 1907, стр. 61.
[95] ПСРЛ, т. II, стр. 493, 519.
[96] А. З. Каваленя. Археолёгічныя росшукі ў вярхоўях рэк Друці, Усяж-Бук і Лукомкі. Працы, III. Менск, 1932; стр. 188, карта.
[97] ИАК, вып. 5, стр. 45.

рина[98], через лес к дер. Мачески, Дулебы[99] и Дулебни[100], к Свислочи[101] и далее вверх по реке Свислочи к Городищу[102] и Прошицам[103], к Слуцку.

Итак, широкая сеть дорог домонгольской Полотчины значительно способствовала ее экономическому развитию (рис. 15). Возникнув первоначально в качестве волоков великого водного пути «из варяг в греки», пути эти, с расширением роли Полоцкой земли как транзитного центра, соединяющего бассейны Днепра и Двины, значительно развились, обеспечив ей связи с Новгородом, Псковом, Прибалтикой, Смоленском, Киевом, Черниговом и другими древними городами и землями.

Торговля

Выгодное положение на торговых коммуникациях рано обусловило проникновение в Полотчину римских монет[104] и латенских вещей. Последние найдены в Борисовщине (Красный Бор), в Витебщине (рис. 16)[105], под Минском (Лабенщина) и в других местах.

Денежное обращение

Денежное обращение Полоцкой земли домонгольского времени характеризуют клады монет и отдельные находки, в большом количестве найденные в Северной Белоруссии. Как отмечалось, основа обращения — арабские диргемы — появились здесь во второй период распространения этой монеты в Вос-

[98] Сведения Комитета по охране памятников Белорусской ССР.

[99] Г. Х. Татур. Очерк археологических памятников.., стр. 141 и 121, 157.

[100] В. Завитневич. Археологические разыскания в бассейне реки Березины, ОАК, 1892, стр. 134.

[101] М. У. Ахова помнікаў старасьветчіны. «Савецка Беларусь», 1926, № 173.

[102] А. Нямцоў. Помнікі старасьветчины ў Асіпявіцкім раёне (Сб. Асіпавіцк. раён Бабруйскаі акругі). 1928, стр. 84.

[103] «Описание церквей и приходов Минской епархии». Минск, 1879, стр. 36.

[104] Список 19 находок римских монет в Белоруссии (В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. САИ (Г4—4), 1961, стр. 96, 97) может быть пополнен находками из с. Верхмень Игуменского у. (золотая монета Траяна — 98—117 гг.; В. З. Завитневич. Область дреговичей как предмет археологического исследования. «Труды Киевской духовной академии», № 8. Киев, 1886, стр. 591), с. Абидня на р. Адаменке Быховского р-на Могилевской обл. (медная монета, чеканенная во Фракии, 206—212 гг. «Следы под землей». «Знамя юности». Минск, 6.I.1963). Найдена Л. Д. Поболем при раскопках поселения в 1962 г. Дер. Тришин возле Бреста. При раскопках Ю. В. Кухаренко в 1961 г. найдены две римские субэратные монеты с отверстиями (одна — денарий Траяна (Ю. В. Кухаренко. Могильник Брест—Тришин. КСИА, 1965, вып. 100, стр. 98)). Упомянем попутно еще клад римских монет из г. Мендзыжица Седлецкой губ. («От Траяна до Коммода». ГИМ, ф. 104, д. 25, Б. 30. Письмо Шпилевского к Самоквасову от 22 января 1888 г.).

[105] Публикуемая медная Гривна найдена Г. Т. Хоромоненко в 1959 г. у дер. Кузнецово Витебского р-на близ станции Княжица при добыче торфа на глубине 1,5 м и передана в Витебский музей. Я крайне признателен директору музея К. И. Хомко за предоставленную возможность ее опубликовать.

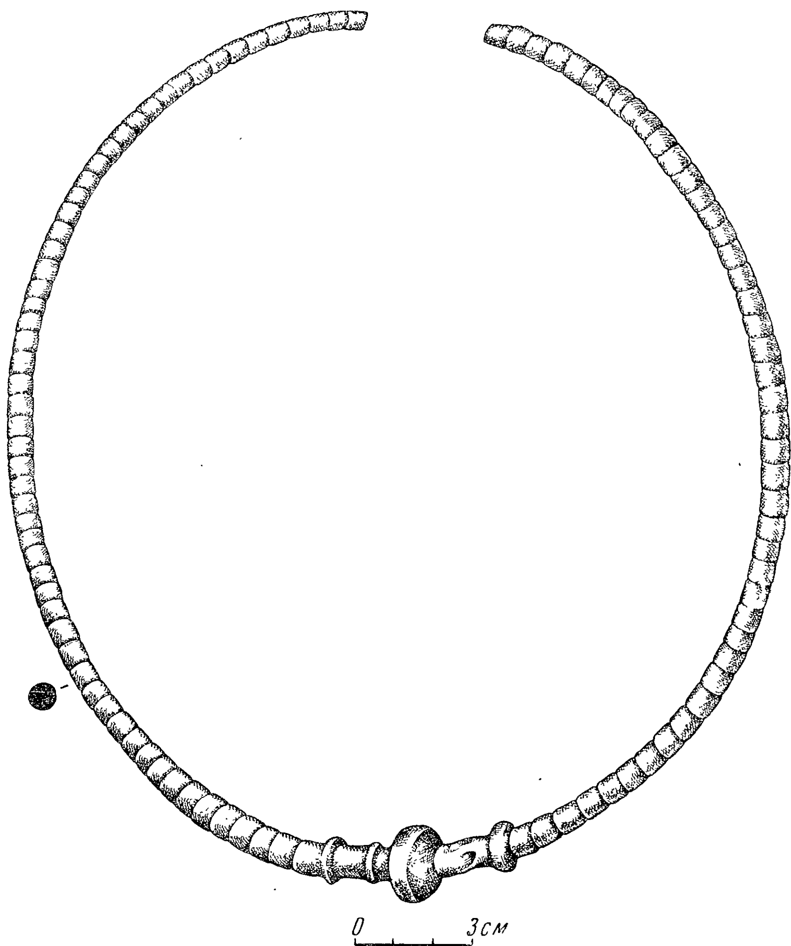


Рис. 16. Гривна, найденная в Витебском р-не у ст. Княжица в 1959 г.

точной Европе (833—900 гг.) и господствовали, как и в остальной Руси, до XI в. Крайне оригинальной чертой древнейших кладов Полоцкой земли, датирующихся 40—50-ми годами IX в., является большое количество резаных монет и их обломков. Так, в кладе у д. Поречье Плисского р-на они составляют 15,38%, в кладе у д. Добрино Лиозненского р-на — 18,59%, а в кладах у д. Соболево Дубровенского и у д. Симоны Мядельского

районов даже 50% [106]. Как известно, обилие обломков-довесков, свидетельствующих о неустановившемся еще весе монеты, характерно для первого периода распространения диргема (до 833 г.), в Полоцкой земле не представленного. Кратковременный возврат к обломкам во втором периоде (объясняемый особо) начался лишь в 70-х годах IX в., т. е. через 15—20 лет после зарытия названных кладов. Следовательно, хождение резаной монеты в Полоцкой земле в тот период, когда в остальной Руси от

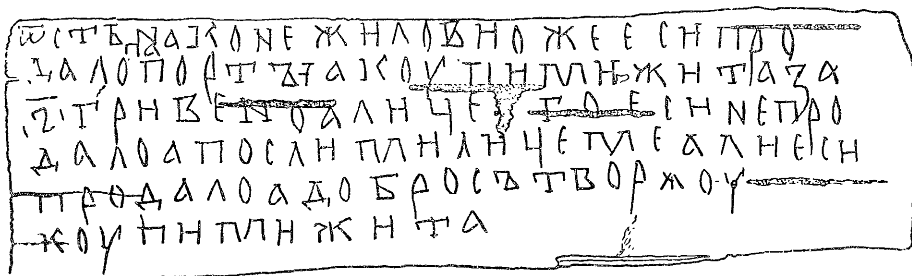


Рис. 17. Берестяная грамота из Витебска (XIII в).

нее отказались, свидетельствует об известной изолированности ее денежного обращения и сохранении традиций (мнение В. Л. Янина). Имеющиеся источники пока не объясняют этого любопытного и важного явления.

Необычайное усиление ввоза серебряной монеты в Восточную Европу в начале X в. находит отражение и в Полоцкой земле. Клады диргемов X—XI вв. здесь более всего встречаются на днепро-двинском пути, но есть и в других местах. Если на Немане их почти нет (исключение — клад в 190 монет у д. Погорельщина Воложинского р-на Минской обл.) [107], то вокруг Минска (Новый двор, Летьковщина, Прусковщина) и в самом

[106] В. Н. Рябцевич. Два денежно-вещевых клада IX в., стр. 122. Четыре древнейших полоцких клада крайне близки по составу даже в вещевой части (в кладах у Поречья и Добрино, расположенных на разных концах земли, были даже одинаковые уникальные шейные гривны, свернутые в спираль!), имеют сравнительно близкие по времени младшие монеты (Добрино — 842 г., Симоны — 846 г., Поречье — 854 г., Соболево — 857 г.) и, очевидно, были зарыты одновременно. Пожалуй, мы даже знаем, с какими потрясениями в стране это связано. Дополняя события 862 г. начальной летописи, Никоновская летопись сообщает: «Того же лѣта воеваша Аскольдъ и Диръ полочанъ и много зла сътвориша» (ПВЛ, т. I. М.—Л., 1950, стр. 18; ПСРЛ, т. IX. М., 1965, стр. 9). С этим разрушительным походом на Полоцкую землю грозных киевских князей, возможно, и было связано сокрытие ценностей в разных частях света.

[107] Ф. Д. Гуревич. Древности белорусского Понеманья..., стр. 70; К. М. Поликарпович. Находки древности. Газ. «Советская Белоруссия» от 27 янв. 1957 г. (о кладе у д. Погорельщина).

городе их довольно много (рис. 17). Как отмечал В. Л. Янин, судя по кладам 3 периода (900—938 гг.), ввоз монеты не только полностью насыщает потребности обращения, но и ускоряет его быстроту. По времени чеканки монет и по династической принадлежности клады становятся более компактными. На Руси, как и в Полоцкой земле, появляется большое количество серебряных украшений, широко представленных в раскопках городских слоев этого времени и в курганах. В X в. проникают в Полотчину первые византийские монеты (клад у д. Новый Двор под Минском 990 г., Полоцк), распространявшиеся с юга по Днепру и попадавшие, вероятно, через Полоцкую землю (или через ее восточную часть) на р. Великую и далее в Эстонию. К этому же времени относятся немногочисленные находки в Полотчине сребреников Владимира (Вотня, Веть и др.), попадавших из Киева[108].

В начале XI в. в странах арабского востока прекратилась чеканка серебряной монеты. Вместе с тем, все усиливающийся рост мелкотоварного оборота русского рынка XI—XII вв. требовал нового серебра, и Русь переключилась на импорт его из Западной Европы. По подсчетам В. М. Потина, наибольшее количество западноевропейских серебряных монет в XI в. поглощали Новгородская (40 кладов), Полоцкая (11 кладов), Ростово-Суздальская (6 кладов) и Смоленская (5 кладов) земли. Любопытно, что клады, зарытые в Полоцкой и Новгородской землях во второй половине XI в., составляют половину всех русских кладов этого времени, что, как уже указала Г. Ф. Корзухина, прежде всего следует объяснять ожесточенной военной деятельностью Всеслава Полоцкого против Новгорода и борьбой с ним Мономаха[109] (см. гл. VI). Денежное обращение Полотчины этого времени наиболее полно представлено в двух кладах близ древнего Лукомля (д. Стражевичи, клады 1898 и 1903 гг.) и в кладе 1910 г. в самом Полоцке. Как и во всех русских кладах XI в., в них содержались западноевропейские монеты, абсолютное преобладание которых указывало на вторую половину XI в. Так, в кладе 1898 г. было 159 монет западноевропейских и 48 арабских, в кладе 1903 г. — 273 западноевропейских и 46 арабских (из которых многие с ушком для подвески), в кладе 1910 г. — 142 западноевропейских и лишь несколько арабских[110]. Все это показывает, что во второй половине XI в. западноевропейские монеты в Полотчине преобладали.

[108] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, стр. 121; В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962, стр. 38, 49; С. А. Янина. Неревский клад куфических монет. МИА, т. 55. М., 1956, стр. 184—185.

[109] В. М. Потин. Экономические связи древней Руси по материалам кладов западноевропейских монет. Автор. дисс. Л., 1961, стр. 8, 9; Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.—Л., 1954, стр. 38—39.

[110] Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 95—97.

Причины отказа Руси от чеканной монеты в следующие два столетия (XII—XIII вв.) окончательно еще не ясны. По мнению Н. П. Бауэра и В. Л. Янина, это было следствием сокращения серебра в западноевропейской монете, и распространившиеся на Руси серебряные слитки отливались из металла, попавшего на Русь в предыдущее время. Однако специальное исследование вопроса В. М. Потиным показало, что заметное снижение качества серебра наблюдается в это время лишь в Чехии и в Венгрии, а у основного поставщика Руси — Германии, как и в Скандинавских странах, состав этого металла остается без изменения [111].

С середины и второй половины XI в. в Новгороде стали изготовлять слитки серебра и золота полуфунтового веса (около 200 г). Они имели вид продолговатых палочек длиною 14—20 см и употреблялись при крупных торговых операциях и выплатах. Были распространены они и в Полоцкой земле. Умирая, минский князь Глеб отказал Киево-Печерскому монастырю в 1119 г. большие богатства: 600 гривен серебра и 50 гривен золота. Его вдова завещала после своей смерти тому же монастырю — 100 гривен серебра и 50 гривен золота (см. гл. VI). Монастырь, таким образом, получил от минских князей 140 кг серебра и 20 кг золота. Гривнами серебра, очевидно, расплачивалась полоцкая княжна Евфросинья за знаменитый драгоценный крест, сделанный по ее заказу и оцененный в 140 гривен (см. гл. V). В кладах Полоцкой земли гривны новгородского типа находили неоднократно. Наиболее ранние из них есть уже в Стражевичских и Полоцком кладах, где встречен также и обрубок золотой гривны того же веса (клад 1903 г. из Стражевич). В безмонетный период (XII—XIII вв.) полуфунтовые гривны серебра стали основной монетной единицей денежного обращения, известной по документам и кладам этого времени. По договору 1229 г. Смоленска с Ригой, действующему и по всей Западной Двине, за убийство человека (свободного) полагался штраф в 10 гривен серебра и в одну гривну — за убийство холопа [112]. Гривны этого времени широко представлены в русских кладах.

Помимо новгородских гривен, в Полоцкой земле уже с XI в. имели хождение так называемые литовские гривны того же веса, но несколько иного вида с широкими вдавлениями посередине [113]. К XIV в. потребность в более мелкой платежной единице привела к массовому распространению «полугривны серебра» (или «полтины») той же формы, что новгородские и литовские гривны, но весившие вдвое меньше (около 100 г). Такая полугривна, представляющая, как кажется, нечто среднее между новгородскими и литовскими гривнами (что крайне оригинально) и ве-

[111] В. М. Потин. Экономические связи древней Руси, стр. 14.
[112] См. Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963, стр. 36.
[113] Г. Б. Федоров. Топография кладов с литовскими слитками. КСИИМК, вып. 29. М.—Л., 1949.

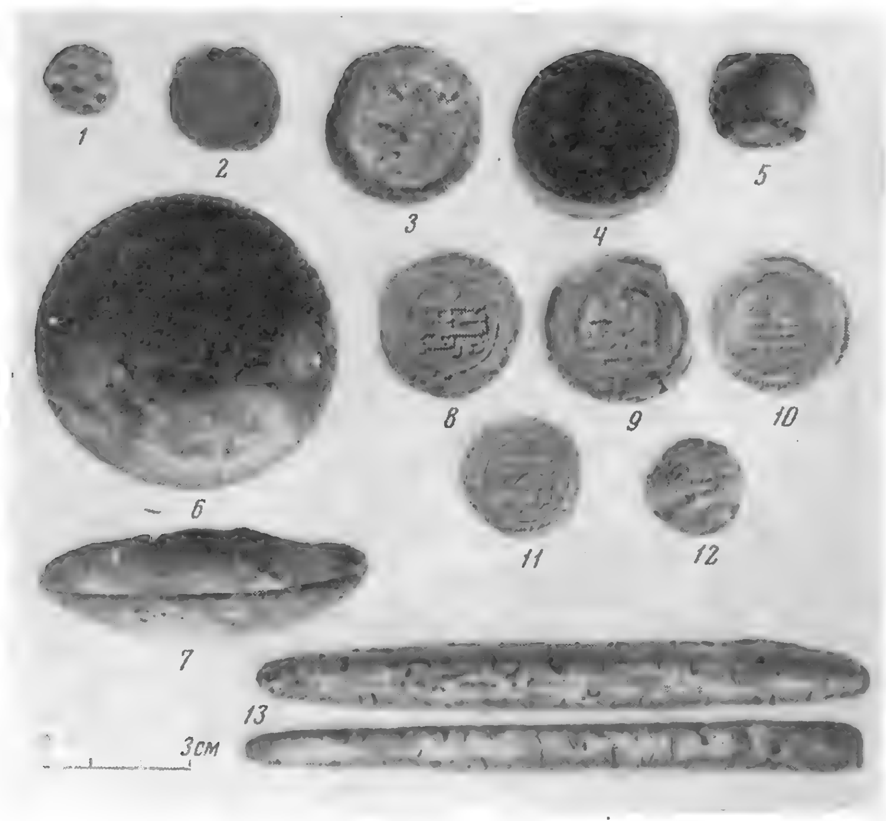


Рис. 18. Предметы, связанные с торговлей Полоцкой земли

1, 3, 5 — гирьки; *2* — свинцовая товарная пломба; *6, 7* — две чашечки отвесов; *8—11* — арабские диргемы; *12* — византийская монета; *13* — серебряная монетная гривна. *1—7, 13* — Друцк (раскопки автора); *8—12* — из клада у д. Прусиничи Толочинского р-на Витебской обл.

сившая 98,4 г, была обнаружена в 1965 г. в верхнем слое друцкого детинца (рис. 18, *13*).

Денежное обращение древней Руси требовало постоянных взвешиваний серебряных монет и их частей. В Полоцкой земле, как и в других частях Руси, неоднократно находили мелкие гирьки, чашечки весов (рис. 18, *1, 3—7*).

В дополнение к сказанному отметим, что рано развившаяся экономически Полоцкая земля была прочно связана с так называемой Северной системой денежно-весовых единиц XI—XIII вв., и памятники южной денежной системы (например, киевские гривны и др.) в ней не встречаются [114].

Торговые связи

Как и во всей Руси, в Полоцкой земле в IX—XI вв. господствовали внешние торговые связи, уступившие с развитием собственных производственных сил в XII—XIII вв. место внутренним.

Наиболее интенсивными торговыми связями в IX—XI вв. была связь с восточными странами, из которых, мы видели, широко поступало монетное серебро. С Востока происходят и многочисленные сердоликовые бусины, находимые в городских слоях и курганах, и некоторые другие вещи восточного происхождения. Полоцкая земля была связана торговлей с Киевом и выполняла, как мы говорили, роль посредника в торговле с другими странами. В Киеве в XI в. существовал «двор Брячиславль», принадлежавший полоцкому Брячиславу (1001—1044), и был окружен дворами полоцких купцов (см. главу VI). В Полотчине находили неоднократно кресты-энколпионы, отлитые в Киевской земле незадолго до татарного нашествия [115], а также происходящие оттуда же глиняные амфоры (Полоцк, Минск, Друцк). Из киевских мастерских поступала в Полоцкую землю и большая часть стеклянных изделий, в частности стеклянных браслетов.

О торговле с Новгородом пока в нашем распоряжении сведений нет. Этот город сам имел широкие связи с землями Руси и со многими странами Западной Европы, поэтому особой нужды в товарах, проходящих через Полотчину, у него не было. Более оживленные связи Новгорода с Полоцком и Витебском могли возникнуть только в XIII в., когда в устье Западной Двины отстроили Ригу (1201) и туда потекло зерно из Ростово-Суздальской земли. Если это так, то единственная грамота с просьбой о продаже одежды и покупке ячменя, найденная в Белоруссии (в Витебске, рис. 17) [116] и носящая следы цокающего северо-западного произношения (характерного для всех новгородских берестяных грамот), всего вероятнее происходит из Новгорода (где переписка на бересте была крайне распространена) и написана к человеку, уехавшему в Витебск, вероятно, по торговым надобностям.

[114] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья ... .

[115] Э. М. Загорульский. Древний Минск. Минск, 1963, стр. 98.

[116] Н. Н. Дроченина и Б. А. Рыбаков. Берестяная грамота из Витебска. СА, 1960, № 1, стр. 282, 283. Доказательства покупки Новгородом хлеба в Полоцкой и других землях можно найти и в более ранних летописных текстах. Так, в 1137 г., когда у новгородцев «не бѣ мира... ни с суздальцы, ни смолняны, ни с *полочаны*, ни с кияны», в городе хлеб необычайно вздорожал: «стоя всё лѣто осминка великая (ржи? — *Л. А.*) по семь рѣзан» (Новг. 1, стр. 25).

В Полотчине существовали, по-видимому, и торговые связи с Волынью. Из Овруча происходят шиферные пряслица, встречающиеся во всех полоцких городах и частично находившие применение и в полоцкой деревне. На связь с Волынью, а может быть, с еще более юго-западными странами указывает шестибусенная серебряная серьга, обнаруженная Н. П. Авенариусом в имении Эсмоны бывшего Борисовского у. (Друцкое княжество), полная аналогия которой неизвестна, но близкие ей распространены на Волыни и в Чехословакии[117]. Подобная серьга обнаружена в Полоцкой земле и А. Г. Митрофановым (раскопки в Строчицах (древнейший Минск?) см. ниже).

Торговля с западноевропейскими странами начала увеличиваться, как известно, в XI в., после того, как половцы заслонили пути в арабский халифат. Западноевропейские монеты в Северной Белоруссии найдены неоднократно. Они известны в верховьях Березины (Бегомльский р-н дер. Студенка), в селении Новом Дворе Минского р-на (обнаружен целый клад), в Прусиничах Толочинского р-на (клад XI в., см. рис. 18, *8—11*) и в других местах.

Во все периоды существования Византийской империи Киевская Русь поддерживала с ней тесные торговые связи. Это безусловно относится и к Полоцкой земле, князья которой не только сами побывали в Византии (1129—1140 гг.), но и были в родстве с византийскими императорами. Много, по-видимому, драгоценностей привозилось из Византии на Русь, много изделий попало, вероятно, и в клады. Однако из Полоцкой земли подобные вещи до нас не дошли, и о торговле с Византией свидетельствуют только редкие византийские монеты[118] и некоторые стеклянные изделия Друцка, Полоцка и Минска[119] (натриево-кальциевого стекла браслеты).

Прочные торговые отношения связывали Полоцкую землю и с соседней Прибалтикой. Всего вероятнее, у полоцких купцов заимствовали латыши славянскую торговую терминологию: торг — tirgus, цена — cena, купец — kupcis, берковец (вес в 10 пудов) — birkavs, пуд — puds, безмен —

[117] Пряслица найдены в курганах у дер. Ковали Суражского у. (см.: «Указатель памятников Российского исторического музея». М., 1893) и у дер. Грязивец Оршанского уезда (курган № 2); А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Аршанскай, акрузе. Працы, II, Менск, 1932, стр. 36, 69, табл. VII, 12. О шестибусенной серьге см.: Г. Ф. Корзухина. О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси X—XII вв. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 48, рис. 12а.

[118] Находки византийских монет известны в Полоцкой земле в кладах у деревень Новый Двор Минского р-на (конец X в.), Поречье Толочинского р-на (середина XI в.) и в Полоцке (вторая половина X в.) (В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. САИ, 1962, стр. 38, 39, 49).

[119] З. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 85. Ю. Л. Щапова. Стеклянные браслеты древнего Полоцка. СА, 1965, № 1. Она же. Стеклянные браслеты Полоцкой земли. КСИА, вып. 104. М., 1965.

bezmens и др.[120] В Полотчине довольно часты находки прибалтийских вещей. Правда, не все прибалтийские вещи находили в Полотчине сбыт. Здесь мы не находим, например, кастетообразных и пружинных браслетов, типичных соседним Люцинскому, Нукшинскому и другим могильникам[121], не встретим цепей и цепедержателей, также некоторого вида подковообразных пряжек и т. д. Даже в таком близком к латгаллам поселении, как древний Брячиславль (современный Браслав), где много прибалтийских вещей, этих украшений нет. Очевидно, на русских городских и сельских рынках пользовались спросом прибалтийские украшения тех категорий, которые носились русскими людьми и не были чужеродными. Среди привозных прибалтийских вещей мы находим гривны (вспомним типично латгалльскую гривну X в. в круглом кургане № 13 с ингумацией из Рудни под Полоцком; гривну с седловидными концами XI в. из Суходревского клада под Оршей, клад Прибалтийских гривен из Заборцев Ловожской волости 1872 г., браслеты со змеиными концами (витой золотой из Минска, пластинчатые бронзовые из Браслава, Поречья и Черневич и других мест)[122]. Из Прибалтики в Полоцкую землю попадал и янтарь (Полоцк 22 куска, в Минске он найден в виде сырья[123], немного — Друцк, Браслав). Полоцкая земля была основным звеном, соединяющим Прибалтику с землями южной Руси, Византией и странами халифата. В этой связи интересно рассмотреть товары, осевшие у латгаллов и ливов и прошедшие через Полотчину как транзитные. Назовем здесь 101 шиферное пряслице более чем из 30 поселений и богатых погребений, найденное в Латвии повсеместно вплоть до Риги[124]. Шифер начали привозить в Латвию начиная с X в. Этим же временем датируется и древнейшее пряслице; последние пряслица привезли сюда в конце XIII в.[125]

[120] «История Латвийской ССР», т. I. Рига, 1952, стр. 61.

[121] МАР, № 14. СПб., 1893; МИАЛ, т. I. Рига, 1957.

[122] Е. И. Горюнова ошибается, считая, что гривна из Рудни имеет отношение к длинным курганам (Е. И. Горюнова. Этническая история Волгоокского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 87, рис. 1; Ср. А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Полацкаі акрузе, стр. 191, рис. VI/35); А. М. Сементовский. Белорусские древности. СПб., 1890, стр. 72, 73, рис. 46; Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 84; Л. В. Алексеев. Раскопки древнего Браслава. КСИИМК, вып. 81, 1960, стр. 102, рис. 47/1—4; Halena Cehak-Holubowiczowa. Slowiańsko-wareskie cmentarzysko kurchanowe koło Porzecza. «Przegląd archeologiczny». t. VI. вып. 1. Poznań, 1939, стр. 201, табл. III/10; Она же. Slowiańskie groby kurhanowe koło wsi Czerniewiez w pow. Dzisnienskim. «Wiadomości archeologiczne». Warszawa, t. XVI, 1939—1948, tabl. XXVII/12.

[123] Г. В. Штыхов. Древний Полоцк. Минск, 1965, стр. 24. Автореферат; Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 99.

[124] Ежи Антоневич. О находках овручских пряслиц на территориях балтов «Archeologia polona», т. III, 1960, стр. 172—180. Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия. . ., стр. 35 и сл.

[125] Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия. . ., стр. 35.

Нанесение на карту этих находок показывает, что в XI в. пряслица были распространены лишь на Западной Двине и вдоль границ Полоцкой земли. В XII и XIII вв. они также оседали, в основном по берегам этой реки, однако проникли и в глубь территории латвийских племен [126]. В Литве обнаружено 37 экз. пряслиц (из 16 мест) [127], что отчасти объясняется меньшим количеством раскопок, но, всего вероятнее, и исторически: Неман не имел того значения транзитного пути, как Западная Двина. В Прибалтику по Днепру попали некоторые типы киевского вооружения (например, булавы), крестики с выемчатой эмалью, византийские бусы натриево-кальциевого стекла (до XII в.) и русские бусы калиево-свинцового и свинцово-бесщелочного стекла (с XII в.) и т. д.[128] Все эти товары, как и сотни других, шли в Прибалтику в обмен на янтарь, пушнину и, несомненно, оседали и в Полотчине, так как все, кроме янтаря, она экспортировала и сама.

Если по имеющимся в Полотчине материалам можно судить хоть в малейшей степени о полоцком импорте, то экспорт определяется лишь по косвенным данным. Главным объектом вывоза северных районов Руси XIII—XV вв. были пушнина и воск [129]. Меха использовались для одежды, из воска делали свечи, его широко употребляли ювелиры для литья по восковой модели и т. д. Нет основания считать, что эти товары не были главными в экспорте и в более раннее время. Наличие лесов, изобилующих, как мы видели, пушными зверями, находки костей этих животных и охотничьих стрел при раскопках позволяют думать, что меха были основной статьей вывоза Полоцкой земли в домонгольское время. Не меньшим успехом, по-видимому, пользовались и продукты бортного промысла — воск и, вероятно, мед. Значительная часть этих товаров, очевидно, попадала в города в качестве оброка, получаемого феодалами со своих вотчин, а также и другими путями. Любопытно, что, по исследованиям А. Л. Хорошкевич, в XIV и частично в XV вв. Рига была основным поставщиком воска в Западной Европе и получала его из Полоцкой и Смоленской земель. С конца XV в. центр вощаной торговли начал перемещаться в Ревель [130].

Если о внешней торговле Полотчины некоторыми данными мы располагаем, то о внутренней нам почти ничего не известно. Здесь необходимо специальное исследование материала, из которого сделаны предметы, полученные из раскопок. Первая такая работа (в отношении Полоцкой земли) недавно проведена Ю. Л. Щаповой, изучившей составы стекол

[126] Там же, рис. 6.
[127] Там же, со ссылкой на работу О. Навицкайте-Кунциене.
[128] Э. Мугуревич. Торговые пути..., стр. 19 и 21.
[129] А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода XIV—XV вв. М., 1963.
[130] Там же.

332 браслетов из Полоцка (71), Минска (100) и Друцка (161)[131]. Оказалось, что браслеты собственного (полоцкого) производства заполняли рынки Полоцкой земли лишь на четверть, остальное принадлежало Киеву. Значительная часть полоцких браслетов, естественно, поглощалась Полоцком (на полоцком рынке она составляла треть всех браслетов), однако до половины всей местной продукции вывозилось. Публикация наблюдений Ю. Л. Щаповой приводит нас к важным историческим выводам. Она констатировала, что на друцком рынке стеклянные браслеты были представлены киевскими, полоцкими и смоленскими образцами, браслеты же, найденные в Минске, все сделаны в Киеве и лишь один — в Полоцке. Этому мы можем найти объяснение: Полоцк и Друцк лежали на едином торговом пути, основная линия полоцких князей происходила из Друцка (см. гл. VI), что, по-видимому, лишь облегчало и без того бесперебойную связь. Минск находился в стороне от березинского водного пути. Беспрепятственно к нему можно было проехать из Киева (по Свислочи), проезд же из Полоцка затруднялся двумя волоками, преодоление которых стоило дополнительных затрат, что удорожало товар и снижало прибыль. Однако полоцкие браслеты не попадали в Минск и зимой, значит, нежелание купцов из Полоцка туда ехать объяснялось не только путевыми трудностями. Минские князья были основными противниками полоцко-друцких, с которыми ожесточенно боролись за полоцкий стол (см. гл. VI). По-видимому, появление полоцких торговцев на минском рынке затруднялось препятствиями княжеской администрации города. Так, первые анализы древних стекол из Полотчины уже знакомят нас частично с особенностями ее внутреннего рынка.

В заключение отметим, что в нашем распоряжении имеются не только товары, свидетельствующие о торговле в древности, но и некоторые орудия, связанные с торговлей. В Минске, например, обнаружен безмен, позволявший поднимать 7—8 пудов (т. е. примерно, 110—130 кг)[132]. Широкое распространение арабских диргемов, западноевропейской монеты и их частей (рис. 8—12) требовало, несомненно, взвешивания их для определения достоинства. Весы, использовавшиеся здесь, неоднократно обнаруживаются в раскопках на территории Руси (например, в Гнездове под Смоленском)[133] и в Прибалтике (обнаружено 86 экз)[134]. Известны они и в Полоцкой земле, где найдены в городах Друцк (рис. 18, *6*, *7*) и в курга-

[131] Ю. Л. Щапова. Стеклянные браслеты Полоцкой земли, стр. 47—49.

[132] Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 96, 97.

[133] Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 году. Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1952, стр. 339, рис. 4. Весы датируются арабскими монетами — X в. В этом же кургане обнаружена и древнейшая русская надпись «Гороухща».

[134] Э. С. Мугуревич. Торговые пути..., стр. 15.

нах[135]. В Друцке обнаружены четыре гирьки к таким весам и товарная пломба (рис. 18, *1—5*)[136], а в 1965 г. найдена новгородская гривна серебра (рис. 18, *13*).

Хозяйство

Как и во всей древней Руси, земледелие, в его основной пашенной форме, было главной формой производства в Полоцкой земле, еще со времени появления здесь славян. Однако пережитки подсеки, воспринятые, очевидно, от аборигенного населения в момент ассимиляции, существовали в Северной Белоруссии еще в XVI в., а в соседней Ливонии и в XIX[137]. Так, А. Гваньини описывал, как, вырубив между петровым днем (29 июня) и успением (15 августа) леса и кустарники, белорусы и литовцы оставляют срубленное на месте, а весной, после пасхи, все вновь покрывают сверху и снизу соломой и сжигают до тла, «потому что, если б земля там не выпотела, то, конечно, не дала бы никакого урожая. В этих же видах собирается неперегоревшее дерево, сваливается в кучи и вновь сжигается. На такой выжженной земле сеют сперва пшеницу, посеянные места слегка вспахивают и забороняют. На Руси для этого достаточно одной лошади, литвины же обыкновенно пашут на волах». По утверждению автора, получаемые этим способом удобрения позволяют снимать огромные урожаи и утверждать, «что там родилась Церера». «Таким же порядком, — добавляет он, — сеется, жнется и убирается ячмень, только под него выбирается лес покрупнее, и земля требуется потучнее, чем под пшеницу. На такой пашне жители сеют обыкновенно лет 6—8 сряду, без всякого навозного удобрения». Гваньини описывает еще один недавно якобы изобретенный способ посева, которому (и это очень любопытно) также предшествует выжигание леса[138].

Земледелие

Представление о пашенном земледелии в Полотчине можно получить по находкам при раскопках зерен высеваемых культур, а также по дошедшим до нас земледельческим орудиям и их остаткам.

К сожалению, находки зерен принадлежат раскопкам только в городах (где они могли быть и привозными). При исследованиях в Полоцке были

[135] К. П. Тышкевич. О курганах..., стр. 100.

[136] Подробнее см. мою специальную публикацию о раскопках Друцка, которая готовится к печати (*Л. А.*).

[137] Ф. Б. Булгарин, например, видел, как в Ливонии, «на пашню свозят хворост, а иногда целые деревья, расщепленные на куски и сжигают» (что, между прочим, казалось ему «неприличным» и даже вредным в наше время) (Ф. Булгарин. Прогулка по Ливонии. Сочинения, т. III. СПб., 1836, стр. 484).

[138] A. Gwagninus. Sarmatiae Europeae descriptio..., Cracowiae, 1578. Пользуюсь переводом А. П. Сапунова («Полоцко-Витебская Старина», III. Витебск, 1916, стр. 325—329).

найдены зерна ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса, бобов, гороха, чины, в Минске обнаружены зерна проса, пшеницы, льна, конопли[139]. Позднее в Минске найдены рожь, пшеница, просо, бобовые[140]. В ранних, долитовских слоях Браслава преобладала озимая рожь (47%), а среди яровых доминировал ячмень (36%) и овес (13,5%), роль пшеницы была незначительной, а отдельные зерна гречихи «характеризуют один из ранних этапов ее появления в Полоцкой земле»[141]. Большое количество зерен культурных растений и сорняков дают ежегодные раскопки Друцка. Предварительное исследование[142] более древнего зерна (XII в.) показало, что в этих местах тогда уже знали почти все виды современных хлебных растений.

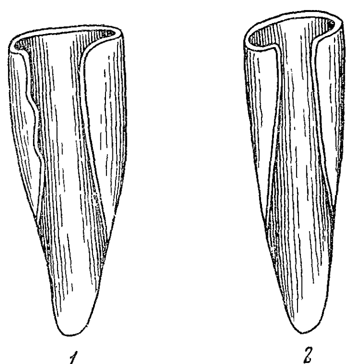


Рис. 19. Сошники: из Полоцка (1); из им. Концеполь (2)

Вторым источником истории земледелия в Полотчине служат древние земледельческие орудия, находимые при раскопках. К сожалению, часто в работах о земледелии находок орудий в Белоруссии и в Прибалтике не отмечают[143]. Между тем, сошники XI—XII вв. найдены в Вецгублене и в Асоте (Латвия[144]), а бывшей Витебской губернии (имение Концеполь, современного Зилупского р-на Латвийской ССР в 15—17 км от границы с Белоруссией) принадлежит одна из первых находок сошников в Восточной Европе[145] (рис. 19, 2). О находках сошников в Белоруссии в XIX в. есть также свидетельства у Г. Х. Татура и П. Муромцева[146]. Наконец, недавно

[139] Г. В. Штыхов. Древний Полоцк, стр. 27. В. Р. Тарасенко. Древний Минск. Материалы по археологии БССР. Минск, 1957, стр. 247.

[140] Э. М. Загорульский. Древний Минск. Минск, 1962, стр. 62. Автореферат диссертации.

[141] А. В. Кирьянов. Зерна хлебных растений из раскопок древнего Браслава. КСИИМК, вып. 81, 1960, стр. 107.

[142] Исследование друцкого зерна осуществляется А. В. Кирьяновым.

[143] В. J. Довженок. Землеробство древней Русі. Киев, 1961, стр. 247; В. П. Левашова. Сельское хозяйство. «Труды ГИМ», вып. 32, М., 1956.

[144] Х. А. Моога. Pirmatneja kopienas iekarta un agra feodala sabiedriba datvijas PSR teritorija. Riga, 1952, стр. 155, рис. 102; «История Латвийской ССР», т. I, стр. 50, рис. 22. Э. Д. Шноре. Асотское городище. МИАЛ, 2. Рига, стр. 91, рис. 118.

[145] Adam Plater. O dawnich grobach i starozyrhościach, odkrytych w Inflantach polskich, Rubon. Wilno, 1845, ser. III, t. I, tabl. III, рис. 58.

[146] Г. Х. Татур. Очерк археологических памятников..., стр. 157, 158. П. Муромцев. По вопросу четвертому об археологических картах «Труды I АС», т. I. М., 1871, стр. 115 (сошник найден в Могилевской губ., в кургане).

Рис. 20. Сельскохозяйственные орудия из Полоцкой земли

1 — сошник; *2, 4* — серпы; *3* — обломок косы; *5* — оковка лопаты. Раскопки в Друцке

обнаружен сошник XI—XIII в. на полоцком детинце (рис. 19, *1*), в Минске[147], Друцке (рис. 20, *1*) и в Новогрудке[148]. Сошник из имения Концеполь, найденный А. Плятером в 1829 г., как и полоцкий, принадлежит двузубой сохе и приспособлен специально для каменистых почв: увеличенная трубница, спускающаяся крайне низко, позволяла максимально опустить деревянную часть сошника, что значительно укрепляло лемех. Сошники со столь увеличенной трубницей, как известно, в археологии еще не встречались. Находки подобных орудий и близких к ним в Новогрудке, Смоленске и Пскове[149] показывают, что здесь мы имеем дело, очевидно, с локальным вариантом орудий этого типа, конструкция которого диктовалась особым характером трудоемких почв северо-запада. Кроме сошников, в Полоцкой земле, несомненно, пользовались и другими почвообрабатывающими орудиями, распространенными в то отдаленное время (например, мотыги, примитивные деревянные бороны, лопаты). Железная оковка лопаты была найдена в раскопках автора книги в Друцке (рис. 20, *5*). Деревянные лопаты с оковками, вероятно, чаще всего употреблялись на огородах.

Помимо нескольких почвообрабатывающих орудий, в Полотчине найдено довольно много серпов. Уже Г. Х. Татур сообщал о находке медного серпа в кургане в урочище «Витов Лог»[150]. Он же отмечал находки железных серпов (по-видимому, в курганах, ибо Г. Х. Татур раскапывал только этот вид памятников) «подобной же формы и величины, как ныне употребляемые, но, иногда, много больше»[151]. Находки серпов были сделаны А. Н. Лявданским в Заславских курганах[152], А. Г. Митрофановым в Строчицах (личное сообщение).

В Полоцкой земле они встречены в городских древностях: В. Р. Тарасенко[153] и Э. М. Загорульским в древних слоях Минска, нами в раскопках Друцка (рис. 20, *2*, *4*).

Итак, пашенное земледелие было важнейшим занятием жителей Полоцкой земли раннефеодального времени. Высевались все основные культуры,

[147] Л. С. Абецедарский, М. П. Баранова, Н. Г. Павлова. История БССР. Учебное пособие. Минск, 1961, стр. 10; Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 18.

[148] Ф. Д. Гуревич. Сельское хозяйство и промыслы древнерусского Новогрудка. КСИА АН СССР, вып. 104, 1965, стр. 77—79, рис. 32, 2.

[149] Г. П. Гроздилов. Раскопки древнего Пскова. Гос. Эрмитаж. «Археологический сборник», вып. 4. Л., 1962, стр. 60, рис. 9.

[150] Г. Х. Татур. Очерк археологических памятников, стр. 25, прим. Автор предполагал, что подобные серпы служили для священных обрядов (там же, стр. 113).

[151] Там же, стр. 155.

[152] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі Менскай акругі. Працы, I. Менск, 1928, стр. 88, табл. XVII, *1*.

[153] В. Р. Тарасенко. Древний Минск, стр. 244, рис. 47.

известные и теперь. Население использовало орудия труда, специально приспосабливая их к характеру местных почв.

Скотоводство

В противоположность земледелию, скотоводство не претерпело больших изменений в I тысячелетии н. э. Как и во всей домонгольской Руси, оно имело большое значение, хотя и стояло на втором месте после земледелия. К сожалению, состояние изученности археологических памятников сельской территории столь незначительно, что почти весь остеологический материал происходит из городских центров Полоцкой земли. Это дает, безусловно, неполную картину, но общие представления все же получить можно.

Уже Г. Х. Татур отмечал находки в 1874 г. костей «разных животных, служивших человеку, как то: лося, вола, лошади, свиньи, овцы, бобра и пр.» [154]. Сведения о находках костей животных в кургане у дер. Казимирово бывш. Суражского у. (раскопки М. Ф. Кусцинского) [155] также проникли в печать. Есть сведения о находках многочисленных костей животных при так называемых раскопках Замковой горы в Витебске в 1897 г., здесь оказались кости быка, свиньи, овцы, лося, медведя, птиц и рыбья чешуя [156]. Отметим также кости овцы, барана и собаки в курганах в районе р. Дисны [157]. Определение костей домашних и диких животных, найденных в Новогрудке, опубликовано (правда, суммарно) недавно Ф. Д. Гуревич [158].

Остеологический материал из полоцких городов позволяет сделать интересные наблюдения, основывающиеся на статистических подсчетах. Кроме суммарных сведений по Полоцку и Минску [159], мы располагаем результатами исследований костного материала полоцкого города Герцике (раскопки Ф. Баллода) [160], а также костями из наших раскопок Браслава и Друцка. Как и следовало ожидать, состав костей домашних животных в Полоцкой земле был тем же, что и в других древнерусских городах: лошадь, корова, овца, коза, свинья, собака, кошка.

Обилие костей этих животных позволяет провести статистические подсчеты их процентного соотношения и сопоставить полученные цифры с ма-

[154] Г. Х. Татур. Очерк археологических памятников..., стр. 24, 25, прим. (урочище «Витов Лог»).

[155] «Указатель памятников Российского исторического музея в Москве». М., 1893, стр. 160.

[156] «По Северо-Западному краю. Витебск». «Виленский Вестник», 1895, № 176.

[157] Е. и В. Голубович. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 134.

[158] Ф. Гуревич. К истории древнего Новогрудка. Swiatowit, т. XXIV. Warszawa, 1962, стр. 564, 566, 569 (Городиловка).

[159] Г. В. Штыхов. Древний Полоцк, стр. 27; Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 18. Автореферат.

[160] В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. МИА, № 107, 1962, стр. 122, табл. 20; стр. 127, табл. 26.

териалами других близлежащих городов — Гродно[161], а также некоторых крупных поселений Латвии по Западной Двине: Асоте[162], Дигная, Даугмале (см. табл. 3).

Таблица 3

Памятник	Кости домашних животных, %	Количество костей домашних животных	В том числе, в %				
			рогатый скот		свинья	лошадь	прочие
			крупный	мелкий			
Полоцк	90,69	?	42,6	6,42	6,8	41,7	2,48
Минск	92,9	?	33,0	16,0	33,9	6,3	10,4
Друцк	92,8	12417	61	11,1	21,1	4,9	1,9
Браслав (раскопки 1956 г.) слои:							
литовский	95,6	376	59,8	13,2	22,3	3,4	1,3
древнерусский	83,3	556	43,9	15,6	34,3	3,9	2,3
аборигенный	92,2	337	24,7	9,9	59,2	5,1	—
Герцике	83,2	1086	14,1	11,1	71,8	3,0	—
Асоте	75,5	7972	14,1	11,0	69,5	5,4	—
Дигная	71,9	754	26,2	18,7	43,3	11,8	—
Даугмале	93,8	8490	33,5	8,8	50,5	7,2	—
Гродно, слои:							
литовский XIII—XIV вв.	42,0	1466	41,1	14,5	34,8	9,6	—
русский XII—XIII вв.	32,4	2128	30,0	19,0	34,0	17,0	—
русский XI—XII вв.	56,1	2600	34,4	24,6	29,6	11,4	—

Из табл. 3 следует, что, за исключением Гродно, близкого к Беловежской Пуще, большинство костей в указанных городах принадлежит домашним животным. Необычайное колебание процентного соотношения костей диких и домашних животных, вероятнее всего, объясняется не различной степенью развития скотоводства в каждом городе, а степенью близости лесов и возможностями охоты. Из табл. 3 видно, что в городах восточных районов современной Белоруссии (Друцк) больше всего разводили, как и во всей лесной полосе древней Руси, крупный рогатый скот. Напротив, в древних городах прибалтийского течения Западной Двины более всего

[161] В. И. Цалкин. Фауна из раскопок в Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 235, табл. 30.

[162] Э. Д. Шноре. Асотское городище, стр. 93, 94; В. И. Цалкин. К истории. . ., стр. 122.

использовали свиней (от 43,3% до 71,8%)[163]. Любопытно, что древний Минск, равновеликий Друцку, но расположенный на 150 км к западу, вблизи литовских рубежей и лесов, занимает между восточными городами и городами латышского Подвинья среднее положение. В нем почти в равной степени разводили как крупный рогатый скот, так и свиней (соответственно 33,0 и 33,9%). Минчане, следовательно, в вопросах хозяйства испытывали некоторое влияние соседних прибалтийских племен, что связано, несомненно, и близкими природными условиями.

Интересно соотношение видов домашних животных в полоцком городе Браславе в различные периоды его существования. В древнейшем слое Браслава (аборигенном) доминировали кости свиньи (59,2%). Позднее, после гибели первоначального поселка в XI в. в результате пожара, новое (древнерусское) население значительно сократило роль свиноводства, доведя его до уровня древнего Минска (34,3%), и увеличило поголовье крупного рогатого скота (около 44%). Процесс этот продолжался и в литовский период, когда поголовье крупного рогатого скота резко возобладало (почти до 60%), а свиноводство снизилось до 22,3%. Соотношение костей крупного рогатого скота и свиньи теперь стало ближе к Друцку.

В заключение несколько замечаний о характере скота в Полоцкой земле. Учитывая выводы В. И. Цалкина о сходстве по среднему росту в холке прибалтийского и древнерусского крупного рогатого скота[164], следует думать, что и в Полоцкой земле этот вид домашних животных носил тот же характер. Свиньи средневековой Прибалтики были крупнее древнерусских лесных[165]. Очевидно, и в Полоцкой земле, где в ряде городов свиноводству уделяли большое внимание, по росту они были более крупными. Нас несколько удивляет наличие костей лошади в средневековых городах Полотчины, что в Полоцке приобрело даже гигантские размеры, где мертвых лошадей, несомненно, не закапывали. По-видимому, прав В. И. Цалкин, считая, что найденные в городах кости лошадей принадлежали животным, съеденным в голодные годы или в годы бескормицы. Примеры употребления в пищу конины в период голодовок по древнерусским летописям широко известны[166].

[163] Свиноводческий характер скотоводства средневековых латышских городищ давно известен (Э. Д. Шноре. Асотское городище, стр. 94, прим. 1). Любопытно, что, проезжая в 1815 г. через Северную Белоруссию, ботаник А. Бошняк, прославившийся позднее слежкой за А. Пушкиным (Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором. «Парфенон». СПб., 1922), отмечал, что в р-не Полоцка и западнее свиней разводят «несравненно более, чем в России» (А. Бошняк. Дневные записки путешествия в разные области Западной и полуденной России. М., 1820, стр. 81).

[164] В. И. Цалкин. Фауна средневековой Прибалтики. МИА, № 107, 1962, стр. 101.

[165] Там же, стр. 111.

[166] Так в 1128 г. «лют бяше», «и ядяху люди... ушь, мьх, конину» (Новг. 1, стр. 22), в 1181 г. осажденные Новоторжцы «конину ядяху» (там же, стр. 27) и т. д.

В. И. Цалкин установил также, что древнелатышская лошадь встречалась в двух локальных вариантах, один был распространен в долине р. Лиелупы, а другой — в долине Западной Двины. У особей первой группы более мелкие путовые и трубчатые кости; напротив, лошади второй группы по размерам и пропорциям путовых и трубчатых костей были по среднему росту больше и по абсолютному размеру (и другим признакам) приближались к древнерусской лошади лесной полосы, несколько отличаясь от нее только более узким копытом [167].

Исторически это вполне объяснимо. В эпоху домонгольской Руси долина Западной Двины, окружавшая эту главную торговую артерию Прибалтики и Полоцкой земли, как известно, контролировалась полоцким князем. Позднее там даже образовалось два полоцких княжества — Герцике и Кукенойс. В городах стояли русские гарнизоны, лошади которых паслись за стенами города. Удивительно ли, что некоторые признаки, характерные для лошадей древней Руси, наблюдаются у местных лошадей, несомненно смешивавшихся с иноземными. Так, нам кажется, следует объяснять наблюдение В. И. Цалкина над лошадьми латышских городищ.

На наличие в городах Полоцкой земли стойлового скота указывают и находки кос в культурных слоях Полоцка, Минска и Друцка. Три прекрасно сохранившиеся косы обнаружены в Минске. Обломки кос встречены и в Друцке (рис. 20, *3*).

Промыслы

В Литве [168] «диких зверей больше, чем во всем христианском мире»... — писал в начале XVI в. Матвей Меховский, — «так как леса там большие, то во множестве попадаются и ловятся крупные звери: буйволы и лесные быки, которых они на своем языке зовут турами или зубрами, дикие ослы, лесные кони, олени, лани, газели, козы, кабаны, медведи, куницы, белки и другие породы зверей» [169]. Есть свидетельства и более ранние. Так, давая Минску в 1499 г. магдебургское право и указывая, как торговать, литовский князь Александр определял: «...соболи, куницы и тхоры — по сороку, белку, горностая, лисицу и норыцу — по полтрясти» [170]. В официальных документах XVI в. также подчеркивалась роль охоты в Великом княжестве Литовском. «А на своих волоках подданным вольно забити волка, лисицу, рыся, росомаху, зайца, белку и иньшии зверь малый, также птахи всякие и продавати, кому хотячи, и не оповедаючи вряду; але серны и иньшого большого зверу не бити и на своих волоках, а особливо в пущах и под пущами нашими ручниц ховати

[167] В. И. Цалкин. К истории..., стр. 105—107.

[168] Под Литвой Матвей Меховский понимал территорию Великого княжества Литовского в границах XV—XVI вв., куда входила тогда и вся Полоцкая земля.

[169] М. Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936, стр. 111.

[170] «Акты, относящиеся к истории Западной России», I, СПб., 1846, № 165, стр. 117.

и жадного зверу ловити не мають под горлом»[171]. Не приходится сомневаться, что в долитовский период, когда населения в Северной Белоруссии было меньше, страна, изобиловавшая лесами, изобиловала и дикими животными, на которых охотилось местное население. Это подтверждает археология. Еще в XIX в. в курганах находили зубы бобра, кабана, лисицы, волка, оленя, лося и др.[172] Табл. 4 характеризует процентное соотношение костей и особей диких животных в полоцких и соседних с ними городах (по В. И. Цалкину).

Таблица 4

Кости диких животных из раскопок городов Полоцкой земли и соседних территорий Прибалтики

Памятник	Количество			
	костей		особей	
	абсолютное	%	абсолютное	%
Минск	—	7,1	—	—
Друцк	964	7,2	—	—
Герцике	219	16,8	24	25,5
Асоте	2579	24,5	417	41,1
Дигная	295	28,1	27	40,9
Даугмале	562	6,2	80	12,6
Гродно, слои				
Русский XI—XII вв.	2035	43,9	227	48,3
Русский XI—XIII вв.	4450	67,6	435	59,8
Литовский XIII—XIV вв.	2006	58	207	51,1

Из табл. 4 следует, что охота у населения городов Полоцкой земли играла меньшую роль, чем на указанных прибалтийских поселениях. Это, по-видимому, следует объяснить прежде всего различным характером памятников, которые нам приходится сравнивать. Минск и Друцк были, без сомнения, более крупными и более городскими поселениями, чем Герцике, Асоте и другие памятники латвийского течения Западной Двины. К сожалению, количество костей диких животных в Минске, Друцке, Браславе и Герцике столь невелико, что процентное сопоставление костей и особей дает мало. Основная охота населения полоцких городов была на лося, кабана, бобра и зубра, в отличие от Гродно, где охотились в основном на благородного оленя. В полоцких лесах это животное, по-видимому, водилось в меньшем количестве. Кроме того, лось, рога которого широко

[171] «Устав на волоки 1557 г. Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв.» М., 1936, стр. 55.

[172] Г. Х. Татур. Очерк археологических памятников..., стр. 25, 168.

использовались на Руси для разных поделок, более прочная шкура, идущая на обувь, и обилие мяса, по-видимому, представлял больше ценности для горожанина, чем благородный олень.

Полоцкая земля изобилует ледниковыми озерами и неудивительно, что рыболовством здесь занимались всегда. М. Меховский писал, что в Литве много «крупных рек и озер, куда в бесчисленном множестве впадают малые реки и ручьи. Все они в высшей степени обильны рыбой...» [173]. Этим сравнительно легким способом добывания пищи занимались, очевидно, и в раннем железном веке, когда большинство городищ возводилось у водоемов. О распространении этого промысла при феодализме свидетельствуют раскопки. Находят рыбьи кости, чешую, рыболовные крючки, остроги, блесну, грузила для сетей (Минск, Браслав, Друцк, Ерсике и др.). Орудия для ловли рыбы встречаются и в курганах [174]. Нет сомнения, что большого значения в раннефеодальное время рыболовство не имело, но все же оно было большим подспорьем, особенно в голодные годы. О существовании в древней Белоруссии и Смоленщине бортничества и пчеловодства можно понять из повествования Кирилла Туровского, из послания Клима Смолятича смоленскому пресвитеру Фоме [175]. Смоленская уставная грамота 1150 г. сообщает об уплате некоторых повинностей медом [176]. О бортничестве говорится в более поздних документах: в грамоте полоцкого князя Изяслава жителям Риги 1265 г.[177], о дани медом в жалованной грамоте князя Юрия Лугвеневича монастырю св. Онуфрия 1443 г., а «земля бортная» упоминается в жалованной грамоте княгини Ульяны Никольской церкви 1461 г. и т. д.[178] Этот древний промысел дожил в Белоруссии до XX в.[179]

Орудия бортничества почти неизвестны. Если не считать так называемых древолазных шипов, назначение которых загадочно [180], то можно

[173] М. Меховский. Трактат..., стр. 110.

[174] Г. Х. Татур. Очерк археологических памятников..., стр. 157; Е. Р. Романов. Раскопки в имении Каховка Витебского уезда. «Древности. ТМАО», т. XIII. М., 1900 и др.

[175] «Памятники древнерусской житийной церковно-учительной литературы», вып. I, СПб., 1894; «Письмо митрополита Климента к Смоленскому священнику Фоме XII в.». Изд. под ред. Лопарева, 1892, стр. 14.

[176] «Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.». Л., 1936, стр. 157.

[177] «Белоруссия в эпоху феодализма», I. Минск, 1959, стр. 75.

[178] Там же, стр. 123, 127, 214, 224, 226, 244, 247—249.

[179] Кое-что о пчеловодстве крестьян на Полесье см.: «Виленский Вестник», 1890, № 60, 61; А. К. Сержпутовский. Бортничество в Белоруссии. Материалы по этнографии России, т. II. СПб., 1914. О некоторых языческих пережитках, связанных с бортничеством, и о «бортных знаках» (которыми метились деревья в Белоруссии), сообщает и Г. Х. Татур («Очерк археологических памятников», стр. 230—231). Есть указания на занятие населения бортничеством и во второй половине XIX в. «Труды минского статистического комитета». Минск, 1870, стр. 27.

[180] Собрав многочисленные материалы, В. А. Мальм все же следует установившейся традиции, считает названные шипы древолазными, так и не пытаясь определить, как

назвать лишь медорезки, иногда встречающиеся в раскопках. Одна из них, по наблюдению В. А. Мальм, обнаружена в кургане у с. Бельчицы под Полоцком [181]. О бортничестве свидетельствуют также находки в раскопках воска (в Минске [182], Браславе [183]) и даже изделий из него (в одном из курганов была найдена свеча) [184].

Производство [185]

Древнейшим для восточных славян, как известно, было производство железа сыродутным способом из болотных руд [186]. Если в эпоху раннего железного века в Белоруссии им занимались почти в каждом городище [187] и ученым с легкостью удалось реконструировать домницы и восстановить сыродутный процесс, то отсутствие сыродутных горнов на городищах последующей, раннефеодальной эпохи, по-видимому, следует объяснять обращением этого производства в постоянное ремесло и вытеснением его за пределы поселений (Б. А. Рыбаков). Вполне вероятно, что с появлением городов монополия производства железа постепенно перешла к деревне, ближе расположенной к сырью (в окрестностях Полоцка, например, руды нет вообще) [188]. Приобретая сырье в виде криц на рынке, городской ремесленник его надлежащим образом проковывал и с помощью соответствующих кузнечных операций изготовлял необходимые предметы. При раскопках Полоцка обнаружена кузница, уничтоженная пожаром [189]. У выезда из окольного города древнего Друцка вскрыта (раскопки автора) материковая яма, заполненная шлаками, из местной кузницы. Есть какие-то

ими пользовались (В. А. Мальм. Промыслы древнерусской деревни. «Труды ГИМ», вып. 33. М., 1956, стр. 132—134). Не удается выяснить вопросы другим исследователям (А. Л. Монгайт. Рязанская земля, М., 1961, стр. 266, прим. 25).

[181] Працы II, стр. 162, табл. I, *10*.

[182] Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 79.

[183] Обнаружена нижняя часть гончарного горшка, заполненная воском (раскопки автора).

[184] В. З. Завитневич. Археологические разыскания в бассейне р. Березины. ОАК за 1892 г. СПб., 1893, стр. 138.

[185] Все вопросы техники производства древнерусских изделий подробно изучены Б. А. Рыбаковым (Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, 1948), Б. А. Колчиным (Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, вып. 32. М., 1953), М. А. Безбородовым (М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956), Ю. Л. Щаповой (Ю. Л. Щапова. Стеклянные изделия древнего Новгорода, МИА, № 117, 1963), Н. В. Рындиной (Н. В. Рындина. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. МИА, № 117. М., 1963) и др., и поэтому мы останавливаемся в данном разделе лишь на специфике Полоцкой земли.

[186] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 123 и сл.

[187] А. Н. Ляўданскі і К. М. Палікарповіч. Да гісторыі жалезнай прамысловасьці на Беларусі па данных археолёгіі. «Савецкая Краіна». Менск, 1932, № 5.

[188] А. Н. Ляўданскі і К. М. Палікарповіч. Археолёгічныя досьледы ў БССР ў 1933—1934 гг. «Запіскі БАН». Менск, 1936, стр. 211.

[189] Г. В. Штыхов. Ремесло древнего Полоцка. Материалы конференции молодых ученых АН БССР. Минск, 1962, стр. 131.

глухие указания на металлургические якобы «мастерские с остатками их продукции» в Минске[190]. Однако Э. М. Загорульский начисто это отрицает[191]. Сложность производственного процесса кузнечного ремесла привела к его разграничению на городское и деревенское. Как показал Б. А. Колчин, городские ремесленники, освоившие сложные процессы термической обработки железа и стали, изготавливали в эпоху Киевской Руси высококачественные[192] стальные орудия труда (косы, серпы, ножи, топоры и т. д.), инструменты (резцы, сверла и др.), оружие (копья и др.), некоторые предметы быта (замки и др.). Деревенские кузнецы производили изделия более низкого качества — сошники, мотыги, оковки лопат, крючки, гвозди, обручи ведер, подковы, удила и т. д.[193]

Археологические раскопки в Полоцкой земле позволяют выяснить, какими средствами труда пользовались здесь кузнецы и слесари. Уже Е. Р. Романов сообщал о находке в кургане близ Лукомля железного молота[194]. В Друцке нами обнаружены: сопла от кузнечных горнов, кузнечный молоток, наковальня и несколько видов зубил (рис. 21, *1*, *7*, *8*). В Полоцке[195], Минске и Друцке найдены также кузнечные клещи, в Минске бородок для пробивания отверстий, гвоздильня[196].

Металлографические анализы режущих орудий Полоцка[197], Минска[198] и Друцка показали, что в своих технических навыках ремесленники Полотчины не уступали своим собратьям в остальной Руси. Они свободно владели кузнечной варкой стали, сваривали ее с железом, обрабатывали железо термическим способом.

Какими путями попадали в Полоцкую землю цветные металлы — еще не выяснено. Медь, например, в равной степени могла попадать и из Бахмутского месторождения, поднимаясь вверх по Днепру, и из месторождений волжских болгар вверх по Волге, через озеро Селигер, волоком к верховьям Западной Двины. Серебро в древней Руси, как известно, целиком

[190] В. Р. Тарасенко. Раскопки минского Замчища. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 123.

[191] Э. М. Загорульский. Древний Минск. Автореферат. По-видимому, позднее В. Р. Тарасенко сам от этого отказался, так как в его сводной работе «Древний Минск» («Материалы по археологии БССР», Минск, 1957, стр. 182—257) о «металлургических мастерских» не упоминается.

[192] Б. А. Колчин неправильно именует их «качественными», точно могут существовать вещи без качества, «некачественные» (Б. А. Колчин. Черная металлургия..., стр. 191 и сл.; К. Чуковский. Живой как жизнь. М., 1962, стр. 168).

[193] Б. А. Колчин. Черная металлургия..., стр. 191.

[194] Е. Р. Романов. Еще два клада из древнего Лукомля. Могилевские губ. вед. 1898 г., № 38; перепечатка: ИАК, добавление к вып. 6. СПб., 1909, стр. 73.

[195] Г. В. Штыхов. Древний Полоцк, стр. 14, Автореферат.

[196] Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 52, 53.

[197] Г. В. Штыхов. Ремесло..., стр. 132.

[198] Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 52—55.

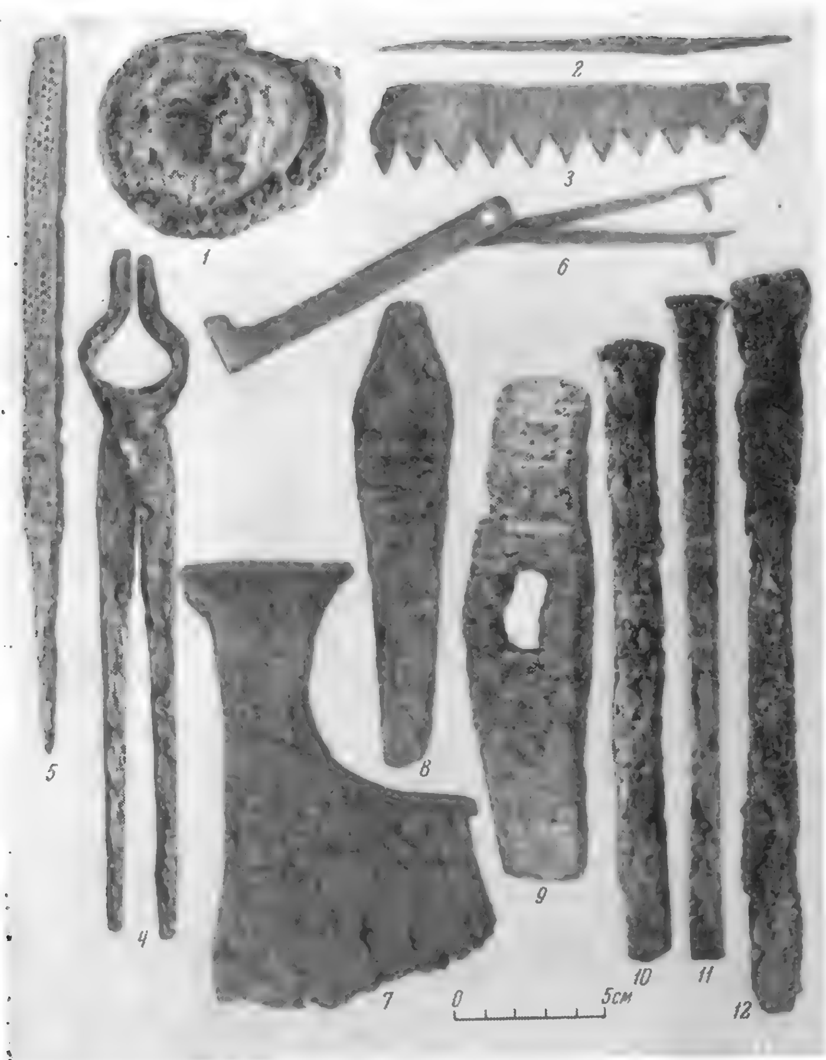


Рис. 21. Орудия труда из Полоцкой земли

1 — сопло; *2* — шило; *3* — обломок пилы; *4* — кузнечные клещи; *5* — напильник; *6* — складной измерительный (?)инструмент; *7* — топор; *8* — мелкая наковальня; *9* — кузнечный молоток; *10*--*12* — долота. Раскопки в Друцке

было привозным и сырьем для него являлись главным образом монеты арабского востока. Из-за отсутствия массовых технических анализов изделий из цветных металлов, найденных в Киевской Руси, и в частности в Полоцкой земле, техника производства бронзы и других сплавов того времени нам почти еще не известна. Некоторое представление о ней для Полоцкой земли дают лишь анализы вещей из четырех курганных групп Западной Белоруссии[199]. Соотношение серебра и меди в сплавах с серебром (наиболее дорогих и редких) колебалось в зависимости от количества последнего. Высокопробное серебро имеет соотношение серебра и меди (округленно) — 1 : 2, более низкопробное (округленно) — 1 : 7, совсем низкопробное — 1 : 14 и т. д. Сплавы без серебра содержали главным образом медь, количество которой колебалось от 72—77% до 89,4%, т. е. в пределах значительно меньших, чем серебро. В зависимости от содержания цинка сплавы эти можно подразделить на несодержащие цинка, на содержащие цинк в малых количествах (до 10%) и содержащие большое количество цинка (более 10%).

Изучение продукции древних ремесленников следует начать с литейного дела, так как здесь легче всего установить местное производство. Г. Х. Татур был первым, описавшим литейные формы, отливки в них и льячки из Полоцкой земли. «В 1882 г., — писал он, — мы отыскали в Борисовском уезде помещенные в кургане у остова пять небольших форм, вырезанных на четыреугольных плитках желтовато-белого мягкого камня или же подобной ему массы и служивших для отливания бронзовых вещей. Они заключают в себе шесть образцов, а именно: четыре разных образца медалей с выпуклым красивым орнаментом, образец шарика с ушком и небольшой треугольной тоже с украшениями привески». Указав, что формы снабжены отверстием для вливания металла (так называемые литники) и попарно связывались, автор добавлял далее, что «изделия из этих форм распространялись на известную окрестность путем торговли, так как в Игуменском уезде мы нашли в курганах две медали (подвески. — *Л. А.*), происходящие из этих же именно форм, в расстоянии около 100 верст от того места, где найдены самые формы»[200]. В 1875 г. им были найдены (в кургане) и подробно описаны затем «глиняные ковшики, которые так малы, что в них можно влить только чайную ложечку

[199] Hełena Cehak-Hołubowiczowa. Slowiańsko-wareskie cmentarzysko kurhanowe..., t. VI, вып. 2—3; Она же. Slowiańskie groby kurhanowe koło Czerniewicz. Wiadomości archeologiczne, t. XVI. Warszawa, 1939—1948, стр. 419—455; Она же. Slowiańskie cmentarzysko kurhanowe koło wsi Platowo. «Atheneum Wileński», XIII, 1938, стр. 189; 192; Она же. Material i zagadenienia cmentarzyska kurhanowego koło wsi Nawry w powiecle Postawskim, Rocznik archeologiczny. Wilno, 1937, стр. 636.

[200] Г. Х. Татур. Очерк археологических памятников..., стр. 139. Эта мысль, как известно, теперь получила блестящее подтверждение в работах Б. А. Рыбакова (Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 442, 443 и сл.).

жидкости, при них ручка с продольной дыркой», «а, сбоку маленькое рыльце»[201], т. е. типичные льячки древнерусских ювелиров. Тигли обнаружены в Полоцке[202], Минске[203], Друцке (рис. 22, *2*, *6*, *11*), Витебске (см. ниже)[204]. 21 литейная форма из местного мелкозернистого известняка найдена в Полоцке (из них 11 домонгольского времени), одна в Минске[205], три — в Друцке, три в Витебске и одна в древнерусском слое городища Кисели-Дымокуры[206]. По одной форме для подделок арабских диргемов обнаружено в Витебске[207] и Еменце[208], пять литейных форм в Герцике[209]; льячки известны, кроме упомянутого кургана, также из Браслава (рис. 22, *9*)[210]. Итак, учитывая находки Г. Х. Татура — 25 литейных форм в крупных, мелких и даже деревенских центрах домонгольского времени Полотчины, тигли из 4 мест и льячки минимум из двух, утверждают наличие литейного ремесла в Полоцкой земле.

Продукция полоцких литейщиков при наших знаниях определяется далеко не всегда, так как вещи могли быть и привозными. Можно предположить также, что не все отрасли литья были известны Полоцку в XI в. Не было, очевидно, еще своего производства колоколов, приобретение которых для строящегося собора св. Софии входило, по-видимому, в одну из задач похода полоцкого Всеслава на Новгород (1066). Поэтому колокол из Минска, вероятно, нельзя считать местным изделием[211]. Литые вещи встречаются в Полотчине и в городах, и в деревне. Большая часть вещей, по-видимому, отливалась по восковой модели.

Техника ковки и чеканки была распространена в Полоцкой земле, естественно, больше, чем дорогое литье. Ею изготовлялись пластинчатые браслеты, перстни, бубенчики, подковообразные пряжки, находимые и в деревенских курганах, и в полоцких городах. Работая мелкими ювелирными инструментами (рис. 22, *10*), полоцкие ювелиры знали и распространенную на Руси технику мелкопуансонной чеканки, когда мастеру

[201] Г. Х. Татур. Очерки археологических памятников..., стр. 24, 25, 73, 74. «Случайно в земле» — очевидно, в культурном слое каких-либо древних поселений.

[202] «Полоцк». Минск, 1962, стр. 8.

[203] Э. М. Загорульский. Древний Минск, 1963, стр. 55.

[204] Л. В. Алексеев. К истории и топографии древнейшего Витебска. СА, 1964, № 1, стр. 107, рис. 5, *2*.

[205] Г. В. Штыхов. Древний Полоцк, стр. 15, Автореферат; Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 56.

[206] Л. В. Алексеев. Археологические памятники эпохи железа..., стр. 300.

[207] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 262 (Коллекция ГИМ).

[208] ОАК за 1891 г. СПб., 1893, стр. 129, 174, 175 (Коллекция из Эрмитажа).

[209] F. Baloža. Ersika. Riga, 1940, табл. XIX; И. В. Дайга. К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии. СА, 1960, № 3, стр. 89, рис. 5, *18*, 5, *35*; 6, *15*; 6, *16*; 6, *29*.

[210] Л. В. Алексеев. Раскопки древнего Браслава. КСИА АН СССР, вып. 81, 1960, стр. 99, рис. 46, *40*.

[211] В. Р. Тарасенко. Древний Минск, стр. 234, рис. 34.

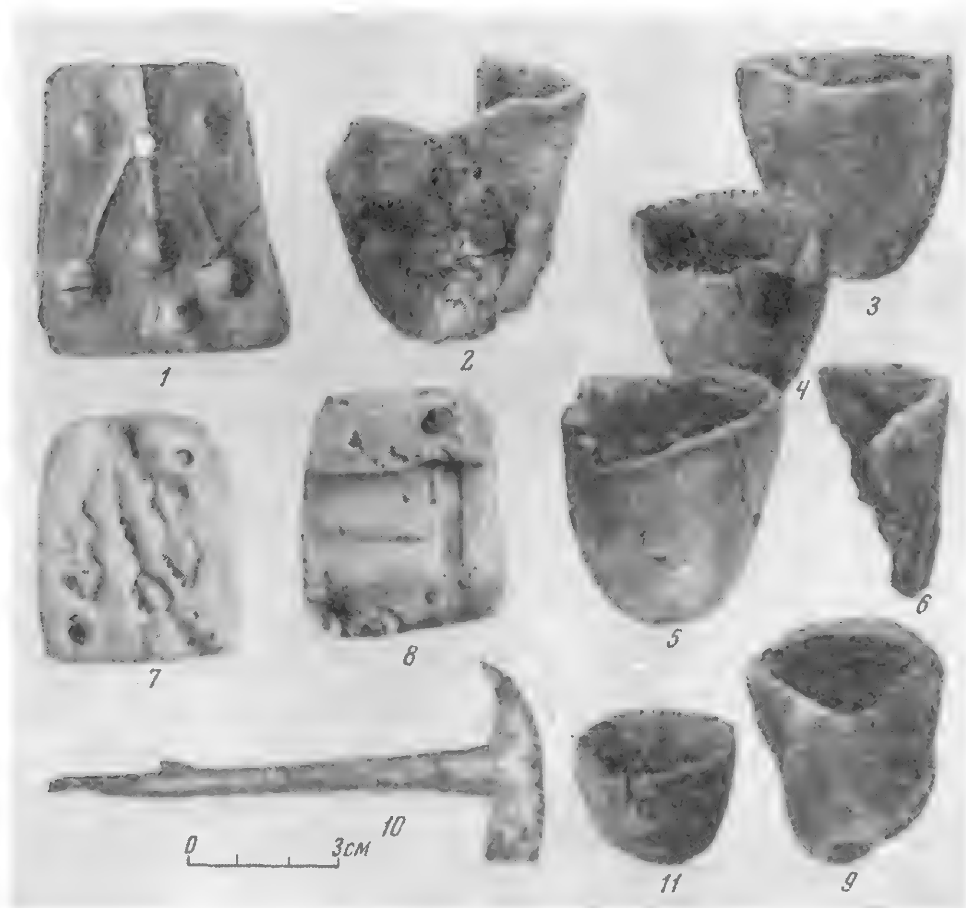


Рис. 22. Орудия труда ювелиров Полоцкой земли

1, 7, 8 — литейные формы; *2—6, 11* — тигли; *9* — льячка; *10* — молоточек; *1—8, 10, 11* — Друцк; *9* — Браслав

нужно было 6 тыс. раз ударить молотком по мелкому зубильцу, чтобы орнаментировать гривну подобную гривне из Невельского клада[212]. Б. А. Рыбаковым установлено, что техника эта возникла в северных русских городах в IX—X вв., где и существовала весь период Киевской Руси[213]. Техника зерни, почти неизвестная в Киеве, но хорошо представленная на Волыни (где обнаружено даже погребение мастера), в Чехословакии и Польше, была также распространена и в западнорусских землях — Полоцкой, Новгородской и Смоленской[214]. Близкое сходство Белогостицкого клада (Ярославская губ.) с Невельским и Гнездовским позволило Г. Ф. Корзухиной предположить, что вещи из него сделаны в Смоленской или Полоцкой землях, откуда перевезены на Волгу переселенцами[215]. Счастливый случай сохранил подписной ювелирный предмет первоклассного мастера — знаменитый крест Евфросиньи Полоцкой, сделанный, как об этом свидетельствует на нем надпись, мастером Лазарем в 1161 г. по ее заказу специально для отстроенного ею же храма Преображения в Полоцке[216].

Это напрестольный крест, украшенный золотыми пластинами и эмалями, не вставленными (снятыми со старых вещей), а сделанными непосредственно на пластинах изделия, т. е. выполнены они тем же мастером Лазарем Богшей. Техника производства изделия включала следующие виды работ:

1. Столярные работы (из специального дерева была изготовлена основа креста с вырезами-углублениями для размещения мощей).

2. Ювелирные работы (изготовление тонких золотых и серебряных пластин. Вырубание в пластинах отверстий для крепления драгоценных камней и вставки мощей).

3. Вырубание надписей специальным инструментом на всех пластинах. Эта работа также сложная, так как требовала от мастера большой точности удара по инструменту.

4. Эмальерные работы. Изготовление матрицы с рисунком святых, изображение которых предполагалось поместить на кресте. Штамповка контура эмали на заготовленных пластинах при помощи матрицы. Заготовка мельчайших перегородочек для изображений. Напаивание перегородочек штампованного изображения. Шраффировка (насечка) на дне изображения для лучшего сцепления эмалевой массы. Заготовка эмалевой массы

[212] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 283.
[213] Там же.
[214] Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М., 1954, стр. 64.
[215] Там же, стр. 40.
[216] Л. В. Алексеев. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII века. СА, 1957, № 3, стр. 224—244. Сейчас стало известно, что крест исчез из спецхранения могилевского исторического музея при захвате города немцами в 1941 г. (Г. В. Штыхов. Древний Полоцк, стр. 17. Автореферат).

различных цветов. Распределение ее по перегороженным «лоточкам» с учетом коэффициента расширения каждой массы в отдельности. Расплавливание массы в перегородках с точным учетом температуры плавления каждой.

5. Монтировка всех отдельных частей креста и крепление жемчужинной обнизи.

Таковы сложные ремесленные процессы, примененные при выделке креста Евфросиньи. Можно думать, что мастерство Лазаря Богши отразилось и во многих предметах, найденных при раскопках Полоцка и, может быть, в других полоцких городах, что, по всей вероятности, когда-либо выявится последующими исследованиями.

Как и в других древнерусских княжествах, в Полоцкой земле было сильно развито и гончарное ремесло. Нижние слои многих городов (Полоцк, Витебск, Браслав, Лукомль) свидетельствуют о применении их первыми жителями грубой лепной посуды, напоминающей роменско-боршевскую. Единичные фрагменты ее найдены и на материке друцкого детинца. В Минске, возникшем в XI в., по-видимому, на незаселенном месте лепной керамики не обнаружено[217]. Переход от техники ручной лепки к гончарному кругу, знаменующий возникновение ремесла, произошел в Полотчине, подобно другим древнерусским землям, в X в. Связь гончарной техники с лепной прослеживается на материалах раскопок Браслава и позволяет изучить технику гончарного ремесла в стадии его становления. Первые гончарные сосуды здесь были сделаны примитивно: сравнительно плохо обожжены, толстостенны и мало профилированы, с плохо обработанным венчиком и робко нанесенным орнаментом[218]. В XI в. появляются формы уже более развитые. В Браславе в это время господствует керамика, названная мною мягкопрофилированной[219]. У горшков этого типа сравнительно высокое и широкое горло, покатые плечики и т. д.

По свидетельству М. К. Каргера и Э. М. Загорульского (устные сообщения), подобная керамика найдена в слое XI в. в Полоцке и Минске. В слое этого времени ее можно встретить и в Друцке, по-видимому в Витебске[220]. Предварительные наблюдения над эволюцией керамических форм и тем самым над совершенствованием ремесленной техники можно сделать при рассмотрении браславской керамики[221], правда, там отражается довольно сильно влияние форм соседней Прибалтики (например, городища Асоте[222] и др.).

[217] Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 64.
[218] Л. В. Алексеев. Раскопки древнего Браслава, стр. 99, рис. 46/30.
[219] Там же, стр. 101.
[220] Л. В. Алексеев. К истории..., стр. 108, рис. 6, 10—13.
[221] Он же. Раскопки древнего Браслава, стр. 99, рис. 46.
[222] Э. Д. Шноре. Асотское городище, XXI, *1—5* и др.

В вопросе о назначении гончарных клейм, столь часто встречающихся на сосудах эпохи Киевской Руси, единого мнения еще не существует, хотя некоторые сдвиги в его разрешении уже есть[223]. Курганы Полоцкой земли (д. Черкасово под Оршей) навели Б. А. Рыбакова на интересную мысль. Установив, что усложнение клейм на горшках совпадает с более поздней датой, автор пришел к выводу о переходе деревенского ремесла по наследству[224]. В настоящее время гончарные знаки известны на сосудах Минска, Заславля, Друцка, из курганов под Логойском и из других курганных групп. Полоцкие ремесленники, по-видимому, работали на заказ и на рынок. Заказная посуда в большинстве случаев метилась. Раскопки в полоцких городах показывают, что ремесленники-гончары жили вне пределов города и, во всяком случае, детинца, где следов их производства нет, вероятно, они жили на окраине города, ближе к сырью — гончарным глинам. В Витебске, например, судя по топонимике, их местообитание находилось за Западной Двиной[225].

В Полотчине были широко распространены и другие ремесла. Прежде всего следует остановиться на изделиях косторезов — кость один из излюбленнейших материалов прикладного искусства древности. Наряду с обычными образцами заурядно орнаментированных, бесчисленных гребней, рукояток ножей и отходов производства в Полоцких городах обнаружены и шедевры косторезного мастерства. Так, в Минске найдена костяная фигурка, изображающая человека в рубахе и *портах* (XII в.)[226], небольшая круглая пластинка *копоушка* с тонким изображением человеческой головы в шапке. Крайне интересна ажурная пластина от колчана (конец XIII в.), изучение орнаментов которой позволило определить значительное влияние вкусов южнорусских кочевников[227]. В Друцке, в слое XII в. нами найдена также тонко выполненная накладка колчана (рис. 23), на этот раз с характерными русско-романскими чертами[228]. Здесь же встречены и другие художественные изделия, а также 2 шахматные фигуры[229].

Характер культурного слоя Полоцка и Минска способствовал сохранению изделий из дерева. Кроме корыт, частей бочек и кадок (найденных и в Друцке), это тарелки, миски, ковши, чаши, сделанные на токарном станке и часто напоминающие по форме такие же из раскопок Новго-

[223] Библиографию вопроса см. в статье Р. Л. Розенфельдта: «К вопросу о гончарных клеймах». СА, 1963, № 2, стр. 121—130.

[224] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 180.

[225] Е. Белозерский. Предместье Взгорье и Песковатик. «Вит. ГВ», 1901, № 132.

[226] Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 81.

[227] Л. В. Алексеев. Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии. СА, 1962, № 4, рис. 6, *1*, и стр. 205.

[228] Там же, рис. 6, *2*.

[229] Там же, рис. 6, *3*; И. М. Линдер. Шахматы на Руси. М., 1964, стр. 67, рис.

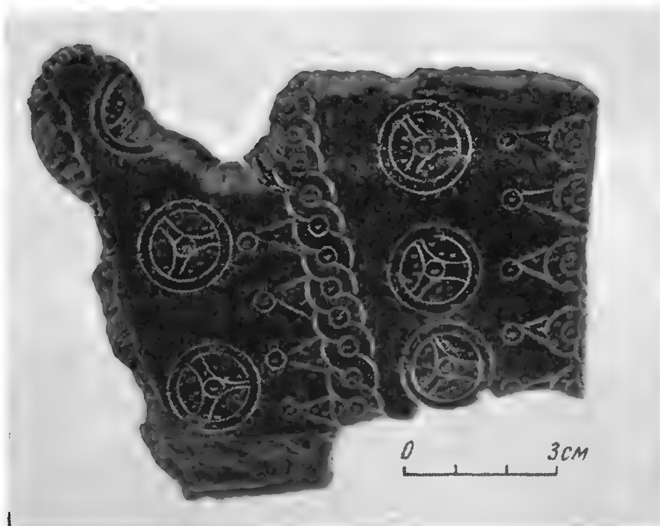


Рис. 23. Друцк. Художественная накладка колчана (кость)

рода[230]. Найдены и орудия труда древоделов: топоры, скобели, тесла, долота, сверла, ножи. Во всех раскопках города Полотчины (кроме Браслава) изобилуют находками кожи и кожаных изделий, свидетельствующими о кожевенно-сапожном ремесле (обувь, кошели, футляры и т. д.)[231]. Интересны наблюдения над стеклянными изделиями Полоцкой земли. Изучая древнерусские стекла (в том числе из раскопок Минска), М. А. Безбородов выяснил тонкую технологию производства стеклянных браслетов, а Ю. Л. Щапова установила, что в Полоцке со второй половины XIII в. было налажено производство стеклянных браслетов из свинцово-кремнеземного стекла с примесью титана, заменивших (вплоть до начала XIV в., когда мода на браслеты из стекла прекратилась) киевские калиево-свинцово-кремнеземные, распространенные до этого. Любопытно, что полоцкие браслеты в других полоцких городах пользовались лишь ограниченным спросом: больше всего их покупали в Друцке ($^{1}/_{5}$ всех иссле-

[230] Г. В. Штыхаў. Гарбарная рамяство старажытнага Полацка. «Весці АН БССР». Менск, 1961, № 3, стр. 63—73; Он же. Павецкае рамяство старажытнага Полацка. «Весці АН БССР». Менск, 1962, № 3, стр. 81—90.
[231] М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси, стр. 218, 219.

дованных браслетов), очень мало в Минске. В других древнерусских городах они до сих пор неизвестны[232].

В зимнее время женщины занимались прядением и ткачеством (находки ножниц для стрижки овец, пряслиц для прядения, гребней для расчесывания шерсти). Ткани выделывались, судя по находкам, из овечьей шерсти, льна и конопли. Есть свидетельство, что в Полоцке выделывали и рогожу[233]. Вязанье, видимо, тоже имело место — на ногах девушки, погребенной в фундаменте минского храма, были короткие шерстяные чулки, несомненно вязанные (наблюдение автора).

[232] См. Тезисы доклада Ю. Л. Щаповой «Браслеты Полоцка и Полоцкой Земли», прочитанного на заседании сектора Славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1964 г. (архив сектора). Она же. Стеклянные браслеты древнего Полоцка, стр. 219—229.

[233] См. указанные сочинения Э. М. Загорульского и Г. В. Штыхова.

4

Города

Возникновение городов на Руси — результат длительных экономических процессов, связанных прежде всего с развитием ремесла у восточнославянских племен. Однако, если экономические причины возникновения городов были едины, то конкретные пути их появления могли быть разными. Неправомерно, кажется, строго отделять «замковую теорию» от теории «племенных городов» [1] и т. д. Город возникал именно там, где ремесленная продукция могла найти себе сбыт. Для его конкретного возникновения по меньшей мере были необходимы два обстоятельства: торгово-транзитный путь, обеспечивающий ремесленнику бесперебойный сбыт товаров, и наличие укрепленного пункта, гарантирующего его безопасность. Последним мог быть и замок феодала, и монастырь, и даже племенной центр со святилищем, если таковое укреплено. Так, очевидно, возникли крупнейшие древнерусские города: Киев, Новгород, Псков, Полоцк.

Вопрос о времени появления городов на Руси будет решен окончательно лишь после детального археологического исследования. Сейчас, в предварительном порядке, можно высказать следующее: если определяющим для возникновения города признать существование при детинце

[1] Н. Н. Воронин. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. КСИИМК, вып. 41, 1951, стр. 5—29.

торгово-ремесленного посада[2], то, судя по имеющимся далеко не полным данным, образование древнерусских городов следует отнести не к IX—X вв., а к XI в. — времени, которым датируется возникновение в раннесредневековых городах Руси посадов. Этим же временем датируется и появление большинства средневековых городов на западе (за исключением Италии, где средневековые города выросли на базе городов античного времени уже в VIII в.)[3].

Обратимся к домонгольским городам Полотчины. Письменные источники сообщают наименования поселений Полоцкой земли, из которых большинство, по-видимому, принадлежало городам (табл. 5):

Таблица 5

Упоминание полоцких населенных пунктов древнерусскими летописями

До X века	X в.	XI в.	XII в.
Полоцк	Изяславль (980)	Витебск (1021) Восвяч—Усвят (1021) Копыс (1059) Менеск (1067) Рша—Орша (1067) Лукомль (1079) Логожеск (1079) Дрьютеск—Друцк (1092) Голотическ (1070) * Одрьск (1078) *	Борисов (1102—1127) Стрежев (1127) Неколоч (1127) Еменец (1185) Городец *

* Звездочкой отмечены города, местоположение которых неизвестно.

Как видим, наибольшее количество городов Полоцкой земли становятся известными в XI в., из чего, естественно, невозможно сделать вывод о массовом появлении их в это время. Невозможно сказать также, были ли эти города центрами ремесла и торговли или только пограничными «твердями» (все они, кроме одного, Одрьска, местоположение которого спорно, расположены на Полоцких границах), с которыми приходилось сталкиваться русским князьям, нападая на Полоцк, или отдавать полоцкому князю свои (Усвят, Витебск). XI век, особенно вторая его половина,

[2] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города... М., 1956, стр. 43—45.

[3] В. В. Стоклицкая-Терешкович. Происхождение феодального города в западной Европе. «Вестник Московского Государственного университета, История». 1955, стр. 14 и др.; Я. А. Левицкий. Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М.—Л., 1960, стр. 159.

к которой относится наибольшее количество упоминаемых городов, как известно, время максимального обострения политических отношений полоцкого князя Всеслава с киевскими князьями. В выяснении этих вопросов может прийти на помощь археология.

Из всех городов систематическим археологическим исследованиям подвергались[4] Полоцк, Минск, Друцк, Герцике, Кукенойс. Небольшие раскопки велись в Браславе, а рекогносцировочные работы в Витебске, Орше, Борисове, Лукомле, Логойске, Копыси. Обследовались: Стрежев, Неколоч, Еменец. Местоположение Одрьска, Голотическа — неизвестно. Городец (если это Городец на Немане) не изучался. Обратимся к изучению каждого города в отдельности.

Полоцк

Крупный древнерусский торговый и культурный центр на Западной Двине Полоцк хорошо был известен на Руси своим и заезжим купцам. Сюда приставали ладьи, груженные восточными, византийскими и западноевропейскими товарами. В этом «западнорусском Новгороде» раздавалась речь на многих языках тогдашнего мира. Это был важный транзитный пункт всей Руси.

Полоцк основан в низовьях р. Полоты, от которой и получил наименование[5]. Его раннее поселение возникло на месте дофеодального городища, открытого еще А. Н. Лявданским и содержащем в нижних горизонтах культурного слоя типичную керамику западнодвинской культуры и датирующемся второй половиной I тысячелетия до н. э. — рубежом н. э.[6] Славянское поселение, от которого сохранились остатки вала и некоторые фрагменты сгоревших деревянных построек, возникло здесь в VIII—IX вв. Основание вала поселка датируется, по Г. В. Штыхову, лепным горшком, типичным для длинных курганов VIII—IX вв., а его последующая подсыпка — гончарными черепками и находками стрел X в.[7] В это время древнейшая цитадель Полоцка — раннее городище —

[4] Библиографию см. в разделах, посвященных этим городам.

[5] Первые раскопки в Полоцке проводились в 1913 г. П. П. Покрышкиным для изучения фундаментов Полоцкой Софии (Археологические раскопки. Исторический вестник. СПб., 1913, сентябрь, стр. 1136—1137). В 1928 г. культурный слой Полоцка изучался А. Н. Лявданским (А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Полоцкай акрузе. Працы, II. Менск, 1930, стр. 161—166). После второй мировой войны раскопки в Полоцке проводил М. К. Каргер (1958 г. и последующие), а позднее — сотрудники БАН: К. М. Поликарпович, А. Г. Митрофанов, В. Р. Тарасенко. В последние годы работы вел Г. В. Штыхов, который наследовал материалы и своих предшественников (см. Г. В. Штыхаў. Пытанні, гістарычнаі тапаграфіі Полоцка. «Весці АН БССР». Минск, 1963, № 2, стр. 63—72; Он же. Древний Полоцк (IX—XIII вв.). Минск, 1965. Автореф. канд. дисс.

[6] Г. В. Штыхаў. Пытанні..., стр. 67.

[7] Там же, стр. 67, 68.

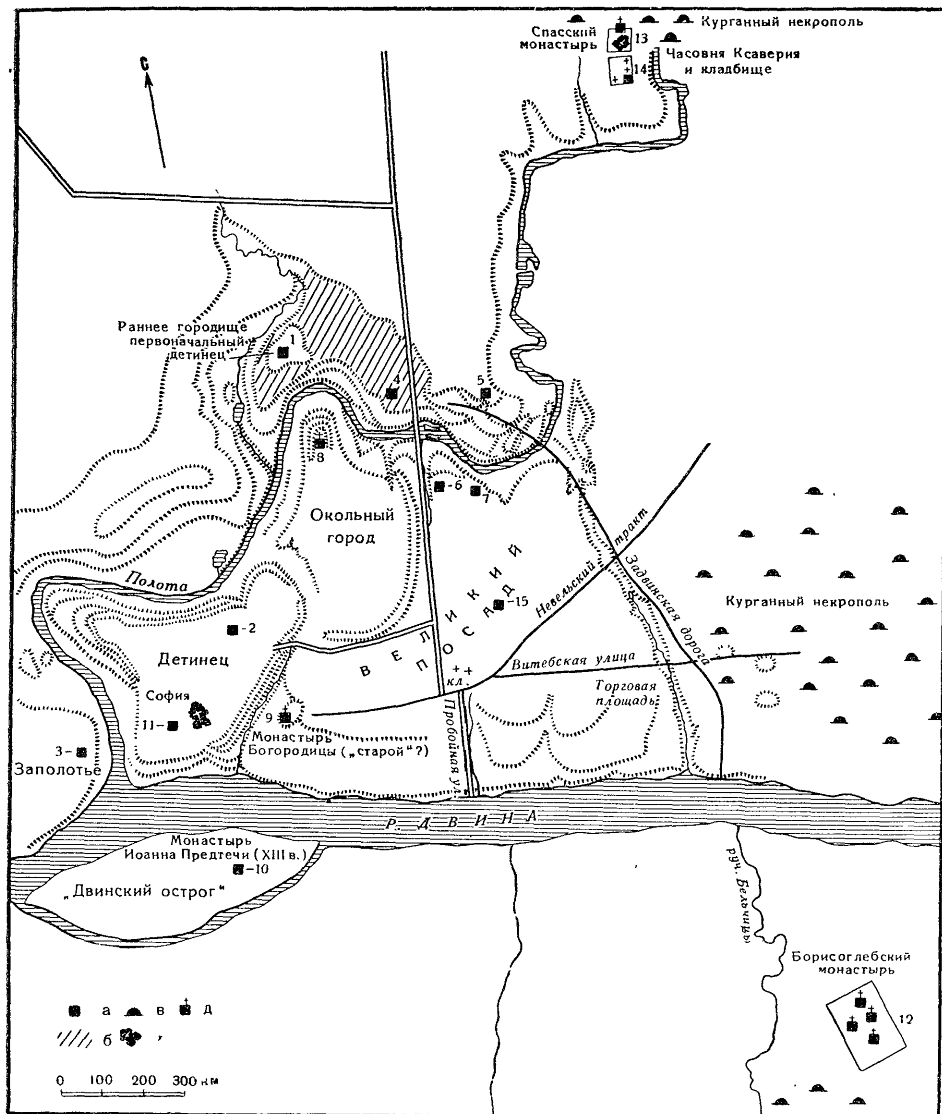


Рис. 24. План древнего Полоцка (реконструкция)

1—15 — шурфы и места наблюдения за культурным слоем: *1—4* — наличие слоя VIII—IX вв.; *2, 5, 6, 8, 11* — наличие слоя X—XI вв.; *3* — дата неизвестна; *7, 9, 13* — наличие слоя XI—XII вв.; *10* — наличие слоя XIII в.; *12, 14* — наличие слоя XII в.; *15* — наличие послемонгольского слоя. *а* — места исследований культурного слоя (по Г. В. Штыхову); *б* — предполагаемое месторасположение древнейшего селища; *в* — курганы; *г* — древние церкви домонгольского времени; *д* — наличие кладки домонгольского времени

обросла вокруг большим поселением. Слой X в. обнаружен на холме при впадении р. Полоты в Западную Двину (позднее он именовался «Верхний замок») и по ее берегам выше (рис. 24). Судя по раскопкам, древнейший Полоцк был разрушен и сожжен. Рогволод древнерусской летописью, по-видимому, может считаться последним владельцем древней цитадели. Князья — потомки Рогнеды и Владимира — не восстанавливали укреплений города, разрушенных последним. Обосновываясь в конце X в. в Полоцке, они возвели новую крепость на более удобном месте, в устье р. Полоты. Даже в XVI в. «взбираться через огонь на столь крутой холм казалось трудным и опасным» [8].

Перейдем к реконструкции топографии Полоцка домонгольского времени.

Помимо данных археологии, основным источником топографии древнего Полоцка является так называемая Лебедевская летопись, подробно освещающая взятие города Иваном Грозным (1563), сведения Р. Гейденштейна об осаде Полоцка Стефаном Баторием (1579) и рисунок города, сделанный Пахоловицким [9] в лагере Батория.

Городской детинец XI—XIII вв. располагался в Полоцке на левом берегу р. Полоты, при ее впадении в Западную Двину. Гора, на которой он был расположен (ныне Верхний замок), судя по летописи, в XVI в., очевидно, из-за мощных культурных отложений называлась Черной [10]. Черным именовался и ручей, омывавший ее с юго-востока [11]. К XVI в. детинец имел несколько ворот, из которых главными были северо-западные (Духовские), выходившие на Себежскую дорогу, и северо-восточные (Острожские), соединяющие город с Острогом. Башня возле Острожских ворот в XVI в. именовалась Красной [12]. На детинце в 1044—1066 гг. была возведена полоцкая София. При раскопках Черной горы вблизи от нее были обнаружены домонгольские слои и к юго-востоку от собора какая-то стена, сложенная из плинф [13].

Окольный город (Нижний замок) располагался северо-восточнее, в излучине Полоты, и подходил к детинцу почти вплотную (рис. 24). Керамика, а также завал здания из плинф и цемянки первой половины

[8] Р. Гейденштейн. Записки о Московской войне. СПб., 1889, стр. 71.

[9] ПСРЛ, т. XXIX. М., 1965, стр. 305—313; Р. Гейденштейн. Записки. . .; М. Коркунов. Карта военных действий между русскими и поляками в 1579 г. ЖМНП, ч. 15. СПб., 1837, стр. 235—249.

[10] ПСРЛ, т. XXIX, стр. 306.

[11] В. П. Викентьев. Полоцкий Кадетский корпус (исторический очерк). Полоцк, 1910.

[12] ПСРЛ, т. XXIX, стр. 308, 310; Э. М. Загорульский. Археология Белоруссии. Минск, 1965, стр. 169.

[13] А. Н. Ляўдански. Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе, стр. 168; Г. В. Штыхаў. Пытанні. . .

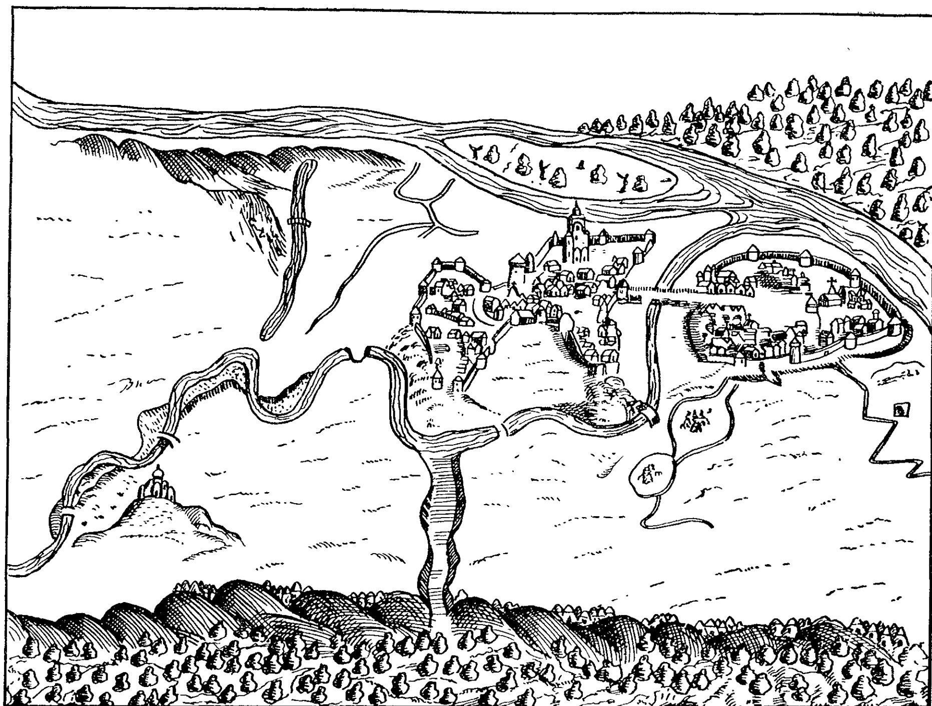


Рис. 25. План Полоцка по гравюре С. Пахоловицкого 1579 г. (схема)

XII в. в северной части памятника[14], на мысу, где еще в XVIII в. виднелись следы большого подковообразного бугра (рис. 24, *8*), свидетельствуют о существовании этой части города также в домонгольское время.

Третий элемент домонгольского Полоцка — Заполотье («Старый город») почти не изучен. Маловероятно, чтобы эта часть была сильно заселена в XI—XIII вв., как это предполагает Э. М. Загорульский[15]. Следы домонгольских напластований здесь незначительны, а основная керамика, вымываемая рекой, относится к XIV—XVI вв.[16] Не было данное поселение укреплено и в XVI в.: Иван Грозный ввел туда Яртуолский

[14] Г. В. Штыхаў. Пытанні...
[15] Э. М. Загорульский. Археология Белоруссии, стр. 168.
[16] Г. В. Штыхаў. Пытанні...

полк в 1563 г. беспрепятственно [17], и мощные стены и башни чертежа Пахоловицкого (1579) были возведены, таким образом, только русскими между 1563—1579 гг. Термин «Старый город» скорее сохранился здесь с того времени, когда по-соседству, на том же правом берегу Полоты, но несколько севернее, еще виднелись следы разрушенного в X в. старого детинца. Надпись на иконке-складне, публикуемой А. М. Сементовским — «Образ Заполоцкой Косьмодемьянской церкви 1606 лета от Христа...», свидетельствует о существовании в Заполотье церкви покровителей кузнецов Козьмы и Демьяна [18]. Незначительный домонгольский слой Заполотья, по-видимому, оставлен жителями поселка мастеров-железоделов, кузнецов и т. д. Во многих городах Руси, из противопожарных соображений, кузнечные слободы, как правило, располагались за рекой [19].

Обратимся к территории, расположенной на правом берегу Западной Двины, к востоку от замков и именовавшейся в XV—XVI вв. «Великим посадом», границы которого простирались крайне далеко [20]. Вряд ли столь обширная территория соответствовала домонгольскому времени. Разведочные шурфы и наблюдения над современным нам строительством показали наличие домонгольского слоя на левом берегу Полоты, к востоку от Нижнего замка (рис. 24, *б*) [21], где найдена керамика X—XII вв. Восточнее, при наблюдении за строительными работами, в нижнем слое обнаружена керамика только XI—XII вв., что, может быть, указывает на более позднее заселение этой части. Значительно южнее рассматриваемого участка, почти в центре Великого посада, при археологическом надзоре на строительном участке в 1959 г. домонгольские слои не обнаружены. Очевидно, поселение того времени далеко от берегов Полоты не отходило, и далее простирались незаселенные места.

Обратимся к юго-западной части Великого посада, примыкающей к Верхнему и Нижнему замкам непосредственно. Трудно предположить, чтобы в такой близости от цитадели древних напластований не было. Действительно, здесь, на левом берегу Черного ручья (во дворе школы № 8), М. К. Каргер обнаружил на материке слой XI в., подстилавший домонгольскую гробницу из плинф. Здесь же залегали плинфы весьма древнего облика (тонкая, с княжескими знаками на постелистой части кирпича, а не на ребре) [22] и цемянка, свидетельствующие о близком расположении

[17] ПСРЛ, т. XXIX, стр. 306.

[18] А. М. Сементовский. Белорусские древности. СПб., 1890, стр. 131.

[19] М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 374; П. В. Сытин. История планировки и застройки Москвы. «Труды музея истории и реконструкции Москвы», вып. I. М., 1950, стр. 102.

[20] «Полоцк. Исторический очерк». Минск, 1962, стр. 44, 50.

[21] Г. В. Штыхаў. Пытанні..., стр. 69.

[22] Подобные плинфы, по любезному свидетельству М. К. Каргера, встречаются только в Десятинной церкви в Киеве (X в.).

какой-то домонгольской постройки. В Витебском музее хранятся фрагменты сосудов этого времени, обнаруженные В. Н. Кузнецовым в 1955 г. в траншее двора полоцкого музея, т. е. на 150—200 м восточнее разведок М. К. Каргера. Слой, следовательно, распространен и восточнее, но как далеко?

Мы видели, что к востоку от детинца, в центре Великого посада, домонгольского слоя уже нет. Это позволяет определить приблизительные пределы заселенности юго-восточного участка в то время. Попробуем опереться на естественный рельеф города. Здесь следует привлечь крайне интересный план древнего Полоцка, составленный историком полоцкого кадетского корпуса В. П. Викентьевым, жившим в Полоцке, где хранилось большое количество сравнительно древних документов [23]. Из плана выясняется, что вдоль Пробойной улицы некогда протекал небольшой ручей, правый берег которого был довольно крут, левый же — пологий и постепенно спускался в Западной Двине. Очевидно, ручей и являлся какое-то время восточной преградой домонгольского поселения, расположенного к востоку от Верхнего замка. Что можно до раскопок сказать об этом поселке? В его западной части над самым Черным ручьем располагалась какая-то кирпичная домонгольская постройка, окруженная гробницами. В. П. Викентьев определил здесь место существовавшего когда-то Богородицкого монастыря [24]. Если это справедливо, то М. К. Каргер обнаружил, по-видимому, именно церковь Богородицы Старой, которую упоминает летописец под 1159 г.[25] В отличие от Богородицы Новой, выстроенной в Бельчицком монастыре зодчим Иоанном в 50-х годах XII в., этот храм был поставлен на рубеже XI—XII вв.

Рассматриваемое поселение тянулось вдоль Западной Двины, его, вероятно, единственная улица шла вдоль берега и называлась, судя по сравнительно поздним документам, Великой, как и в других древнерусских городах (в частности Полоцкой земли — в Витебске и Браславе) [26]. В месте скончания города улица переходила в дорогу, идущую на Витебск (вдоль Западной Двины) и на северо-запад на Неколочь и Еменец (в позднейшее время так называемый Невельский тракт). При выезде из города, на том месте, где позднее возникла площадь перед зданием иезуитской коллегии и костелом, располагалось кладбище [27]. Приходится жалеть, что культурный слой этой части города, за исключением надбережья

[23] В. П. Викентьев. Полоцкий кадетский корпус, план древнего Полоцка.

[24] Там же.

[25] ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 495.

[26] Л. В. Алексеев. Раскопки древнего Браслава. КСИИМК, вып. 81, 1960, стр. 95; Он же. К истории и топографии летописного Витебска. СА, 1964, № 1.

[27] В. П. Викентьев. Полоцкий кадетский корпус, план.

Черного ручья, не изучался. Работы на этом участке должны дать много нового по «демократической» истории города.

С севера и юга, где можно было ожидать нападаения врагов из Новгорода и Киева, подступы к городу охраняли два монастыря — Евфросиньевский и Бельчицкий. Каменные стены последнего были уничтожены пресловутым Иосафатом Кунцевичем в начале XVII в. В Бельчицах, по-видимому, находилась и загородная укрепленная усадьба князя, в которой мы его застаем во время полоцких волнений 1159 г.

Подобно большинству древнерусских, и в частности полоцких городов, Полоцк, несомненно, окружал курганный некрополь. Если полоцкие епископы погребались в Сельце (на месте позднейшего Евфросиньевского монастыря), князья — в Бельчицах, а именитые бояре возле церквей в черте города (как указывалось, у церкви Богородицы Старой), то захоронения полочан остальных слоев общества следует искать за чертой домонгольского Полоцка. А. М. Сементовский сообщал о земляных насыпях, якобы «французских могилах» в урочище «Химкины кладки» близ Полоцка [28].

Известна группа курганов у дер. Бельчицы в 2—2,5 км от Бельчицкого монастыря, курганы найдены и в Экимании, к югу от города и к северу от Евфросиньевского монастыря (рис. 23) [29]. Не были ли это части громадного курганного кольца, плотно охватывавшего (подобно соседнему Витебску, см. ниже) этот крупнейший центр Полоцкой земли? Действительно, на карте Пахоловицкого XVI в. (рис. 25) к востоку от Полоцка схематично показана короткая гряда мелких частых холмов, тянущихся вдоль Двины, отразивших, как предположил Г. В. Штыхов, курганы [30]. Подобная, но еще более длинная гряда частых мелких круглых холмов изображена и к северу от города, у Евфросиньевского монастыря (см. рис. 24).

На месте двинской группы холмов планы XVIII в. помещали отдельные круглые насыпи курганного типа [31]. Здесь в 1956 г. при постройке швейной фабрики был обнаружен древнерусский меч, подобный мечам дружинников, находимых в курганах (рис. 26) [32]. Вспомним, что тут домонгольского слоя не встречено. Здесь, вероятно, и находилась часть

[28] А. М. Сементовский. Белорусские древности. СПб., 1890, стр. 12.

[29] В Витебском областном краеведческом музее хранится письмо известного некогда оршанского краеведа Д. Васильевского от 10 авг. 1959 г., где он сообщает о раскопках здесь и о раскопках тогда же двух курганов в Бельчицах. Связаться с Д. Васильевским не удалось, так как его адрес в музее потерян (а в Витебской области он не проживает).

[30] Г. Штыхаў. Пытанні..., стр. 70.

[31] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Полацкаі акрузе, стр. 163

[32] Л. Д. Поболь. Древнерусский меч из Полоцка. «Весці АН БССР». Минск, 1960, вып. I, стр. 150, 151.

полоцкого курганного некрополя. Уже цитированная Лебедевская летопись, говоря об этих местах, прямо свидетельствует: «А от Двины-реки, от кургана (!) велел государь боярину своему и воеводе князю Василию Семеновичу Серебряному поставити туры...»[33]. Наконец, какие-то курганы существовали в самом Полоцке еще в конце XIX в., когда один из них был зарисован художником Струковым[34].

В заключение, основываясь на всех рассмотренных материалах, попытаемся реконструировать топографию Полоцка X—XII вв. в ее историческом развитии (рис. 24). Город первоначально возник на месте небольшого укрепленного поселка кривичей VIII—IX вв., расположенного неподалеку от устья Полоты и окруженного в X в. селищами. Судя по летописи, им владел в X в. иноплеменный князь Рогволод, ориентировавшийся на киевского Ярополка в его борьбе с Владимиром Святым. Первоначальный город был разрушен последним в 980 г. и более не возобновлялся. Цитадель отстроена вновь в начале XI в. с возвратом Полоцка к самостоятельности. Однако новым местом для нее послужил холм у устья Полоты, где вскоре был возведен и храм Софии. Неукрепленные поселения у города тянулись теперь не только вдоль Полоты, но и за Черным ручьем по берегу Западной Двины, а также за Полотой. В начале XI в. здесь, по-видимому, был выстроен храм Богородицы. Возле храма хоронили именитых светских, либо духовных лиц. Какие-то церкви строились и к северу от детинца. С востока к городу примыкал курганный некрополь, где находилось, очевидно, и дружинное кладбище, а подъезд с юго-востока (со стороны Киева) прикрывал Бельчицкий монастырь.

Рис. 26. Древнерусский меч из Полоцка

Трудами княжны Евфросинии к северу от Полоцка воздвигнут женский монастырь, главный храм которого дожил и до наших дней. Такова историческая топография Полоцка, вырисовывающаяся при использовании всех возможных источников.

[33] ПСРЛ, т. XXIX. М., 1965, стр. 309.
[34] Архив ИА (Москва), фонд музея анторопологии МГУ.

Один из крупнейших княжеских центров Полоцкой земли г. Минск был основан в верховьях р. Свислочи в XI в., в настоящее время территория его вошла в черту белорусской столицы под наименованием «Старый город». Упоминаемый впервые летописью в 1067 г., в XII в. город этот играл в Полотчине крупную политическую роль: его князья с переменным успехом боролись с друцкими за полоцкое княжение. Известно, что его первый князь Глеб Всеславич отстоял город в борьбе с киевской коалицией (1104 г.), однако в 1116 г. сдал его Мономаху, а через 3 года город вместе со всем минским княжеством перешел к Киевской земле. Вероятно, в 1146 г. город был возвращен вернувшимся из византийской ссылки сыновьям князя Глеба и им владели то Ростислав (1146—1151 гг., 1159—около 1165 гг.), то его брат Володарь (1151—1159 гг., около 1165 и в 1167 г.). С 1167 г. летописи о Минске не упоминают. В XIII в. он, как и большинство других полоцких городов, перешел к Литве[35].

Минск

Старый город, где расположено древнее городище, находится у подножия Троицкой горы и состоит из Замковой горы, прилегающего к ней Низкого рынка (именовавшегося еще в 20-х годах XVII в. Старым рынком), Татарского конца (некогда Пятницкого) и Раковского предместья. Названия улиц указывают на существование в прошлом здесь укреплений: Замковая, Подзамковая, Подзамковая на болоте, Завальная, Юрьево-Завальная. Если Замковая проходила, по-видимому, через замок, то. исходя из названий, остальные должны были его окружать «под замком», «за валом» и т. д. Эти улицы, действительно, расположены подковообразно, открытой стороной к р. Свислочи и охватывают снаружи пространство, занятое, судя по планам XVIII в., особой возвышенностью — «Замчищем», по периметру обнесенному валом[36]. Остатки последнего, отчетливо видимые еще в XIX в.[37], позднее были срыты.

Итак, Минский детинец омывался реками Свислочью и Немигой, был обращен напольной стороной к пологому склону Троицкой горы и занимал, по подсчетам Э. М. Загорульского, площадь в 3 га[38]. В Минске существовал и неизвестный исследователям «Окольный город». Так, польские ученые М. Балинский и Т. Липинский упоминают Верхний и Нижний замки, обнесенные валами и стенами, которые были сожжены царем Але-

[35] ПВЛ, т. I. М.—Л., 1950, стр. 112, 160, 185, 201; ПСРЛ, т. I. Л., 1927, стр. 297, 298, 302 и др.; ПСРЛ, т. II.

[36] Э. М. Загорульский. К вопросу о территории древнего Минска. «Материалы конференции молодых ученых БССР». Минск, 1958, стр. 15—18.

[37] П. М. Шпилевский. Путешествие в Белоруссию и по Полесскому краю. СПб., 1858.

[38] Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 10.

ксеем Михайловичем в 1655 г.[39] А. Гваньини о Нижнем замке в XVI в. не сообщал, и названные авторы полагали, что он возник только в XVII в. Исходя из топографии других одновременных городов, нам кажется несомненным, что этот окольный город существовал в Минске с домонгольской поры. Его следует искать, всего вероятнее, у самого подножья Троицкой горы, где в радиусе 300 м есть домонгольский слой, далее, на самой Троицкой горе — отсутствующий. Располагаясь полукругом, открытой стороной к детинцу, улицы современного города подчиняются здесь какому-то внешнему обстоятельству, ограничивающего их. Это и был, очевидно, вал окольного города, тянущийся полукругом по нижней части Троицкой горы. Просьба минских мещан, обращенная к Москве, отстроить им «город или острог», чтобы «в домишках своих жить бесстрашно», по-видимому, и относилась к укреплениям Нижнего замка, которые было необходимо возобновить[40]. Документы XVI—XVII вв. называют в окольном городе около десятка церквей, которые, судя по названиям, могли быть древними и, вероятно, отражают специфику занятий населения в данной части города. Так, ближайшей к детинцу улицей на посаде была Козьмодемьянская (сохранившаяся и поныне) с Козьмодемьянской церковью. Здесь же, очевидно, находилась и Козьмодемьянская гора, о которой также сообщают документы, но следов которой теперь нет[41]. Как и в Полоцке, здесь, по-видимому и жили кузнецы. Район Немиги — реки, расположенной в непосредственной близости от детинца, который она огибала, был заселен, очевидно, довольно поздно, так как все вещи, найденные здесь, относятся, если верить Д. Довгялло, к XVI—XVII вв.[42] В окольном городе, вблизи р. Немиги, позднее существовала церковь Рождества Богородицы на Немиге, которая, судя по названию (подобно Полоцку и другим городам), могла быть древней. О древнем Пятницком (позднее Татарском)[43] конце мы знаем немного. Документ 1660 г. свидетельствует о наличии там двух церквей — Параскевы-Пятницы и Никольской (судя по названиям они могли существовать и в долитовское время) и Татарских улиц[44]. Как известно, Пятницкая церковь в древнерусских городах обычно

[39] M. Balinski, T. Lipinski. Starożytna Polska, t. IV. Warszawa, 1886, стр. 666, 667.

[40] З. М. Даўгялло. Стары Менск. «Наш край». Менск, 1928, № 1, стр. 10.

[41] «Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии». Минск, 1848, стр. 82 (1612 г.), стр. 104 (1617 г.), стр. 196 (1636 г.).

[42] Даўгялло. Стары Менск. «Звезда». Менск, 1926, № 207; ср. также «Звезда», 1926, № 223, «Звезда», 1927, № 77.

[43] Татарским концом именуют его документы XVIII в. (см. документ 1720 г. в кн.: «Белоруссия в эпоху феодализма», т. II. Минск, 1960, стр. 196).

[44] Минчанин Федор Евтухевич завещает своему сыну Андрею: «пляц дому моего увес накоторым я сам мешкалем лежачыи вместе Минску межи улиц татарских обьмежу церкви Светое Пятницы здругого боку отболота потдороги, которою ездят до Светого Николы, стретего боку одпляцов Монастырских...»; дочери Елене: «сеножат мою ле-

возводилась на торгу. Возможно, что так было и здесь, хотя вероятнее, торг первоначально находился на Нижнем замке — в районе современной Торговой улицы. Приведенные данные позволяют с наибольшей вероятностью реконструировать топографию древнейшего города (рис. 27).

В течение двенадцатилетних раскопок Минска, несмотря на большую мощность культурного слоя (5,95 м и более), удалось охватить площадь в 1760 кв. м[45]. Но хотя по изученности городских напластований Минск занимает в Белоруссии первое место, опубликованных работ о раскопках еще недостаточно, и все они носят либо информационный, либо популярный характер[46]. Раскопки выяснили, что Минск возник в XI в. первоначально как укрепленный пункт-крепость, призванный охранять Полоцкую землю на южных рубежах[47]. Город возник среди гущи дреговичского населения, оставившего, как указывалось, в верховьях Свислочи и Птичи многочисленные курганы. Первоначально вал детинца был, по-видимому, незначительной величины (сохранилось его основание шириной в 14 м), но вскоре увеличен почти вдвое. Крепостные ворота находились в юго-восточной части детинца между двумя деревянными башнями. По валу шла, очевидно, крепостная стена. Было также обнаружено несколько городских улиц, мощеных деревом, которые с обеих сторон были окружены усадьбами горожан, огражденными частоколом, а иногда и плетнем. Центром усадьбы служил бревенчатый дом, сруб которого был положен «в обло». Вход в постройки (как жилые, так и хозяйственные) находился со стороны двора. Многочисленные находки позволили зафиксировать в городе ремесла: кузнечное, слесарное, ювелирное, деревообрабатывающее, гончарное, кожевенное, сапожное, косторезное, вероятно, ткачество и швейное. Кроме домашних промыслов, население занималось земледелием, скотоводством, рыболовством и собирательством.

жачую зодного боку дороги, которую ездят до Светого Николы, з другого боку от... левича, небожчыка, стретего боку «од замку» («Собрание древних грамот...», стр. 277).

[45] В 1945—1951 гг. работами руководил В. Р. Тарасенко, в 1957—1961 гг. Э. М. Загорульский.

[46] В. Р. Тарасенко. К истории г. Минска. «Весці АН БССР», 1948, № 6; Он же. Раскопки Минского замчища. КСИИМК, вып. 35, 1950; Он же. Итоги раскопок Минского замчища в 1945—1949 гг. «Весці АН БССР», 1950; № 4. Он же. Раскопки Минского замчища в 1950 г. КСИИМК, вып. XLIV, 1952; Он же. Из материалов раскопок Минского замчища. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 47—51; Он же. Раскопки на Минском Замчище. КСИА, вып. 4. Киев, 1955; Он же. Древний Минск. Материалы по археологии БССР. Минск, 1957; Э. М. Загорульский. К вопросу о территории древнего Минска. «Материалы конференции молодых ученых АН БССР». Минск, «Весці АН БССР», 1960, № 4; Он же. Древний Минск. Минск, 1962, Автореф. канд. дисс. Он же. Древний Минск. Минск, 1963; Он же. Археология Белоруссии. Минск, 1965, стр. 179—198.

[47] Все дальнейшие сведения о раскопках Минска нами почерпнуты из книги Э. М. Загорульского (Э. М. Загорульский. Древний Минск), а также из указанных статей этого автора и В. Р. Тарасенко.

Рис. 27. Топография древнего Минска (реконструкция автора)

Одна из широких улиц, мощенная деревом, перекрывала, как выяснилось, фундаменты и части стен небольшого четырехстолпного трехапсидного храма, который начали возводить в конце XI или, по-видимому (см. ниже), в первой половине XII в. Храм почему-то не был достроен и первоначально был заменен какой-то, вероятно, деревянной часовней, расположенной поблизости[48]. С нею, очевидно, следует связывать 21 погребе-

[48] Неясность опубликованного В. Р. Тарасенко чертежа, объединяющего, как оказалось, разновременные постройки, давала возможность автору этих строк (а затем и Н. Н. Воронину) видеть в одной из построек Минска остатки деревянной церкви,

ние, обнаруженное внутри храма и вне его. Судя по разрезу, приложенному автором раскопок [49], эти погребения отношения к храму не имеют и впущены в его скрытые под землей части, когда само сооружение уже не существовало.

Наиболее интересным оказалось так называемое погребение княжны, по определению Д. М. Галуба, — 14—17-летней девушки, сохранившей частично одежду, по которой можно примерно представить, как одевались молодые минчанки в XII в.

Находки рисуют жизнь обитателей Минска весьма полно. Здесь и инструменты ремесленников (кузнечные клещи, бородки, ювелирные пинцеты, литейная форма, топоры, скобели, сверла со следами использования), и ремесленная продукция (сварные лезвия ножей, литые изделия из бронзы иногда со следами производственного брака, фрагменты долбленной деревянной посуды, кожаная обувь, а также обрезки кожи и т. д.). Многие предметы характеризуют подсобные промысла Минска (прядение, ткачество) и сельское хозяйство (земледелие, скотоводство). Зерно мололи, по-видимому, в каждой избе при помощи ручных жерновов, а обдирку зерна на крупу производили в особых ножных ступах [50]. Много обнаружено украшений, среди которых ранние (XI—XII вв.) еще близки курганным (город, вероятно, медленно порывал с деревней). Таковы лунницы, подвески-амулеты, просто подвески, перстни, браслеты, бусы и т. д. Некоторые находки как по абсолютной ценности, так и по качеству работы, несомненно, принадлежали зажиточной части населения и даже самому князю. Таковы некоторые виды колтов [51], золотой змеиноголовый браслет (75, 472 г) сложного плетения (рис. 28, *4*). Непосредственно князю принадлежал костяной кистень с княжеским знаком, неверно именуемый В. Р. Тарасенко навершием посоха [52]. Предмет однажды ремонтировался, и знак был повторен на нем дважды, правда, уже «вверх ногами» (рис. 28, *3*). Кистени с княжескими знаками в археологии известны [53]. Знак на минском кистене, пожалуй, ближе знакам Святополка и Ярополка Изяславичей [54]. Интересны и другие находки, характеризующие культуру, религию (рис. 29) и военный быт горожан.

Наконец, остановимся на одном спорном вопросе в истории Минска. Неясность летописного текста о событиях 1067 г., сообщающего, что, ра-

опоясанной галереей (см.: Л. В. Алексеев. О работе сектора Славянорусской археологии НИМК в 1956 г. КСИИМК, вып. 72, 1958, стр. 119), что впоследствии, по-видимому, не подтвердилось.

[49] В. Р. Тарасенко. Древний Минск, стр. 103, рис. 6.

[50] Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 77, рисунок.

[51] Там же, стр. 83.

[52] В. Р. Тарасенко. Древний Минск, стр. 243.

[53] М. И. Артамонов. Саркел-Белая Вежа. МИА, вып. 62, 1958, рис. 55.

[54] Б. А. Рыбаков. Ремесло. История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, стр. 168, рис. 110/7, 8.

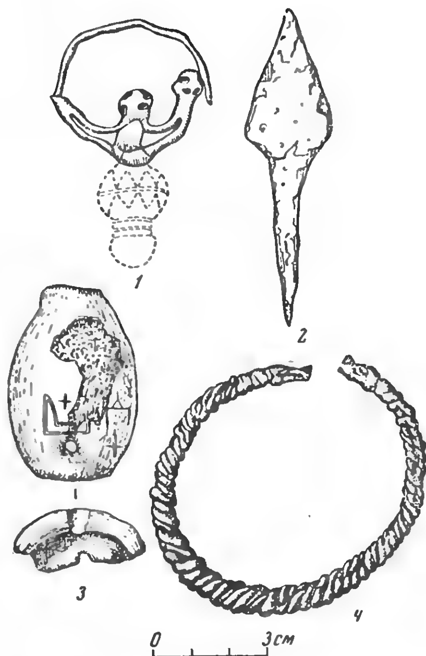


Рис. 28. Предметы из раскопок Строчиц под Минском (1, 2) и Минска (3, 4)

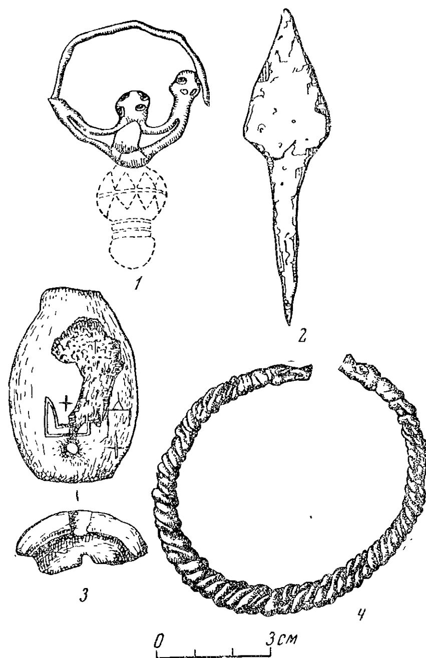
зорив этот город, войска Ярославичей двинулись к Немиге («и поидоша к Немизе», где и произошла битва со Всеславом) в то время, как город Минск стоял именно на этой реке, породила догадки о существовании еще одной Немиги, либо другого Минска. По А. Н. Ясинскому, древний Минск мог находиться на р. Менке, где у д. Строчицы располагается средневековое городище и город, который, подобно Старой Рязани, позднее был перенесен [55]. Обследование и небольшие раскопки в Строчицах А. Г. Митрофанова (любезно разрешившего мне воспользоваться материалом) установили здесь наличие двух городищ с культурным слоем до 1,4 м на Малом городище (детинец) и до 1 м на Большом (окольный город). На Малом городище выявлены остатки деревянных сооружений (угол дома с печью-каменкой) и много находок (жернова, мешок из грубой ткани с зерном, серп, пять ножей, железные шилья и др.). Датирующие предметы относятся к X—началу XI в.: крайне редко встречающаяся в северозападной Руси серебряная серьга с подвеской (рис. 28, *1*) [56], аналогич-

Рис. 29. Минск. Каменная иконка

[55] ПВЛ, т. I, стр. 112; В. Р. Тарасенко. Древний Минск, стр. 189. См. также: А. Рынейскі. Археолёгічныя разьведкі на р. Пціч. Працы III Менск, 1932, стр. 205—206.

[56] Г. Ф. Корзухина. О технике тиснения и перегородчатой эмали... в древней Руси X—XII вв. КСИИМК, вып. XIII, М.—Л., 1946, стр. 46.

Рис. 28. Предметы из раскопок Строчиц под Минском (1, 2) и Минска (3, 4)



зорив этот город, войска Ярославичей двинулись к Немиге («и поидоша к Немизе», где и произошла битва со Всеславом) в то время, как город Минск стоял именно на этой реке, породила догадки о существовании еще одной Немиги, либо другого Минска. По А. Н. Ясинскому, древний Минск мог находиться на р. Менке, где у д. Строчицы располагается средневековое городище и город, который, подобно Старой Рязани, позднее был перенесен [55]. Обследование и небольшие раскопки в Строчицах А. Г. Митрофанова (любезно разрешившего мне воспользоваться материалом) установили здесь наличие двух городищ с культурным слоем до 1,4 м на Малом городище (детинец) и до 1 м на Большом (окольный город). На Малом городище выявлены остатки деревянных сооружений (угол дома с печью-каменкой) и много находок (жернова, мешок из грубой ткани с зерном, серп, пять ножей, железные шилья и др.). Датирующие предметы относятся к X—началу XI в.: крайне редко встречающаяся в северо-западной Руси серебряная серьга с подвеской (рис. 28, *1*) [56], аналогич-

Рис. 29. Минск. Каменная иконка

[55] ПВЛ, т. I, стр. 112; В. Р. Тарасенко. Древний Минск, стр. 189. См. также: А. Рынейскi. Археолёгiчныя разьведкi на р. Пцiч. Працы III. Менск, 1932, стр. 205—206.

[56] Г. Ф. Корзухина. О технике тиснения и перегородчатой эмали... в древней Руси X—XII вв. КСИИМК, вып. XIII, М.—Л., 1946, стр. 46.

Рис. 30. Друцк. Общий вид городища (вид с востока)

ная серьга X в. из Гущинского клада 1930 г. (близ Чернигова)[57]; сердоликовая призматическая бусина (X в.) и бусины-лимонки, железная черешковая плоская стрела (рис. 28, *2*), напоминающая одну из стрел Новотроицкого городища (VIII—IX вв.)[58], также шиферные пряслица. Итак, Строчицкое городище предшествует Минскому, и мысль А. Н. Ясинского вовсе не лишена оснований. Возможно, что современный Минск до разгрома 1067 г. стоял на реке Менке и только позднее (первоначально в виде крепости) перенесен к Немиге. Раскопки Строчиц — неотъемлемая задача ближайших лет.

[57] Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.—Л., 1954, табл. VII/1,3.
[58] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. М.—Л., 1958, стр. 58, рис. 38/7.

Друцк

Основным соперником Минска в обладании полоцким столом был Друцк — небольшой княжеский центр, возникший в XI в. в верховьях Друти (современный Толочинский р-н Витебской обл.), в самой гуще славянских поселений, выросших в начале друцко-лукомского волока (см. выше). Летописи упоминают город с 1092 г., но, судя по «Поучению» Мономаха, он уже существовал в 1078 г.[59] Рассмотрение летописей и многолетние раскопки автора (1956—1962, 1965 гг.) позволяют довольно детально представить историю города и его топографию.

Жизнь в Друцке прекратилась много столетий назад, что обеспечило лучшую в Белоруссии сохранность его древних остатков: *детинца* (1 га), обнесенного валом, достигающим 10 м высоты, *окольного города* (1,3 га),

[59] ПВЛ, т. I, стр. 141, 159.

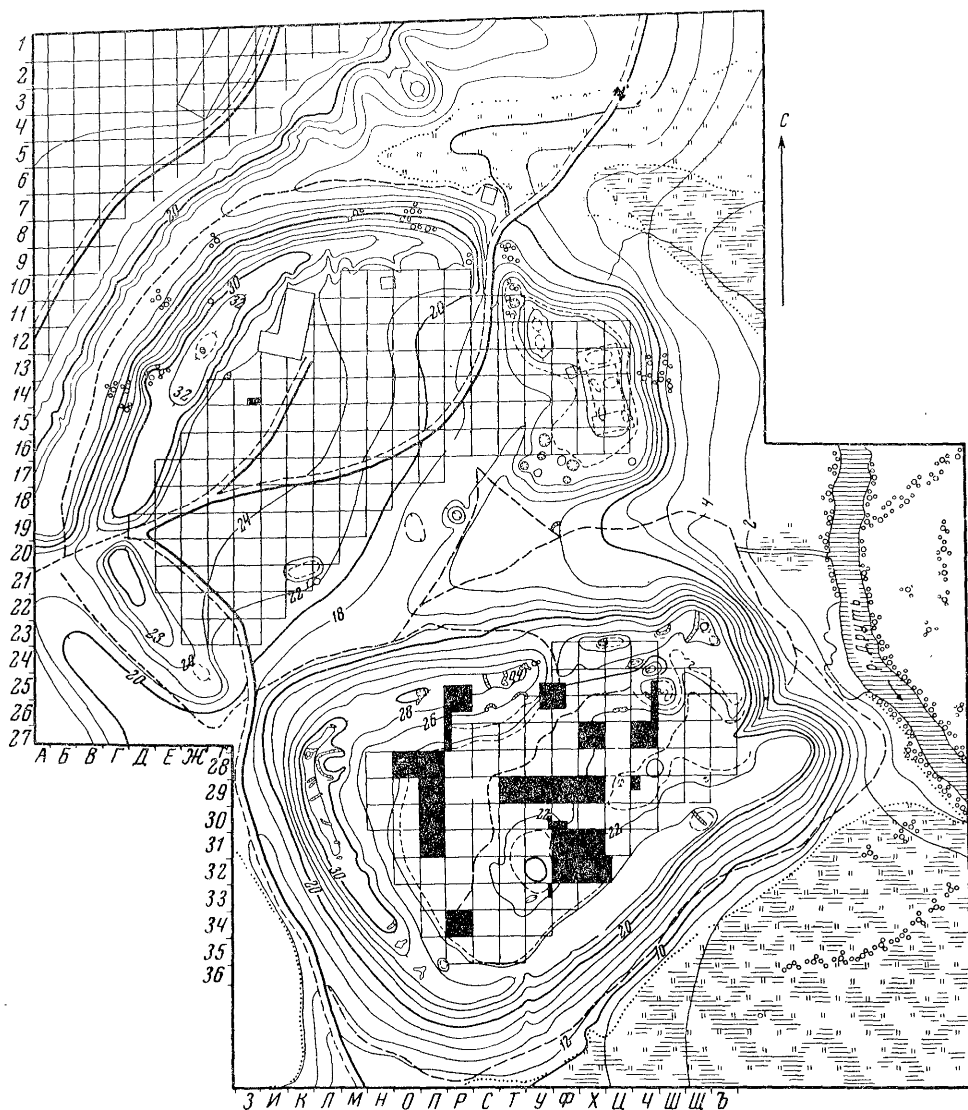


Рис. 31. Друцк. План памятника (инструментальная съемка Полоцко-Прибалтийского отряда). Сплошные горизонтали даны через 2 м. Затушеванные участки соответствуют раскопкам автора.

(Каждый квадрат соответствует одному ару на местности)

также окруженного валом, городского рва, посада и частично курганного некрополя (рис. 30, 31).

Феодальный центр возник в XI в. на правом высоком берегу Друти (на месте древнего родового поселка IV—V вв. н. э. — находка на материке арбалетной фибулы этого времени, рис. 32).

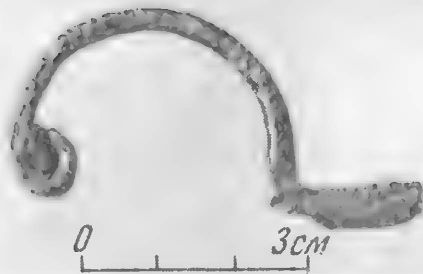


Рис. 32. Арбалетная фибула IV—V вв. из Друцка

Площадка детинца Друцка (140 × 80 м) расположена на высоте 22 м над уровнем реки, почти горизонтальна и окружена валом (в наиболее сохранившейся части достигающим 10 м высоты) и глубоким рвом (в южной части доходящим до 12 м, в западной — до 6). Площадка окольного города (170—100 м) — полукруглой формы, она, как и детинец, окружена валом, достигающим на западе 7 м высоты. глубоким рвом; уклон ее значителен с северо-запада (25 м над уровнем реки) к юго-востоку (15 м над тем же уровнем). Сохранность площадки окольного города много хуже, чем площадки детинца. Непосредственно за рвом, окружающим городище, в древности существовал и посад, границы которого определимы по распространению культурного слоя с древними вещами (главным образом шиферными пряслицами) на территории современного села Друцк. Посад окружал укрепления подковообразно — с севера, запада и востока. На левом берегу Друти поселения не было.

Раскопки Друцка, начатые в 1956 г. и с перерывами продолжающиеся до настоящего времени, позволили накопить большой археологический материал, которому будет посвящено специальное исследование. Здесь познакомимся предварительно лишь с самыми общими результатами работ.

Археологические данные показывают, что Друцк был построен в XI в., в гуще древнерусских поселений, возникших на волоке, соединявшем бассейны Днепра и Западной Двины. Полоцким феодалам, по-видимому, было выгодно прибрать к рукам ключевые позиции водного пути. Курганы, оставленные жителями этих мест, содержат чаще всего трупосожжения на небольшой подсыпке или просто в насыпи. Прах ссыпался в лепные или гончарные урны типичных форм X в. Подобные насыпи раскапывались Е. Р. Романовым (Загородье)[60] и нами (у дер. Синчуки, рядом с Друц-

[60] Е. Р. Романов. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г. «Древности». ТМАО, XIII, вып. 1. М., 1889, стр. 144—146.

ком). Известны и остатки древних деревень (селища у дер. Васильевка, городской поселок Круглое, урочище Булашова у дер. Пригань и т. д.)[61]. Расположение в верховьях Друти, у начала волока из нее в р. Усяж-Бук и Лукомку, давало много выгод местному населению, чем и объясняется густая заселенность этих мест.

Друцкий детинец был основан на правом высоком берегу Друти, на горе, некогда принадлежавшей родовому поселку IV—V вв. н. э., смененному в конце I тысячелетия другим уже славянским поселком (находка там же нескольких фрагментов лепной керамики). Культурный слой того и другого был уничтожен позднее древним городом.

Слой древнейшего Друцка, датируемый первой половиной XI в. (бусы «лимонки», ключи от замков типа «А» новгородской классификации[62] и др.), сохранил незначительное количество остатков строений, поставленных еще в хаотическом порядке, и был перекрыт довольно мощным слоем пожарища, свидетельствующем о гибели первоначального города около рубежа XI и XII вв. Первые десятилетия существования, вплоть до 30-х годов XII в., жизнь в Друцке не была интенсивной (что подтверждается слабой мощностью нижнего культурного слоя детинца и малым количеством находок), город был слаб. Его князья еще робко вступали в антиполоцкие коалиции, в которых главенствовал Глеб Минский, и взять Друцк «на щит» ничего не стоило одному князю — Ярополку Владимировичу, пленившему и выселившему в 1116 г. всех davучан[63]. Вероятно, с этим походом и следует связывать гибель первоначального Друцка в результате пожара.

После этого Друцк оправился далеко не сразу. Дома, возникшие на детинце в «послепожарный период», были еще немногочисленны, хоть ориентация их и подчинялась валу. Детинец, по-видимому, не застраивался стихийно, а восстанавливался одновременно в разных местах, может быть, по указанию князя. Не был значительным Друцк и в конце 20-х годов XII в. Во время войны южнорусских князей с полоцкими (1128) для нейтрализации Друцка было достаточно лишь одного смоленского князя[64]. Сведение с полоцкого стола старшей линии сыновей Всеслава в 1128 г. расчистило путь второй, по-видимому, по старшинству линии Всеславичей — друцким князьям (см. главу VI). Вокняжение в Полоцке по воле полочан и с согласия Мстислава киевского друцкого Рог-

[61] А. З. Каваленя. Археолёгічныя росшукі ў вярхоуях рек Друці, Усяже—Бук і Лукомкі, стр. 190—192.

[62] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, вып. 65, 1959, стр. 78—80.

[63] Пленные davучане были переселены в специально отстроенный для них город Жолдень на юге Руси. ПВЛ, т. I, стр. 201.

[64] ПСРЛ, т. II, стр. 292.

волода — Бориса Всеславича — положило начало розни Друцка и Минска, твердо создав, две постоянные враждебные коалиции — друцкую и минскую, нашедших себе поддержку во внеполоцких коалициях — друцких Борисовичей со Всеславичами, минских Глебовичей с Ольговичами.

Кому принадлежал Друцк и друцкий удел в годы высылки полоцких князей в Византию (1129—1140 гг., см. ниже), летописи не сообщают. Известно лишь, что по полоцким городам в то время были посажены киевским Мстиславом «мужи свои». Лишь в 1140 г. на Русь вернулись два Рогволодича — Василий и Иван, т. е. два наследника друцкого князя Бориса Рогволода. Судьба Ивана с точностью неизвестна, Василия мы хорошо знаем по летописи. Это известный князь Рогволод Борисович (носивший, судя по надписи на Рогволодовом камне, христианское имя Василий), княживший затем неоднократно в Друцке. После 1140 г. роль Друцка значительно возрастает, а его князья включаются в ожесточенную борьбу с минскими Глебовичами за полоцкий стол. Изменяется и соотношение социальных групп внутри самого города, возвышается роль горожан, становящихся к середине XII в. самостоятельной силой.

Период 1162—1180 гг. был переломным в политической жизни Друцкого княжества. Став врагом полочан после проигранной битвы и своего бегства в Друцк (1162), не надеясь более на полоцкий стол, Рогволод, а затем его сын Глеб входят в тесный контакт со смоленскими князьями, тем самым еще более обостряя свои отношения теперь уже со всеми полоцкими князьями. Будучи втянут в борьбу сыновей Ростислава Мстиславовича (Рюрика, Романа и Давида) со Святославом Всеволодовичем и прочими Ольговичами, в 1180 г. Друцк сам попадает в центр этой борьбы. На стороне Ольговичей против Друцка теперь выступают все полоцкие князья (кроме минских) [65]. Однако серьезных последствий этого похода Друцк не имел. Осада была снята. Из последнего сообщения XII в. о Друцке (1195) становится очевидным, что через 15 лет Друцк по-прежнему находился под эгидой смолян, на стороне которых снова боролся с Ольговичами [66].

Если В. Е. Данилевич в 1896 г. писал, что «о Дрьютьске нам известно только, что в нем был деревянный острог» [67], то теперь археологические раскопки рисуют жизнь Друцка во всем его многообразии. Удается проследить социальную топографию друцкого детинца. У южного вала обнаружен самый мощный культурный слой, насыщенный древесными остатками (рис. 33), изобилующий бытовыми предметами, свидетельствующими, по-видимому, о скученности населения и интенсивности жизни в этой стороне. По бокам двух перекрещивающихся кривых и узких улиц

[65] ПСРЛ, т. II, стр. 614, 615.
[66] Там же, стр. 690—694.
[67] В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до XIV столетия. Киев, 1896, стр. 21.

(рис. 33, 17) (на которых две телеги разъехаться не могли), мощеных бревнами, тесно прижимались друг к другу крошечные, огражденные частоколами усадьбы, состоящие из дома (рис. 33, 15, 32), одной-двух хозяйственных построек (рис. 33, 14) и почти сплошь замощенного бревнами, иногда, вероятно, крытого, маленького двора. Дома-избы здесь были срублены из бревен (площадью всего около 16 м²), скрепленных в обло; досчатый пол крепился на специальных лагах; согревались жилища при помощи стоящих в углу низких глинобитных печей-каменок, которые топились по-черному. Предметы, обнаруженные в домах, во дворах и на улицах, позволяют представить, чем занимались жители южного участка детинца. Здесь найдены остатки сапожного производства (шилья, обрезки кожи), ювелирного (тигли, три литейные формы и др., см. рис. 22), косторезного (в одном из раскопов изобиловали поделки из кости, их заготовки), слесарно-кузнечного, плотницкого. Женщины занимались прядением, ткачеством (пряслица) и шитьем (иглы). Вблизи зоны находок обрезков кожи встречена бронзовая застежка от книги, попавшая в руки кожевника-усмошевца, вероятно, при ремонте кожаного переплета. Он же должен был, по-видимому, и нашить сломанные им и потому выброшенные костяные пластины на кожаную основу колчана (рис. 23). Если у южного вала в Друцке жили ремесленники, то два других раскопанных на детинце участка имели, вероятно, иное назначение.

Центральная часть детинца почти не заселялась. В раскопках вскрыты значительно меньшие по мощности культурные слои. Прослоек дерева здесь не встречено; вещи — иного характера. Помимо частых находок стеклянных браслетов, бус и некоторых других изделий, здесь найдено несколько сломанных шпор, стремян. Это была центральная незамощенная площадь детинца, с которой князь и дружина собирались в походы.

Рис. 33. Друцк. Вид древних сооружений в раскопе южной части детинца (уровень рубежа XII—XIII вв.)
14 — хозяйственная постройка; *15, 32* — остатки жилых построек; *17* — остатки уличного настила; *19* — замощение двора

Особо интересна западная часть детинца, обнесенная с запада очень высоким валом, а с севера укрепленная не только валом детинца, но и вторым валом окольного города или острога (рис. 31). Ни улиц, ни мелких домов, ни хозяйственных построек, столь частых у южного вала, здесь нет. Участок этот был застроен иначе: здесь обнаружены лишь два разновременные, большие постройки с глинобитным полом (в одной) и очагами в виде печи-каменки (также без дымохода). Вокруг этих построек существовала большая незастроенная и однажды лишь замощенная тонким плохо сохранившимся деревом (досками?) площадка. Характерны

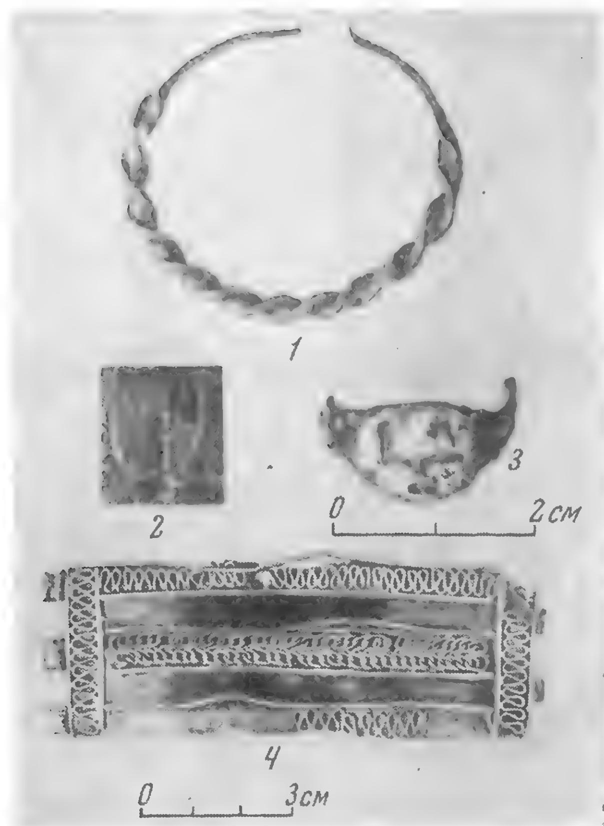


Рис. 34. Находки из западной части друцкого детинца

1 — бронзовый браслет; 2, 3 — шиферное пряслице и серебряный перстень с княжескими знаками; 4 — серебряный браслет со сканью

и находки. Здесь обнаружено больше украшений, чем на предыдущих участках и между прочим такие изделия, как широкий серебряный пластинчатый браслет со сканью (рис. 34, 4), целый бронзовый браслет витой с лопаткообразными концами (рис. 34, 1), серебряный витой перстень, несколько бронзовых перстней, две золотых бусины и т. д. Особенно интересны: серебряный перстень и шиферное пряслице с княже-

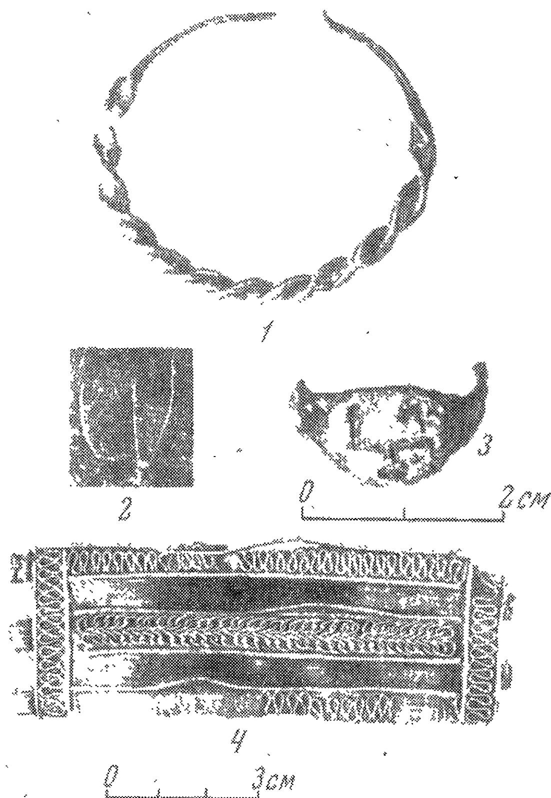


Рис. 34. Находки из западной части друцкого детинца

1 — бронзовый браслет; *2*, *3* — шиферное пряслице и серебряный перстень с княжескими знаками; *4* — серебряный браслет со сканью

и находки. Здесь обнаружено больше украшений, чем на предыдущих участках и между прочим такие изделия, как широкий серебряный пластинчатый браслет со сканью (рис. 34, *4*), целый бронзовый браслет витой с лопаткообразными концами (рис. 34, *1*), серебряный витой перстень, несколько бронзовых перстней, две золотых бусины и т. д. Особенно интересны: серебряный перстень и шиферное пряслице с княже-

скими знаками (рис. 34, 2, 3), а также шиферное пряслице с надписью: «къняжинъ». Перед нами, по-видимому, территория, близкая к княжеским хоромам, всего вероятнее, часть «княжа двора», который был расположен в наиболее укрепленной западной части детинца. Дальнейшие раскопки позволят судить, насколько справедливо такое предположение. Итак, если в западной части детинца жил князь, то южную часть населяли, очевидно, его ремесленники, в обязанность которых входило обеспечить «княжь двор» всем необходимым. Характерно крайне тяжелое положение этого эксплуатируемого класса: маленькие дома, крошечные усадьбы и т. д. Места на детинце было мало, южный участок должен был вместить возможно большее число зависимых от князя людей.

Церковь стояла обычно во всех княжеских центрах. Во всех раскопках друцкого детинца в слоях XII в. встречаются небольшие (9 × 9 см) поливные керамические плитки, устилавшие обычно полы древнерусских храмов. Многие из них попали в сильный огонь, и полива покрылась пузырями, однако ни на одной нет следов связующего раствора. Несомненно друцкий детинец имел свою церковь (вероятно, деревянную). Предполагалось, по-видимому, заменить ее каменной, для чего в Друцке и были свезены строительные материалы, и в частности поливные плитки пола, часть которых попала в пожар.

Как указывалось, Друцк до сих пор окружен курганами. Обследуя могильник в 1930 г., А. Д. Коваленя обнаружил в обрезе кургана, наиболее близкого к городищу (усадьба жителя деревни Друцк — Кваченко), две сгнившие кости бедра и под ними прослойку пепла, т. е. курган содержал трупоположение. Наши поиски древнейшей части некрополя были обращены к территории друцкого посада, за рвом, неподалеку от выезда из острога. Здесь, в 1956 г. канавокопатель вырыл многочисленные человеческие кости, а местный житель А. Кухлевский, копая тогда же погреб, обнаружил захоронения людей и несколько стеклянных бусин. Шурф (5 × 5 м), заложенный на улице современного села Друцк, неподалеку от усадьбы А. Кухлевского, выявил действительно много погребений, но все они оказались сравнительно позднего происхождения с могильными ямами, не достигающими материка и без вещей[68].

Более удачными оказались работы на курганной группе у дер. Синчуки (в 500 м к востоку от детинца на той стороне реки). Из трех курганов, раскопанных здесь, один оказался пустым, а два других содержали трупосожжения в насыпи с большим количеством урн, различных размеров, сделанных в основном на гончарном круге (см. рис. 6). Сочетание трупосожжения с сосудами, сделанными на кругу, как и сама форма этих сосудов, позволяют датировать погребения X в.

[68] Возможно, что усадьба А. Кухлевского расположена на месте более древней части могильника.

В XIII в. Друцк, подобно другим городам Полотчины, переходит под власть Литвы. Русские летописи о Друцке этого времени не сообщают. По сведениям, передаваемым некоторыми западнорусскими летописями, в XIII в. в Друцке якобы не было князей, «его мужи мешкають без государя», и там будто бы поселился «князь великий киевский Дмитрей», который «город Друческ зарубил и назвался князем друцким» [69]. Более поздние сообщения о Друцке дают мало. В списке городов «Далним и ближним» (XIV в.) он отнесен к литовским [70]. В момент похода Витовта на Витебск в 1396 г. друцкие князья, по сообщению летописей, «встретоша его и оудариша ему челом оу службу» [71]. В начале XV в. (1402) упоминается князь Андрей друцкий, убитый на Ворскле, в 1436 г. — друцкий князь Иван Баба. В 1508 г. друцкие князья переходят под власть Москвы, бросив свое княжение, а в летописях мелькают наименования «Друцкие поля» (1514), что, может быть, следует понимать так, что крепости уже не существовало. Начиная с XVI в. Друцк известен, по-видимому, лишь как географическое понятие, хоть и фигурирует первое время на картах почти наравне с соседней Оршей [72]. Некоторое время, по традиции, дорога из Вильны в Москву пролегала через Друцк, и по ней, например, проехал, как мы указывали, С. Герберштейн. Однако вскоре прямая дорога через Толочин стала более употребительной, и старой дорогой пользовались только контрабандисты (см. выше). Слои XIII—XIV вв. представлены в Друцке значительно слабее. Большая часть найденных вещей датируется не позднее первой половины XVI в. Лишь один лабиринтообразный замок и два ключа от него (один из верхней засыпки вала, когда последний, очевидно, подправлялся), да упомянутый бронзовый литой наперсный крест, найденный в корнях травяного покрова южной части детинца (рис. 35), — пожалуй, и все вещи, которые могут быть отнесены к XV—XVI вв.

В заключение кратко рассмотрим археологические находки, пополняющие наши сведения о Друцке. Жизнь детинца всякого средневекового города безусловно была тесно сплетена с военным бытом, с княжеской дружиной, и в Друцке найдено множество предметов военного обихода. Среди 35 наконечников стрел встречены наконечники от ранних втульчатых двушипных и бронебойных до сравнительно поздних (XIII—XIV вв.) веслообразных и арбалетных. К оружию дальнего боя относятся накладки и петля колчана [73], а также налучья. Наступательное оружие ближнего боя

[69] ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стр. 230, 243, 299.

[70] Новг. I, стр. 476.

[71] ПСРЛ, т. XVII, стр. 94, 167—168, 202, 326.

[72] Karol Buczek. Dzieje Kartografii polskiej od XV do XVII w. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1963, табл. XV, карта 1562 г.

[73] Л. В. Алексеев. Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии. СА, 1962, № 4, стр. 207, 208, рис. 6/2.

представлено навершием меча, копьем (единственная находка), втоками и кистенями; оборонительное — крайне оригинальными пластинами от панциря, художественно украшенными орнаментом, простыми пластинами панциря, фрагментами кольчуги[74]. Многие находки свидетельствуют о снаряжениях всадников — стремена, шпоры, удила, разделители ремешков конской сбруи и т. д. Особого внимания заслуживают две шпоры, сохранившие пряжки и пластинчатые крючки, служившие для крепления шпоры к ноге, что в сочетании со шпорами встречается редко.

Повседневный быт жителей детинца характеризуется также многочисленными мелкими предметами: замками, ключами, кресалами, гребнями, ручными жерновами и костяными порхлицами к ним, а также ножами, глиняными сосудами (рис. 36). Женские украшения: браслеты, перстни, булавки, подвески курганных типов (рис. 37). Есть свидетельства и о грамотности: надписи на пряслицах[75], застежки от книги и др. (см. ниже). Многочисленные предметы относятся к русскому православному культу: кресты-энколпионы, нательные крестики, два змеевика, отлитых, по-видимому, в одной форме, фрагмент хороса, крышечки (от кадила?). Красив уже упоминавшийся отлитый в односторонней форме небольшой наперстный крест (рис. 35), с рельефными изображениями Троицы (вверху). Сретение (левая сторона), Сошествие во ад (правая сторона), Распятие (средокрестие), Преображение и Сошествие святого духа на ангелов (нижняя часть ствола). Подобные кресты известны среди

Рис. 35. Бронзовый крест из дернового слоя друцкого детинца

[74] А. Ф. Медведев. К истории пластинчатого доспеха на Руси. СА, 1959, № 2, стр. 131, рис. 5, *1* (все находки пластинчатых доспехов в Друцке относятся к XIII—XIV вв.).

[75] Л. В. Алексеев. Еще три шиферных пряслица с надписями. СА, 1959, № 2, стр. 243, 244, рис. 2; А. Ф. Медведев. Древнерусские писала X—XV вв. СА, 1960, № 2, стр. 67, 77, рис. 5, 75.

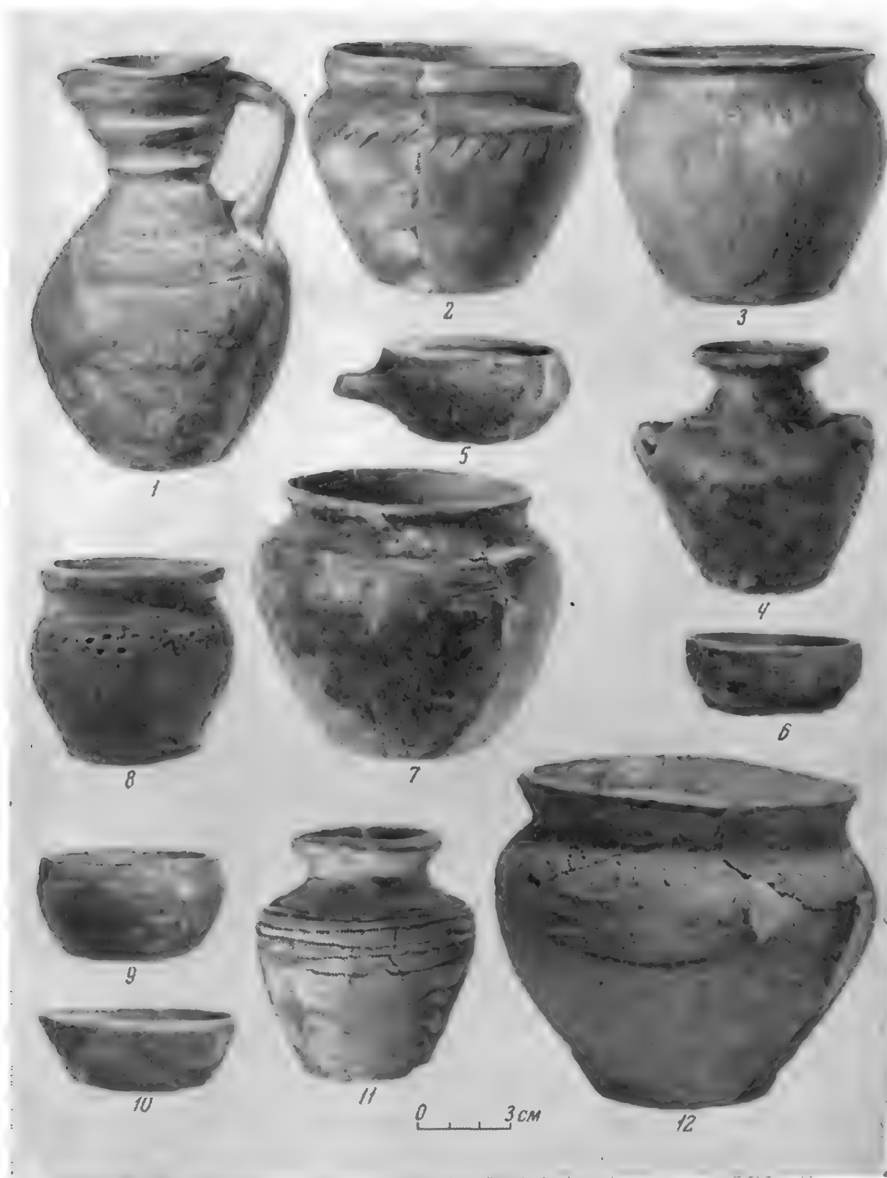


Рис. 36. Глиняная посуда из раскопок Друцка (1—12)

древностей XV—XVI вв.[76] Однако других отливок этого креста мы пока не знаем.

Обращают на себя внимание вещи, принадлежавшие социальной верхушке друцкого замка и княжеской семье: серебряный пластинчатый браслет со сканью, серебряные нашивные бляшки, упоминавшаяся пластина от дорогого колчана, перстень с княжеским знаком (см. рис. 34, *2—4*), княжеские пряслица, золотые бусы. Возможно, что для развлечения князя служил найденный в «княжеской» части детинца редкий музыкальный инструмент «варган» (рис. 38)[77].

Раскопки Друцка далеко не закончены и могут считаться весьма многообещающими, что гарантируется сохранностью памятника и его окружением (многочисленные курганы и остатки селищ).

Витебск

Витебск получил название по имени реки Витьбы, на которой он расположен. Судя по летописям, он возник, по-видимому, в начале XI в. на скрещивании водных путей «из варяг в греки» с «западнодвинским». Судя по первому упоминанию (1021 г.), сначала Витебск не был полоцким городом и отошел к его князю лишь в 1021 г. Дальнейшие сведения о Витебске не встречаются в летописях до 1165 г., когда с оживлением двинского торгового пути в Прибалтику роль городов по Западной Двине начала расти.

В 1165 г. город снова оказывается в руках смоленских князей. В 70—80-х годах Витебск опять у полочан, а в 1195 г. снова переходит к Смоленску. В XIII в., судя по документам, Витебск выступает как центр, ведущий торговлю с Ригой и немецкими городами. С середины XIII в. он то переходит под власть Литвы, то снова попадает к Руси. Раскопок в городе до сих пор почти не производилось, и только недавно началось изучение его древней топографии[78]. До XIX в. древнейшим памятником Витебска было древнее городище, расположенное во дворе современного пединститута (бывшая мужская гимназия), почти полностью уничтоженное в 1897 г.[79] Заставший еще остатки здесь культурного слоя

[76] В. и Б. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899, табл. XI, *127*, *128*, *129*, *130*; Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. Загорск, 1960, стр. 287, 295. Друцкий крест найден в дерновом слое южной части детинца.

[77] Подобные найдены в Новгороде и в Екимауцах (Молдавия). Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 117, рис. 103; Г. Б. Федоров. Итоги трехлетних работ в Молдавии. КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 18.

[78] Л. В. Алексеев. К истории и топографии древнейшего Витебска. СА, 1964, № 1, стр. 99—111. В 1964 и 1965 гг. небольшие раскопки на Нижнем замке производил Г. В. Штыхов.

[79] Подробности об ожесточенной борьбе, загоревшейся вокруг вопроса об уничтожении Замковой горы, см. в указанной выше статье.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
0
3 см

Рис. 37. Ювелирные украшения из Друцка

1—8, 10, 11, 13—15, 19, 23, 25, 27 — перстни; *9* — лунница; *12* — бронзовая пластина с орнаментом; *16—18, 21* — подвески; *20, 29* — пряжки; *22, 26, 28, 30, 31* — браслеты; *24*—булавки; *25* — бусина; *2, 11, 16, 17, 18, 19, 21, 25, 28, 31* — серебро, остальное — бронза. Головка булавки (*24*) позолочена

А. Н. Лявданский датировал памятник предфеодальной порой [80]. В XVII в., судя по чертежу 1664 г., город состоял из Верхнего и Нижнего замков, Взгорья или Острога, обнесенных стенами, и ряда посадов [81]. Планы XVIII в. и обнаруженные нами документы архива ЛОИА показывают, что раннее витебское городище (Замковая гора) позднее использовалось витеблянами в качестве вала Верхнего замка, на котором и были возведены (по-видимому, при Ольгерде в XIV в.) каменные укрепления, разрушенные в 1396 г. Витовтом [82].

Витебский детинец (Верхний замок) площадью около 2,5—3 га значительно меньше окольного города (Нижнего замка). В XVII в. он еще сохранял остатки каменных стен, построенных при Ольгерде, в нем (XIV в.) были: церковь святого Михаила, тюрьма, колодезь и «дом Горского». Церковь с этим наименованием, может быть, указывает на место, где в прошлом находился княжеский двор [83]. Непосредственно к детинцу с восточной стороны примыкал большой ров, отделявший детинец от окружающей местности и видимый еще на планах XVIII в. Сообщение с детинцем осуществлялось, вероятно, по специальному мосту. О характере культурного слоя детинца прямых сведений нет. К. А. Змитроц-

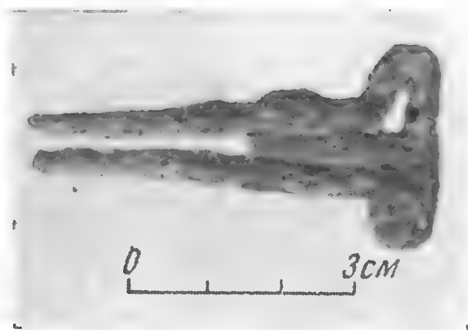


Рис. 38. Варган (музыкальный инструмент) из Друцка

[80] А. Н. Ляўдански. Археолёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе, стр. 93—94, табл. X, *13*.

[81] А. П. Сапунов. «Чертеж» города Витебска 1664 года. «Труды ВУАК», т. I, Витебск, 1910.

[82] Л. В. Алексеев. К истории..., стр. 105.

[83] Церковь святого Михаила стояла на многих княжеских дворах, например, в Чернигове, Переяславле. По свидетельству витебского краеведа М. Ст. Рывкина, при рытье водопровода перед зданием витебского пединститута в 1964 г. обнаружена кирпичная кладка, состоящая из плинф и цемянки. Возможно, что это и есть остатки церкви святого Михаила.

кий упоминает поступившие оттуда древние ключи, медную пряжку, изразцы, «сулею», глиняную вазу [84]. Здесь же найдены фрагменты домонгольской гончарной посуды. При рытье глубокого котлована для здания театра у Западной Двины в 1959 г. экскаватором вынималось большое количество древнего дерева — остатки построек, мостовых и т. д.[85]

Окольный город Витебска занимал площадь втрое большую, чем детинец. По чертежу 1664 г. в нем были монастырь, церковь Благовещения, два двора знатных бояр, два колодца и четыре улицы, мощеные бревнами. Исходя из сообщения Ольгерда о постройке духовской церкви в поле за ручьем или Замковым рвом (у современного здания Облисполкома), можно думать, что долина ручья, огибавшего город, специально была превращена в ров. О находках из культурного слоя окольного города известно значительно более данных. Еще в 1737 г., у здания фарного костела (вблизи от церкви Благовещения), была найдена древняя каменная иконка [86]. В XIX в., при постройке электростанции (1897 г.), в Витебский музей попал 151 обломок стеклянных браслетов [87]. При прокладке водопроводных труб на площади Свободы и по Задуновской улице в 1924 г. обнаружены «гробовые доски, человеческие кости и черепа», а также восемь рядов бревен — остатки мостовой, погружавшейся, как тогда думали, во время ее существования вследствие топкой почвы, и по мере погружения заменявшейся новыми рядами [88]. Восемь рядов бревен мостовой, по-видимому, восемь горизонтов (ярусов) замощения улицы Великой. При тех же работах, около моста через Витьбу у площади Свободы, обнаружены остатки сооружения из камней и дубовых бревен, как предполагалось, остатки «Волконского кругляка» — башни чертежа 1664 г.[89] Обследуя Нижний замок, А. Н. Лявданский обнаружил в обрыве мыса, где тогда стояла электростанция, серию черепков домонгольской гончарной посуды, сходной с посудой, найденной на Верхнем замке [90] В восточной части Окольного города, на той же площади Свободы, в 1959 г. найдена бере-

[84] К. А. Змитроцкий. Каталог музея Витебской ученой архивной комиссии. Витебск, 1912.

[85] Личное сообщение Б. А. Колчина, бывшего тогда проездом в Витебске.

[86] А. М. Сементовский. Белорусские древности, стр. 129.

[87] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе, стр. 94.

[88] Н. Б. Подземный Витебск. «Заря Запада». Витебск, 1924, № 257.

[89] Там же.

[90] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе, стр. 194, табл. X, 15. Из этих находок А. Н. Лявданского М. Н. Тихомиров сделал вывод о существовании на месте Нижнего замка также поселения IX—X вв. (М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1954, стр. 367—368), что до раскопок или хотя бы до разведывательных шурфов делать, по-видимому, преждевременно, так как мы видели, как далеко развозился культурный слой раннего городища «Замковой горы».

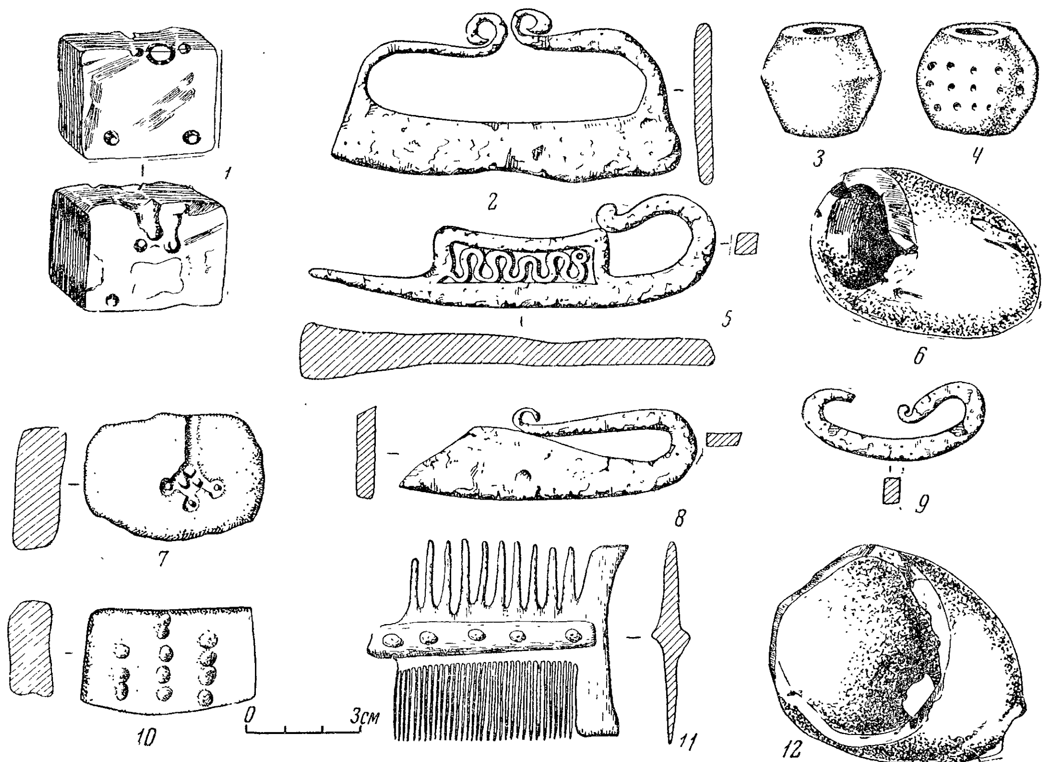


Рис. 39. Находки из культурного слоя древнего Витебска

1, 7, 10 — литейные формы; *2, 5, 8, 9* — железные кресала; *3* — пряслице серого сланца; *4* — глиняное пряслице; *6, 12* — тигли; *11* — костяной гребень; *1, 3, 4, 6, 12* — из траншеи, где была найдена берестяная грамота; *2, 5, 7—11* — случайные находки (коллекция Витебского музея)

стяная грамота (см. ниже)[91]. Там же, на уровне залегания грамоты и ниже, обнаружены и другие вещи, правда, в незначительном количестве: литейная форма для отливки украшений, два тигелька (рис. 39, *1, 6, 12*), глиняное грузило (пряслица), шесть стеклянных браслетов, датирующихся в целом домонгольским временем. Мощность культурного слоя Окольного

[91] Н. Н. Дроченина, Б. А. Рыбаков. Берестяная грамота из Витебска. СА, 1960, № 1, стр. 282, 283. В связи с находкой берестяной грамоты в Витебске, следует назвать имя местного энтузиаста и краеведа М. Ст. Рывкина, исключительной энергии которого наука обязана сведениями об уникальной находке. По сигналам М. Ст. Ривкина, академик Б. А. Рыбаков выехал в Витебск для ознакомления с грамотой на месте.

города в этом месте оказалась равной 4,3 м. Ниже залегает ровный серо-желтый нетронутый песок. В Витебском музее хранятся и другие находки, собранные, по-видимому, в разное время на территории древнего города (рис. 39) [92].

Судя по «Чертежу 1664 г.», в Витебске была и третья укрепленная часть — Острог или Взгорский город: в Витебске — «. . . три замка, — пишется также в документе 1667 г. — Верхний, Нижний и Узгорский» [93]. Расположен он на высоком правом берегу р. Витьбы, при ее впадении в Западную Двину. По предположению А. П. Сапунова, Острог начал заселяться следом за Замками, но далеко не сразу, так как по документу 1522 г. церковь Иоанна Богослова стояла еще вне его пределов «на поли», «за местом» (за городом) [94]. Археологические материалы из этой части Витебска неизвестны. Нет сведений и о характере культурного слоя. По «Чертежу 1664 г.» эта часть города была обнесена деревянными стенами с башнями и имела несколько церквей. Центром поселения в это время была рыночная площадь с ратушей и гостинным двором. Вероятно, сюда рынок переведен в эпоху позднего средневековья из Окольного города. Документы XVII в. сохранили некоторые древние наименования в черте Острога: ул. Большая Узгорская (1624 г.), Острая гора близ Спасской церкви (1662 г.), Узгорские поля [95] и Узгорская слобода.

Как видно на плане XVIII в.[96], Заручавье делилось на две части — западную и восточную или, точнее, северо-западную и юго-восточную. Первая была расположена у самого устья ручья, и она ниже второй. Вторая же представляла довольно значительную возвышенность. А. П. Сапунов отмечал, что «западная часть Заручавья заселена была довольно рано, но восточная часть его не была заселена даже и во второй половине XVIII века», однако объяснения этому не находил [97]. Западная часть сохранила и древнее наименование улиц: набережная над Западной Двиной там называлась Кожевенной; одна из улиц — Резницкой. Есть сведения, что до пожара 1872 г. этот участок города исстари был заселен ремесленниками по кожевенному делу. Даже в XIX в., по подсчетам И. Васильева, из 14 кожевенных заведений Витебска, 12 находилось на Кожевенной набережной. Тогда же здесь было несколько шерстомоен, и выделывался простой кислый войлок. Женщины варили из кож столярный клей [98]. Со-

[92] Приношу глубокую благодарность директору Витебского музея К. И. Хомко за разрешение опубликовать материал и за постоянное содействие моей работе.

[93] А. П. Сапунов. Витебская старина, I, 1883, стр. 379.

[94] А. П. Сапунов. Река.., стр. 393.

[95] А. П. Сапунов. Архив Полоцкой духовной консистории. М., 1898, стр. 10.

[96] Л. В. Алексеев. К истории...

[97] И. Васильев. Предместье Заручавье. «Вит. ГВ». Витебск, 1901, № 64. Судя по документу 1618 г., улица в Заручайском посаде именовалась Большой (А. П. Сапунов. Архив..., стр. 9).

[98] И. Васильев. Указ. соч.

временная Заручевская Воскресенская церковь построена на месте деревянной, упоминаемой в списке церквей 1618 г. под названием «кожемятской». Итак, западная часть Заручавья представляла в древности неукрепленную часть города, посад, населенную ремесленниками-кожевниками.

Без археологического материала трудно что-либо сказать о времени возникновения Задуновской и Задвинской частей Витебска. Восемь ярусов мостовых, обнаруженных в 1924 г. «на пл. Свободы и по Задуновской улице», вряд ли о чем-либо свидетельствуют, так как эта улица начинается еще в пределах Окольного города и, вероятно, мостовые найдены именно там[99]. На «Чертеже 1664 г.» Задуновская и Задвинская слободы уже существуют. А. П. Сапунов уклончиво отмечал лишь, что Задунавье было заселено, во всяком случае, уже в XVI в.[100] Однако близость к Замкам позволяет предполагать, что эта территория была заселена значительно ранее. Касаясь вопроса о первоначальном заселении Задвинья, я отмечал, что из-за удаленности от Замков и Задунавья оно начало заселяться значительно позднее (что предполагал и А. П. Сапунов). Однако есть документы, свидетельствующие, что в XVII в. здесь еще возвышались курганы (см. ниже). Трудно предположить, чтобы курганный некрополь существовал где-то в отдалении от города, да еще на другом берегу большой реки. По-видимому, здесь существовало свое особое поселение уже в домонгольское время. Любопытно, что южная часть Задвинья некогда именовалась Русью или Посадом русским[101]. Можно предположить, что здесь на южной окраине города останавливались купцы, которые приезжали из «Русской земли», т. е. из Киева и его округи, и название, следовательно, восходит к далекой древности. Есть также сведения, что в более позднее, очевидно, время эта часть города была заселена гончарами. Северная часть Задвинья, так называемая Ильинщина (по расположенной здесь церкви святого Ильи, упоминаемой с XV в.), была населена якобы судостроителями[102].

Вопрос о месте расположения витебского курганного некрополя мною уже ставился раньше[103]. Исходя из документа 1602 г., где сообщалось о казни витеблянами казацкого атамана Кондрата Дубины в урочище Заручайские волотовки, я указывал, что древний курганный некрополь находился именно на той возвышенной части Заручавья, которая не была

[99] Из Задуновской слободы мне известна лишь одна археологическая находка — стеклянный темный мелковитой браслет. Однако одной находки для каких-либо суждений, безусловно, мало.

[100] А. П. Сапунов. Река.., стр. 393.

[101] А. П. Сапунов. Витебская старина, стр. 366, 367 и др.

[102] Е. Белозерский. Предместье Взгорье и Песковатик. «Вит. ГВ», 1901, № 132.

[103] Л. В. Алексеев. К истории..., стр. 109.

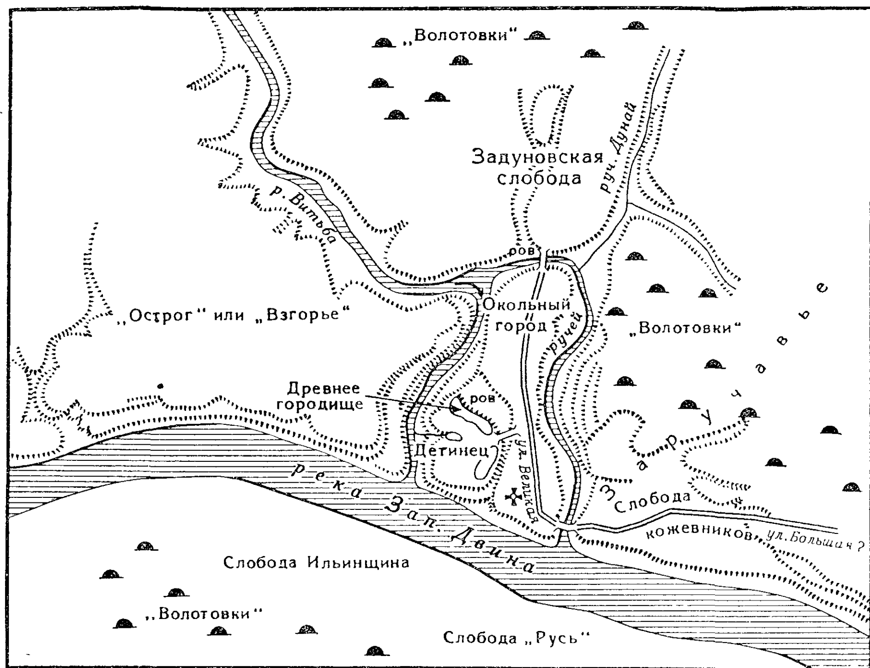


Рис. 40. Витебск. Реконструкции древнейшей топографии

заселена, по наблюдениям А. П. Сапунова, вплоть до XVIII в. Известны некоторые документы, не только подтверждающие это предположение, но и показывающие, что курганный могильник окружал некогда Витебск почти плотным кольцом. Так, в 1593 г. витебским мещанином П. Н. Лебедем была дана закладная своему племяннику на «полянки ... лежачые ... на полях Заручайских ... и на другое поле (там же) с курганом» [104]. Другой документ также сообщал о передаче в 1595 г. части земли на «поля Задунайских возле волотовок». В 1634 г. составлена дарственная запись на «пляц», «на посаде Заручайском» (Заручавье) «подле волотовок» [105]. Наконец, две купчие крепости 1623 и 1628 гг. содержат сведения о земле Зверинецкой «за р. Двиною у валатовках» и об огороде за

[104] М. Веревкин. Записка об археологических памятниках Витебской губ. «Труды ВОМПК», стр. 198.
[105] Там же, стр. 203.

р. Двиною на посаде слободском «подле волотовков»[106]. Таким образом, каждая часть древнего Витебска (вероятно, это были, подобно Новгороду и Киеву, первоначально самостоятельные поселения, позднее именовавшиеся «городские концы») имела свой отдельный курганный некрополь, остатки которого уничтожены постройками города в XVIII—XIX вв. Все приведенные здесь данные позволяют реконструировать топографию древнейшего Витебска (рис. 40).

Герцике и Кукенойс

Обратимся к более мелким княжеским центрам — Герцике и Кукенойсу, возникших в восточных частях современной Латвии, где феодализация шла значительно быстрее, чем в западных[107]. Летописец не нашел случая их упомянуть, и сведения о них содержатся у Генриха Латвийского, у других западных авторов, в актах XIII—XIV вв. и даже в скандинавском эпосе[108].

Сообщая впервые о Герцике под 1203 г., Генрих Латвийский упоминает и его «короля» (князя), который в союзе с литовцами боролся с тевтонским орденом под стенами новоотстроенной Риги. Сын полоцкого князя, женатый на дочери литовского князя Даугеруте, герцикский князь Всеволод, «всегда был врагом ... латинян», «воюя с ними и не желая заключить мир»[109]. В 1209 г. город захватил орден и разграбил. Бежавший из него Всеволод вынужден был признать верховную власть меченосцев и получил свой город из рук рижского епископа, но уже в лен[110]. Из беглого описания грабежа Герцике у Генриха Латвийского можно заключить, что город был довольно богат: тевтонское войско «собрало бы всем его (города. — *Л. А.*) углам большую добычу, захватило одежду, серебро и пурпур, много скота, а из церквей (которых, очевидно, здесь было несколько. — *Л. А.*) колокола, иконы[111], прочее убранство, деньги и много добра»[112]. Дальнейшая история Герцике не слишком ясна. Первое время Всеволод, по-видимому, мало подчинялся рижскому диктату, что вызвало даже поход рыцарей ордена против него и захват ими города (1214 г.)[113]. Однако в дальнейшем, видимо, положение изменилось, так как в 1225 г. Всеволод еще продолжал быть князем Герцике, принадлежавшем тевтонам, и послушно приезжал на встречу с папским легатом[114].

[106] Там же, стр. 204, 208.
[107] X. А. Моора. Возникновение классового общества в Прибалтике. СА, XVII, 1953, стр. 127.
[108] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, стр. 471, прим. 2.
[109] Там же, стр. 125, 126.
[110] Там же, стр. 126—128.
[111] Православные иконы могли интересовать крестоносцев только в том случае, если на них были богатые ризы.
[112] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 126.
[113] Там же, стр. 164.
[114] Там же, стр. 246.

Рис. 41—42. Браслав. Орудия труда, бытовые предметы (раскопки автора) ▶

1, 4, 6 — шилья; *2, 3* — долота; *5* — зубило; *7* — кресало; *8* — игла; *9* — гончарный сосуд из ямы, относящейся к среднему слою; *10* — ключ от лабиринтообразного замка; *11* — ушко от деревянного ведра; *12* — ключ от нутряного замка; *13* — гарпун; *14—16* — рыболовные крючки; *17—19* — ключи от навесных замков типа А с «Т»-образным ключевым отверстием; *20* — лепной горшок из нижнего слоя; *21—23* — шиферные пряслица; *24, 25* — кресала; *26* — ножницы

Местоположением и остатками города интересовался Ф. Крузе [115]. Несколько позднее их обследовал И. Деринг, снявший глазомерный план города [116], и еще позднее А. П. Тыртов. Город состоял из княжеского детинца, окольного города и некрополя. Раскопки детинца показали, что, начиная с X в., это уже было мощное укрепление [117]. В отличие от Кукенойса (см. ниже), дерево в культурном слое Герцике в чистом виде не сохранилось. Однако по остаткам сгоревших построек планировка города в раскопанном участке выяснилась. Город был крайне тесно застроен бревенчатыми срубами, ориентированными перпендикулярно Западной Двине. Дома отапливались (по-черному) печами-каменками. Найденные вещи широко представляли культуру жителей поселения. Много вещей прибалтийских типов, есть и славянские (например, крестики, свидетельствующие о проникновении сюда православия) [118]. Город был населен, по-видимому, в основном латгалльско-селлским, а также и русским населением.

Документация раскопок Ф. Баллода, в Герцике плохо сохранившаяся и, как полагает профессор X. А. Моора, составленная крайне тенденциозно, требует «детальной проверки в ходе новых раскопок, которые стоят сейчас, безусловно, на очереди дня» [119].

Город Кукенойс (Кокнесе) также впервые упоминается у Генриха Латвийского под 1205 г.[120] Во главе города и княжества в начале XIII в. хронист называет Вячко, сына полоцкого Владимира. Подобно Герцике, Кукенойс был призван охранять дальнейший путь по Двине и служил, очевидно, центром, куда стекалась дань с соседних племен. Оторванный от Полоцка, находясь в чужеродном окружении и постоянно враждуя

[115] F. Kruse. Russische Alterthümer. Zweiter Bericht. Dorpat und Leipzig, 1845.

[116] I. Döring. Der Pilskalns in Schlossberg in Polnisch—Livland muth masslich das alte Gercike. Sitzungs-Berichte der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst; Он же. Gercike «Rigasche Zeitung», 1878, № 193; (ср. также: «Прибалтийский ежемесячник». Рига, 1874, вып. 5, стр. 442 и сл.).

[117] F. Baloźa. Jersika. Riga, 1940.

[118] F. Baloźa. Jersika, стр. 65, рис. 36 и др.

[119] X. A. Моора. Возникновение классового общества в Прибалтике, стр. 127.

[120] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 92, 93.

0 3см
для 2-16,18,19,20

0 3см
для 1,17, 21-25

с Литвой, князь Вячко был вынужден заискивать перед наступающим орденом, мир с которым был куплен им ценою уступки половины земель Однако проникновение немцев в глубь страны продолжалось; столкновение с ними Вячко возобновилось и он, уничтожив замок, бросил свои владения, которые немедленно достались ордену [121].

Кукенойс располагался на правом высоком берегу Двины в 338 км от Полоцка и состоял, подобно Герцике, из детинца (замка) — площадью 0,2 га, окольного города (предградья) — 0,4 га, укрепленного посада (3,4 га) и могильника [122]. Раскопками А. Стубавса установлено, что древнейший слой памятника относится к XI—началу XIII в. [123], что в нем доминируют остатки срубных построек, многие из которых относятся к XI—первой половины XII в. и крайне близки аналогичным синхронным сооружениям в раскопках Полоцка, Новгорода и Старой Ладоги. Во второй половине XII в. элементы русского зодчества прослеживаются слабее, что автор раскопок склонен объяснять «включением местных славянских элементов в местную среду латгаллов и селлов» [124] Основываясь на косвенных указаниях Генриха Латвийского, автор раскопок, с вероятностью полагает, что детинец Кукенойса был населен русскими, а в остальных частях города жили латгаллы и селлы [125]. Правильнее, по-видимому, считать, что в окольном городе и на посаде жило смешанное население, так как замок площадью 0,2 га не мог, естественно, вмещать дружину князя Вячко, обеспечивающую безопасность города в этой чужеземной стране. Судя по раскопкам, население Кукенойса занималось земледелием, скотоводством, обработкой льна, прядением и ткачеством. Среди археологических находок имеются предметы домашнего обихода — шилья, сверла, ножи, ножницы, костяные гребни и т. д., оружие и снаряжение всадника и женские украшения [126]. Торговля Кукенойса также иллюстрируется раскопками, причем большое количество предметов поступало через Полоцкую землю. Упомянем волынские шиферные пряслица, свинцовую печать с изображением Георгия и Софии и с греческой надписью, стеклянные браслеты и многие виды бус [127]. Языческая религия местных племен (найдены различные амулеты, просверленные зубы животных и др.), по-

[121] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 107, 108, 116.

[122] А. Стубавс. Археологические раскопки 1961 года в Кокнесе. «Тезисы докладов на Сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1961 года». Рига, 1962, стр. 52.

[123] А. Стубавс. Археологические раскопки 1962 года в Кокнесе. «Тезисы докладов на Сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1962 года». Рига, 1963, стр. 37.

[124] А. Стубавс. Археологические раскопки в 1963 г., стр. 63.

[125] А. Стубавс. Археологические раскопки в 1962 г., стр. 38.

[126] A. Stubavs. Jauni archeologiski dati par seno Koknesi. Dabas un vēstures Kalendārs 1964. Riga, 1963, стр. 161, 162, рис. 2—3.

[127] A. Stubavs. Jauni..., стр. 156—162.

видимому, уживалась в городе с православными веяниями (найден бронзовый крестик), проникающими в Кукенойс из Полоцка. Дальнейшие раскопки города и главное публикация найденного расширят наши предварительные представления о нем.

Подводя итоги, можно заключить, что расширение роли двинского торгового пути в XIII в. привело к образованию в латгальско-селлской среде двух укрепленных пунктов — Герцике и Кукенойса — сравнительно мощных форпостов полоцких земель на западе, первых принявших на себя тяжесть немецкой агрессии и какое-то время сдерживавших ее. Как показали раскопки, это были торгово-ремесленные центры, т. е. города в научном понимании этого слова.

Теперь обратимся к прочим поселениям Полотчины, принадлежность которых к разряду городов далеко не ясна.

Брячиславль (Браслав)

На северо-западной окраине Полотчины, у литовских границ, в неприступном высоком месте, на перешейке между озерами Дривято и Новято располагался в домонгольское время небольшой укрепленный пункт Брячиславль — современный Браслав (Витебской области). Далекая крепость, похожая на сотни других, так и не удостоилась упоминания летописью, и первые сведения о ней находим в поздних малоизученных западнорусских летописях. Так, по летописцу Быховца «Кернус и Гимбут... собрали силы свои литовские и жемайдские и пошли на Русь к Браславу и Полоцку и много вреда русским сделали...» [128], и Браслав, следовательно, в это время (1065 г.) был русским городом. Русским был Браслав и около 1248 г., когда в 50 км от него к западу магистр Ернест воздвиг крепость Динабург на русско-литовской границе [129]. Однако, повидимому, вскоре город перешел к Литве.

Двухлетние раскопки браславского городища (1955—1956 гг.) [130] выяснили, что город возник в начале XI в. (т. е. при полоцком Брячиславе (1001—1044 гг.), по имени которого, по-видимому, и назван) [131] на месте сожженного латгалльского поселка. Слой, принадлежавший последнему, небольшой мощности залегал на материке и датировался по находкам (односторонний гребень, ключ от замка типа А новгородской классификации, рис. 41—42, *17*; лепная керамика, рис. 41—42, *20* и раннегончарная рифленая и т. д.) концом I тысячелетия н. э. (в основном X в.). Есть и некоторые побочные данные об этнической принадлежности аборигенов.

[128] «Хроника Быховца». М., 1966, стр. 36.

[129] «Historija politiczna Polski», т. II, стр. 480.

[130] Подробнее см. в предварительном сообщении: Л. В. Алексеев. Раскопки древнего Браслава.

[131] Постепенно видоизменяясь, наименование «Брячьславль» дало постепенно современное «Браслав» (после падения слабых глухих в XI в. — «Бряславль», после отвердения «р» в белорусском языке — «Браславль»).

Так, состав стада первоначального поселка, например, по определению В. И. Цалкина, — типичный латгалльский, в котором преобладающее место занимала свинья, крупный же и мелкий рогатый скот второе и третье. Население охотилось на лося, благородного оленя, кабана, выдру и др.

Слой пожарища, перекрывший аборигенный слой, свидетельствовал о гибели поселка. Выше залегал слой, который можно связать с древней Русью (XI—XII вв.). Население занималось обработкой дерева (рис. 41—42, *2—3*), кожевенно-сапожным ремеслом (рис. 41—42, *1*, *6*), слесарно-кузнечным (рис. 41—42, *5*), ткачеством (рис. 41—42, *21—23*)[132], шитьем (рис. 41—42, *8*). Некоторые предметы свидетельствуют о занятости населения военным делом (рис. 43). Кроме того, довольно много изделий из кости (рис. 44). Несмотря на то, что население было уже древнерусским, состав украшений в значительной степени был латгалльским (рис. 45) и т. д. Можно думать, что население использовало паровую систему земледелия. Среди высеваемых культур первое место принадлежало ржи, второе — ячменю и лишь незначительное — овсу. В составе стада первое место занимает теперь крупный рогатый скот, второе свиньи, третье — мелкий рогатый скот. Охотились по-прежнему более всего на лося.

Население живет в наземных бревенчатых домах, которым сопутствуют бревенчатые хозяйственные постройки, где хранили, по-видимому, зерно. Общий характер основного инвентаря позволяет считать, что в XI—XII вв. в Браславе жило русское население, пользовавшееся прибалтийскими вещами (рис. 45).

Литовский период жизни Браслава отражен верхним культурным слоем. Его распаханность и малое количество обнаруженных материалов позволяют ответить пока лишь на самые общие вопросы, связанные с населением древнего города в этот период, и с верхней датировкой памятника вообще. Изменение консистенции верхнего культурного слоя Браслава, связанное, очевидно, с какими-то изменениями в строительной технике и хозяйстве в XIV—XV вв., большие отличия его керамики от посуды Новгорода и т. д., указывают на значительные перемены, происшедшие в жизни Браслава со времени его включения в Великое княжество Литовское. Среди зерновых культур первое место по-прежнему занимает озимая рожь и, следовательно, сохраняется паровая система земледелия. Среди яровых культур доминирует ячмень, затем овес (роль которого возросла), пшеница же отошла на второй план. Интересна находка зерен гороха и гречихи. В костном материале соотношение крупного рогатого скота, свиньи и других животных в хозяйстве осталось прежним. В охоте же упало значение лося и некоторых других животных. Количество находок

[132] А. В. Кирьянов. Зерна хлебных растений из раскопок древнего Браслава. КСИИМК, вып. 81, 1960, стр. 107.

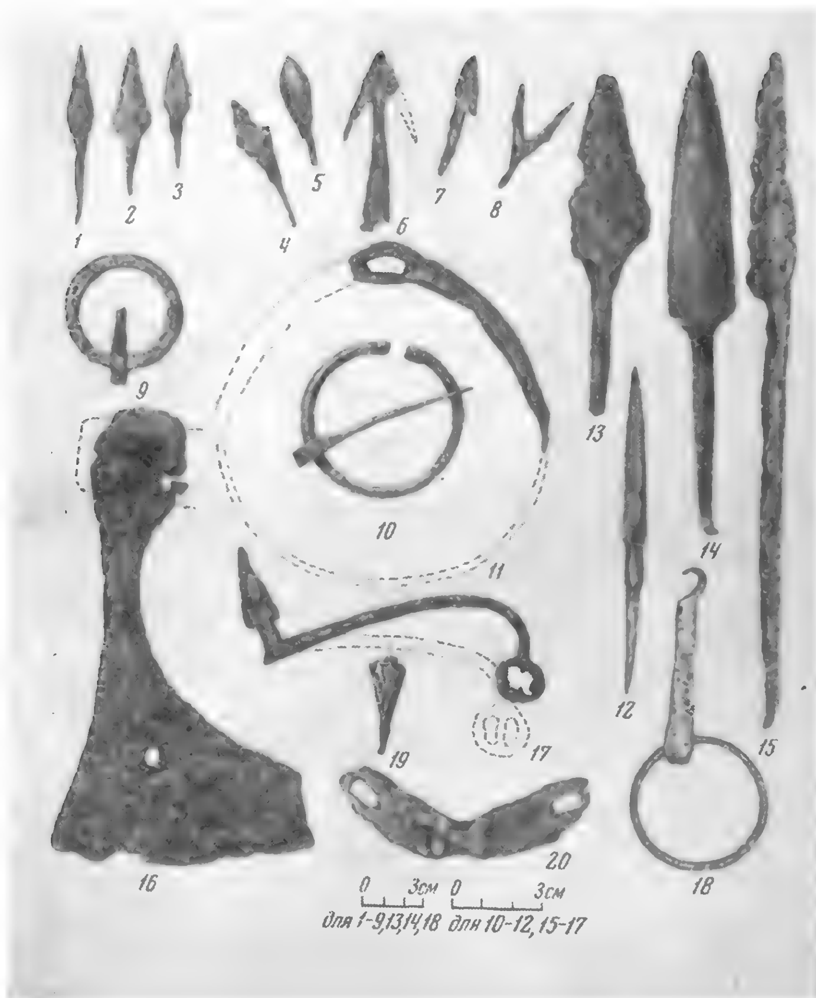


Рис. 43. Браслав. Оружие, снаряжение всадника и коня

1—8, 12 — стрелы; *9, 10* — пряжки; *11* — стремя; *13—15* — дротики; *16* — боевой топор; *17—19* — части шпор; *18* — удила; *20* — подкова

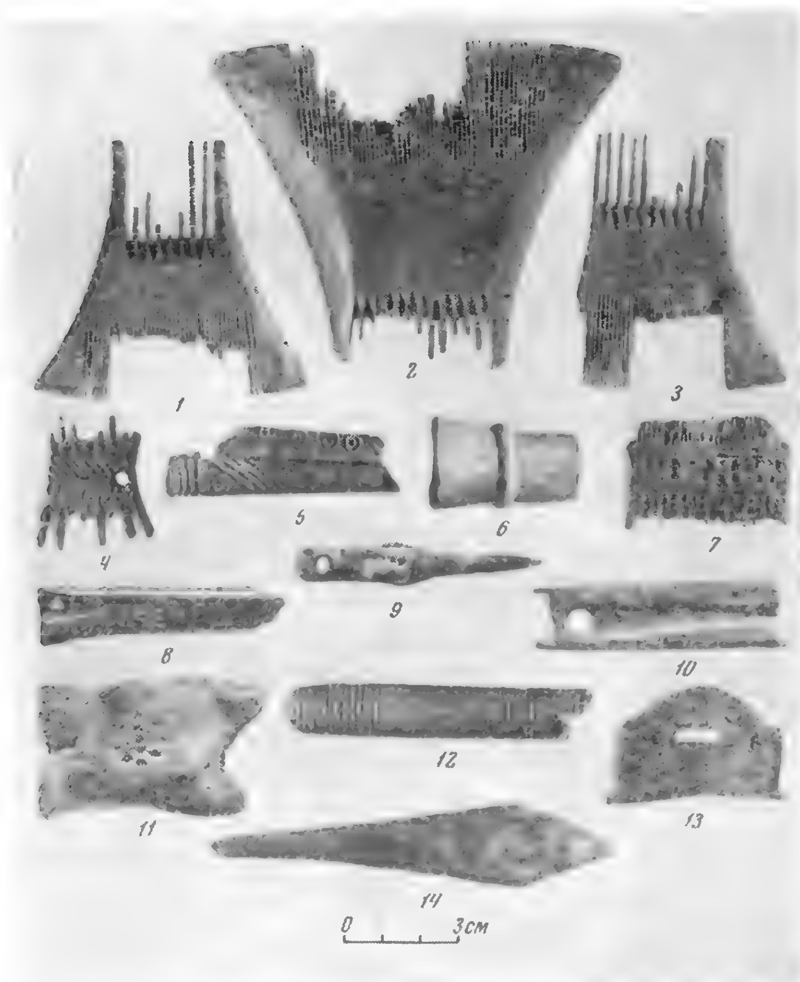


Рис. 44. Браслав. Изделия из кости

1—4, 7 — гребни; *5, 8, 12* — рукоятки ножей; *6, 9, 13* — поделки; *10* — предмет для наматывания ниток; *11* — бабка с отверстиями; *14* — кочедык (?)

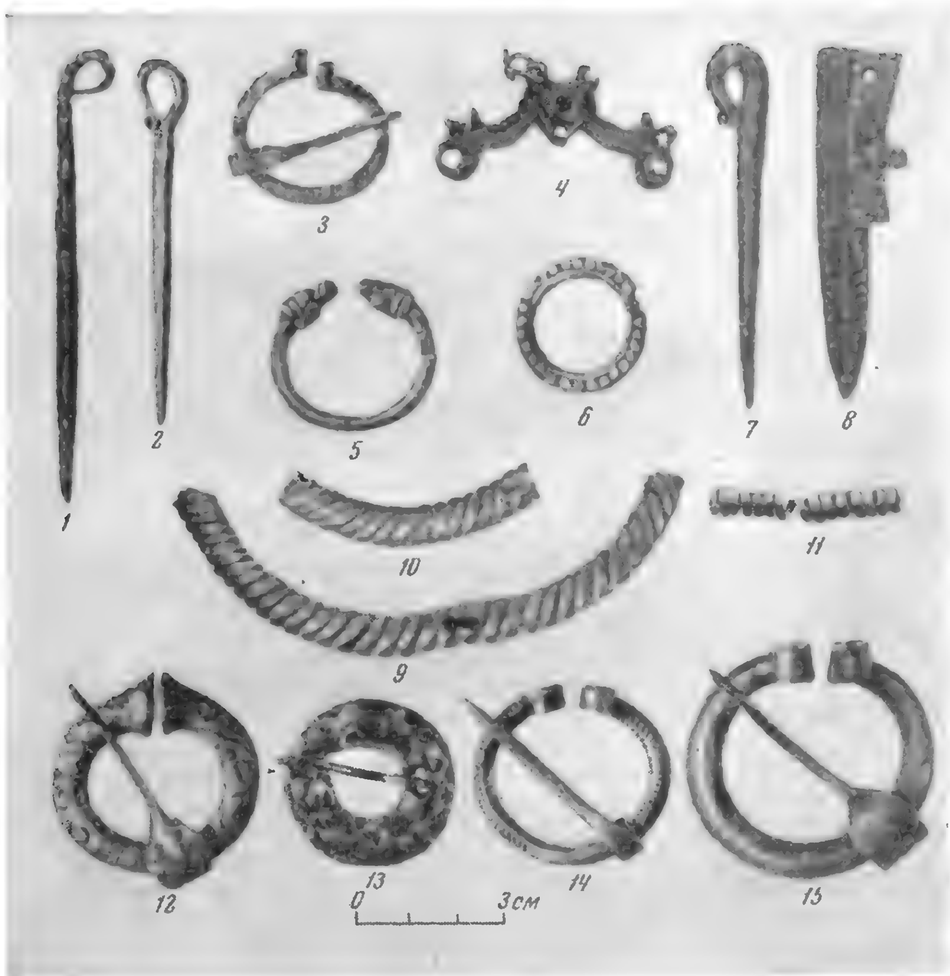


Рис. 45. Браслав. Украшения прибалтийских типов

1, 2, 7 — булавки; *3, 5, 6, 12—15* — пряжки; *4* — подвеска-держатель; *8* — костяная привеска-амулет; *9, 10* — части гривен; *11* — пронизка

верхнего слоя, как сказано, ничтожно. Это либо ключи от лабиринтообразных замков XV—XVI вв. (рис. 42, *10*), либо стрелы (рис. 43, *1—3*), либо характерные сосуды [133]. Верхние горизонты слоя выпаханы, и мы можем лишь предположительно, по полному отсутствию следов наслоений XVI—XX вв. сказать, что жизнь на браславском городище, по-видимому, прекратилась в XV—XVI вв., чему не противоречат и письменные документы.

Итак, расцвет Брячиславля относится к домонгольскому времени, когда он играл крупную роль на русско-литовском пограничье, охраняя границы Полоцкой земли от набегов литовцев.

Прочие города и населенные пункты, известные летописцу

Остальные города Полотчины еще меньше по своим размерам.

Изяславль

По-видимому, об этом городе Полоцкой земли говорит летописец, сообщая в статье 1128 г. легенду о построении его Владимиром для своей жены Рогнеды и ее сына [134]. Можно было бы сомневаться в справедливости этой легенды, так как еще ранее, в статье 988 г., летописец указал, что Изяслав (сын Рогнеды) был посажен в Полоцке, если бы не находка в одной из курганных групп Заславля горшка с отпечатком знака Рюриковичей (именно Владимира Святославича), свидетельствующего о наличии здесь княжеского, вотчинного ремесла [135]. Место расположения самой вотчины не установлено. Неясно также, были ли, и если были, то в каком месте (современного города) укрепления. А. Н. Лявданский, копавший городище Замечек, а также цитадель позднего средневековья, домонгольских слоев не обнаружил [136]. Население Заславля, оставившее такой огромный могильник домонгольского времени, в древности, очевидно, жило на той же территории, где расположен и современный районный центр. Поселение, вероятно, сильно напоминало несколько более позднее поселение (XII—XIII вв.), исследованное А. Н. Лявданским на Ковшаровском городище, являющееся, видимо, провинциальной боярской усадьбой с жилищами, укреплениями, небольшим окружающим его посадом, со своими вотчинными ремесленниками и т. д. [137]

133 Л. В. Алексеев. Раскопки древнего Браслава, стр. 140, рис. 48.
134 ПСРЛ, т. I. Л., 1927, стр. 301.
135 Працы, I. Менск, 1928, стр. 69; табл. XVI, *5*.
136 Там же.
137 «Научные известия Смоленского государственного университета», т. III. вып. III. Смоленск, 1926, стр. 225—251.

Построен, по В. Н. Татищеву, Борисом Всеславичем как укрепленный пункт в 1102 г.[138] В летописи упомянут впервые под 1128 г. также в качестве пограничной, очевидно, небольшой (упоминается лишь вскользь для определения направления движения Ольговичей на Стрежев) тверди[139]. Это свидетельство опровергает М. Стрыйковского и некоторые западнорусские летописи, о постройке города легендарным Борисом Гинвилловичем в начале XIII в.[140]

Борисов

Одно из первых описаний города находим у Гваньини, который отмечает деревянный замок с башнями и рвами[141]. Довольно подробное описание города, древних названий улиц и переулков и вообще древностей можно найти у Э. М. Клейна, Д. И. Довгялло и т. д.[142]

По исследованиям А. Н. Лявданского, городище расположено на левом низком берегу Березины, на острове. Вала в настоящее время нет. В сильно нарушенном культурном слое найдена только гончарная керамика, что подтверждает указание летописей на относительно позднюю постройку города. В окрестностях зафиксировано шесть курганных групп, состоящих общей сложностью из 204 курганов[143].

Орша (Ръша)

Название город получил от реки Оршицы и упоминается в источниках впервые в 1067 г. Правда, в летописи недостаточно ясно, относилось ли это название в то время к городу, урочищу или к реке. Принадлежность его в это время к Полоцку несомненна, так как в противном случае Ярославичи, заманивая Всеслава, остались бы в нем, а не переехали бы на Смоленскую сторону через Днепр (см. главу VI). Впоследствии город часто переходил к Смоленской земле. Гваньини, упоминает «Замок на слиянии Днепра и Оршицы» в 18 милях от Витебска[144]. А. Н. Лявданский считал, что первоначальное небольшое поселение возникло в X—XI вв. и было отделено с напольной стороны рвом. В XIII—XIV вв. площадь поселка сильно расширена, и он получил деревянные укрепления[145]. В действительности Орша подвергалась нападениям уже с самого начала XII в., ее «брали» как укрепленное место («И взя Вячеславъ Рьшю и Копысу»)[146], и у нас нет оснований предполагать, что она была укреплена слабо. Макси-

[138] В. Н. Татищев. История Российская, т. II. М., 1963, стр. 123.
[139] ПСРЛ, т. II, стр. 292.
[140] M. Strykowski. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka... Warszawa, 1846.
[141] A. Gwagninus. Kronika Sarmacyey Europskiey. Krakov, 1611.
[142] Э. М. Клейн, Д. И. Довгялло, Н. Е. Белоцерковец. Город Борисов «Записки северо-западного отделения РГО, кн. I. Вильно, 1910, стр. 85 и сл.
[143] Працы, II, стр. 253—255.
[144] A. Gwagninus. Kronika...
[145] Працы, II, стр. 43.
[146] ПВЛ, т. I, стр. 200.

Рис. 46—47. Лукомль. Общий вид городища. На переднем плане крест жальничного типа (фото автора)

мальное развитие города относится к XI—XII вв. В его окрестностях большое количество курганов. Культурный слой городища делится на две части: нижнюю с лепной керамикой бронзового века, перемешанной с гончарной посудой (здесь найдены также шарнирные ножницы, ключ от цилиндрического замка и стеклянные браслеты), и верхнюю (с гончарной керамикой, трубчатым замком и т. д.). Отличие обоих слоев друг от друга, как видим, не велико. Ранние слои городища целиком увязываются с курганами у деревень Черкасово и Борок [147].

[147] Працы, II, стр. 57—70.

Усвят (Восвяч)

Усвят (Восвяч) — город, первоначально в Смоленской, затем в Полоцкой земле, упоминаемый в источниках под 1021 г.[148] Был построен, по-видимому, как пункт, контролирующий волок пути из «варяг в греки» при впадении р. Усвячи в Усвятское озеро, в самой гуще древних поселений. Исследованиями Я. В. Станкевич здесь обнаружено три городища и значительный посад раннефеодального и феодального времени[149]. Специально остатки древнего города не изучались. М. Н. Тихомиров не без основания полагает, что «большая заселенность округи (в древности. — *Л. А.*) говорит за возможность существования здесь относительно крупного городского пункта Киевской Руси»[150–151].

Логойск (Логожеск)

Впервые этот город упомянут в «Поучении» Владимира Мономаха при описании похода на Всеслава Полоцкого 1078 г.[152] Название получил, по мнению М. Н. Тихомирова, от слова *лог* — долина, так как лежит в долине среди высоких возвышенностей. В 1128 г. был, по-видимому, крепостью, а в 1180 г. — княжеским уделом (см. главу V). Город возник на левом берегу р. Гайны, в районе, расположенном на торговых путях и необычайно густо заселенном в древности (см. рис. 5). По свидетельству А. Гваньини, в XVI в. тут был *замок* (т. е. детинец) и *место* (т. е. собственно город — окольный город)[153]. Первые археологические исследования принадлежат К. П. Тышкевичу, которым снят и довольно правильный топографический план памятника. Исследованные им три ямы — остатки каких-то построек на городище, по его мнению, ничего интересного, кроме «остатков фундамента» и «остатков гнилых древних полов», не содержали. Автор добавлял, что при зачистке берегов рва в 1816 г. находили много человеческих костей (могильник)[154]. Во времена П. П. Шпилевского на месте якобы замка располагалась церковь Богоявления XV в.[155] Сколько-нибудь серьезным раскопкам памятник не подвергался. Коротко описывая Логойское городище[156], А. Н. Лявданский отмечает большие его размеры. Форма непра-

[148] ПСРЛ, V, стр. 134; ПСРЛ, VII. СПб., 1856, стр. 328.

[149] Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Подвинья, стр. 132, 214, 322.

[150–151] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 368.

[152] «Россия», т. IX, стр. 410.

[153] A. Gwagnini. Hronica..., кн. II, ч. I, стр. 112.

[154] K. Tyszkiewicz. Wiadomość historyczna o zamkach, horodyszczach i okopiskach starożytnych na Litwie i Rusi litewskiej. Teka Wileńska, t. IV. Wilno, 1858, стр. 65—66.

[155] П. П. Шпилевский. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. «Современник», т. 48. СПб., 1854, стр. 52. Автор сообщает названия еще нескольких церквей Логойска, из них некоторые могли быть построены и взамен древних, таковы, между прочим, Преображенская и Юрьевская церкви (там же, стр. 54 и 55).

[156] А. Н. Лявданский. Некоторые данные..., стр. 193—194, прим. 3.

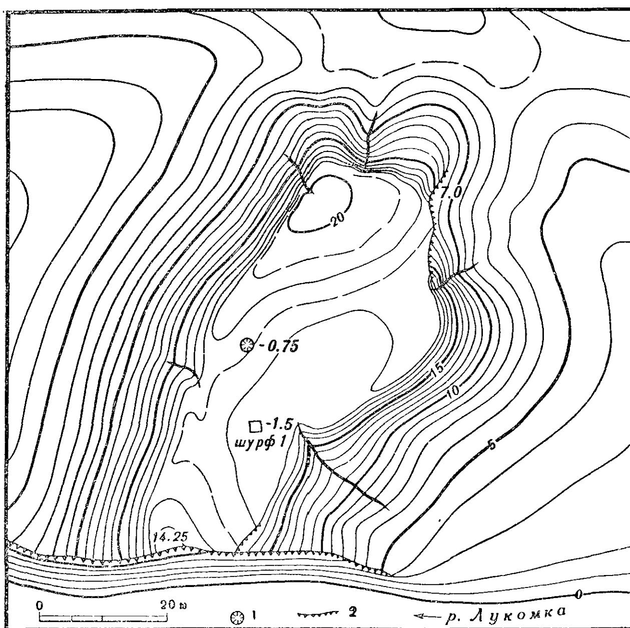


Рис. 48. Лукомль. План городища. Сплошные горизонтали проведены через 1 м (топосъемка Полоцко-Прибалтийского отряда)

1 — яма; *2* — обрыв

вильная, культурного слоя почти нет. Найдено небольшое количество гончарной посуды с сильно отогнутыми краями, без поливы, из хорошо отмученной глины. Автор датирует городище временем «не ранее XII в.», руководствуясь, впрочем, больше летописными известиями.

Копысь

Копысь впервые упоминается под 1059 г., когда там умер новгородский епископ Лука Жидята[157]. До 1116 г. принадлежал полоцким князьям, в этом же году отнят Владимиром Мономахом[158]. По Гваньини, в XVI в. здесь были «замок с местом над Днепром[159]. Заложив на городище два шурфа в 1950 г., Л. А. Михайловский обнаружил культурный слой мощ-

[157] ПСРЛ, т. III, стр. 212; т. V, стр. 139.
[158] ПВЛ, т. I, стр. 200.
[159] A. G w a g n i n u s. Kronika..., кн. III, ч. 1, стр. 24.

ностью около метра, где на глубине до 0,5 м залегала гончарная керамика древних форм и ниже — лепная, часто цилиндрических форм, вероятно, середины I тысячелетия н. э.[160]

Лукомль

Этот город упомянут в поучении Мономаха при описании похода 1078 г. на Полоцкие города[161]. К XVI в., по-видимому, утерял какое бы то ни было значение, так как Гваньини, старательно описывавший все города Полотчины, о нем не упоминает. Городище (рис. 46—47) обследовалось Е. Р. Романовым и А. Д. Коваленей[162]; в 1956 г. нами снят инструментальный план памятника (рис. 48) и заложен шурф. Городище расположено в самом местечке Лукомле, на холме, на правом берегу Лукомки. В шурфе обнаружены фрагменты лепной штрихованной и гладкостенной керамики, типа керамики нижних слоев Черкасовского городища, и гончарная. В окрестностях древнего города сохранилось семь курганов[163].

Стрежев

Впервые упоминается при описании похода Киевских князей на полоцкие города 1128 г.[164] Большинство исследователей относило его к современному Стрешину[165]. Однако Стрешин находится значительно южнее Борисова, вне пределов Полоцкого княжества и поэтому становится непонятным, какая надобность была летописцу его отмечать среди городов Полоцкой земли. Некоторые данные позволяют считать, что Стрежев находился в Полоцком княжестве. В «Жалованной грамоте литовского великого князя виленским каноникам на Березинскую землю, лежащую между Стрешиным и Рогачевым», 3 апреля 1399 г. город назван Стрешин[166]. А. Гваньини в XVI в. сообщал о Стрежеве в числе городов Витебского воеводства (указан «замок над большим и широким озером»)[167]. На карте XVI в. Пахоловицкого Стрежев расположен на р. Свече там, где теперь дер. Стрижево Бешенковичского р-на[168]. А. М. Сементовский отмечал неподалеку от Полоцка, на оз. Стрижеве большой курган[169]. Осматривая этот курган на

[160] Л. А. Михайлоўскі. Пятроускі вал. «Беларусь». Минск 1951, № 7, стр. 30.
[161] ПВЛ, т. I, стр. 159.
[162] Е. Р. Романов. Археологические находки. «Могилевская старина», вып. 1, 1898—1899; А. З. Каваленя. Археолёгічныя росшукі..., стр. 167—169; Л. В. Алексеев. Археологические памятники эпохи железа в Среднем течении Западной Двины. ТПЭ, стр. 302 и табл. X.
[163] Е. Р. Романов. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г. «Древности». ТМАО, т. XIII, вып. 1. М., 1889, стр. 147, 148.
[164] ПСРЛ, т. II, стр. 292, 293.
[165] Б. А. Рыбаков. Военное дело. В кн. «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 414, рис. 236.
[166] «Акты, относящиеся к истории Западной России», т. I. СПб., 1846, стр. 28.
[167] A. Gwagninus. Kronika..., т. III, ч. II, стр. 25, 26.
[168] ЖМНП, 1837, № 8.
[169] А. М. Сементовский. Белорусские древности..., стр. 55.

мысу, вдающемся в оз. Стрижево, мы не нашли, правда, следов укрепленного пункта. Вероятно, их остатки поселения следует искать на территории современной деревни Стрижево.

Одреск

Одреск упомянут уже в «Поучении» Мономаха при изложении событий 1078 г.[170] Однако местоположение его остается неясным. Предположение Н. М. Карамзина о том, что название Одреск относится к Друцку, должно быть оставлено, так как в «Поучении» Мономаха встречаются оба эти названия. Во время наших обследований верхнего и нижнего течения р. Адров (Одров), от которой могло произойти название города, следов древнего города не обнаружено. Возможно, что следы его следует искать у дер. Горняя—Веравойша, где есть, судя по описаниям, городище[171].

Неколоч

Этот город упоминается под 1128 г.[172], однако, подобно Одреску, и его местоположение неизвестно. У с. Неколоч Лепельского р-на следов средневекового поселения не обнаружено. Сообщая о походе на Неколоч новгородцев, летописец имел в виду, вероятно, просто географический пункт — оз. Неколоч, расположенное к северу от Полоцка в южной части Невельского р-на. Из этого озера вытекает р. Полота.

Помимо перечисленных, летописец упоминает еще два пункта в Полотчине — Голотическ (1070)[173] и Городец (1162)[174]. Нельзя согласиться с распространившимся мнением, что первый соответствует современному Головчину (междуречье верховьев Друти и Днепра)[175]. Судя по названию, его скорее следует видеть в местечке Голоцк под Минском (Голотическ — Голоцк, подобно Полотическ — Полоцк и т. д.), правда, по свидетельству Э. М. Загорульского, следов укрепленного центра в Голоцке нет (личное сообщение). О местоположении Городца точных данных также не существует. Исходя из летописи, можно думать, что он находился в литовских лесах, где-то неподалеку от Слуцка (куда мог «вбежать» Рогволод Полоцкий, разгромленный под Городцом)[176], и принадлежал минским Глебовичам. Это могла быть, например, современная Городея (к северо-западу от Несвижа), либо м. Городище к северу от Баранович[177] и т. д.

[170] ПВЛ, т. I, стр. 159.

[171] Д. Всілеускі. З матер'алаў археолёгічнай карты Аршанские акруги. «Наш край». Менск, 1926, № 6—7, стр. 64.

[172] ПСРЛ, т. II, стр. 293.

[173] ПВЛ, т. I, стр. 116.

[174] ПСРЛ, т. II, стр. 519.

[175] В. Е. Данилевич. Очерк..., стр. 27, прим. 163.

[176] ПСРЛ, т. II, стр. 519.

[177] Список городов XIV в. упоминает какой-то Городец на Немане (Нов. I, стр. 476), но может быть здесь имеется в виду Гродно.

До специальных исследований определенно решить это невозможно[178]. Подобно большинству древнерусских городов, города Полоцкой земли возникали обычно на возвышенных местах, при слиянии двух (или более) рек и получали чаще название от меньшей реки. Так, Полоцк возник первоначально на р. Полоте вблизи ее устья, а затем в самом устье и от Полоты получил свое название. Минск был отстроен на мысу при слиянии Немиги со Свислочью и, по мнению некоторых ученых, от Немиги (Минеги) получил свое название (что, впрочем, спорно); Друцк основан при слиянии ручья с Друтью, Витебск—при слиянии Витьбы, ручья и Западной Двины и т. д.

Планировка городов

Ядром древнего города был детинец, рядом с которым возникал новый город, как и первый, обносившийся валом и рвом, правда, несколько меньшей величины. Одной из сторон город тесно примыкал к детинцу. Так возник Нижний замок в Полоцке, Минске, Витебске, где детинец получал затем наименование Верхнего замка. Особенно хорошо сохранились следы обеих частей древнего города в Друцке, где отчетливо видны валы и рвы цитадели-детинца, к которому через небольшой промежуток в виде рва примыкает «новый город», носивший, может быть, в древности, подобно другим городам, название «земляного города», с укреплениями несколько меньшей мощности (рис. 31).

Полоцк как большой торгово-ремесленный город, стоявший на одном из главных торговых путей с Прибалтикой — Западной Двине, разрастался особенно интенсивно, и вслед за «вторым городом» — Нижним замком — возникала еще третья его часть — Заполотье. Эту же картину мы видели и в Витебске, крупном торговом центре, стоящем на соединении Волховско-Днепровского и Западнодвинского водных торговых путей.

Подобно Киеву, Чернигову, Переяславлю, в центре детинца городов Полоцкой земли возвышался храм. В Полоцке, подражавшем Киеву и Новгороду, это была грандиозная полоцкая София «о семи верхах», в Минске возводился каменный четырехстолпный храм (судя по фундаментам,

[178] Со времен В. Е. Данилевича («Очерк...», стр. 18) к Полоцкой земле относят часто и летописный Еменец, упоминаемый под 1185 г. (Новг. 1, стр. 38), что основано на невнимательном чтении источника. В летописи сказано: «на зиму поиде Давыд к Полотьску с Новгородьци и Смолняны и умирившеся воротишася на Еменьци» (Новг. I). Лаврентьевская летопись, не упоминая Еменца, разъясняет, что встреча полочан, новгородцев и смолян произошла на межах (ПСРЛ, т. I, вып. 2. Л., 1927, стр. 404). Таким образом Еменец был пограничным Новгородским пунктом, а Неколоч — полоцким. При обследованиях берегов оз. Еменца (10 км к юго-западу от Неволя) вблизи с. Еменец на берегу озера в урочище «Наутдинова гора» обнаружено сильно распаханное селище с культурным слоем в 10—20 см и керамикой XII—XIII вв. Вероятно, здесь располагалась «пограничная застава» — двор новгородцев.

какой-то необычайной высоты), замененный затем деревянной каплицей [179], в Витебске — церковь архангела Михаила, строительство какого-то храма с полами, выложенными плиткой, предполагалось и в Друцке.

Улицы древних городов Полоцкой земли были довольно узки и, как во всех других древнерусских городах лесной полосы, мостились деревом. Остатки бревенчатых на лагах мостовых найдены в раскопках Полоцка, Минска, Друцка, Витебска. Улицы прокладывались между домами, чем объясняется их извилистость (например в Друцке). В Минском детинце открыто несколько улиц, указывающих, что плинировка города сложилась уже в XI в. Однако после пожара 1084 г. она изменилась. Новая планировка просуществовала до XV в.[180]

Подобная картина обнаружилась и в Друцке. Первоначальная планировка города, носившая бессистемный характер, после пожара (вероятно, 1116 г.) резко изменилась. Образовались две улицы, прослеживаемые первоначально только по частоколам, а позднее и по бревенчатым мостовым. Одна улица (более широкая) через городскую площадь направлялась на въезд, другая же шла вдоль южного вала, т. е. перпендикулярно к ней. В Витебском окольном городе случайными работами обнаружены остатки мостовой улицы Великой, шедшей на север, к выезду из города. По мере износа мостовые менялись: несколько ярусов их обнаружено в минском и друцком детинцах, восемь — в витебском окольном городе.

Городские укрепления детально исследованы пока только в Минске и частично в Полоцке. Вал детинца Минска состоял из песка, насыпанного на специальной деревянной субструкции, представлявшей девять накатов длинных сосновых бревен, уложенных перпендикулярно линии вала и разделенных между собой продольными бревнами. Такая субструкция, очевидно, препятствовала подкопам, которые мог вести противник, осаждающий город [181]. Подобные субструкции вала в древней Руси не встречаются [182]. Аналогии им следует искать где-то на западе, вероятно, в Польше, с которой и то отдаленное время были, очевидны, непосредственные связи [183]. Первоначальный вал был шириной по основанию — 14 м, позднее (как предполагает Э. М. Загорульский — после нападения на Минск Мономаха) вал расширен вдвое [184]. Концы его у въездных ворот

[179] Э. М. Загарульскі Археолёгічнае вывучэнне дзяцінца старажытнага Мінска. «Весці АН БССР», 1960, № 4, стр. 55 и сл.

[180] Э. М. Загарульскі. Археолёгічнае вывучэнне. . ., стр. 51—61.

[181] Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 27.

[182] П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. СА, 1962, № 2; Он же. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв.

[183] K. Żurowski. Konstrukcje obronne wczesnosredniowiecznego Gniezna Archeologia Polska, I, 1957, стр. 203, рис. 19.

[184] Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 27.

были сдвинуты один относительно другого, что усиливало защитные возможности крепости, так как неприятельское войско оказывалось у ворот под фланговым обстрелом.

Раскопки в Друцке позволили примерно представить социальную топографию его детинца. В западной, наиболее укрепленной части, находился, по-видимому, княжеский двор, упоминаемый летописью, в центре — площадь, у южного вала — ремесленный участок, разделенный на отдельные владения обычно частоколом, а в более раннее время плетнем. У детинца располагался окольный город, часто именуемый Нижним замком, археологически еще нигде не изученный, а еще далее — посад (вероятно, не укрепленный и также не изученный) и, наконец, курганный некрополь, иногда очень большой (Витебск).

Детинец и окольный город укреплялись обычно валом и рвом, следы которых до сих пор сохранились частично в Полоцке (окольный город), Витебске, Герцике и целиком в Друцке.

Городские постройки

В Полоцкой земле, подобно всей Руси домонгольского времени, существовали как наземные деревянные постройки, так и полуземлянки. К сожалению, сведений о последних крайне мало, так как раскопки посадов городов, где они могли преобладать, почти не производились. Известны всего две полуземлянки, одна из которых обнаружена в Заславле, другая в Минске [185], в урочище Николка. При раскопках детинцев полоцких городов выясняется преобладание наземных построек. Среди 130 построек, вскрытых в Минске, большинство представляло бревенчатый сруб, рубленый в обло, и проконопаченный мохом. Площадь жилищ колебалась от 12 до 25 м^2 (Полоцк) [186], от 16 до 25 м^2 (Минск) и т. д. Досчатый пол выкладывался на лагах на высоте два и три, либо четыре и пять венцов. Дома отапливались печами-каменками по-черному, входная дверь расположена всегда со стороны двора. Судя по отдельным деталям построек, — *кокошин, самцов*, найденных в Минске, можно считать, что городские деревянные жилые постройки полоцких городов были близки современным жилым постройкам белорусской деревни [187]. Дома в некоторых случаях украшались архитектурной резьбой (например, резной наличник окна, найденный в Полоцке) [188].

Во дворах, примыкавших к домам, огражденных частоколом и часто мощеных деревом, располагались хозяйственные (срубные, реже столбо-

[185] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі Менскай акругі. Працы, I, стр. 10—11; В. Р. Тарасенко. Итоги раскопок Минского замчища. «Известия АН БССР». Минск, 1950, № 4, стр. 77 и сл.

[186] «Полоцк». Минск, 1962, стр. 9 (по плану Г. В. Штыхова).

[187] Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 34, 35.

[188] Л. А. Молчанова. Основные итоги этнографической экспедиции 1959 г. по северным районам Белоруссии. «Весці АН БССР», 1960, № 1, стр. 145.

вые) постройки: хлевы, сараи, амбары и т. д. Из-за тесноты жилищ рабочая жизнь горожанина чаще проходила во дворах, дворовых постройках, находки в которых зачастую позволяют определить специальность ремесленника — ювелира (Полоцк), костореза, сапожника (Друцк) и т. д.

Городское население и его социальный состав

Ремесленники составляли основной слой населения средневекового города. Используя письменные и археологические источники, Б. А. Рыбаков определил 64 ремесленных специальности, отметив при этом, что в действительности их было, вероятно, больше[189]. Изучая технологию производства изделий из железа, Б. А. Колчин уточнил, что кузнечное дело состояло из 16 более узких специальностей[190]. Конечно, не во всех городах были представлены все ремесла. Ряд ремесел, широко развитых в Новгороде и Киеве и распространенных в Полоцке и в более мелких городах, не были известны. Судя по раскопкам, в полоцких городах жили гончары, кузнецы, слесари, кожевники, косторезы, ювелиры и т. д. Жили там несомненно как свободные, так и зависимые ремесленники. Свободным (иначе он не мог бы делать подписные изделия) был Лазарь Богша, сделавший знаменитый крест Евфросинии Полоцкой 1161 г., надпись которого сообщает: «кованье его, злото-серебро и каменье и жемчуг в 100 гривен, а... (место не сохранилось. — *Л. А.*) — 40 гривен». В. А. Рыбаков предполагает, что последняя цифра — цена работы, уплаченной мастеру, так как в первом случае перечислен весь материал, из которого сделан крест[191]. Это вполне возможно, так как, судя по сохранившейся части буквы, можно предполагать либо букву «Л» (Б. А. Рыбаков предлагает читать *лажанье*, считая, что такое слово могло быть в русском языке)[192], либо букву «М», и в этом случае обломанное слово могло быть *мастероу*, что допустимо, потому что слово *мастер* («мастеры от грек») известно из нашей начальной летописи[193]. Если одно из этих предположений справедливо, то, как мы указывали ранее, ювелирные работы Богши оценивались так же, как работы по мощению 8 тыс. локтей деревянной мостовой[194]. Оценка труда этого мастера свидетельствует о том, что мастер Лазарь Богша считался в древности ква-

[189] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 509.

[190] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси, стр. 195.

[191] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 512.

[192] Л. В. Алексеев. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. СА, 1957, № 3, стр. 242; Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика X—XIV вв. «Доклады советской делегации на V международном съезде славистов». М., 1963, стр. 63.

[193] ПВЛ, т. I, стр. 83.

[194] Л. В. Алексеев. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в.

лифицированным ювелиром-художником, принадлежавшим к высшему классу ремесленников.

В нашем распоряжении материалы и о других ювелирах полоцких городов, обслуживавших, по-видимому, и не столь «высоких» заказчиков. Один из мастеров, например, во второй половине XI в. зарыл в Полоцке 9,43 кг серебра[195]. В кладе находилось 142 целых и 14 обломков западноевропейских монет (936—973—1054—1076 гг.), несколько обломков арабских диргемов, два серебряных слитка, близких к новгородским слиткам серебра (вес — 190,65 г и 173,75 г), 28 фрагментов слитков, большое количество обрезков.

В вещевой части клада[196] находились части пластинчатых гривен, орнаментированных мелким пуансонным чеканом, характерным для XI в.[197]

В окрестностях древнего Лукомля, у современной деревни Стражевичи, другой ювелир XI в. зарыл рядом в двух местах большой клад золотых и серебряных вещей[198]. В части клада, найденной в 1903 г., было 319 монет, датировавшихся в пределах 915—1059 гг. (46 целых арабских диргемов — 915/916—1013/1014 гг.), золотой слиток с желобком внизу весом 78,8 г, представлявший обрубок, равный по длине самым ранним новгородским серебряным слиткам[199], также два золотых кольца, нанизанных вместе с этим слитком на серебряную проволоку, два серебряных слитка с расплющенными концами (древнейшая форма новгородских слитков весом 202,75 и 101,66 г[200]), еще слиток серебра граненый (два фрагмента), части серебряной шейной гривны и тонкая серебряная проволока. В части клада 1898 г. среди 207 монет 48 серебряных диргемов (916/917—995 гг.) и 159 западноевропейских монет X—XI вв., среди вещей — две новгородские серебряные гривны, головка булавки, много серебряного лома[201]. Первая часть клада датируется серединой — второй половиной XI в., вторая — твердо второй половиной XI в., что и датирует клад в целом. Как уже сообщал Е. Р. Романов, клад был, по-види-

[195] Полоцкий клад 1910 г., частично публиковался (сводку см.: Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.—Л., 1954, стр. 97).

[196] Впервые воспроизведена Г. В. Штыховым, правда, с неверной датой — XII в. («Весцi АН БССР». Мiнск, 1962, № 3, стр. 118, 119, рис. 1, 2); ср.: М. П. Сотникова. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII—XV вв. «Труды Гос. Эрмитажа», IV, 1961, стр. 79—91. Я крайне обязан Г. В. Штыхову за предоставление фотографии вещевой части клада.

[197] Г. Ф. Корзухина. Русские клады, стр. 25.

[198] Е. Р. Романов. Еще два клада из древнего Лукомля. ИАК, приб. к вып. 6, СПб., 1903, стр. 73, 74 и др.

[199] А. Ф. Медведев. О новгородских гривнах серебра. СА, 1963, № 2, стр. 110.

[200] Там же.

[201] Г. Ф. Корзухина. Русские клады, стр. 95, 96.

мому, зарыт ювелиром в минуту опасности, всего вероятнее, в 1078 г., когда на Лукомль напал Мономах, догоняя Всеслава Полоцкого[202].

Известны еще несколько кладов, найденных в Полотчине, однако отсутствие указаний на наличие в них серебряного лома не позволяет столь уверенно приписать их имуществу ювелиров.

Упомянем, например, клад восточных и западноевропейских монет XI в., обнаруженный в последнее время у дер. Добрино Оршанского р-на, где найдена серебряная гривна, согнутая в виде браслета, также клад XI в., в имении Суходрево того же района, от которого дошел до нас лишь рисунок гривны[203] и т. д.

Помимо ремесленников, готовивших изделия для продажи, существовали в полоцких городах и люди только ею и занимающиеся — купцы и торговцы. Этот слой населения по своему роду занятий был ближе к господствующим классам города, вместе с которыми он участвовал в вечах, свергавших и приглашавших полоцких князей. Уже в XI в. полоцкий князь Брячислав отстроил в Киеве полоцкое подворье для полочан-купцов, ездивших в Киев, Византию и т. д. Начиная с середины XII в., их удельный вес среди полоцких горожан еще более возрастает. Как будет показано ниже, это видно уже в решении полоцкого купечества 1151 г., сгоняющем полоцкого князя. Особенно сильную роль играет купечество в конце XII—начале XIII в., когда на смену южной торговле с Киевом, расшатанным феодальными усобицами, пришли интенсивные связи Полоцка и Смоленска с Ригой и Готским берегом, о чем мы читаем в договорах Смоленска с Ригой (где оговаривается распространение его и на Полотчину)[204] и у Генриха Латвийского[205]. В XIII в. большое влияние в Полоцке приобретают, по-видимому, смоленские купцы, что видно из тех же источников. Генрих Латвийский, например, рассказывает о «разумном и богатом» смолянине Лудольфе, которого в 1210 г. полоцкий князь даже посылает в Ригу для переговоров о свободном проезде купцов[206].

Известный процент населения городов составляли феодальные верхи: князь, члены его семьи, приближенные, просто бояре. Первоначальная резиденция полоцкого князя была, по-видимому, в детинце. Там, во всяком случае, возведен первый кирпичный храм Полоцкой земли, приписываемый обычно Всеславу Брячиславичу (1044—1101 гг.). Там же, в раскопках А. Н. Лявданского, обнаружены следы другого кирпичного здания

[202] Е. Р. Романов. Еще два клада...
[203] А. М. Сементовский. Белорусские древности, стр. 76, 77.
[204] «Смоленские грамоты XIII—XIV вв.». М., 1963.
[205] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии.
[206] Там же, стр. 136.

так же, как София, выложенного из плинф[207]. Позднее, в XII в., княжеская резиденция перемещается, по-видимому, на противоположный берег Западной Двины, к селу Бельчицам, где мы застаем полоцкого князя в 1159 г.[208] и где в XII в. был выстроен Борисоглебский монастырь с несколькими храмами и усыпальницей полоцких князей[209]. Князь жил в Бельчицах, окруженный дружиной.

Большую роль играли в Полоцке, несомненно, и феодалы церковные. Попав в Полотчину через княжеские и боярские верхи, христианская религия сравнительно быстро распространилась. В Полоцке был выстроен храм Софии, в Витебске в начале XII в. церковь Благовещения. В это же время, вероятно, в Полоцке возвели, каменную церковь Богородицы (во всяком случае, в середине XII в. она называлась уже «старой», в противоположность, очевидно, новой, построенной Евфросиньей)[210], а в Минске заложили фундаменты каменного храма. Успехи христианизации в Полоцкой земле дошли до Киева, и в 1105 г. Полоцк получил первого епископа[211]. Полоцкая церковь без сомнения получала большие пожертвования. Дочь усердного жертвователя Ярополка Изяславича и сама ярая жертвовательница, жена Глеба Минского, конечно, не ограничивалась только пожертвованиями в Печерский монастырь, обойдя полоцкие церкви и монастыри. Большой жертвовательницей была в Полоцкой земле княжна Евфросинья (вложившая знаменитый драгоценный крест). Таким образом, феодалы церковные Полотчины обладали большой финансовой базой.

[207] А. Н. Лявданский. Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе. Працы, II, стр. 168.

[208] ПСРЛ, II, стр. 495.

[209] В. Н. Татищев. История российская..., т. II. М., 1773, стр. 109.

[210] Поздняя Тверская летопись свидетельствует о якобы большой набожности Рогнеды (ПСРЛ, XV, стр. 112, 113).

[211] ПСРЛ, т. II, стр. 495. Впрочем, возможно, что епископская кафедра была учреждена в Полоцке намного раньше.

5

Городская культура

Культура раннефеодального русского города развивалась, как известно, в обстановке диалектических противоречий боярско-купеческих городских верхов, с одной стороны, и торгово-ремесленных низов, — с другой, и носила, таким образом, двойственный характер. Социальные верхи насаждали новую идеологию — христианство, — воспринятую в Византии, и стремились слепо подражать ее культурным достижениям. Социальные низы, еще недавно связанные с деревней, несли в город свои культурные традиции, тесно сплетенные с языческим культом. В эпоху расцвета Киевской Руси, при Владимире (980—1015 гг.) и еще даже при Ярославе (1019—1054 гг.) князья строили храмы точно по византийским канонам и по-византийски их расписывали, употребляли драгоценные вещи и украшения, носившие ярко выраженный византийский характер. Однако тогда же, судя по курганам, мелкий торгово-ремесленный люд города, широко еще пользовался вещами, близкими древнерусской языческой деревне. В украшении женщин еще бытовали различного рода обереги, амулеты-змеевики и т. д. Социальные изменения в жизни древнерусских земель, происшедшие в конце XI—XIII в., не могли не сказаться и в сфере городской культуры. Замкнутость хозяйства, рост местных центров, возвышение роли горожан, которые привлекались теперь в качестве специалистов (ювелиров, зодчих и т. д.) в сферу культуры, не могли не при-

вести к вызреванию местных особенностей, получивших наибольшее развитие к концу XII—середине XIII в. В каждой земле и даже в крупном городе возникают свои школы архитекторов, живописцев, художественных ремесленников. Появляется интерес к историческим событиям своей земли и стремление к их увековечению. Возникают местные школы летописания. Полоцкая земля, политически наиболее обособленная от всех древнерусских земель, не могла, естественно, не включиться и в этот общий закономерный процесс.

Архитектура и живопись

Занимаясь изучением истории духовной культуры Полоцкой земли, где для раннего времени не сохранилось письменных памятников, нужно начинать с архитектуры, так как именно она, «сохраняясь наиболее полно в течение веков, более всего доносит до нашего времени идейно-политические и художественные взгляды своей эпохи» [1].

В домонгольское время в Полоцкой земле существовало, по-видимому, большое количество архитектурных памятников, из которых время почти полностью пощадило лишь один Спасо-Преображенский собор Евфросиньевского монастыря и один сохранило лишь в частях (полоцкая София). Не дошел до нас архитектурный ансамбль Бельчицкого монастыря, изобиловавший древними фресками, отчетливо видными еще в конце 20-х годов нашего века, не дошли и две церкви у Евфросиньевского монастыря, обвалившиеся в древности, а церковь Минска вовсе не была достроена. Наконец, в 1961 г. перестала существовать витебская церковь Благовещения. Все же в настоящее время мы располагаем сведениями более чем о полутора десятках храмов, некогда воздвигнутых в Полотчине. Осмыслению их архитектурного облика и посвящен данный раздел.

На полоцком детинце возвышается сейчас костелообразная униатская церковь с двумя барочными башнями у южного фасада, высокой апсидой с севера и тремя апсидообразными выступами с запада и востока. Это знаменитый Софийский собор XI в., до неузнаваемости перестроенный

[1] Н. Н. Воронин. Архитектурный памятник как исторический источник. СА, XIX, 1954, стр. 41—76.

Первые исследования древней полоцкой архитектуры принадлежат А. М. Павлинову, установившему наличие древних кладок в церквах Полоцка и Витебска и сделавшему первые обмеры (А. М. Павлинов. Древние храмы Витебска и Полоцка. «Труды IX АС», т. I. М., 1895). В 1909—1913 гг. ею занимался П. П. Покрышкин, результатов так и не опубликовавший, а между первой и второй мировыми войнами — Н. И. Брунов, И. М. Хозеров, Н. Н. Щекотихин и А. П. Некрасов. Критику см.: М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, стр. 7—12. В послевоенный период полоцкой архитектуре посвящено две весьма важные работы Н. Н. Воронина (см. ниже) и полевые исследования М. К. Каргера (М. К. Каргер. Памятники древнего зодчества Белоруссии. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 года. М., 1963).

в 1750 г. униатским архиепископом Флорианом Гребницким (рис. 49). О древнем соборе мало известно. Его упоминает «Слово о полку Игореве» (XII в.), в известном списке городов XIV в. есть указание на его семь верхов [2] (т. е. куполов). В 1579 и 1611 гг. были сделаны схематические рисунки Полоцка, где изображен также и храм [3].

Мысль о необходимости изучения древнейшей части памятника по натуре приходила А. М. Сементовскому уже в 70-х годах XIX в., однако вход в подземелье тогда был заложен [4] и выяснить, какие части древнего храма дошли до наших дней, было нельзя. По этой же причине храм не изучен А. М. Павлиновым, который при беглом осмотре памятника установил лишь наличие древних кладок в его восточной части и дал ее схематический план [5]. Позднее, при капитальном ремонте собора в 1913 г., его подробно исследовал П. П. Покрышкин, предварительные выводы которого и некоторые фотографии проникли в печать [6]. Первое научное описание полоцкой Софии принадлежит К. Шероцкому, использовавшему неопубликованные исследования П. П. Покрышкина [7] (рис. 50, *1*). В советское время памятником занимались многие исследователи [8], но всестороннее его изучение ждет ученых и по сей день.

Полоцкая София — обширный кирпичный храм, выложенный в византийской технике «с утопленным рядом», когда одна линия плинф совпадала с наружной поверхностью, а вторая была несколько углублена, что давало нужную перевязку швов, необходимую при наличии «квадратных» кирпичей [9]. В декоративных целях, а также для экономии кирпича, в стенах

[2] Новг. 1. М., 1950, стр. 476; ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 240.

[3] М. Коркунов. Карта военных действий между русскими и поляками в 1579 г. ЖМНП. СПб., 1837, ч. 15, № VIII, стр. 235—249.

[4] А. М. Сементовский. Полоцкая Софийская церковь. «Пк. Вит. г. на 1878», стр. 61.

[5] А. М. Павлинов. Древние храмы Витебска и Полоцка. «Труды IX АС», т. I, М., 1895, стр. 8—11 и рис. 7.

[6] Н. Зорин. Минувшее и настоящее г. Полоцка. Полоцк, 1910, стр. 28; Н. Кайгородов. Полоцк и его церковно-исторические древности. «Светильник», 1914, № 2.

[7] К. Шероцкий. Софийский собор в Полоцке. Сборник в честь Д. В. Айналова. Пг., 1915.

[8] Н. Брунов. Беларуская архітэктура XI—XII ст. «Зборнік артыкулаў». Менск, 1928, стр. 267—307; I. Хозераў. Полацкае будауніцтва старадауняга пэрыоду. Сафійскі сабор. Инбелкульт. «Запіскі аддзела гуманітарных навук», кн. 6. Менск, 1928, стр. 105—125; Е. А. Ащепков. Отчет о работах 1947 года. Рукопись в архиве Ин-та истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, ф. № 2029; М. К. Каргер. Памятники древнего зодчества Белоруссии. Тезисы доклада на пленуме ИА в Минске в 1963 г.

[9] Кирпич Софии не был вполне квадратным. Его размеры в сантиметрах: 22,5 × 16,3 × 3,2; 24 × 17 × 3,5; 25 × 18 × 2,8; 26 × 18 × 4; 30 × 19 × 4. На постелях кирпичей много знаков мастеров (из неопубликованной работы И. М. Хозерова «Архитектура Белоруссии и Смоленщины XI—XIII в.», стр. 25—39, хранится в Ин-те истории АН БССР).

Рис. 49. София Полоцкая (1044—1066, 1750 гг., фото автора)

Рис. 50. Планы домонгольских церквей Полоцкой земли ▶

1 — София Полоцкая (по П. П. Покрышкину); *2* — церковь Благовещенья в Витебске (по А. М. Павлинову); *3* — храм Минского детинца (по В. Р. Тарасенко); *4* — Пятницкая церковь Бельчицкого монастыря; *5* — соборный храм Бельчицкого монастыря; *6* — церковь Бориса и Глеба там же (последние три по Н. Н. Воронину); *7* — церковь Евфросиньи Полоцкой (по А. М. Павлинову)

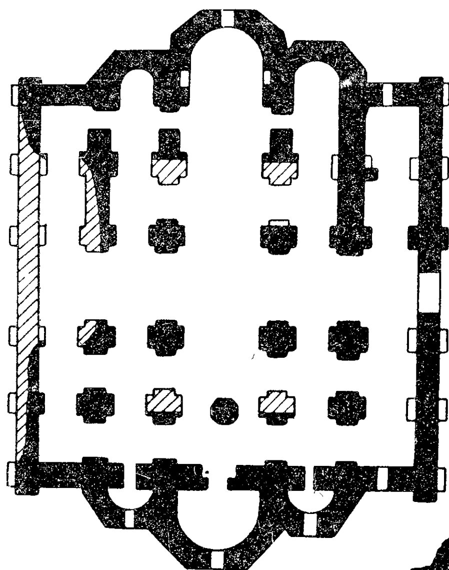
собора был использован и бутовый камень, что, правда, не могло не ослаблять кладку (рис. 51, *1*). Промежутки между выступающими рядами плинф замазывались цемянкой; стены не штукатурились, и возникший эффект «мерцания» его полосатой поверхности усиливался специальной покраской кирпичного ряда [10]. Судя по плану (рис. 50, *1*), это третий крупнейший пятинефный собор на Руси, посвященный, как и его два предшественника (в Киеве — 1037 и Новгороде — 1045), святой Софии. Тип подобных храмов сложился в Константинополе и попал на Русь в первой половине XI в. Древнейшей была София киевская, которая являлась для новгородской и полоцкой прототипом, однако последние имеют много отличительных черт. Начнем с плана. Во всех трех памятниках, например, центральный неф и трансепт, а также продольные и поперечные нефы были равными по ширине и давали при пересечении квадратные ячейки. Однако поперечных нефов в киевской Софии — четыре, в новгородской — три, а в полоцкой — пять и, следовательно, первые два памятника представляют в плане вытянутый в ширину прямоугольник, а последний — квадрат. Центральное подкупольное пространство в первых двух сдвинуто к востоку, а в полоцкой расположено в геометрическом центре собора. Между трансептом и апсидами в киевской Софии расположен один поперечный неф, в новгородской — ни одного, а в полоцкой — два. О внешнем облике собора можно судить лишь по восточной и западной частям, где стены апсид сохранились полностью. По традиции киевских церквей (София, Дмитровский собор Михайловского Златоверхого монастыря, церковь Спаса на Берестове) [11] стены апсид украшены двумя рядами ниш с полуциркульным верхом (рис. 49). Однако совершенно необычайным явлением на Руси было наличие апсид не только с востока, но и с запада [12], что указывает на какие-то влияния западноевропейской романской архитектуры [13]. Апсиды эти отделены стеной от остального

[10] И. М. Хозеров. Архитектура Белоруссии и Смоленщины XI—XII вв.

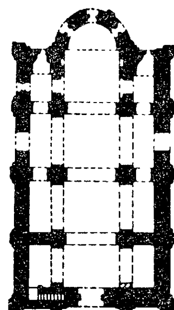
[11] М. К. Каргер. Древний Киев, II. М.—Л., 1961, табл. XVIII, *1*; XLVIII, *1*, *2*; LXVI.

[12] Исследованиями П. П. Покрышкина, Е. А. Ащепкова и теперь М. К. Каргера установлено, в противоположность утверждению И. М. Хозерова, что западные апсиды принадлежат древнейшей части собора.

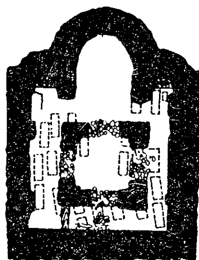
[13] См. планы соборов XI в. в Вормсе, Бамберге (M. Hasak. Die romanische und gothische Baukunst. Stuttgart, 1902, стр. 19, рис. 14; стр. 20, рис. 15) и др.



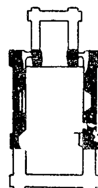
1



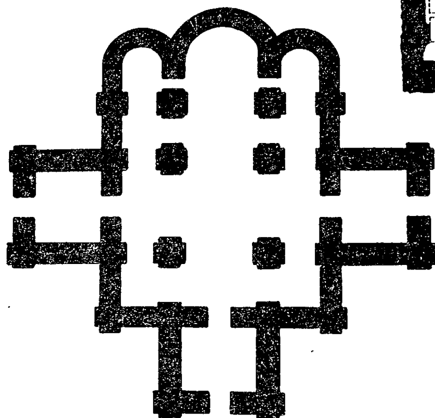
2



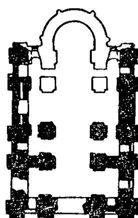
3



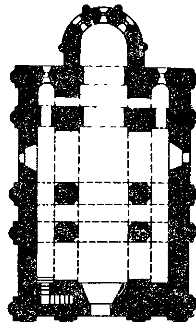
4



5



6



7

0 3 м

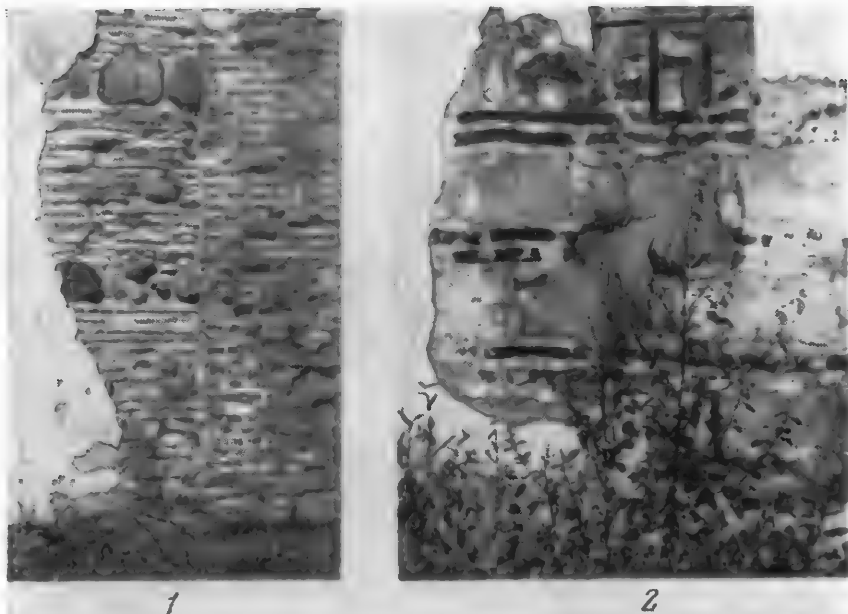


Рис. 51. Кладка Софии Полоцкой (1), кладка витебского Благовещения (2)

собора, для его интерьера, следовательно, значения не имели и были выстроены из каких-то соображений гармоничности внешнего вида. Какие же? К сожалению, стены современной Софии до сих пор должным образом не прошурфованы и о внешнем виде собора можно лишь догадываться по двум схематичным рисункам XVI и XVII вв., дошедшим до наших дней [14]. Конечно, точно храма они не воспроизводят, но общее впечатление о пропорциях здания и о его силуэте дают. Как отмечал К. Шероцкий [15], оба указанных рисунка изображают полоцкую Софию в виде высокого, вытянутого башнеобразного здания. Значит, несмотря на свои семь верхов, собор производил именно такое впечатление. Очевидно, западные апсиды служили прежде всего эстетическим целям, зрительно уравновешивая восточные и обеспечивая зрительное впечатление плавного нарастания масс.

[14] ЖМНПр, 1837, VIII; A. Gwaninus. Kronika Sarwaciey Europskiey. Kraków, 1611, I, рис. на стр. 208.
[15] К. Шероцкий. Софийский собор...

Продолжая наше сравнение трех соборов, попытаемся выяснить, к какому из двух других памятников ближе полоцкий и какие мастера его могли строить. Сходство с киевским собором уже отмечалось, однако гораздо больше общего, на наш взгляд, с новгородским. В киевской Софии все пять продольных нефов оканчиваются на востоке полукруглой апсидой, в то время как в новгородском и полоцком храмах так оканчивались лишь три средних нефа. Глухие стены, отделявшие на востоке три средних нефа полоцкой Софии, не находят соответствия в киевском храме, однако это напоминает новгородский в реконструкции А. Некрасова[16], и если в полоцком мысленно снять стены, образующие северное и южное членения двух поперечных восточных нефов, то его план совпадает с новгородским почти целиком. К тому же, как уже указал М. К. Каргер[17], в полоцком и новгородском храмах Софии использован одинаковый и отличный от киевских тип хор, которые, располагаясь над северным и южным нефами, соединялись в западном членении среднего нефа, где они опирались на восьмигранный столб с помощью двойной арки. Подобные столбы с такой же аркой есть в западной и восточной частях трансепта новгородской Софии, а в полоцкой, судя по исследованиям Н. И. Брунова, они были разрушены поздними погребениями[18]. Добавим, наконец, что специальное изучение мер, в которых строились древнерусские храмы, привело К. Н. Афанасьева к заключению, что «храм Софии в Полоцке сооружался в «меру» Софийского собора в Новгороде»[19]. Новгородская София была заложена в 1045 г.[20] и строилась, как принято считать, византийскими мастерами. Когда ее кончили — неизвестно, но, судя по летописи, в 1049 г. она, уже будучи построенной, сгорела[21]. Учитывая вышеизложенное, можно, вероятно, предполагать, что полоцкую Софию (которая в 1068 г., по-видимому, существовала[22]) строили либо те же византийские зодчие, что и в Новгороде (по каким-то причинам внесшие в постройку описанные романские детали), либо какие-то другие мастера, которым новгородская София была поставлена в образец. Общепринятая датировка полоцкой Софии — 1044—1066 гг. — до специальных исследований нам кажется справедливой.

Если полоцкая София была обезображена униатским митрополитом в XVIII в., то еще несколько лет назад в Витебске возвышался второй по древности памятник Белоруссии, сохранившийся до наших дней почти

[16] А. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII вв. М., 1936, стр. 39, рис. 6.

[17] М. К. Каргер. Древний Киев, стр. 141, 142.

[18] Н. Брунов. Беларуская архітэктура..., стр. 273.

[19] К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, стр. 197.

[20] Новг. I, стр. 181.

[21] Там же.

[22] «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950, стр. 26.

полностью. Это известная церковь Благовещения, отстроенная витеблянами в начале XII в. (рис. 52) на Нижнем замке. Однако судьба полоцкой Софии ждала этот памятник в... наши дни (!). В декабре 1961 г., по распоряжению местных властей, удары несложного механизма — шарбабы — в несколько часов превратили остатки здания в руины. Плод вдумчивого творчества древнерусских зодчих так и не дождался своего кропотливого исследователя и реставратора.

Это был шестистолпный крестовокупольный храм, сильно вытянутый в продольном направлении[23]. Шесть крестчатых столбов его делили средний, сильно расширенный неф почти на равные квадратные части (рис. 50, 2), которым в боковых нефах соответствовали равные, вытянутые прямоугольники. Западная пара столбов соединялась с боковыми стенами глухими простенками и отделяла нартекс. Алтарная часть была образована квадратом (равным подкупольному) и полукруглой фигурой абсиды. Боковые нефы оканчивались на востоке в толще стены внутренними абсидами, что характерно стало в дальнейшем для полоцкой архитектуры и иногда встречается в памятниках других земель[24]. Кладка витебского Благовещения, как и в полоцкой Софии, смешанная, на цемянке. Однако здесь она состояла из чередования двух рядов плинфы и ряда тесаного камня. Судя по сохранившимся частям, своды, связывавшие столбы, размещались на разной высоте (наиболее высокие — в центре), и храм имел позакомарные покрытия.

Вопрос о точной датировке памятника сложен из-за его слабой изученности. Ряд характерных черт позволяет большинству исследователей относить его к самому началу XII в.[25] Особенности храма, резко отличающие его от всех остальных известных нам памятников русского зодчества, заставляли исследователей видеть в нем смешение византийских и романских черт (Н. И. Брунов), куда прибавлялись еще кавказские черты (А. Н. Некрасов) и даже сирийские[26]. Обилие предположений свидетельствовало, как всегда, о недостаточной изученности предмета. Мы можем

[23] Первые и единственные сейчас обмеры памятника произведены в конце прошлого века А. М. Павлиновым (А. М. Павлинов. Древние храмы Витебска и Полоцка. «Труды IX АС», I. М., 1895, стр. 1—8).

[24] Таковы Спасский собор в Чернигове, церковь Спаса на Берестове в Киеве, церковь Иоанна Богослова в Смоленске (М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска, прим. 16), церковь в Гродно (Нижняя) и в Волковысске (П. А. Раппопорт. Археологические исследования памятников русского зодчества X—XII вв. СА, 1962, № 2, стр. 71, рис. 5).

[25] Первые обоснования датировки были выдвинуты Н. И. Бруновым и до сих пор еще не поколеблены (Н. И. Бруноў. Беларуская архітэктура XI—XII ст. Зборнік артыкулаў. Менск, 1928, стр. 267—307).

[26] Н. И. Брунов. Извлечение из предварительного отчета о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск в сентябре 1923 г. М., 1926, стр. 4; М. Шчакацін. Нарысы па гісторыі беларускага мастацтва. Менск, 1928, стр. 111; А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII вв. М., 1936, стр. 80.

Рис. 52. Церковь Благовещения в Витебске (фото автора, 1961 г.)

лишь отметить, что наиболее интересной особенностью витебского Благовещения является крайне оригинальный план. Как писал еще Н. И. Брунов, симметрично расположенные, удаленные на равные расстояния шесть столбов памятника напоминают аналогичные явления западноевропейских базилик и, по-видимому, показывают направление поисков новых форм его строителей. Как увидим, стремление переосмысления византийской схемы получило в дальнейшем в Полотчине сильное развитие. Прямых аналогий витебскому Благовещению мы не найдем, однако некоторое совпадение пропорций этого памятника с более поздней нижней церковью в Гродно следует отметить [27]. В нижеследующей табл. 6 (где все меньшие числа приняты за единицу) показано взаимоотношение пропорций обоих храмов.

Таблица 6

Отношения / Церкви	Длина храма (без учета абсиды) к ширине	Ширина среднего нефа к ширине бокового	Сторон прямоугольника, образуемого четырьмя западными столбами	Сторон пространства, образуемого четырьмя западными столбами	Сторон пространства, образуемого четырьмя восточными столбами	Сторон прямоугольника среднего нефа без нартекса до основания дуги абсиды	Стороны прямоугольной части среднего нефа	Стороны прямоугольной части бокового нефа	Стороны прямоугольной части бокового нефа без нартекса	Сторон прямоугольников бокового нефа, образуемых	
										при восточной паре столбов	при западной паре столбов
Витебская	1,6	2,6	1,3	1,09	1,04	3,3	3,6	10	8	1,3	1,3
Гродненская (нижняя)	1,5	2,5	1,6	1,1	1,06	3,03	4,1	8,87	7,2	2,1	1,4
Разница	0,1	0,1	0,3	0,01	0,02	0,27	0,5	1,13	0,8	0,8	0,1

Как видим, в соотношении частей обе церкви различаются незначительно, и разница в среднем не превышает нескольких десятых. Наиболее существенные различия связаны с расположением центрального барабана, который в гродненском памятнике покоится не на восточных четырех столбах, а на западных. Если столбы витебской церкви образуют в среднем нефе три равных по площади прямоугольника (3 × 4 м) и четвертый (в нартексе) уменьшен на ширину пилястр западных столбов, то столбы гродненской церкви также образуют в среднем нефе четыре ячейки, три из которых равны по площади между собой (2,6 × 3,8 м) и одна увеличена на ширину большей стороны восьмигранного столба. Несмотря на это различие, и здесь мы должны отметить сходство приемов в распределении членений среднего нефа обоих храмов. Витебский зодчий, сделав

[27] Н. Н. Воронин. Древний Гродно. МИА, вып. 41, М.

три ячейки равными, четвертую уменьшил на ширину пилястры; гродненский зодчий, напротив, желая увеличить подкупольное пространство, увеличил его на ту же величину. Смещение барабана к западу заставило также увеличить и нартекс, что зодчий и сделал, уравняв площадь западного прямоугольника среднего нефа с двумя восточными. Мы не предполагаем вторгаться в сложную и еще достаточно неразработанную область „архитектурной математики„ древнерусских зодчих[28]. Нам представляется лишь допустимым предположение, что сходство планов обеих церквей, общие приемы в распределении их внутренних масс свидетельствуют, что архитектурные замыслы витебского Благовещения, не получившие, как увидим, развития в Полотчине, были подхвачены зодчими в западных областях Белоруссии, где в Гродненщине выстроено два очень близких храма (Гродно и Волковыск)[29], один из которых в пропорциях в значительной степени повторял витебский храм.

К началу XII в. относится энергичная деятельность известного маленького князька Глеба Минского, неоднократно боровшегося с могущественной коалицией южнорусских князей, активного жертвователя Киево-Печерскому монастырю, где в 1108 г. им была отстроена даже трапезная. Трудно предположить, чтобы этот князь не заложил бы каменной церкви и в своем городе. Действительно, при раскопках 1949—1951 гг. В. Р. Тарасенко в Минске обнаружены фундаменты древней церкви (рис. 53). К сожалению, этот интереснейший, по-видимому, памятник никем не был ни оценен, ни изучен, ни даже должным образом опубликован[30] и, простояв около десятка лет, разрушаясь под открытым небом, недавно был снова засыпан при очередной перепланировке Минска. Нам остается лишь попытаться изучить этот объект и уловить следы тех идейно-художественных задач, которые стояли перед зодчими и заказчиками при его возведении. Сразу же отметим, что, вопреки утверждению автора раскопок, строительство храма дальше фундаментов не пошло. Не найдено ни слоев развала здания, ни остатков плинф и цемянки, а камни, попадавшиеся вокруг, без следов связующей извести.

Фундаменты минской церкви предназначались четырехстолпному трехабсидному крестовокупольному храму с выступающей средней и с

[28] Б. А. Рыбаков. Архитектурная математика древнерусских зодчих. СА, 1957, № 1, стр. 83—112; К. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961.

[29] П. А. Раппопорт. Археологические исследования..., стр. 70, 71.

[30] В. Р. Тарасенко. Раскопки Минского замчища. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 127; Он же. Раскопки Минского замчища в 1950 г. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 125—132; Он же. Из материалов раскопок Минского замчища. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 48—50; Он же. Древний Минск. Материалы по археологии БССР. Минск, 1957, стр. 220—228 (ср. чертежи на стр. 205, 222 и 225); Э. М. Загорульский. Древний Минск. Канд. дисс. Минск, 1962.

Рис. 53. Фундаменты церкви Минского детинца (фото автора)

округленными боковыми апсидами. Его мощные стены (шириной 1,5 м) были выложены снаружи и изнутри тесаным камнем с заполнением средней части рваным камнем на извести. В местах, предназначавшихся склепам (южная и западная стены), сохранилась оригинальная облицовка из тесаных кирпичеобразных известковых плиток [31]. Возможно, что «творило» для гашения извести, обнаруженное к северу от храма, относилось именно к данной постройке. Организация внутреннего пространства памятника решена была необычайно и выдавала в строителе, по-видимому, не особенно опытного архитектора. Центральный подкупольный квадрат был несколько сдвинут к югу, и южный неф оказался у́же северного (рис. 50, *3*). Центральные столбы, несущие основную нагрузку и квадратные в плане, были

[31] В. Р. Тарасенко. Раскопки Минского замчища в 1950 г, стр. 129, рис. 144, *1*.

умощены еще более стен. Вся кладка имела большую высоту и у абсиды достигала 2,57 м [32].

Вопрос о точной датировке здания полностью неразрешим из-за отсутствия удовлетворительной документации. Не приводя стратиграфических и других соображений, автор раскопок считал «наиболее вероятным строителем Минского храма» князя Глеба (ум. 1119 г.) [33]. Э. М. Загорульский, взявший на себя труд расшифровки документации раскопок 1945—1951 гг., первоначально утверждал, что храм был построен почти одновременно с возникновением Минска, и слой его строительного мусора лежит якобы непосредственно на материковых выкидах ям для фундаментов и подстилает слой с находками XI в. (ломоновидные бусины, амулеты-коньки, двушипные стрелы) и т. д.[34] Так как возникновение Минска Загорульский относит к 1063 г.[35], то храм, следовательно, должен датироваться концом 60-х годов XI в. (!). Позднее, не опровергая предыдущих доводов, Э. М. Загорульский стал все же относить постройку храма к концу XI в.[36] Однако и эта датировка нам кажется сомнительной. Четырехстолпные храмы появляются на Руси с середины XII в.[37], по-видимому, в связи с возникновением строительства горожан и невероятно, чтобы маленький Минск в своей архитектуре обогнал на 50—60 лет остальные города Руси. Не ранее второй половины XII в., очевидно, появляются на Руси и квадратные в плане столбы [38].

Датировка минского храма требует прежде всего определения его дневной поверхности. По утверждению В. Р. Тарасенко, кладки храма, залегавшие между высотными отметками 4,03 и 6,6, были разделены отметкой 5,2, которая располагалась на 10 см выше погребенной почвы и делила кладки на стену (1,17 м) и фундамент (1,4 м) [39]. Вместе с тем, им же приводимый чертеж с отметками расположения, по-видимому, строитель-

[32] В. Р. Т а р а с е н к о. Древний Минск, стр. 221.

[33] Там же.

[34] Э. М. З а г а р у л ь с к і. Археолёгічнае вывучэнне дзяцінца старажытнага Мінска. «Весці АН БССР», 1960, № 4, стр. 55.

[35] Э. М. З а г о р у л ь с к и й. Древний Минск, Автореф. канд. дисс. Минск, 1962, стр. 12.

[36] Э. М. З а г о р у л ь с к и й. Древний Минск. Минск, 1963, стр. 42.

[37] К 1089 г. относится лишь громадный собор св. Михаила в Переяславле Русском (см. планы церквей в статье Н. Н. Воронина: Н. Н. В о р о н и н. Работы советских археологов в области истории русского зодчества X—XIII вв. МНК, рис. на стр. 121).

[38] За исключением названного и еще одного собора в Переяславле Русском столбы этого типа появляются, по-видимому, только с 1179 г. (церковь Благовещения в Аркаже, в Новгороде), распространяются в XIII в. и позднее господствуют (см.: планы церквей в Истории Русского искусства, II. М., 1954, стр. 36, 48, 50 и др.) в книге Н. Н. Воронина (Н. Н. В о р о н и н. Зодчество северо-восточной Руси, т. II. М., 1962, стр. 52—63, 73, 154, 190) и др. Однако в домонгольской Смоленщине эти столбы неизвестны (М. К. К а р г е р. Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964).

[39] В. Р. Т а р а с е н к о. Древний Минск, стр. 221—222.

ного мусора близ абсид [40] показывает, что этот мусор лежал на поверхности с отметками 4,82; 4,83; 4,88; 4,89 (и лишь в двух случаях 4,45 и 4,92). Значит, дневная поверхность вблизи храма была выше, чем полагал автор раскопок, приблизительно, на 40 см. Разрез культурных слоев у храма при всей неудовлетворительности чертежа (кладки фундаментов не показаны до низу, нет фундаментных рвов, гробы даны без могильных ям и т. д.) свидетельствует, что стены храма, если и были, то начинались значительно выше и возвышались всего не более чем на 0,5 м. Таким образом, дневная поверхность храма была выше, а слой, принятый Э. М. Загорульским в чертежах В. Р. Тарасенко за строительный мусор храма, в действительности к нему отношения не имел [41]. Для дальнейшего представления о том, когда мог быть построен минский храм, мы, основываясь на указанном чертеже В. Р. Тарасенко (с частичной его реконструкцией), попробуем изучить историю постройки.

Первоначально в специальные ямы, прорезавшие погребенную почву и материк, были опущены фундаменты стен и столбов, после чего строительство прекращено, а верхние части фундаментов и нижние части только что начатых стен оставались под открытым небом. От дождей и частичного разрушения кладок внутренность храма затянулась «песком с известью и камнями», причем возле кладок, естественно, слой носил более светлый оттенок (слой 14 и 15 указанного чертежа В. Р. Тарасенко). Случившийся по соседству пожар полностью скрыл от глаз кладку храма (слой 13). После пожара в Минске началось интенсивное деревянное строительство (слой 3). Поблизости возвели (деревянную?) церковь, возле которой начали хоронить, часто опуская гробы внутрь бывшего храма. Однако вскоре кладбище было забыто, и во второй половине (или концe?) XII в. над ним прошел уличный настил [42]. Все сказанное позволяет относить постройку храма к начальным двум десятилетиям XII в., т. е. к строительству Глеба Минского. Храм все же опережает четырехстолпные храмы Руси на 20—30 лет, но это может объясняться неизученностью всех памятников Руси и отсутствием промежуточных звеньев.

Сопоставление плана памятника с другими храмами Полотчины показывает, что он не так уж мал. Площадь, занятая им без абсид, — 144 м^2 [43], лишь немного уступает витебскому Благовещению (153,36 м^2) и несколько даже больше церкви Евфросиньи (142 м^2), а Бельчицкие церкви (Бо-

[40] В. Р. Тарасенко. Древний Минск, рис. 17. Считая, что дневная поверхность ниже, что храм имел стены и какое-то время функционировал, В. Р. Тарасенко принял скопления камней вокруг церкви не за следы постройки, а за следы развала. Однако, как указал Э. М. Загорульский, камни эти следов раствора не имели.

[41] Сам В. Р. Тарасенко понятием «слой строительного мусора» не оперировал.

[42] В. Р. Тарасенко. Древний Минск, стр. 202, 203.

[43] Вопрос о площади храма В. Р. Тарасенко решал простым перемножением длины (с абсидой) на ширину (там же, стр. 204).

риса, Глеба и Пятницы) намного ему уступают (рис. 50). Малое количество опор внутри здания (всего четыре столба) при сравнительно большой площади храма предполагалось, по-видимому, компенсировать некоторым умощнением стен и столбов. Так, толщина стен (1,5 м) здесь превысила толщину стен всех полоцких церквей (рис. 50, *3*), что позволяло отказаться от обычно конструктивно необходимых наружных пилястр, и наружные стены получали гладкую поверхность. То же и о столбах. Организация внутреннего пространства в целом здесь также необычна и к тому же не обличает, вероятно, у строителей особого мастерства. Столбы, на которые падала основная нагрузка барабана, были доведены, как сказано, до двухметровой толщины, а внутренние углы их квадратного плана, как наименее несущие, были выбраны для расширения площади подкупольной части. К тому же, весь центральный подкупольный квадрат был несколько сдвинут к югу, и южный неф оказался суженным, внутренние пилястры неточно соответствовали столбам, что неминуемо привело бы к искривлению сводов и т. д. (рис. 50, *3*).

Итак, минский храм — сравнительно ранний памятник среди четырехстолпных церквей, и возводился он не слишком опытной рукой, так и не доведшей его до конца. Некоторые беспрецедентно оригинальные черты здания (например, непропорционально увеличенные толщина и высота фундаментов стен и столбов) показывают, что храм все же был задуман необычно и представлял, вероятно, первые, еще, может быть, робкие опыты храмоздательного мастерства русских зодчих, стремящихся воплотить в нем исконные, язычеством воспитанные, идеалы высотного храма.

На рубеже XI и XII вв., на левом берегу Западной Двины, у ручья Бельчицы близ Полоцка, был основан большой мужской монастырь, получивший наименование Бельчицкого. Его мощные каменные стены, дожившие до XVII в. (когда их разрушил Иосафат Кунцевич), должны были служить оплотом полоцких князей на южных подступах к городу. Здесь князья могли отсидеться в бурные дни городских волнений (1159 г.), где-то здесь, по-видимому, находилась их загородная усадьба, где-то здесь, по утверждению В. Н. Татищева, они и погребались. В конце XIX в. монастырь значился в числе упраздненных, его сохранившиеся два храма были в крайне плачевном виде[44], и в 1920-х годах разобраны.

История монастырского ансамбля, насчитывавшего уже в XII в. четыре церкви, мало известна[45]. Исходя из некоторых строительных признаков, уловленных И. М. Хозеровым (железные костыли в местах скреп-

[44] А. М. Сементовский. Белорусские древности. СПб., 1890, стр. 108, 109 и сл.

[45] Н. Н. Воронин. Бельчицкие руины. Архитектурное наследство, вып. 6. М., 1956, стр. 3—20. Эта подробная работа — развитие незавершенного (посмертного) труда И. М. Хозерова — избавляет нас от необходимости подробного описания бельчицких памятников.

ления лаг под фундаментом), можно думать, что древнейшим бельчицким памятником был большой трехпритворный собор (рис. 50, 5), остатки которого обнаружены еще в 20-х годах XIX в. Шулакевичем и были известны А. М. Сементовскому, впервые опубликовавшему его план [46]. Это был шестистолпный обширный храм, выложенный из плинф на цемлянке в технике южнорусских церквей XI в. — «с утопленным рядом», когда одна линия плинф совпадала с наружной поверхностью, а вторая была несколько углублена. Такой сдвиг кирпичей, дававший перевязку швов, необходимую при наличии квадратных плинф, стал излюбленным в Полотчине и в XII в., хотя надобность в нем в связи с изменениями пропорций кирпича отпала, и он был упразднен в это время в остальной Руси.

В 20—30-х годах XII в., в одном из полоцких монастырей, появился зодчий-монах Иоанн, с необычайно самобытным талантом. Ему, как удалось установить, принадлежат в Полоцке постройки не менее 3 церквей, к которым мы и перейдем [47].

Рис. 54. Полоцк. Церковь Параскевы-Пятницы (вверху) и церковь Бориса и Глеба (внизу) в Бельчицах (XII в.). По А. М. Сементовскому

[46] А. М. Сементовский. Белорусские древности, стр. 114.

[47] Личность и постройки Иоанна подробно изучены Н. Н. Ворониным в двух работах: Н. Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. «Ежегодник института истории искусств». М., 1952; Он же. Бельчицкие руины...

До недавнего времени было принято считать, что маленький монастырский храмик Параскевы близ Бельчицкого собора (рис. 54, *1*) принадлежал XVII в. Артиллерийский снаряд в 1919 г. обнажил в его центральной части домонгольскую кладку из плинф на цемянке, с утопленным рядом. Пониженная абсида и западный притвор вели взгляд вверх, к сильно вытянутому четверику, создавая ступенчатую, высотную композицию. Сходство кладки (с утопленным и подкрашенным рядом), вытянутая композиция и некоторые другие черты показывают, что храм выстроен тем же мастером, что и церковь Бориса и Глеба и Спасо-Евфросиньевская церковь [48]. Последнюю же, как мы знаем по письменным источникам, строил приглашенный княжной Евфросиньей Полоцкой зодчий Иоанн.

В 1928 г. в Бельчицком монастыре еще высилась и Борисоглебская церковь (рис. 54, *2*). Этот шестистолпный храм, выложенный из плинф на цемянке в технике с утопленным и подкрашенным рядом, имел две пары западных столбов, сильно сдвинутых к западу, а восточные — близко у восточной стены (рис. 54, *6*). Западная пара столбов соединялась с боковыми стенами-простенками, что, как и в витебском Благовещении, отделяло нартекс. Явная близость постройки к церкви Евфросиньевского монастыря (рис. 54, *6*, *7*) позволила Н. Н. Воронину заключить, что оба храма строились одним и тем же лицом — Иоанном.

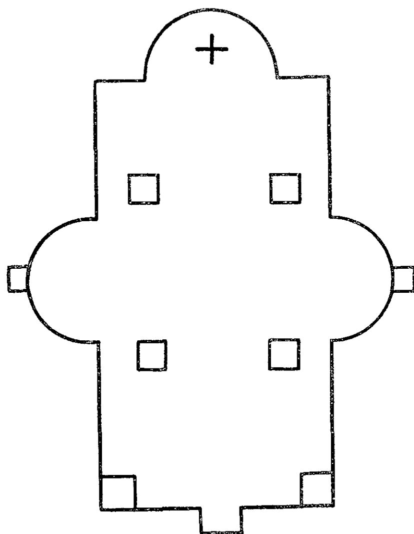
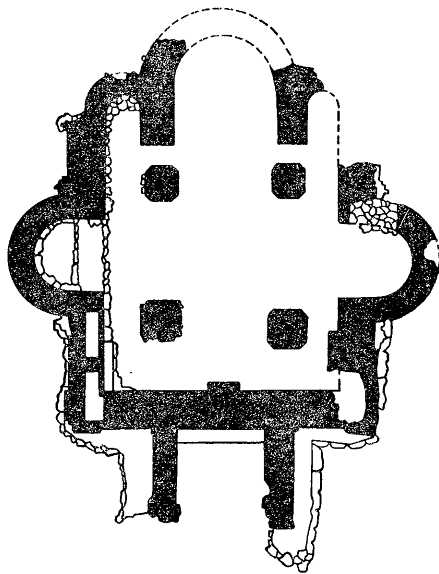
Однако тремя описанными памятниками строительство храмов в Бельчицком монастыре не ограничилось. А. М. Павлинов видел вблизи большого собора развалины еще какого-то здания, принадлежавшие по легенде жилому монастырскому дому [49]. Благодаря документу с рисунком конца XVIII в., обнаруженному Н. Н. Ворониным [50], стало очевидным, что это остатки также церкви, однако крайне оригинальной на Руси формы. Храм «одноабсиден и необычайно вытянут... С севера и юга, примерно посреди боковых стен, выдаются открытые внутрь полукруглые выступы, отвечающие трансепту... Боковые полукружия — конхи играют и художественную и конструктивную роль... (являясь) контрфорсами по поперечной оси распора...» (рис. 55, *1*). Кладка состояла из плинф на цемянке с заполнением (подобно минскому храму. — *Л. А.*) внутренней полости плинфяной стены бутом [51]. Указывая на идентичность кирпича этой постройки и собора, А. М. Павлинов справедливо относил их к одному времени. Памятник, по-видимому, принадлежал «к типу триконхов, распространенных в храмовой монастырской архитектуре Афона,

[48] Н. Н. Воронин. Бельчицкие руины...

[49] А. М. Павлинов. Древние храмы Витебска и Полоцка. «Труды IX АС», I. М., 1895, стр. 12.

[50] Н. Н. Воронин. К истории полоцкого зодчества XII в. КСИА, АН СССР, вып. 87, 1962, стр. 103.

[51] Там же.

1 2

Рис. 55. Полоцк. Схематический план XVIII в. четвертого храма из Бельчиц и его единственная древнерусская аналогия

1 — храм в Бельчицах; *2* — храм в Путивле

Болгарии, Румынии и особенно Сербии на протяжении почти семи столетий — с XI по XVII в., где боковые конхи были связаны с особым распорядком монастырского пения»[52]. Считая и бельчинский храм «явно монастырским», Н. Н. Воронин неправ. На Руси подобные храмы, вероятно, не всегда служили монастырским целям. Так, например, в отнюдь не монастырском месте — в путивльском кремле обнаружен памятник, подобный описанному (рис. 55, *2*)[53]. В отличие от полоцкого, стены этого храма выложены из плинфы сплошь; он имел три абсиды и один прямоугольный притвор на западе (возможно, что отклонение бельчицкого памятника объясняются и неточностью рисунка). Любопытно, что памятник Путивля имел характерные для Смоленска пучковые пилястры. Такие же пилястры были, очевидно, и в Полоцке, так как о находках подобного лекального кирпича сообщал А. М. Павлинов[54]. Несмотря на краткость

[52] Н. Н. Воронин. К истории полоцкого зодчества XII в. КСИА, АН СССР, вып. 87, 1962, стр. 104; Е. Мянова. Църквата в Кърджали. Родопски Сб. София, 1965, рис. 11 и др.

[53] В. А. Богусевич. Розкопки в Путивльському кремлі. «Археологія, XV». Киев, 1963, стр. 168, рис. 3.

[54] А. М. Павлинов. Древние храмы..., стр. 12.

сведений, можно считать, что четвертая церковь Бельчицкого монастыря еще одно новое свидетельство культурных связей Полоцка с далекими нерусскими землями. Изучение церкви по ее остаткам в натуре предоставит в будущем ценнейшие материалы.

На противоположной стороне окраин Полоцка, на севере, в местности, именовавшейся некогда Сельцо, на р. Полоте, выше города, до недавнего времени существовал Спасо-Евфросиньевский женский монастырь, основанный в XII в. видной просветительницей Полотчины — Евфросиньей, внучкой полоцкого Всеслава. Судя по описанию ее жития XVI в., основывавшемуся на более древнем источнике[55], здесь в начале XII в. располагалась церковь — усыпальница епископов и, вероятно, деревянный епископский дом[56]. До наших дней сохранился полностью только один храм-церковь Спаса. Однако в древности каменных (кирпичных) зданий в монастыре было, по-видимому, больше. Так, в грамоте Стефана Батория от 20 января 1582 г. при перечислении монастырей, отдаваемых иезуитам, упоминается «монастырь святого Спаса, коего храм, близкий к разрушению, еще виднеется над рекой Полотою»[57]. Речь шла, очевидно, не о Спасском храме, как это думал А. М. Сементовский, так как памятник дошел до нас почти нетронутым, а о каком-то другом храме, который поляками был воспринят (как увидим, благодаря величине) как главный. Однако к XVI в. памятник был уже столь плачевного вида, что Пахоловицкий не занес его на рисунок.

К востоку от Спасской церкви М. К. Каргером действительно были раскопаны остатки большого трехнефного храма с галереей, выложенного из плинфы с утопленным рядом и датирующегося рубежом XI и XII вв. В плане храм полностью повторял витебское Благовещение. В богато декорированных фресками и майоликовыми полами притворах (найдены многочисленные куски смальты, которой не было даже в полоцкой Софии) располагались останки мужских монашеских погребений[58]. Это и был, по-видимому, большой собор — усыпальница епископов, о существовании которого косвенно можно заключить по житию Евфросиньи. К этому, тогда уже разрушающемуся памятнику и относится, очевидно, баториевский документ 1582 г.

Местность, где был выстроен Спасо-Евфросиньевский монастырь, до недавнего времени еще называлась «Спас-Юровичи». Юрий или Георгий, как известно, был отец Евфросиньи, и у нас возникает вопрос: не было ли

[55] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых. М., 1871, стр. 262.
[56] ПСРЛ, т. XXI. СПб., 1908.
[57] А. М. Сементовский. Белорусские древности, стр. 106.
[58] М. К. Каргер. Памятники древнего зодчества Белоруссии. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 года. М., 1962, стр. 125. См. также тезисы доклада М. К. Каргера, прочитанного 21 марта 1966 г. на археологической сессии в Минске.

здесь храма, который бы был посвящен ее отцу и дал, следовательно, название местности? Описывая поход Грозного на Полоцк в 1563 г., Лебедевская летопись неоднократно называет церковь «Егорий Святый», «Георгий Великий». Так, подойдя к Полоцку со стороны Невеля и пройдя «Егорий Святый», Иван Грозный увидал «в городе Полотцске верхъ церькви Софии и послал в большой полкъ ко князю Володимиру Ондрѣевичю и в воеводамъ Большово полку да и во все полки бояромъ и воеводам, чтобы пѣв молебны и прося у бога помощи знамена бы розвертели...»[59] Составитель текста — несомненно участник событий — назвал прежде всего Владимира Андреевича и Большой полк именно потому, что они стояли (как он указал ранее)[60] по-соседству, т. е. в Спасском монастыре.

От церкви Егория Грозный перешел к озеру Волову и поставил свой полк «против города», а головы стрелецкие и сотник со стрельцами стояли перед полком «блиско города»[61]. Позднее, между оз. Воловым и «Святым Георгием» были поставлены воеводы «с нарядом большим». К Георгию Великому перебрался Грозный из Бельчиц, когда «Двина-река учала портиться» (таять. — *Л. А.*)[62]. Наконец, другие источники, менее подробно освещающие события, отмечают, что Грозный остановился не у Георгия, а у Спаса[63], путая тем самым оба храма. Все это показывает, что церковь Георгия в XVI в. существовала вблизи Спасского монастыря (не входя в него) и сравнительно недалеко от располагающегося к востоку от него озера Волова. Случай сохранил нам прямое свидетельство о местонахождении церкви Юрия домонгольского времени. Вблизи ограды монастыря, ближе к городу у костела Св. Ксаверия (ныне кладбище «Ксавериевка») в середине XIX в., оказывается, виднелись кладки, сложенные из домонгольских плинф[64]. В настоящее время это место утеряно. Будем надеяться, что специальное исследование кладбища их снова откроет, и мы обогатимся еще одним памятником полоцкого зодчества домонгольской поры.

Крупнейшим событием в полоцкой и во всей древнерусской архитектуре была постройка уже упоминавшимся Иоанном в Евфросиньевском монастыре Спасской церкви (рис. 56 и 57). Необычайная толщина стен и пилонов храма в ущерб внутреннему пространству (рис. 58) привели Н. И. Брунова к мысли о конструктивном значении этой особенности, а осмотр чердачного помещения окончательно это подтвердил. Выясни-

[59] ПСРЛ, т. XXIX. М., 1965, стр. 306.
[60] Там же.
[61] Там же, стр. 308.
[62] Там же, стр. 308, 309.
[63] А. М. Сементовский. Белорусские древности, стр. 106.
[64] Сергий, иеромонах. Жизнеописание преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой. «Пк. Вит. г. на 1864 год». Витебск, 1864, стр. 15, прим. 1.

Рис. 56. Спасский собор Евфросиньевского монастыря в Полоцке (ок. 1161 г.). Общий вид со стороны Полоты (фото автора)

Рис. 57. Спасский собор Евфросиньевского монастыря в Полоцке. Западный портал (фото автора)

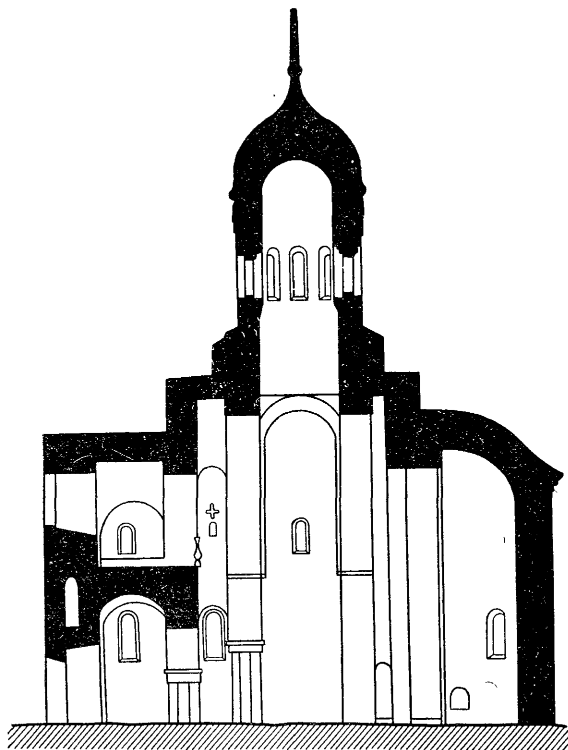


Рис. 58. Спасский собор Евфросиньевского монастыря в Полоцке. Разрез (по Н. И. Брунову)

лось, что большая высота барабана объясняется наличием в его основании массивного декоративного постамента (рис. 59), а вся конструкция в целом потребовала значительного умощнения опор[65]. Перед нами шестистолпный крестовокупольный храм с сильно выступающей единственной наружной апсидой. Его центральный неф расширен за счет боковых, крайне суженных, а трансепт расширен путем смещения центральной пары столбов к западу. Боковые нефы храма на востоке оканчиваются небольшими внутренними полукружиями с узкими оконными проемами. Внутрен-

[65] Н. И. Брунов. Извлечение из предварительного отчета о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск в сентябре 1923 года, стр. 3.

Рис. 59. Спасский собор Евфросиньевского монастыря в Полоцке. Постамент под барабаном (фото автора)

нее пространство нартекса по площади довольно велико, но уступает трансепту. Четыре западных столба, первоначально необычно широкие, позднее были стесаны и получили вид восьмигранника. Без того толстые стены памятника усилены пилястрами с полуколоннами, отвечающими внутренним членениям храма. По вертикали нартекс состоит из двух частей: нижней для молящихся и хора вверху. Здесь же два небольших помещения: южное принадлежало Евфросинии, а северное — ее сестре Евдокии. Вход на хоры по узкой лестнице расположен в северной части западной стены здания. Перекрытия храма — сводчатые, на четырех восточных столбах покоится трехлопастный массивный постамент, служивший зрительно связующим звеном между закомарами и барабаном. Первоначальное покрытие храма было позакомарным, причем нартекс был ниже центрального куба здания и в верхнем уровне совпадал с довольно высокой апсидой.

Церковь построена из плинфы уже известным нам способом с утопленным рядом и, очевидно, первоначально не штукатурилась. Горизонтальные полосы кирпичной подкрашенной кладки и розовой цемянки по вертикали перерезались пилястрами с полуколоннами и узкими окнами, расположенными в два ряда между ними. Высота апсиды усиливалась четырьмя тонкими романскими тягами. В свою очередь и лопатки основной части здания, подчеркнутые полуколоннами, вели взгляд вверх к закомарам и далее к трехлопастному постаменту, барабану и кресту. Это впечатление стройной башнеобразности здания усиливалось его силуэтом: благо-

даря высокой апсиде и пониженному нартексу массы ступенчато нарастали вверх, соединяясь воедино в куполе и кресте, образуя строгую, стройную и монолитную композицию. Спасский храм Евфросиньевского монастыря — вершина архитектурной мысли Полоцкой земли.

В заключение упомянем крайне интересные наблюдения, сделанные М. К. Каргером в Новогрудке. Раскопанная им Борисоглебская церковь, датируемая началом XII в., прочно связывается с полоцкой архитектурной традицией. Этот маленький трехапсидный храм, с почти одновременной галереей, опоясывающей его с двух сторон, был богато расписан фресками.

Подобно витебскому Благовещению, центральная часть храма была выложена из белого тесаного камня, перемежающегося двумя горизонтальными рядами плинф на цемянке. Галереи, пристроенные к нему впритык (и непосредственно к пилястре с полуколонной), были сложены в собственно полоцкой технике — с утопленным рядом. Все это показывает, что полоцкие мастера в древности пользовались широкой известностью и в соседних землях: их вызывали всякий раз, когда требовалось возвести храм или сделать к нему какие-либо добавления. В начале XII в. в Новогрудок были приглашены мастера для строительства церкви из Витебска, позднее, вероятно, в середине XII в., галерею к этому храму пристраивали зодчие Полоцка [66].

Что же представляло собой каменное зодчество Полоцкой земли в целом? Какими путями оно развивалось, какие идеи отражало и какое место заняло в зодчестве всей Руси?

Архитектура Полотчины прошла в своем развитии три основных этапа. На первом, в середине XI в., когда княжество и князь приобрели впервые политическую независимость от Киева, когда умами княжеской и боярской знати владели идеи величия Полоцка, не уступающего, по их представлениям, Киеву и Новгороду, а Полоцк стал во главе христианизирующейся земли, в нем, на самом возвышенном и эффектном месте, была возведена третья на Руси грандиозная София — многонефный, семиверхий храм, символизирующий новые идеалы и созданный, как и две другие Софии, византийскими мастерами. В период конца XI—первых двух десятилетий XII в. каменное храмостроительное искусство начало проникать и в другие центры земли, как бы окончательно закрепляя здесь христианизацию провинций. Теперь византийская архитектурная традиция, так легко первоначально привившаяся в незнакомых с нею древнерусских центрах, всюду столкнулась на Руси с местными многовековыми национальными традициями деревянного зодчества. Не барабан, а шатер, не статичная кубичность, а стройная, иногда ступенчатая пирамидальность деревянных построек, идущих еще с языческой поры, — вот то, что привычно было

[66] «Археологические открытия 1965 года». М., 1966.

русскому глазу, что не могло не сказаться на каменном зодчестве, как только им всецело овладели русские. Поиски новых форм начались уже с конца XI в.

В Витебске, стоящем на скрещивании торговых путей, где издавна западноевропейская речь смешивалась с норманно-греческой, в демократической части города возникла церковь Благовещения, причудливо сочетавшая идеи византийского крестовокупольного храма с некоторыми западноевропейскими чертами. В другом княжеском центре — Минске заложен совершенно своеобразный памятник, свидетельствующий, по-видимому, о «доморощенности» его зодчих. Непропорционально мощные фундаменты при его общей величине возможно также свидетельствовали о стремлении мастеров вытянуть объем вверх и больше приспособить тем самым храм к местным вкусам[67]. Особенно четко это явление сказалось в самом Полоцке. Утверждение здесь епископской кафедры потребовало возведения нового епископского собора — усыпальницы. К юго-востоку от города, в Бельчицах, был выстроен собор отнюдь не византийских форм: три притвора и абсиды сдерживали распор сводов повышенного верха; ступенчатое нарастание объемов сближало памятник с привычными формами деревянного зодчества. Замкнутый круг трехпритворных храмов, к которому принадлежал памятник, возник первоначально в Переяславле Русском и в Киеве в конце XI—начале XII в. и получил распространение во второй половине XII—начале XIII в. в лесной полосе Руси. Здесь, вдали от Византии, в стране традиций шатрового зодчества, корнями уходящего в многовековую историю язычества (вспышки которого еще долго давали себя знать), по-видимому, охотнее прививались высотные формы древнерусских церквей, приближающиеся к шатровым покрытиям.

Это был, вероятно, один из первых опытов новых форм в лесной полосе Руси. Итак, идеи переработки византийской схемы для максимального приближения ее к национальным архитектурным вкусам — первое, что овладело умами древнерусских и полоцких зодчих, как только строительство храмов перешло от византийцев к ним.

В 20—30-х годах XII в. полоцкая архитектура вступила в последний период своего развития. Если на втором этапе зодчими древней Руси владела общенациональная идея «обрусения» византийской схемы, то теперь, с усилением феодальной раздробленности, в ряде периферийных княжеств начинают появляться свои школы мастеров. Интенсивное монастырское

[67] Наблюдение К. Н. Афанасьева, что толщина стен древнерусского здания мало зависит от величины сооружения и лишь связана с его конструктивными особенностями (К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы. . ., стр. 199), здесь не противоречит, так как в минском храме, как мы показали, сохранились только фундаменты.

строительство этого времени в Полоцке связывается с деятельностью каменщиков, возглавляемых одаренным местным зодчим — Иоанном. Поиски новых оригинальных конструкций с той же целью приближения облика храма к русским вкусам от здания к зданию ведут Иоанна к высшему его достижению — церкви Евфросиньи. Идея высотного верха возникла у него при возведении малой Пятницкой церкви, однако для серьезного разрешения задачи бесстолпная капелла не годилась, и общий план здания выработан Иоанном уже в Борисоглебском храме. Массивный постамент под барабаном в Евфросиньевской церкви заставил зодчего снова твердо и упорно искать. Были усилены столбы и стены, лопатки получили полуколонки, а пониженный нартекс, уравновешенный повышенной абсидой, обеспечил пирамидальную высотную композицию.

Любопытно, в заключение отметить, что поиски высотной композиции при помощи контрфорсов-притворов в дальнейшем себя не оправдали. Как показал Н. Н. Воронин, через несколько столетий большая часть трехпритворных храмов рухнула (нижегородский, суздальский, оба полоцких и др.). И лишь решение, найденное полоцким зодчим в церкви Евфросиньи, оказалось правильным: храм стоит в абсолютно полной сохранности и по сей день. Искусство полоцких зодчих, мы видели, пользовалось популярностью и в соседних землях.

* * *

Искусство древних живописцев еще недавно могло было быть изучено с большой полнотой. Теперь же, с исчезновением последних бельчицких построек и витебского Благовещения, лишь церковь Евфросиньи Полоцкой еще хранит под позднейшими записями древнейшие драгоценные для нас изображения очень высокого класса (рис. 60)[68].

Первой была расписана полоцкая София, остатки фресок которой напоминают древнейшие росписи одновременных ей Софии киевской, Туровского евангелия и других памятников XI в.[69]

Широко был расписан фресками и интерьер ныне несуществующих уже бельчицких церквей[70]. В Борисоглебской, например, наиболее интересное изображение находилось на второй с востока лопатке и представляло фигуру святого в розово-желтом одеянии с зеленоватым оттенком мягко трактованных складок одежды. Это, вероятно, ктитор храма, так как в руках он держал его маленькую модель. Если ктитором Борисоглебской

[68] Автор крайне признателен Л. С. Абецедарскому за предоставление в его распоряжение этой фотографии. Еще две фрески из Евфросиньевского монастыря недавно были опубликованы А. Л. Монгайтом (А. Л. Монгайт. Фрески Спас-Евфросиньевского монастыря в Полоцке. Сб. Культура древней Руси. М., 1966, стр. 138 и 139).

[69] К. Шероцкий. Софийский собор..., стр. 90.

[70] Н. Н. Воронин. Бельчицкие руины, рис. 5, 6, 10, 11.

Рис. 60. Фреска из Спасского собора Евфросиньевского монастыря в Полоцке, XII в.

церкви считать князя Бориса Всеславича, то с ее разрушением, следовательно, мы потеряли его портрет. Общий тон фигуры напомнил Н. Щекотихину, с одной стороны, фрески церкви св. Параскевы Пятницы в Бельчицах, с другой, — святителей правого придела киевской Софии или росписи новгородской Чередицы [71].

[71] М. Шчакаціхін. Фрэскі Полацкага Барысаглебскага манастыра. «Наш край», № 1. Менск, 1925, стр. 22—26.

Пятницкая церковь Бельчиц имела большее количество изображений, и сохранность их была лучшей. У входа в жертвенник виднелись следы большой композиции распятия, на северо-восточном столбе изображение святого Николая. По характеру лилово-синего фона и темно-зеленой краски последнее напоминало фреску апсиды полоцкой Софии[72].

Н. Щекотихин отмечал большое своеобразие фресок бельчицких церквей, проявляющееся не только в композиционном плане (размещение на одной северной стене Распятия, Сретения и других образов, что в киевских церквах не встречается), но и в манере рисунка (преобладание в нем не мозаичности, характерной для Киева, а живописной манеры, сближающей его с новгородской Чередицей), и заключал, что Полоцк был посредником между Киевом и Новгородом[73].

Фресковая роспись покрывала внутренние стены упоминавшегося большого трехпритворного храма-усыпальницы Спасо-Евфросиньевского монастыря (неопубликованные раскопки М. К. Каргера).

Сохранялась ли древняя живопись под штукатуркой стен витебского Благовещения, сведений у нас нет. Возможно, что разрушение памятника закрыло навсегда еще ряд интереснейших страниц древнерусского искусства.

В заключение отметим, что церковная живопись (другой мы не знаем) была распространена в Полотчине, по-видимому, повсеместно. Беглые замечания видевших ее специалистов показывают, что корни этого искусства уходили в искусство Киева, а не Новгорода и Пскова, с которыми Полоцк, действительно, был связан значительно менее (см. выше). Насколько это справедливо и в чем проявились черты своеобразия полоцкой живописи XII в., вероятно, покажет раскрытие фресок существующей еще Спасо-Евфросиньевской церкви[74]. Впрочем, отсутствие параллельных памятников вряд ли позволит решить эти вопросы со всей определенностью.

Прикладное искусство

Среди многочисленных вещей прикладного искусства Полотчины[75] особо интересен датированный, подписной предмет — знаменитый крест Евфросиньи Полоцкой, сделанный полоцким мастером Лазарем Богшей в 1161 г. по ее заказу для основанного ею монастыря. В 1928 г. предмет еще находился в Полоцке, затем был перевезен в минский музей и во время второй мировой войны

[72] Там же, стр. 24.
[73] Там же, стр. 27.
[74] Л. С. Абецедарский, М. П. Баранова, Н. Г. Павлова. История БССР, Учебное пособие. Минск, 1961, стр. 26.
[75] В раскопках 1959 г. в Полоцке, например, был найден резной наличник окна XII в., свидетельствовавший, что Северная Белоруссия сохранила древние традиции тонкой деревянной резьбы до настоящего времени. Л. А. Молчанова. Основные итоги этнографической экспедиции 1959 г. по северным районам Белоруссии. «Весці

исчез. В 1955 г. мне удалось обнаружить фотографии этого уникального изделия, благодаря которым крест может быть полностью опубликован и изучен (рис. 61)[76]. Исследователи прошлых лет (включая и автора этих строк) полагали, что благодаря страшному заклятию, начертанному на кресте, он благополучно пролежал в Полоцке с момента своего изготовления до 1928 г. Однако Никоновская летопись под 1563 г. содержит текст, мимо которого ученые проходили: «Когда же боголюбезный царь и великий князь (Иван Грозный. — *Л. А.*) мысля итти на отступниковъ крестьянския веры на безбожную Литву, бе же тогда в его царской казне крестъ Полоцкий украшенъ златомъ и камениемъ другимъ, написано же на кресте: «зделанъ сий крестъ в Полотцску повелениемъ княжны Евфросинии и поставленъ во церкви всемилостиваго Спаса, да не изнеситъ ис тое церкви никтоже; егда же кто его изъ церкви изнесетъ, да прииметъ с темъ судъ в день судный. Нацыи же поведаютъ: в прежний некогда Смолняне и Полочане держаше у себя государей князей по своимъ волямъ и межь себя смолняне съ полочаны воевахуся и тотъ крестъ честный Смолняне въ Полотцку взяша в войне и привезоша въ Смоленескъ, егда же благочестивый государь князь великий Василей Ивановичь всеа Русии вотчину свою Смоленескъ взялъ, тогда же и тотъ честный крестъ во царствующий градъ в Москву привезенъ. Царь же и великий князь тотъ крестъ обновити велелъ и украсити и тотъ честный крестъ взя с собою и имея надежу на милосердаго Бога и на крестьную силу победити врага своя, еже и бысть»[77]. Итак, крест Евфросиньи Полоцкой пролежал в Полоцке первоначально вовсе не так долго. Войны Полоцка и Смоленска относятся к 1180—середине XIII в. Очевидно, именно в это время смоленские князья, княжившие в Полоцке, увезли святыню в Смоленск, где он и пролежал до начала XVI в. (княжения Василия III — 1505—1533 гг.). Захватив этот город (1514 г.), Василий III перевез реликвию в Москву, сделав какие-то подновления. Летописец, по-видимому, не случайно, рассказывая о походе Ивана Грозного на Полоцк 1563 г., упоминает о полоцком кресте, бывшем в его казне. В 1579 г., при взятии Полоцка у русских Стефаном Баторием, крест, как увидим, находился уже в Спасской церкви. Очевидно, богобоязненный царь взял с собою крест в поход 1563 г., надеясь на его помощь и поклявшись в случае благоприятного исхода предприятия возвратить его на прежнее место, согласно желанию заказчицы — Евфросиньи. Город был взят, Грозный в момент осады (с 31 января по

АН БССР. Минск, 1960, № 1, стр. 145). В Друцке обнаружен целый ряд художественных изделий из кости и других материалов (Л. В. Алексеев. Художественные изделия косторезов. . ., стр. 204, рис. 6) и т. д.

[76] Негативы, сделанные фотографом И. Ф. Чистяковым в 1896 г. найдены в архиве И. А. Шляпкина. (Л. В. Алексеев. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. СА, 1957, № 3, стр. 227 и сл.).

[77] ПСРЛ, т. XIII, М., 1965, стр. 347.

*Рис. 61. Крест
Ефросиньи
Полоцкой
1161 г.*

15 февраля) останавливался вблизи Спасского монастыря[78], и клятва была приведена в исполнение, крест почти после 400-летнего отсутствия был водворен на прежнее место[79].

Крест Лазаря Богши — напрестольный и шестиконечный[80]. На его деревянную основу были набиты 21 золотая пластина (лицевая сторона) с эмалевыми изображениями святых и орнаментов, снабженные, к тому же, отверстиями для драгоценных камней и мощей и 20 серебряных пластин (боковые стороны) с выбитой из них надписью. Кроме «расширенного деисуса», на лицевой стороне помещались изображения святых — Георгия (патрон отца Евфросиньи), Евфросиньи (патронесса заказчицы), Софии (очевидно, патронесса матери ее). На обратной стороне, кроме основателей православия — Иоанна Златоуста, Василия Великого и Григория Богослова (утеряно), а также изображения Петра и Павла, были изображения святых, мощи которых, по-видимому, удалось достать — Дмитрия, Стефана и Пантелеймона. Здесь же, внизу, драгоценная для нас мелкая надпись с именем мастера: «Г(оспод)и помози рабоу своемоу Лазорю нареченомоу Богъши, съделавъшемоу крьстъ сии цpькви святаго Спаса и Офросиньи» (рис. 62).

В отличие от эмалей Мстиславова евангелия, привезенных, как известно, из Византии, эмали пластин креста Евфросиньи с русскими надписями и русской подписью мастера делались одним и тем же ювелиром, привыкшим к выработке мелких ювелирных изделий, известных из кладов. Надпись боковых сторон, палеография которой не противоречит дате, следующая: «Въ лето 6669 (1161) покладаеть Офросинья чьстьный крестъ въманастыри своемь въ цркви святаго Спаса. Чьстьное дрѣво бесцѣньно есть, а кованье его злото и серебро и камѣнье и жьнчугъ въ 100 гривнъ а... (пропуск. — *Л. А.*) 40 гривнъ. Да нѣ изнесѣтьcя из манастыря никогда же яко ни продати ни отдати. Аще се кто прѣслоушаеть изнесѣть и от манастыря, да не боуди емоу помощьникъ чьстьный крестъ ни в сь вѣкъ ни (в) боуд... щий и да боудть проклятъ святою животворящею троицею и святыми отци 300 и и семию съборъ святыхъ отець и боуди емоу часть съ Июдою иже прѣда Христоса. Кто же дрьзнеть сътворити с... властелинъ или князь или пискоупъ или игоумѣнья или инъ который любо человекъ а боуди емоу клятва си. Офросинья же раба Христова сътяжавъши крестъ сий, прииметъ вѣчную жизнь съ все ... (ми святыми)». (Конец не сохранился, рис. 63). Наиболее пристального внимания заслуживает центральная часть текста, где сообщается цена отдель-

[78] А. М. Сементовский. Белорусские древности, стр. 106.

[79] Дальнейшую его историю, историографию и библиографию см. в указанной статье Л. В. Алексеева (Л. В. Алексеев. Лазарь Богша...).

[80] Вопрос о времени бытования шестиконечной формы подробно рассматривается в указанной статье Л. В. Алексеева.

ных работ, вложенных в изделие. Нет сомнения, что цена эта в древности представлялась необычайно высокой, иначе бы ее не имело смысла помещать на кресте и «уравновешивать» обширным и многословным заклятием. Б. А. Рыбаков предположил, что 40 гривен были платой мастеру в виде гонорара, так как в первой половине фразы перечислен весь материал, пошедший на изготовление креста[81]. Последнее не совсем строго, так как в тексте отсутствует упоминание об эмали (финифти), правда, ее цена могла войти в цену «кованья» или, скорее, «злата», потому что эмаль сделана на месте изготовления.

Текст представляет заклятие, как я уже выяснил, типичное для всех вкладных грамот домонгольской Руси[82]. Его несколько осложненная и утяжеленная различными ссылками (на семь Вселенских соборов, признаваемых православием и т. д.) форма объясняется, очевидно, особой дороговизной вкладываемого предмета.

Богша, несомненно, мирское имя, подобно тому, как отец заказчицы креста Георгий носил имя Святослав. Распространенное в западноевропейских странах в XII (1127, 1187) и XIII (1242) веках в форме Богуша, как сокращенное от Богуслав, оно известно и в зажиточных кругах Новгородской земли XIII в. (в форме Богъша)[83]. В синодальном списке Новгородской I летописи есть сообщение о гибели «Богъши» «рушанина» (жители Русы) в 1224 г.[84] Имя это дважды встречается и в новгородских берестяных грамотах XIII в.[85] (гра-

Рис. 62. Крест Евфросиньи Полоцкой 1161 г. Пластина с именем мастера Лазаря Богши

[81] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 512.

[82] Л. В. Алексеев. Лазарь Богша..., стр. 234, 235.

[83] М. Морошкин. Славянский именослов, или собрание славянских и личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867.

[84] Новг. 1, стр. 61.

[85] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте из раскопов 1952 года. М., 1954, стр. 68—70; Он же. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1953—1954 гг. М., 1958, стр. 47, 48. Грамота № 114 датировалась автором XII в., однако уточненная хронология ярусов Новгорода дает дату — 1197—1224 (Б. А. Колчин, Дендрохронология Новгорода. МИА, № 117, 1963, стр. 90).

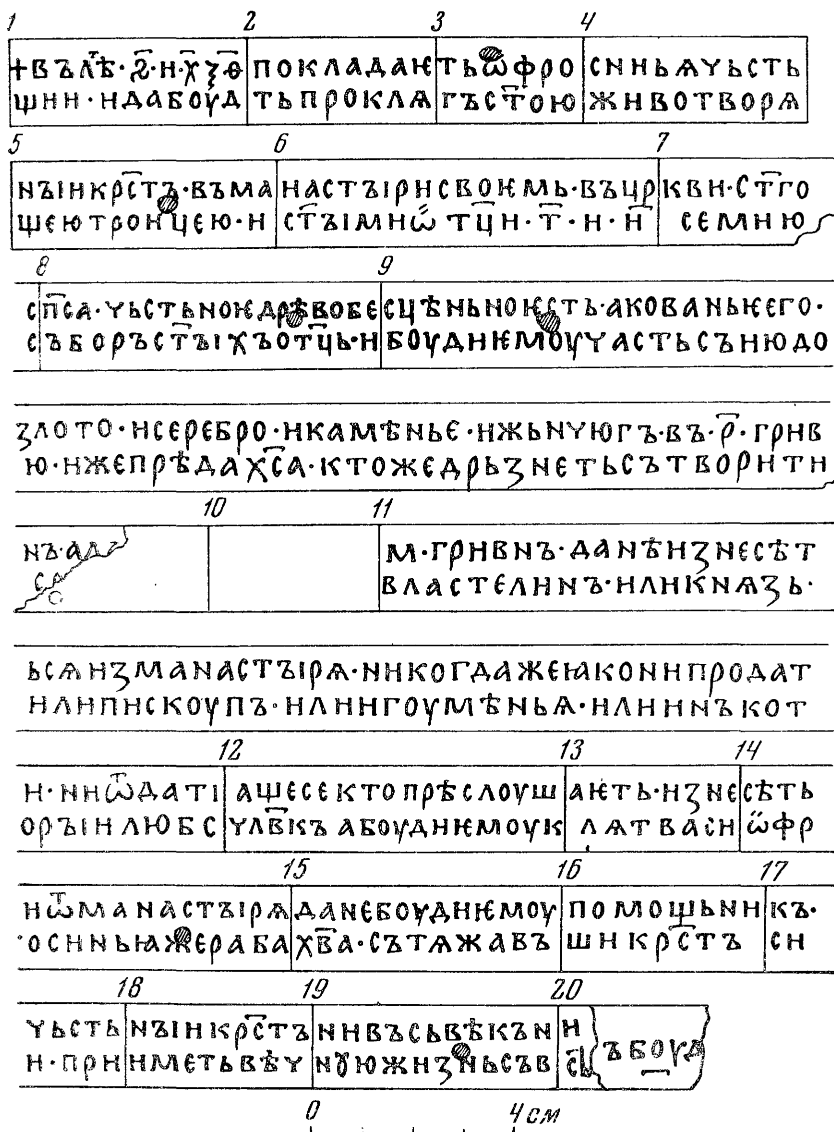


Рис. 63. Крест Евфросиньи Полоцкой 1161 г. Прорись надписей боковых сторон

моты № 68 и 114), а также в документах XVI в.[86], но чаще фигурируют у поляков[87]. Наконец, фамилии Богша распространены в Белоруссии и теперь[88]. В пользу русского происхождения мастера Богши может свидетельствовать и перевод греческой формулы «Господи, помози...» Все это позволяет считать, что Лазарь Богша, подобно своим тезкам XIII в. из Руси и Новгорода, был русским мастером, опытным ювелиром, поставлявшим свои изделия полоцким феодалам.

Каково было социальное положение этого мастера? Ясно, что он был свободным ремесленником, иначе имя его не стояло бы на кресте полоцкой княжны. Если следовать чтению боковой надписи, предложенной, как мы указывали, Б. А. Рыбаковым, и считать, что последняя цифра 40 гривен — цена работы (некоторые сомнения в таком чтении были высказаны выше), то Лазарь Богша предстанет в качестве зажиточного ремесленника-ювелира, труд которого ценился в древности и был довольно высоко оплачиваем. Работы его по выделке креста оценивались так же, как работы по мощению 8000 локтей деревянной мостовой[89]. Если даже вычесть сумму, которую он должен был уплатить своим помощникам-подмастерьям (она вряд ли превышала треть стоимости работы), сумма, оставшаяся у мастера, все равно представлялась сравнительно высокой. Мастер этот, хорошо знакомый не только с техникой эмали в древней Руси, но и с художественной стороной эмальерного искусства (излюбленные орнаментальные мотивы своего времени и т. д.), сделал крест по заказу Евфросиньи в том отчасти светском стиле, который для него был более привычным по выработке мелких художественных ювелирных изделий.

Итак, «аристократическое» прикладное искусство Полоцкой земли XII в. (о других видах его у нас пока нет подробных данных) полностью стояло на уровне требований своего времени и использовало лучшие традиции и достижения прикладного искусства всей Руси. Тесные прямые связи Полоцкой земли с Византией, о которых свидетельствует также крест Евфросиньи[90], поддерживались, несомненно, не только существовавшими во всей Руси торговыми, культурными и религиозными связями

[86] Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. ЗОРСА, т. VI. СПб., 1903, стр. 113.

[87] Подобные имена были мною собраны по различным сведениям и документам (Л. В. Алексеев. Лазарь Богша..., стр. 241, прим. 11). Фамилии Богша, Бокша, по свидетельству Ходаковского, были распространены еще в начале XIX в. в Слуцком у. Минской губ. («Путевые записки 1821 г. Петра Кеппена». Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 30, оп. 1, № 136, стр. 20).

[88] Указание К. М. Поликарповича.

[89] М. В. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. I. СПб. — Киев, 1908, стр. 29; «Русская Правда», М.—Л., 1940, стр. 114, 115 (Троицкий вид).

[90] Модные в то время новшества: шестиконечная форма креста (вторично вошедшая в обиход в Византии при Комненах, см.: А. В. Алексеев. Лазарь Богша,

с этой передовой страной, но и непосредственным родством полоцких князей с византийским[91]. Не следует забывать, что молодость большей части изгнанных князей прошла в этой стране.

Христианская идеология, просвещение и письменность

Просвещение и письменность проникали на Русь из Византии вместе с новой идеологией феодализма — христианской религией, почему их и следует рассматривать одновременно. Идеологическая жизнь Полотчины конца X—начала XI в. прошла, очевидно, в ожесточенной борьбе христианства с язычеством. Город христианизировался первым, начиная с княжеско-боярских верхов. Христианкой, судя по поздним, правда, документам, была уже Рогнеда[92], а также сын ее и Владимира — Изяслав[93]. Есть некоторые основания полагать, что епископская кафедра была основана в Полоцке около тысячного года[94]. В начале XI в. в Полоцке возникают еще, по-видимому, первые деревянные православные храмы. Деревня долго сопротивлялась христианизации и чем далее от центров, тем, по-видимому, упорнее. В окрестностях Полоцка и Друцка мы встречаем лишь курганы с сожжением, а погребения с трупоположением если и есть, то почти без вещей. Эта же картина, очевидно, наблюдается и у Витебска[95]. Борьба с языческой деревней христианских миссионеров отразилась в белорусском фольклоре и проходила, видимо, вовсе не так идиллически мирно, как это представлялось А. П. Сапунову[96]. Наряду с преданиями об ушедшей в землю церкви, о святых озерах[97], куда свергались «кумиры», в Белоруссии сохранились предания о силачах («оселках»), которые, внезапно появившись в крае, разрушали множество церквей (очевидно, языческих храмов, капищ). Места, где они стояли, еще чтились населением в XIX в. (туда не гоняли скот, там воз-

стр. 240) немедленно отразилась в Полотчине: крест Евфросиньи, Борисовы камни и т. д.

[91] Как известно, дочь Всеслава Полоцкого (тетка Евфросиньи) была замужем за Мануилом Комниным, что способствовало получению Евфросиньей от Мануила подарка — Эфесской иконы Богоматери, написанной, по преданию, евангелистом Лукой.

[92] ПСРЛ, т. XV, стр. 112, 113.

[93] ПВЛ, т. I, стр. 83.

[94] Niesiecki. Kronika polska. Metropolia Ruska. I. Lwów, 1728, стр. 92.

[95] А. К. Супінскі. Магільнік каля вескі Лятох Віцебскага раисну й I акругі. Сб. «Віцебшчына», т. I. Витебск, 1925, стр. 18—21.

[96] А. П. Сапунов. Исторический очерк Витебской Белоруссии. Полоцко-витебская старина, кн. I. Витебск, 1911, ч. I, стр. 17.

[97] А. Е. Богданович. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Гродно, 1895, стр. 27; Е. П. Казанович. Легенда о святом озере в Белоруссии. «Живая старина», 1915, стр. 273—276; «Святые озера» в северной части Минской губернии встречаются в Борисовском и в Слуцком уездах («Труды Минского статистического комитета», 1870, стр. 193, 282).

двигали кресты и крестились, проходя мимо)[98]. Однако в княжеско-боярской среде XI в. языческие реминисценции были, вероятно, необычайно еще сильны. Еще в 20-х годах XI в. к новорожденному Всеславу Полоцкому, как известно, приглашались волхвы[99], по совету которых этот князь, родившийся «в рубашке», носил ее на себе всю жизнь как талисман. Распространение этого обычая и в XII в. подтверждает «Вопрошание Кирика»[100].

Постройка каменной Софии в Полоцке (1044—1066 гг.) и необходимость ее оснащения богослужебным реквизитом сопровождались ведущимися, очевидно, еще с языческих времен, варварскими методами, весьма далекими от христианских заповедей. Всеслав Полоцкий, например, ворвавшись в Новгород, грабил его соборы и снимал колокола, что с возмущением вспоминали в Новгороде еще и в XII в. Христианство проникло глубже в среду господствующих классов в конце XI—начале XII в. Сын Всеслава, набожный Глеб Минский, в 1108 г. отстроил в Киево-Печерском монастыре трапезную, вместе с женой вкладывал в него огромные ценности и начал возведение храма в своем Минске. С именем другого сына Всеслава — Бориса связывается названный его именем ансамбль Бельчицкого монастыря. В каком-то женском монастыре была пострижена вдова еще одного сына Всеслава — Романа, который, возможно, его и основал.

Оживление церковного строительства в начале XII в. и, следовательно, укрепление новой идеологии в Полоцкой земле, объясняет причину появления на страницах летописей имени епископа Мины, при котором все это произошло и которому летописец Южной Руси, по-видимому, был обязан многими сведениями о Полоцкой земле.

Житие Евфросиньи Полоцкой, дошедшее до нас, правда, в списках XVI в., — единственный источник сведений о религиозной, культурной жизни Полоцка периода, следующего за описанным. Теперь, в 20—40-х годах XII в., христианская идеология проникает в среду господствующих классов еще более. Немалую роль в этом сыграли, вероятно, и княжеские семьи, вернувшиеся в 40-х годах из византийской ссылки. В Полотчине получают распространение идеи подвижничества, монастырской аскезы. Переводы с греческого большей частью, по-видимому, религиозно-нравственного содержания, которые с усердием переписываются Евфросиньей Полоцкой в период ее первоначального затворничества в полоцкой Софии, — дошедшее до нас свидетельство все возрастающей потребности в книге в Полоцкой земле в это время. Однако полоцкая просветительница, очевидно, не была слепой поклонницей Византии, с которой ее связывали

[98] П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. II. СПб., 1893, стр. 424.

[99] ПВЛ, т. I, стр. 104.

[100] А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. III, стр. 602.

еще и узы родства с императором. С ее одобрения вблизи Полоцка дерзновенно поднялся храм, резко порывавший с византийским каноном и утверждавший своим появлением первые самостоятельные высоты молодого русского храмоздательного искусства. Так византийское просвещение, попадавшее в Полотчину по прямым каналам, в XII в. стало приобретать свои русицизированные черты. В это время в Полоцке, как и во многих других древнерусских центрах, появилось, вероятно, и свое летописание. Здесь, следовательно, также возник интерес к местной истории. Главным культурным центром страны стала полоцкая София. Здесь «спасалась» Евфросинья Полоцкая, занимаясь перепиской и распространением книг, здесь, по-видимому, в это время были заложены основы ценной и знаменитой библиотеки. «В глазах образованных людей, — отмечал Р. Гейденштейн, описывая взятие Полоцка Баторием в 1579 г., — почти не меньшую ценность, чем вся остальная добыча, имела найденная там библиотека. Кроме летописей (!), в ней было много сочинений греческих отцов церкви...» Полоцкие летописи, хранившиеся в XVI в. в Софийском соборе, по-видимому, были, по свидетельству Р. Гейденштейна[101], уничтожены. Лишь некоторые отрывки из них дошли до XVIII в. и попали в Еропкинский список, который недолго находился в руках у В. Н. Татищева. Достоверность конспективных выписок из него; сделанных этим автором, почему-то подвергается сомнению.

Обратимся к непосредственным свидетельствам домонгольской письменности Полоцкой земли. К сожалению, документы, составленные в Полоцкой земле домонгольского времени, как и летописи, не сохранились. Часть погибла также в Софийском соборе (1579 г.), другая часть, хранившаяся в Бельчицком монастыре еще в начале XIX в.[102], бесследно исчезла уже теперь. Подобная же участь постигла в XIX в., вероятно, и архивы других монастырей древней Полотчины[103]. Возможно, что с течением времени раскопки в Новгороде, Витебске и Смоленске, где уже найдены иногородние берестяные грамоты, выявят и документы, составленные в Полоцке. Единственная имеющаяся сейчас грамота с упоминанием Полоцка далеко не бесспорна[104]. Все же грамоты в Полоцке писались уже в X в., что подтверждает древнейшая русская печать с именем Изяслава Полоцкого (ум. 1001 г.), найденная в Новгороде (рис. 64, *1*) и посланная, видимо,

[101] Р. Гейденштейн. Записки о Московской войне. СПб., 1889, стр. 71.

[102] В рукописном дневнике путешествия по Белоруссии 1821 г. П. И. Кеппен упоминает хранившиеся в Бельчицах «древние грамоты», среди которых одна «какого-то Ярослава Изяславьича» (внук Ярослава Мудрого и дядя жены Глеба Минского (?). См. Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 30, оп. 1, № 136, стр. 23—24). Где эти документы теперь — неизвестно.

[103] В. Лялин. Витебский центральный архив. Сборник археологического института, вып. III. СПб., 1880, стр. 62.

[104] А. В. Арциховский и В. Н. Борковский. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1955 года. М., 1958, стр. 34—36; табл. VI.

Рис. 64. Свинцовые печати из Полоцкой земли

1 — печать Изяслава Владимировича (X в., раскопки в Новгороде); *2* — печать полоцкого епископа Дионисия (XII в., случайная находка; коллекция ГИМ)

туда подвешенной к какому-то княжескому посланию[105]. Печать «является первым по степени древности после гнездовской находки образцом славянского (точнее, восточнославянского. — *Л. А.*) письма»[106].

Свидетельствуют о распространении письменности в Полоцкой земле и другие эпиграфические материалы. В русле Западной Двины ниже Полоцка расположены четыре огромных камня с иссеченным на них шестиконечным крестом и однообразной надписью: «Г(оспод)и помози рабу своему Борису» (рис. 65 и 66). Еще два таких камня известны на суше у дер. Каменка в р-не Вилейки Минской обл. и у дер. Высокий Городец Толочинского р-на Витебской обл. Наконец, между Друцком и Оршей располагался еще один камень, так называемый Рогволодов, с надписью и датой: «В лѣто 6679 (1171) мая в 7 день доспен крест сий. Г(оспод)и помози рабу своему Василию, во крещении Рогволоду сыну Борисову» (ци-

[105] В. Л. Янин. Древнейшая русская печать X века. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 39—46.
[106] Там же, стр. 46.

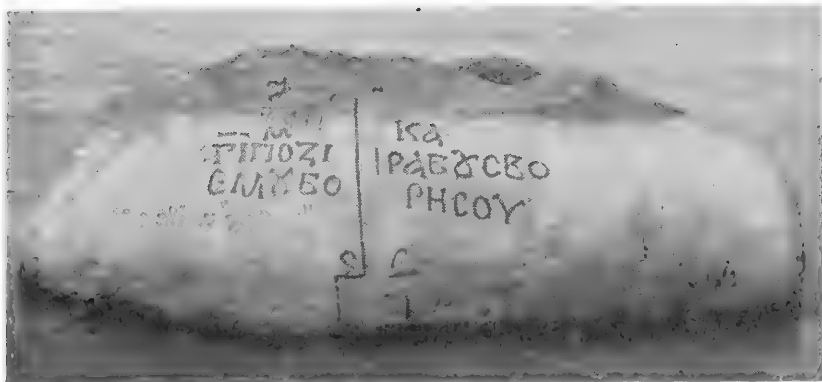


Рис. 65. Надпись на втором Борисовом камне (XII в.)

тирую по В. П. Тарановичу. — *Л. А.*)[107]. В русле Западной Двины находились еще два камня с надписями «Сулиборь хрьст», «Святополк — Александр»[108]. В вопросе о назначении камней единого мнения не было. Предполагалось, что камни эти отмечали границу, либо указывали мели на реке[109]. Оба мнения критики не выдерживают, так как большая часть камней расположена в Западной Двине и не совпадала с границей, а другая часть камней располагалась на суше вдали от этой реки и ее мелей. Недавно путем остроумных сопоставлений акад. Б. А. Рыбаков пришел впервые к убедительному решению. Широко известно, что очень крупные камни, лежащие на поверхности земли (и в воде), связывались народом со сверхъестественной силой и им поклонялись со времен неолита вплоть до XIX в. Доказав, что камни были связаны с борисоглебским циклом аграрных обрядов, хорошо известным у восточных славян, и отметив, что полоцкий князь Борис правил в Полоцке в 1127—1128 гг., в период, судя по новгородским летописям, необычайных неурожаев, Б. А. Рыбаков показал, что «огромные кресты и надписи, призывающие помощь бога его

[107] В. П. Таранович. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР. СА, вып. VIII, 1946, стр. 249—260.

[108] В. П. Таранович. К вопросу о древних лапидарных памятниках, стр. 255. К сожалению, многие из этих уникальных памятников ныне уже не существуют. «Святополк-Александр» уничтожен еще в 1818 г., один из Борисовых камней перевезен в ГИМ М. Ф. Кусцинским (А. М. Сементовский. Белорусские древности. СПб., 1890, стр. 97, 98), а Борисов камень в с. Высоком Городце и ценнейший датированный Рогволодов камень, как мне удалось установить в разведках, взорваны и свезены для постройки магистрали Москва—Минск в 1830-х годах.

[109] Сводку мнений см. в указ. соч. В. П. Тарановича.

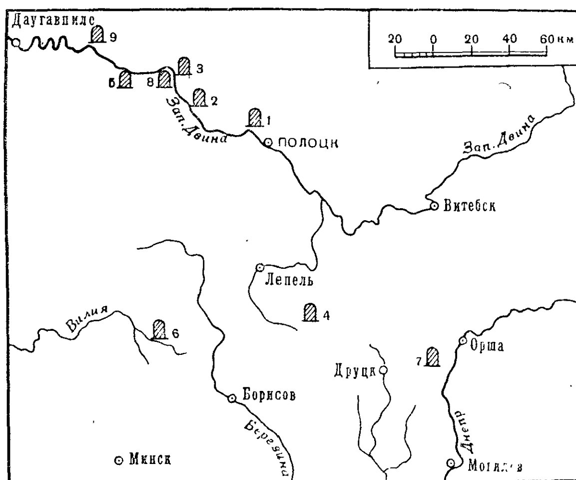


Рис. 66. Схема расположения камней с надписями XII в. в Белоруссии (по В. П. Тарановичу)

1 — Борисов камень у Полоцка; *2* — Борисов камень у д. Наковники; *3* — Борисов камень у д. Болотки; *4* — Борисов камень у д. В. Городец; *5* — Борисов камень у г. Друи; *6* — Борисов камень у д. Каменка; *7* — Рогволодов камень 1171 г.; *8* — «Сулиборкрест»; *9* — камень Святополк-Александр

рабу Борису», возникли весной 1128 г., в дни борисоглебских аграрных празднеств (2 мая), и призывали всевышнего дать урожай. Надпись на Рогволодовом камне была иссечена сыном Бориса Рогволодом в подражание своему отцу, вероятно, также в трудную для Рогволода минуту [110]. Назначение двух оставшихся камней не определено.

Перейдем к более мелким надписям.

В полоцких городах обнаружено 6 уникальных пряслиц с надписями: «Бабино пряслень» (Витебск, конец XI—начало XII в.), «ника» (Друцк,

[110] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. САИ, EI—44 М., 1964, стр. 26—27. В момент, когда печаталась эта книга, была опубликована интереснейшая для нас светская надпись, процарапанная в XII в., по-видимому, полоцким купцом в киевской Софии: «Воинегъ писалъ Журяговиць, полоцанин» (С. А. Высоцкий. Древние русские надписи Софии Киевской, вып. 1, Киев, 1966, стр. 59, табл. XXV, *1*). Хотя ее автор и не был достаточно тверд в правильном написании некоторых букв своего имени, все же он был грамотен и донес до нас древнеполоцкое цоканье, характерное для более северных районов. Позднее, в XIV в. (в соседней, также цокающей Смоленщине), слово «полочанин» произносилось, очевидно, без этой диалектной особенности (Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963, стр. 72). Воинег Журягович — первое некняжеское имя полочанина, дошедшее до нас.

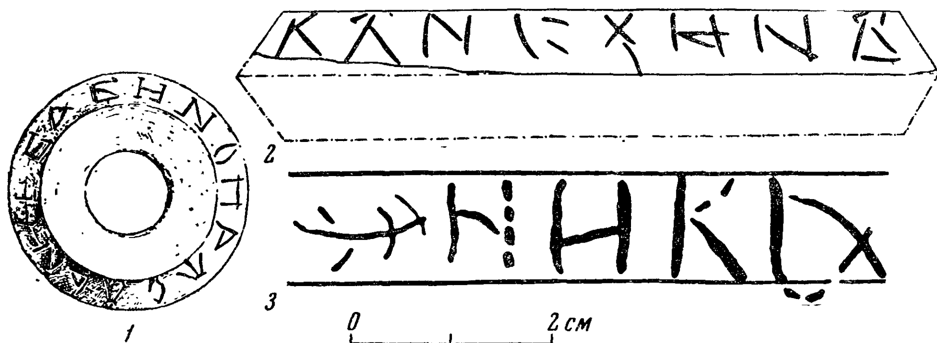


Рис. 67. Прориси надписей на пряслицах

1 — Бабино пряслень (Витебск); *2* — «къняжинъ» (Друцк); *3* — «ника» (Друцк)

XIII в.), «къняжинъ» (Друцк, XII—XIII вв.,)[111], три (рис. 67) именные надписи на пряслицах, по свидетельству Г. В. Штыхова, найдены им в Полоцке[112]. Крайне интересны печати, свидетельствующие о распространении в Полоцкой земле (вероятно, пергаментных) грамот. Так, в Новгороде вымыта дождем уникальная древнейшая на Руси печать, принадлежавшая полоцкому князю Изяславу (ум. 1001 г.). По степени древности это первый после гнездовской находки (X в.) образец восточнославянского письма (рис. 64, *1*)[113]. Следовательно, уже в конце X в. какие-то грамоты пересылались из Полоцка в Новгород. Существуют две печати-перстня с княжескими знаками и надписями: «КЗ ВСЛВ ПЛТСК» и «КЗ БРСЪ»[114]. Перстни могли принадлежать Всеславу Полоцкому (1044—1101 гг.) и Борису Всеславичу (ум. 1128 г.), как думает Г. В. Штыхов, однако в Полоцке княжил и другой Всеслав (1161, 1167, 1178 гг.) и другой Борис (Рогволодич, ум. после 1171 г.), и вопрос, может быть, будет решен только после тщательного анализа надписи. Княжеские вислые печати обнаружены в Полоцке при раскопках Г. В. Штыховым. Одна — с колончатой надписью «ИАГИА» (святая) и каким-то изображением на одной стороне и архангелом Михаилом — на другой. Другая — с изображением

[111] Л. В. Алексеев. Три пряслица с надписями из Белоруссии. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 129—132; Он же. Еще три шиферных пряслица с надписями. СА, 1959, № 2, стр. 243, 244, рис. 2.

[112] Г. Штыхау. Старажытнейшы на Руси. «Віцебскі рабочы», 1961, № 43.

[113] В. Л. Янин. Древнейшая русская печать X в. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 39—46; Он же. Вислые печати из новгородских раскопок. МИА, № 55, 1956, стр. 157, 158. В Гнездове найдена древнейшая русская надпись X в. («История культуры древней Руси», I. М, 1949).

[114] Г. В. Штыхов. Древний Полоцк. Минск, 1965, стр. 35. Автореф. канд. дисс

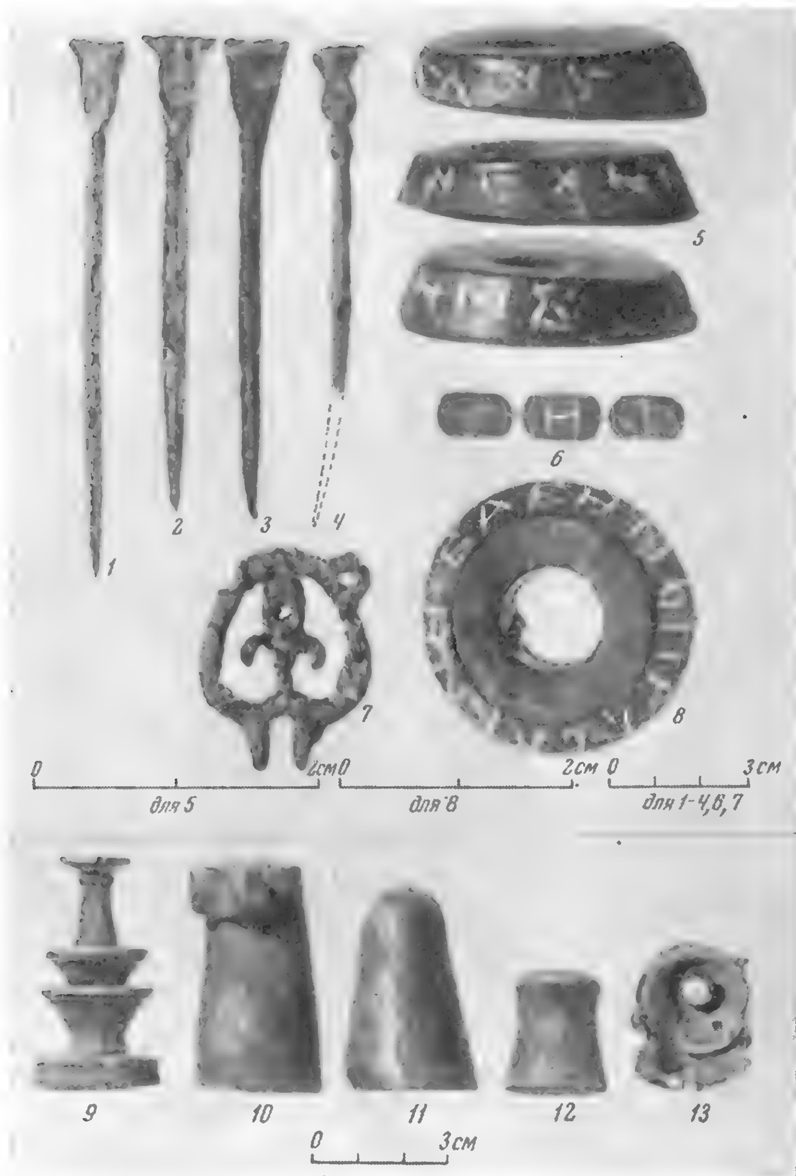
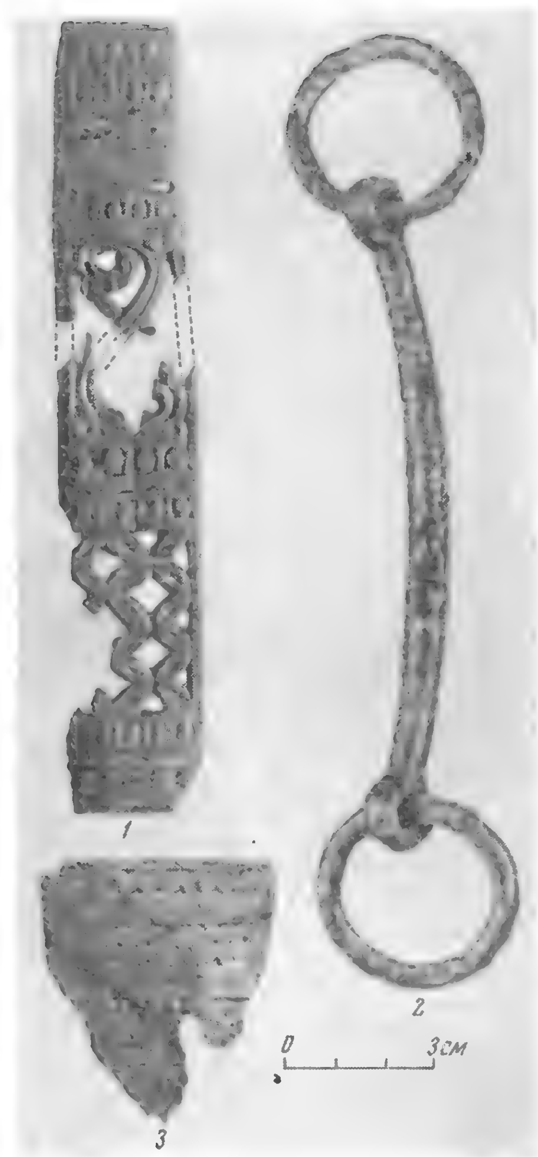


Рис. 68. Предметы, свидетельствующие о грамотности в Полоцкой земле. Шахматы

1—4 стили — («писала»); *5, 6, 8* — пряслица с надписями; *7* — застежка от книги; *9—13*—шахматы. *1, 4, 5, 6, 7, 9—13* — Друцк; *2, 3* — Браслав; *8* — Витебск

Рис. 69. Кочевнические предметы из Полоцкой земли

1, 3 — костяные накладки колчана; *2* — удила. *1* — Минск; *2* — Браслав; *3* — Друцк



Георгия и Софии и соответствующими надписями. Любопытно, что точно такая же печать найдена в Кукенойсе [115]. Может быть, прав Г. В. Штыхов, предполагая, что обе печати могли принадлежать матери Евфросиньи Полоцкой, которую звали София [116] (отец, как известно, был Георгий). По-видимому, из Полоцка происходит печать (рис. 64, 2) с именем полоцкого епископа Дионисия (ум. 1183 г.), который к тому же, по свидетельству В. Л. Янина, запечатлел свое имя на страницах Изборника Святослава 1073 г.[117]

О грамотности в Полотчине свидетельствуют и 11 «стилей» (писал) для письма на восковых дощечках, найденных в Минске (шесть), в Друцке (три) и в Браславе (две) [118]. Этот род письменности, следовательно, был

[115] A. Studavs. Jauni archeologiski dati par seno Koknesi. Dabas un vestures Kalendars 1964. Riga, 1963, рис. 3, 5.

[116] Л. В. Алексеев. Лазарь Богша...

[117] Печать хранится в ГИМ.

[118] А. Ф. Медведев. Древнерусские писала X—XV вв. СА, 1960, № 2, стр. 66, 67.

распространен там даже в мелких городах, как и чтение книг. Их распространению способствовала, например, Евфросинья Полоцкая, занимаясь перепиской. В Минске и Друцке обнаружены разнообразные книжные застежки, одна из которых даже уникальна (рис. 68, 4) [119].

Мы видели, что памятники архитектуры, живописи и прикладного искусства свидетельствуют о культурных связях (может быть, не всегда непосредственных) Полоцкой земли с Киевом, Новгородом, Византией и, возможно, с Западной Европой. В нашем распоряжении есть некоторые данные о каких-то культурных влияниях на Полотчину и кочевников степного юга. Летописи многократно упоминают совместные походы русских и кочевнических войск на далекий север и запад. Вблизи Полоцка, под Стрежевом, в 1128 г. побывали торки, под Пинском и на левобережье Припяти — берендеи (1158 г.), под Минском — снова торки (1160 г.), под Друцком — половцы (1180 г.) и т. д.[120] Поселение в стране пленных кочевников отразилось в топонимике Белоруссии и соседних земель [121]. Ясно, что некоторые кочевнические вещи или вещи, сделанные по их образцу, найдены и в раскопках. Мы уже описывали роскошный набор высокохудожественных костяных пластин из Мстиславля, где в значительной мере доминировали кочевнические особенности [122]. В собственно Полоцкой земле (в Браславе), в слое первой половины XI в., найдены характерные более всего для печенежских древностей X—XI вв. удила без перегиба (рис. 69, *2*) [123], в Минске, в слое конца XIII в., — ажурная костяная пластина, сделанная явно в подражание накладкам кочевнических колчанов (рис. 69, *1*), наконец, в Друцке, в слое XIII в. обнаружена кочевническая накладка (рис. 69, *3*) [124].

* * *

Итак, в эпоху домонгольской Руси городская культура Полоцкой земли прошла сложный путь развития. При прочной древнерусской национальной базе она впитывала культурные достижения передовой Византии, соседних стран (Прибалтики и др.) и частично даже кочевников.

[119] Застежки обыкновенные, подобные найденным в Минске и Друцке, известны во многих древнерусских городах (ПВЛ, II, стр. 377 рис.).

[120] ПСРЛ, II, стр. 491—492, 505, 620.

[121] Л. В. Алексеев. Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии. СА, 1962, № 4, стр. 205, прим. 35.

[122] Там же.

[123] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958, стр. 156.

[124] Подробнее см. Л. В. Алексеев. Художественные изделия косторезов...

6

Феодальные войны и политическая история

Полоцкая земля в IX — первой половине XI в.

Политическая история Полоцкой земли и войны ее князей за перераспределение феодальной ренты — область, более других разработанная в исторической литературе, что объясняется прежде всего количеством сохранившихся письменных источников. Однако уровень современной науки требует нового рассмотрения источников и нового осмысления исторических явлений.

Ранний период политической истории Полоцкой земли освещается лишь немногими летописными сообщениями. Из первого, наиболее легендарного, выясняется, что при раздаче Рюриком своих земель один из его ставленников в 862 г. получает Полоцк [1]. Поздняя Никоновская летопись дополняет (относя события к 865 г.), что в этот год киевские князья Аскольд и Дир «воеваша ... полочанъ и много зла сътвориша» [2]. У нас нет оснований не верить этому сообщению, к тому же слишком краткому и незначительному, чтобы быть выдуманным. Чем кончился поход князей и какое зло (и кому) они причинили — неизвестно. Во всяком случае ясно, что уже в IX в. Киев ревниво следил за событиями в Полоцкой земле, расположенной на важнейших торговых коммуникациях (к этому времени вполне освоенных — вспомним четыре клада восточных монет середины

[1] ПВЛ, т. 1. М.—Л., 1950, стр. 18.
[2] ПСРЛ, т. IX. М., 1965, стр. 9.

IX в.), и захват Полоцка варяжскими ставленниками в планы Киева никак не входил.

После убийства Олегом Аскольда и Дира и захвата Киева (882 г.) Олег, по сообщению летописи, «нача городы ставити, и устави дани словѣноѣ, кривичемъ и мери...»[3]. Термин «устави», по наблюдению Б. Д. Грекова[4], показывает, что речь шла не о подчинении этих племен, а об упорядочении дани, которое, возможно, и заключалось в возведении на их территории укреплений («городов») — центров обложения. Сюда, очевидно, следует отнести и Полоцкую землю, которая дольше других земель воспринималась как кривичская земля, а ее князья — как князья кривичские[5]. В том же (вопреки утверждению Б. Д. Грекова[6]) зависимом от Киева положении находилась Полоцкая земля и в X в. По сообщению Константина Багрянородного, южнорусские князья ездили в «полюдье» к кривичам, куда, вероятно, относились и полоцкие кривичи[7]. Во всяком случае, с кораблями других городов, подчиненных Олегу («под Олгом суще»), в 907 г. полоцкие корабли подплывают под стены Константинополя и берут с него контрибуцию[8].

Как долго Полоцк находился под властью Киева, мы не знаем. По собщению летописи, в 980 г. в нем сидел какой-то Рогволод, который пришел «и-заморья»[9]. Имя Рогволод находит соответствие в скандинавских языках (Рогвольд), однако может быть объяснено и из русского (володетель рога — мыса). Имя же Рогнеда как будто бы ближе к скандинавскому (Ragnheidr, Rgrneidr)[10]. Никаких данных, опровергающих иностранное происхождение Рогволода, наши источники не знают, и мы не можем вслед за А. Н. Насоновым считать его выходцем из местной родоплеменной знати[11]. Захват Полоцка варяжским князем надлежит отнести к 60—70-м годам X в. или даже к его середине, так как в договоре Игоря с греками 945 г. при перечислении тех же городов, что и в договоре 907 г., Полоцк уже не назван[12].

Переходя к событиям в Полоцке 980 г. (А. А. Шахматовым доказано, что они происходили в 970 г.[13]), летописец передает известную легенду

[3] ПВЛ, т. 1, стр. 20.

[4] Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 298; ПВЛ, т. II, стр. 253.

[5] ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 292, 521.

[6] В. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 291.

[7] А. Н. Насонов. «Русская Земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 149, 151, Б. А.

[8] ПВЛ, т. I, стр. 23, 24.

[9] ПВЛ, т. I, стр. 54.

[10] Е. А. Рыдзевская. К варяжскому вопросу. «Известия АН СССР», сер. VII, 1934, № 7, стр. 517.

[11] А. Н. Насонов. «Русская Земля...», стр. 146.

[12] ПВЛ, т. I, стр. 36.

[13] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 173—175. Уже В. Н. Татищев доказывал, что описываемые события про-

о сватовстве Владимира Святославича, получившую распространение уже в его время и дошедшую до наших дней в былинах «Женитьба Владимира» и «Дунай»[14]. Большинством исследователей признано, что легенда вставлена в летописный текст 890 г. позднее и не совсем умело. Помимо краткого изложения сказания, помещенного под этим годом, Лаврентьевская летопись сохранила под 1128 г. другой, более древний его вариант (А. А. Шахматов), со значительными бытовыми подробностями[15].

Исходя из обоих вариантов, события развивались следующим образом. Захватив власть в Новгороде с помощью своего дяди Добрыни, юный Владимир Святославич решает отвоевать у брата Ярополка Киев и предварительно сватается к дочери Рогволода Рогнеде в Полоцк. Содержащаяся в ее отказе фраза «Ярополка хочу» указывает, что Полоцк уже был связан с Киевом и что сватовство, очевидно, преследовало цель его мирной нейтрализации в предстоящей борьбе. Полоцк был взят приступом, а содержащиеся якобы в отказе Рогнеды оскорбления Владимиру и его дяде Добрыне «не хочу розути робичича» (т. е. сына рабыни; которой была мать Владимира, сестра Добрыни) были причиной жестокой расправы победителей с полоцкой княжеской семьей (насилие Владимира над Рогнедой при ее родителях и затем убийство последних). Рогнеда, взятая насильно в жены Владимиру, по сообщению летописи, с этим примириться никогда не могла, и после неудачного покушения на жизнь Владимира была им выслана с малолетним сыном Изяславом в отстроенный для него город Изяславль в Полоцкой земле (современный Заславль под Минском), а всего вероятнее, в Полоцк. Так повествует летопись, используя устную боярскую легенду семи поколений рода Добрыни[16], и видит в ней причину извечной борьбы полоцких и киевских князей в позднейшее время. Как ни легендарны начальные сведения летописи, из них можно заключить, что до захвата Полоцка Владимиром этот город, несмотря на правящего в нем иноземца Рогволода, политической ориентировки на Киев (расположенный на другом конце его жизненно важной торговой артерии) не терял. Вскоре после разгрома Полоцк был восстановлен, вместо разрушенного детинца на новом месте появился, как говорилось, новый детинец,

исходили не в 980, а в 975 или 976 г. (В. Н. Татищев. История Российская..., II., М.—Л., 1963, стр. 226, прим. 156).

[14] Исследованиями Б. Соколова выяснена дальнейшая судьба сказания о Владимире и Рогнеде. С переходом Полоцкой земли к Литве (XIII в.) место действия в былинах было перенесено в Литву, а еще позднее вместо Рогволода появился литовский король. Осталось имя Владимира и Добрыни, но Рогнеда была заменена канонизированной в Полоцке Евфросиньей-Настасьей (Анастасия се христианское имя) и т. д. В XVI в. былины о женитьбе Владимира приобрели свой окончательно современный вид (Б. Соколов. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира». УЗГСУ, вып. 3. Саратов, 1923).

[15] ПВЛ, т. I, стр. 54; ПСРЛ, т. I, вып. 2. Л., 1927, стр. 299, 300.

[16] Д. С. Лихачев. Устные летописи в составе «Повести временных лет». ИЗ, вып. 17, 1945, стр. 201—224.

в котором вскоре поселилась особая полоцкая династия князей, родственная по отцовской линии киевской, но в наследовании киевского стола, как увидим, ими обойденная.

Последующие четыре десятилетия не приносят каких-либо важных сведений о Полоцкой земле конца X—начала XI в. Летописи сообщают лишь о смерти Рогнеды (1000 г.), ее сына Изяслава (1001 г.) и, вероятно, малолетнего, внука Всеслава (1003 г.)[17]. Описанная выше вислая печать Изяслава Полоцкого, найденная в Новгороде, свидетельствует о каких-то связях Полоцка и его князей с Новгородом в это время. Попутно укажем, что утверждению некоторых ученых о постройке в Полоцке в 1007 г. церкви Богородицы основано на ошибке новгородского летописца[18] и действительности не соответствует.

Если княжение Владимира Святославича в Киеве (980—1015 гг.) было временем высшего подъема Киевского раннефеодального государства, когда князю удавалось с успехом осуществлять обе главнейшие функции государства — внутреннюю и внешнюю[19], то в последующее время, с дальнейшим экономическим ростом периферийных центров, начался процесс политического распада Киевской Руси. Может быть спорным вопрос о том, относится ли сюда действительно отказ Ярослава Новгородского платить дань Киеву (1015 г.), как это полагал Б. Д. Греков, однако совершенно безусловно это явление впервые проявилось на несколько лет позднее в Полоцкой земле, расположенной на сети самостоятельных водных путей, способствовавших ее раннему экономическому развитию. Под 1021 г. летописец сообщает: «Приде Брячиславъ (Изяславич Полоцкий. — *Л. А.*) ...на Новъгородъ и зая [занял. — *Л. А.*] Новъгородъ и поимъ [пленил. — *Л. А.*] новгородцѣ и имѣнье ихъ поиде Полотьску опять. И пришедшю ему к Судомири рѣцѣ, и Ярославъ ис Кыева въ 7 день постиже и ту [настиг его там. — *Л. А.*]. и побѣди Ярославъ Брячислава и новгородцѣ вороти Новугороду, Брячиславъ же бѣжа Полотьску». По каким-то источникам Софийская 1 и Воскресенская летописи дополняют: «И оттолѣ [Ярослав. — *Л. А.*] призва к себѣ Брячислава и давъ ему два города Въсвячь [Усвят] и Витбескъ [Витебск] и рече ему: „буде же со мною за один" и воеваша Брячиславъ с великимъ Ярославомъ [вместе. — *Л. А.*]

[17] ПВЛ, т. I, стр. 88. Никоновская летопись сопровождает сообщение о смерти Изяслава хвалебной некрологической записью (ПСРЛ, т. IX, М., 1965, стр. 68), ошибочно отнесенной В. Н. Татищевым к смерти Всеслава (В. Н. Татищев. История Российская..., стр. 69).

[18] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 533. В Новгородской летописи (стр. 168) указано: «Принесени *си*» (т. е. якобы останки умерших полоцких князей) в св. Богородицю», вместо «принесении *святии*» в Десятинную церковь Киева, как в «Повести временных лет» (ПВЛ, т. I, стр. 88; ПСРЛ, т. II, стр. 114). В. Н. Татищев, вероятно, правильно предполагал, что речь шла об иконах из Византии (В. Н. Татищев. История российская..., стр. 69).

[19] Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 466.

вся дни живота своего»[20]. В войне принимали участие норманнские наемники, и события отразились в скандинавской саге, сложенной немедленно по возвращении воинов домой и записанной в XII—XIII вв.[21] Норманны, оказывается, под командой Эйдмунда сначала служили три года Ярославу (1016—1019 гг.), и после его победы над Святополком, чем-то обиженные, ушли к врагу Ярослава — Брячиславу. Желая отомстить первому, Эйдмунд уговаривает Брячислава напасть на Новгород, что и было сделано, и в руки победителей якобы даже попала новгородская княжна Ингигерда. Дальнейшее изложение саги фантастично: по-видимому, разграбив город, норманны оставили Брячислава и дальнейшими событиями на Руси не интересовались[22].

Причину событий 1021 г. исследователи пытались видеть в претензии Брячислава на некоторые полоцкие территории[23] (Д. И. Иловайский), в его желании получить Витебск и Усвят (М. В. Довнар-Запольский) и даже в притеснении его со стороны Турова (Н. Полевой). А. И. Лященко предполагал, что Усвят и Витебск ранее были отняты у Полоцка Ярославом[24]. Действительный смысл борьбы этих князей впервые вскрыл А. Н. Насонов[25]. В ней он увидел притязания экономически растущего Полоцка на ключевые позиции одного из ответвлений пути «из варяг в греки» — витебский, — где скрещивался этот путь с западнодвинским, и второй — Усвятский волок, контролировавший весь путь. Ранняя Полотчина довольствовалась описанным в своем месте главным ответвлением пути — Днепр—Западная Двина, теперь растущая экономика требовала выходов и на север. С помощью варягов Новгород был взят, но и после их ухода полоцкий князь, по-видимому, представлял уже столь внушительную силу, что киевскому князю было выгодно купить союз с ним любыми средствами. Так, за разграбление Новгорода Брячислав не только не был наказан, но и получил требуемое им приращение территории на важнейших частях водного пути.

Полоцкая земля во второй половине XI в.

Во второй половине XI в. исторические условия древнерусского государства сложились таким образом, что экономически крепнущему Полоцкому княжеству противостояла раздираемая внутренними противоречиями

[20] ПВЛ, т. I, стр. 99; ПСРЛ, т. V, стр. 134; ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 328.

[21] О. И. Сенковский. Собрание сочинений, т. V. СПб., 1858, стр. 421—573; А. И. Лященко. «Eymundar Saga» и русские летописи. «Изв. АН СССР», 1926, № 12, стр. 1061, 1081—1086.

[22] А. И. Лященко. «Eymundar Saga...», стр. 1085, 1086.

[23] Подробнее см.: В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли, стр. 62, 63, прим. 11.

[24] А. И. Лященко. «Eymundar Saga...», стр. 1084.

[25] А. Н. Насонов. «Русская земля»..., стр. 151.

сильно расшатанная Киевская Русь, вступившая на путь феодального дробления. Если при Владимире I и Ярославе сказалось только незначительное тяготение отдельных земель к обособлению, то во второй половине XI в. экономическое развитие ведущих центров периферии Киевской державы привело к их решительному столкновению с Киевом. Киевское государство политически распадалось, и киевским князьям ничего не оставалось, как шаг за шагом отступать перед надвигающейся неизбежностью: в 1054 г. завещание Ярослава выделило его сыновьям главнейшие древнерусские центры, в 1097 г. Любечский съезд окончательно закрепил самостоятельность мелких. Полоцкое княжество, мы видели, было первым, вступившим на этот путь. Если в первой половине XI в. киевские князья еще сдерживали его сепаратистские устремления, то во второй его половине положение изменилось, и Полоцкое княжество надолго стало основным политическим врагом Киева.

Первые десятилетия правления Всеслава Полоцкого (1044—1064 гг.)

Вторая половина XI в. и связывается с именем крупнейшего политического деятеля Полотчины князя Всеслава Полоцкого. Уже у современников эта необычайная личность вызывала удивление и казалась загадочной; его рождение еще при его жизни связывалось с волхованием, чародейством. В летописном сообщении о смерти Брячислава и о вступлении Всеслава на полоцкий стол [26] мы встречаем и отголосок какой-то легенды, может быть, прообраза былины Кирши Данилова о богатыре Волхе Сеславиче и какие-то конкретные реальные черты легендарного князя, написанные его современником. Сам характер текста, ужас, который внушал полоцкий князь тем, что «немилостив был на кровопролитье», заставляет нас, вслед за А. А. Шахматовым, относить вторую часть рассматриваемого отрывка к Новгородскому летописанию. Кому, как не новгородцу, так хорошо была известна грабительская разрушительная деятельность полоцкого соседа, многократно поджигавшего Новгород, опустошавшего в городе все — вплоть до реквизита церковного богослужения (даже колоколов). Киев знал другого Всеслава: Всеслава — послушного участника похода на торков в 1060 г., Всеслава, побежденного на Немиге, хитростью заманенного в плен и в течение двух лет томившегося с сыновьями в «порубе», наконец Всеслава, всплывшего на гребне волны народного восстания, прозимовавшего в Киеве в качестве

[26] «В се же лѣто [1044 г.] умре Брячиславъ, сын Изяславль, внукъ Володимерь, отецъ Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, его же роди мати от въолховованья. Матери бо родивши его бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: «Се ӑзвено навяжи на нь да носит е до живота своего», еже носить Всеславъ и до сего дне на себѣ; сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье (ПВЛ, т. I, стр. 104).

великого князя и бесславно бежавшего в Полоцк при первом же столкновении с возвратившимся Изяславом. Новгород знал князя-врага, князя-победителя, неожиданно появлявшегося под его стенами и также неожиданно исчезавшего. Киев знал князя-мученика, страдальца, ловкого политика и интригана (1073 г.). Киев знал человека; Новгород знал «сверхчеловека», оборотня, походы которого видел предначертанными в знамениях. Почти все летописные сообщения о Всеславе (и даже в киевской летописи) либо непосредственно связывают его с волшебством (1044 г.), либо здесь же сообщают о каких-либо знамениях.

Прокняжив в Полоцке 57 лет и, следовательно, сев на княжеский стол совсем молодым, первое двадцатилетие Всеслав еще не включался в общекиевские дела. Лишь однажды его дружины громят торков (1060 г.) вместе с дружинами Ярославичей. С 60-х годов XI в., когда Всеслав достаточно усилился, начинается его самостоятельная тридцатишестилетняя энергичная деятельность, проведшая его от Полоцка до Финского залива и до Тмутаракани, от заключения в «порубе» — до киевского великокняжеского стола и оборванная лишь его смертью (1101 г.).

Первый удар был задуман удачно: Ярославичи были заняты борьбой с Ростиславом Тмутараканским. Именно на годы этой («поча рать копити»)[27] борьбы падает активнейшая деятельность Всеслава на севере. В 1065 г. он нападает на Псков, в 1066 г. разоряет Новгород. Только обеспечив себе безопасность на юге, Ярославичи могли кинуться на усмирение зарвавшегося полоцкого князя. Борьба с Ростиславом заняла не только 1064 и 1065 гг., как это принято считать, но и весь мартовский 1066 г. (так как Ростислав умер только 3 февраля 1066 г.). Смерть воинственного племянника от руки подосланного убийцы развязала Ярославичам руки[28]. Битва на Немиге через месяц («3его марта 1067 г.») должна была примерно наказать полочан.

Всеслав, возможно, не рассчитывавший на столь быструю развязку в Тмутаракани, узнал о походе южнорусских князей с опозданием. Он бросился к своим южным границам, но было уже слишком поздно: Ярославичи разоряли Минск, на подступах к которому тогда же, в 1067 г., на р. Немиге произошла знаменитая кровопролитная битва: «и совокупишася обои на Немизѣ, мѣсяца марта в 3 день, — пишет летописец, — и бяше снѣг великъ, и поидоша противу собѣ. И бысть сѣча зла и мнози

[27] Новг. 1. М., 1950, стр. 184.

[28] Участие в смерти Ростислава якобы греков, несомненно, лишь официальная версия, пущенная Ярославичами. К этой мере их вынудили, по-видимому, именно беспрецедентные действия Всеслава на севере. Коварство наиболее заинтересованного в этом лица черниговского Святослава неоднократно подчеркивалось летописью (ПВЛ, т. I, стр. 121). По источникам В. Н. Татищева, идея нарушения крестоцелования Всеславу в 1067 г. также ему принадлежала (В. Н. Татищева. История Российская, II, стр. 84).

падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бежа»[29]. Через 120 лет вспоминал автор «Слова о полку Игореве»:

«На Немиге — снопы стелють головами,
молотять чепи харлужными,
на тоцѣ живот кладуть,
вѣють душу от тела.
Немизе кровавы брезе,
Не бологомь бяхуть посеяни,
Посеяни костьми русских сыновь»[30].

Чудовищная битва под Минском, таким образом, еще долго хранилась в памяти древнерусских людей.

Явно превосходящие силы врага, поспешность, с которой полоцкому князю пришлось ринуться в бой, сыграли, вероятно, роковую роль, и после ожесточенной схватки побежденный Всеслав вынужден был спасаться бегством.

Этим, однако, события не кончились и развернулись дальше несколько неожиданно. Всеслава не только не преследовали, но сами победители отступили за Днепр[31], за пределы его владений. По-видимому, даже будучи побежден, полоцкий князь далеко не был разгромлен. Преследовать его на его же территории не решались и, предчувствуя в этом новом противнике еще бо́льшую непокорность, чем в его отце, предпочитали разделаться с ним даже (в XI в. это еще внове) путем клятвопреступления. Ярославичи отступили ко Рши (Орша) и предложили побежденному князю явиться для переговоров[32]. Эпизод близко напоминал переговоры его отца с отцом Ярославичей — Ярославом Мудрым в 1021 г., окончившиеся тогда, несмотря на поражение, для полоцкого князя блестяще, и Всеслав с детьми переехал Днепр (рис. 70). Схваченный в стане врагов, вопреки клятве, он просидел в Киевском парубе 13$^1/_2$ месяцев. Лишь 15 сентября 1068 г. двери темницы отворились. Толпа восставших киевлян восторженно призывала полоцкого князя на великое киевское княжение.

Киевское восстание 1068 г. и роль в нем полочан

Восстанию 1068 г. в Киеве посвящена большая литература[33]. Однако никем из исследователей не ставился вопрос о роли в нем полочан, хотя участие их несомненно. Это и заставляет нас заострить свое внимание на этом событии. Начнем с крайне важного текста летописи. Поводом к восстанию, вы-

[29] ПВЛ, т. I, стр. 112.
[30] «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950, стр. 25.
[31] ПВЛ, т. I, стр. 112.
[32] Там же.
[33] В. В. Мавродин. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949; М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955; В. В. Мавродин. Народные восстания в древней Руси. М., 1961 и др.

званному, по-видимому, усилением эксплуатации, послужило грандиозное поражение Ярославичей в битве с половцами на р. Льте (1068 г.). Немедленно собравшееся в Киеве вече на требование выдать оружие и коней для продолжения битвы получило от киевского Изяслава отказ. «И начаша людие говорити на воеводу на Коснячька; идоша на гору, с вѣча, и придоша на двор Коснячковъ, и не обрѣтше его, сташа у двора Брячиславля и рѣша: «Пойдем, высадим дружину свою ис погреба». И разделишася на двое: половина ихъ иде к погребу, а половина ихъ иде по Мосту; си же придоша на княжь дворъ...» Узнав об освобождении Всеслава, Изяслав. вступивший было в переговоры с восставшими, бежал в Польшу. По воле восставших полоцкий князь оказался на великом киевском княжении[34].

Рис. 70. Всеслав Полоцкий, едущий через Днепр в ладье (миниатюра Радзивилловской летописи, XV в.)

Было бы излишним разбирать вопрос об участии в восстании Всеслава Полоцкого, так как восставшим полоцкий князь был, безусловно, социально далек. Для нас важно другое. Почему взбешенные отсутствием Коснячка киевляне временно оставили первоначальное намерение сразу же идти к Изяславу? Почему именно у двора Брячислава они устроили совещание и наметили план действий (по которому они разделились на двое и шли выполнять две задачи)? Почему именно там раздался клич «высадим дружину свою ис погреба». Иными словами: что такое «двор Брячиславль» в Киеве и какова его роль во всех этих событиях?

Двором Брячислава здесь, по-видимому, называли торговое подворье полоцких князей, отстроенное Брячиславом Изяславичем в первой поло-

[34] ПВЛ, т. I, стр. 114, 115.

вине XI в., очевидно, после примирения с Изяславом (1021 г.). Нет смысла сомневаться в его принадлежности этому князю, как это делает М. К. Каргер [35]. Брячислав Полоцкий, боровшийся за широкую беспрепятственную торговлю Полоцкой земли, добился значительных уступок Ярослава Мудрого на волоках, и, таким образом, был налажен тесный контакт с Киевом. Следует ли удивляться, что, заботясь о торговых путях и, несомненно, ими пользуясь, этот князь отстроил в Киеве, на пути в Византию, свой двор, свою «контуру». Наличие подобных дворов, правда, для XII и XVIII вв. зафиксировано летописями (двор новгородских купцов в XII в. существовал в Киеве — на Подоле у так называемой Новгородской божницы [36], в Новгороде известен немецкий готский двор [37], а также Плесковичский (Псковский) двор начала XV в.) [38]. В Смоленске в XIII в. существовали дворы немецких купцов, которые позднее образовали на берегу Днепра и Рачевки свою особую слободу и особую немецкую церковь [39] и т. д. Вокруг этих дворов (или на этих дворах) жили торговые люди, остановившиеся в этом городе [40]. Таким, по-видимому, был и двор, отстроенный Брячиславом в Киеве, вероятно, после примирения с Ярославом Мудрым, т. е. в 20—40-х годах, и именуемый «двор Брячиславль» [41].

[35] М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, стр. 276. Доводом в пользу принадлежности этого двора Брячиславу Полоцкому автору служит заключение в порубе якобы этого двора — сына Брячислава — Всеслава. Подобная мысль, выдвинутая, несмотря на отсутствие каких-либо данных, в свое время акад. М. Н. Тихомировым (М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 187), не оправдывается и логическими соображениями. Она возникла вследствие неточной передачи текста: восставшие делились надвое не у двора Коснячко, как утверждал М. Н. Тихомиров, а «у двора Брячиславля».

[36] ПСРЛ, т. II, стр. 354. Руины этой божницы открыты М. К. Каргером. («Древний Киев», т. I, план перед стр. 373; т. II, стр. 486).

[37] ПСРЛ, т. II, стр. 90, 323, 329 и др. Ср. «Русско-ливонские акты». СПб., 1868, стр. 120 (1405 г.).

[38] Там же, стр. 399.

[39] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 508.

[40] Весьма вероятно, что в непосредственной близости от Подола и новгородской божницы или «в начале» горы (где, судя по некоторым данным, стоял двор Брячислава), словом, вокруг места, где происходил в Киеве торг, располагались и другие дворы заезжих купцов — Пскова, Белоозера и др. Не указывает ли на место такого подворья, принадлежавшего смольнянам, храм, обнаруженный М. К. Каргером на Вознесенском спуске, явно смоленские черты которого автор сложно объясняет обратным влиянием смоленского зодчества на киевское? (М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1951, стр. 208).

К тому времени, когда был построен храм (конец XII—начало XIII в.) стиль смоленского зодчества вполне сложился, и храм мог быть выстроен смольнянами в привычных традициях.

[41] Здесь, же, видимо, позднее с развитием торговли стали возводить новые постройки и потомки Брячислава Изяславича. Так, в летописи под 1147 г. упоминается

Итак, восставшие киевляне направились к Брячиславлю двору не случайно. Здесь сосредоточивались лица некиевского происхождения, вынесшие на своих плечах годовое хозяйничанье изяславовых ставленников в Полоцкой земле в период пленения Всеслава Брячиславича. Очевидно, этим людям и принадлежал первый клич: «... высадим дружину свою ис погреба!» Под словом «дружина», таким образом, следует понимать, если не самого Всеслава, то, вероятно, его дружину, схваченную на Рши после его пленения, а может быть, и просто полочан — сторонников Всеслава, арестованных в Киеве при заключении полоцкого князя в поруб[42].

Какой из предложенных вариантов правильнее, доказать нельзя, да это сейчас и не так существенно. Важно одно: роль полоцких купцов в киевском восстании была велика. Благодаря им восставшие киевляне организовались, борьба за освобождение Всеслава приобрела в нем центральное место и обратила в бегство киевского Изяслава.

Нас удивляет полное отсутствие в летописи сведений о деятельности Всеслава в момент его семимесячного княжения в Киеве. Мы так и не знаем, чем кончились требования восставших. Дал ли им Всеслав оружие и коней, состоялась ли новая битва с половцами, которой они жаждали. Прошлась ли по летописи рука другого древнерусского книжника, начисто выбросившая все, относящееся к незаконному узурпатору-князю, или, вопреки предположению А. А. Шахматова, летописец Никон (автор текста) еще не прибыл в то время в Киев — решить трудно. Лишь одна туманная фраза «Слова о полку Игореве», вероятно, относится к этому периоду биографии Всеслава: «Всеслав — князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь влѣкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до кур Тмутороканя...»[43]. Вряд ли здесь идет речь «о ка-

«Глѣбов двор» (ПСРЛ, т. I, стр. 317), который, судя по описываемой местности, принадлежал не Глебу тысяцкому, служившему во времена княжения Всеволода Ольговича (если бы это был не князь, то летописец, вероятно, не преминул бы упомянуть, какого именно Глеба), как полагает М. К. Каргер (Древний Киев, т. I, стр. 182), а Глебу Минскому — внуку Брячислава, — который принимал большое участие в жизни Печерского монастыря, строил там трапезную (1108 г.), проводил в Киеве, правда, подневольно, последние дни своей жизни и умер там в 1119 г.

[42] Слово «дружина», как известно, на Руси употреблялось двояко: в смысле войска князя и в смысле «сторонников» (Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря Древней Руси. М.—Л., 1937, стр. 105).

[43] «Слово о полку Игореве», М.—Л., 1950, стр. 26. Есть мнение, что «до кур Тмутараканя» следует переводить «до тмутараканского князя» и, следовательно, Всеслав Полоцкий в какой-то момент жизни получил этот титул (κῦρος — князь, владыка. — *греч.*) (А. И. Полканов. К вопросу о конце Тмутараканского княжества. «Известия Таврического об-ва истории». Симферополь, 1929). Этот термин встречается в русских летописях (ПСРЛ, ч. II, стр. 283, 285 и др.), однако правильнее его, по-видимому понимать «до петухов», т. е. очень быстро.

ком-то стремительном походе Всеслава из Киева в далекую Тмутаракань [44]. Поездка туда неминуемо кончилась бы для Всеслава потерей Киева, которого жаждал и которым коварно овладел через 5 лет черниговский Святослав. Нам важно, что в период киевского княжения Всеслав Полоцкий был полновластным великим князем, судившим и рядившим в своих новых владениях по своему усмотрению.

В следующем, 1069 г. Изяслав с большой помощью польского короля Болеслава Храброго двинулся на Киев, а Всеслав бежал в Полоцк, откуда был изгнан, гнавшимся за ним Мстиславом Изяславичем [45].

Деятельность Всеслава Полоцкого после разгрома восстания

Захват Полоцка карательной экспедицией и вокняжение там Мстислава Изяславича не могли не лечь тяжелым бременем на Полоцкое княжество. Летопись ничего не сообщает о политике Мстислава в этой стране, но его действия при вступлении в Киев (1069 г.) заставляют предполагать, что методы управления, примененные им здесь, вероятно, продолжали линию, начатую в Киеве, и служили целям безмерной наживы и ограбления побежденной страны, что, несомненно, должно было облегчить Всеславу возврат на полоцкий стол.

Любопытно, что теперь умный полоцкий князь ищет союзников в нерусском податном населении Новгорода — в Вотской пятине, среди финского племени водь, безусловно страдавшего от новгородских поборов. Однако силы были неравны. Едва достигнув пригорода Новгорода — Къзѣни (Къзнь — кузнейный район — окраина этого города; может быть, Всеслав рассчитывал также на помощь ремесленных городских низов?), Всеслав 23 октября 1069 г. был наголову разгромлен ратью новгородского Глеба и обратился в бегство. Отчаянная попытка захвата новгородского стола провалилась.

О том, где пребывал Всеслав в 1069—1071 гг., летопись молчит. Вероятно, теперь, подобно Ростиславу Владимировичу, полоцкий князь и бежал в Тмутаракань [46]. Город этот, расположенный на окраине русских земель (современная Тамань), к тому же, очевидно, на острове, служил надежным убежищем.

Битва под Голотическом (1071 г.) с третьим сыном Изяслава — Ярополком — и поражение Всеслава [47] прекращает борьбу князя с Киевом,

[44] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, стр. 95.

[45] ПВЛ, т. I, стр. 116.

[46] Наше предположение подкрепляет наблюдение, что в это время в Тмутаракани князя, вероятно, не было. Глеб Святославич, бывший там, судя по Тмутараканскому камню, еще в 1068 г. ее оставил, а следующий князь упоминается лишь под 1077 г.

[47] ПВЛ, т. I, стр. 116.

Изяславом и его сыновьями. В Полоцкой земле происходят события, снова напоминающие уже знакомые нам ситуации 1021 и 1067 гг.

Полоцкая земля в последние десятилетия XI в. (1073—1101 гг.)

Результатом поражения под Минском у Голотическа была не погоня за полоцким князем, потерпевшим поражение, а, подобно 1021 и 1067 гг., мирные переговоры, закончившиеся, как указывается летописью, стремлением обеих сторон в 1073 г. породниться («Изяслав сватится со Всеславом»). Под 1158 г. Ипатьевская летопись сообщает о смерти дочери Ярополка Изяславича, которая была вдовой Глеба Всеславича Минского [48]. Таким образом, становится очевидным, что слухи о переговорах о сватовстве Всеслава Изяславича в 1073 г. были не так уж беспочвенны. Вдова Глеба Минского прожила 84 года и родилась, следовательно, около 1073 г., т. е. в период указанных переговоров обоих князей после Голотической битвы. Очевидно, дочь Ярополка, победителя под Минском, была просватана за сына Всеслава, минского Глеба, по русскому обычаю еще при своем рождении. Возникавший, таким образом, политический союз Изяслава и Изяславичей с ярыми врагами бывшего триумвирата Всеслава и Всеславичей приносил, по-видимому, значительные политические выгоды обеим сторонам, что особенно сильно сказалось после смерти Всеслава Полоцкого в начале XII в.

Последующие события истории Полоцкой земли в конце XI в. летописцами не освещены. Отдельные отрывочные сведения находим лишь в «Поучении» Владимира Мономаха, из которых можно понять, что смерть Святослава развязала руки полоцкому князю на севере и с конца 1076 или начала 1077 (мартовских) годов исконная враждебная деятельность Полоцка по отношению к Новгороду активизируется. Вероятно, в отместку киевские князья организуют летний поход 1077 г. против Полоцка, в котором принимает участие и новый киевский князь Всеволод. Относительно следующего за этим сообщения о походе Владимира Мономаха на Полоцк вместе со Святополком существует мнение, что он был совершен после 1078 г., так как только с этого времени Святополк оказался в Новгороде (Мономах, следовательно, спутал некоторые события своей биографии). Взять Полоцк объединенными силами, по-видимому, не удалось и в 1078 г., подожжены были только его укрепления (и, возможно, окраины). Зимой этого же года был организован новый карательный поход на Полоцк (очевидно, деятельность Всеслава против подвластных Киеву городов продолжалась). На этот раз в нем принимал участие князь Святополк, Владимир Мономах и половцы, но с прежним успехом.

Мономах повествует далее о своей карательной экспедиции против Всеслава, которую он предпринял в 1078 г., желая наказать полоцкого

[48] Ср.: ПВЛ, т. I, стр. 121; ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 492, 493.

князя за нападение на Смоленск. Преследуя Всеслава, он «пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютьскъ воюя, та Чернигову»[49]. Не оставлял он в покое Полоцкую землю и в 1084 г.: «идохом с черниговци и с половци, с читѣевичи, к Мѣньску: изъ хахом городъ, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины»[50]. Большое количество войск, необходимое для победы над этим городом, показывает рост полоцких городских центров в конце XI в., начинающих постепенно расшатывать полоцкий «монолит» изнутри. Здесь происходят, по-видимому, в миниатюре те же процессы начала феодального дробления, что и 50 лет назад в Киевской Руси.

Упомянем, наконец, еще один, весьма любопытный отрывок из летописи, своей фантастичностью выпадающий из общего ряда.

«В лѣто 660 [1092]. Предивно бысть чюдо Полотьскѣ въ мечтѣ: бываше в нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси. Аще кто вылѣзяше ис хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше невидимо от бѣсовъ язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хоромъ. По семь же начаша в дне являтися на коних, и не бѣ ихъ самѣхъ видѣти, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди полотьскыя и его область. Тѣмь и человѣци глаголику: яко навье бьють полочаны. Се же знаменье поча были оть дрьютьска»[51].

Как попало это типично литовское сказание о всадниках-мертвецах, что отмечал еще Н. Костомаров, в русскую летопись, сказать трудно[52]. Вероятно, предание это («пришедшее из литовского мира, ибо у славян ни бесы, ни мертвецы не появляются верхом на коне»,[53] и известное еще при дворе прусского короля XV в.) было записано в Полотчине и попало в летописные своды. Возможно, что в христианизированном Полоцком княжестве всякое зло-наваждение связывалось с нечистой силой, идущей из соседней языческой Литвы. В пользу этого, например, говорят некоторые данные белорусской этнографии, по которым представление о нечистой силе до недавнего времени увязывалось у белорусов с представлением о литовце[54]. Во всяком случае данный текст крайне интересен и требует специального исследования.

[49] ПВЛ, т. I, стр. 159.
[50] ПВЛ, т. I, стр. 160.
[51] ПВЛ, т. I, стр. 141.
[52] Н. Костомаров. Русские инородцы. «Русское слово», 1860, № 5, отд. I, стр. 43. Вспомним литовский обряд погребения с конем: Ф. Д. Гуревич. Обряды погребения в Литве. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 33; Р. Куликаускиене. Погребальные памятники Литвы конца I—начала II тысячелетия н. э. КСИИМК, вып. XLII. М, 1952, стр. 111; Она же. Погребения с конями у древних литовцев. СА, XVII, 1953, стр. 211—222.
[53] Н. Костомаров. Русские инородцы...
[54] Там же.

Полоцкая земля в первые десятилетия XII в.

Новая волна половецких набегов конца XI—начала XII в. поставила Киевскую Русь перед необходимостью объединения для отражения набегов, с одной стороны, и укрепления централизованной власти — с другой. В период первых трех десятилетий XII в. снова усиливается феодальная монархия, достигшая при Владимире Мономахе (1113—1125 гг.) и его сыне Мстиславе (1125—1132 гг.) своего второго расцвета. Однако на Руси продолжают существовать две коалиции князей, враждующих между собой. В одну входит Всеволод и Всеволодовичи (главным образом Владимир Мономах), в другую — Изяславичи (Святополк и Ярополк). К 90-м годам XI в. отношения обеих сторон настолько обостряются, что Владимир Мономах вынужден отказаться наследовать своему отцу, игнорируя старших претендентов: «Аще сяду на столе отца своего, — вкладывает слова в его уста летопись, — то имам рать с Святополком взяти» [55]. Он уступил великое княжение двоюродному брату. Естественно, что в этих условиях борьба должна была продолжаться и вскоре приняла скрытые, идеологические формы, выразившись, в частности, во всемерном стремлении завоевать авторитет и поддержку церкви. Так, Всеволод Ярославич отстроил в Киеве возле своего княжого двора Выдубицкий монастырь и противопоставлял его Печерскому. Наоборот, Святополк, бывший в ссоре с печерцами в первые годы своего правления (1093—1098 гг.), вскоре с ними помирился и, став их активным поборником, дал согласие на поминовение Феодосия Печерского «на всѣх соборехъ», приходил на поклон к Феодосиеву гробу перед походом и т. д.[56]

В Полоцке, по-видимому, давно уже присматривались к политическим распрям Ярославичей. Еще в 1073 г. закулисные переговоры Изяслава с Всеславом вынудили первого покинуть пределы Русской земли, куда он смог возвратиться только после смерти одного из братьев — Святослава (1076 г.).

Исследователями не отмечено участие полоцких князей в борьбе Изяславичей со Всеволодом и Мономахом. Действительно, на это нет прямых указаний летописца. Но если вспомнить случайно сохранившееся свидетельство о тайных матримониальных переговорах Всеслава с Изяславом 1073 г., так испугавших остальных Ярославичей, и сопоставить их с женитьбой Глеба Всеславича на дочери Ярополка, то станет очевидным, что

[55] ПВЛ, т. I, стр. 143.

[56] Там же, стр. 186, 187. Огромное участие в Печерском монастыре принимала и младшая линия Изяславичей. Ярополк, судя по некрологу в Ипатьевской летописи (1158 г.), «вда всю жизнь свою, Нсбльскую волость, и Деревскую и Лучскую и около Киева» (ПСРЛ, т. II, стр. 492, 493). Его дочь, минская княгиня, принимала участие, по-видимому, в монастыре уже в это время. Ее рука, например, чувствуется в событиях 1101 г., когда духовенство вступается за ее родного брата Ярослава, которого «оковал» Святополк (ПВЛ, т. I, стр. 182).

в конце XI в. Полоцкое княжество не только не прекращает своей борьбы с Ярославичами, но и активно вмешивается в политическую жизнь остальной Руси, завязывает связи с одними князьями против других и т. д. Первоначально полоцкий князь принимает сторону партии Изяслава и его сыновей, оппозиционной Всеволоду Ярославичу и Мономаху. Это включение Полоцкой земли в общерусскую политику XII в. ведет в конце концов к политической зависимости полоцких князей от различных южно-русских политических партий.

Полоцкая земля после смерти Всеслава Полоцкого и вопрос о его сыновьях и уделах

Летописных сообщений, касающихся собственно Полоцкой земли в начале XII в., немного, они случайны и редко подробны. Кроме некрологической записи о смерти Всеслава (1101 г.), где сообщается день и час его смерти, встречаются отдельные разрозненные сведения об участии Давида Всеславича в походах на половцев (1103 г.), на Глеба Минского (1104 г.), о возведении епископа Мины на полоцкую епископию (1105 г.), о победе земгальских племен над коалицией Всеславичей (1106 г.), о постройке Глебом трапезной в Печерском монастыре (1108 г.) [57] и т. д. Для максимально полной картины политического положения Полоцкой земли в начале XII в. необходимо выяснить запутанную генеалогию полоцких князей, и по их взаимному старшинству определить значение каждого из уделов, который они получили.

Летопись сообщает следующие имена сыновей Всеслава — Давид (1103, 1104, 1128 гг., в последний раз упомянут как полоцкий князь), Борис (1102 г. — сведения В. Н. Татищева, 1128 г. — упомянут как полоцкий князь), Глеб (1104, 1108, 1116, 1117, 1169 гг. — везде упомянут как минский князь), Роман (ум. 1116 г.) [58]. Известны имена еще двух князей — Святослава и Ростислава. Старшими сыновьями Всеслава были, вероятно, Давид, Борис и Глеб, именно их упоминает Даниил Мних, ехавший в Иерусалим [59]. Полоцкого князя Давида свергают полочане в 1128 г. Тогда же они сажают на стол Рогволода, однако в 1128 г. умирает полоцкий князь не Рогволод, а Борис. Очевидно, летописец, сообщая о смерти, назвал крестное имя Рогволода — Борис. Густынская летопись к тому же прямо указывает: «Рогволод или Борис» [60]. Борис был, очевидно, вторым по старшинству; третьим — Глеб.

[57] ПВЛ, т. I, стр. 183, 185—187.

[58] ПВЛ, т. I, стр. 183, 185, 187, 200—202; ПСРЛ, т. II, стр. 285, 292—293. Как попал полоцкий князь Роман в Рязанскую землю, где он, по сообщению Никоновской летописи, и умер (ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, стр. 143), непонятно. Не ставит этого вопроса и А. Л. Монгайт (А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 23).

[59] «Паломник Даниила Мниха». СПб., 1891, стр. 67.

[60] ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 293.

Какие же уделы получили сыновья Всеслава после смерти отца? Летопись прямо указывает, что минским уделом владел Глеб Всеславич. Мы установили, что полоцкий удел получил Давид. Фамильный удел Бориса Всеславича определяется по княжению его сына и внука. Под 1059 г. в летописи сообщается, что его сын Рогволод бежит из заточения в Минске и направляется в Друцк, где его принимают как своего князя [61]. Сюда же он бежит в 1162 г., бросив полоцкое княжение, после поражения под Городцом («а Полотьску не смъ ити зане множѣство погибе Полотчан» [62]). Здесь, в 1171 г., он же заказывает и знаменитую надпись на камне (так называемый Рогволодов камень) [63]. В Друцке же княжит его сын Глеб Рогволодич (1180 г.) [64]. Таким образом, по княжению сына и внука можно определить, что и Борис уже владел Друцком, вероятно, получив его по смерти отца в 1101 г. Кому достался Витебский удел — остается неизвестным. Относительное старшинство сыновей Всеслава показывает, что после Полоцкого удела наиболее крупным был Друцкий, затем, по-видимому, Минский, Витебский и остальные.

Политическая ориентация полоцких князей и борьба Глеба Минского с Мономахом

Распределение земель-волостей Полоцкой земли между сыновьями умершего Всеслава не могло не привести к их взаимной борьбе за перераспределение феодальной ренты. Так и случилось. Не чувствуя в себе достаточно сил, чтобы бороться с подвластными ему братьями, полоцкий князь Давид Всеславич уже через два года после смерти отца вошел в коалицию южнорусских князей, с которыми участвовал в походе на половцев (1103 г.). Он же, в союзе с Олегом Святославичем и другими князьями южнорусских земель, нападает на своего брата Глеба Всеславича, вероятно, сильно укрепившегося (1104 г.), коалиция победить Глеба не смогла. Под следующим годом (1105 г.) мы читаем впервые о появлении полоцкого епископа. Близость с южнорусскими князьями позволила Давиду поставить вопрос о специально полоцкой епископской кафедре. Как видим, в Полоцкой земле постепенно стабилизировалась постоянная ориентация ее князей той или иной линии, на соответствующую линию южнорусских князей. Друцкие князья (Борисовичи) опирались на Мономаха и мономаховичей, минский Глеб и его сыновья — сначала на Изяславичей, а потом, в середине века, на Ольговичей. Особо показательным является пример Глеба Минского.

[61] Там же, стр. 82.
[62] Там же, стр. 91.
[63] В. П. Таранович. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР. СА, VIII, 1946, стр. 252, рис. 5.
[64] ПСРЛ, т. II, стр. 124.

Удивляет необычайная враждебность Мономаха к этому сравнительно маленькому князю, проявившаяся, как известно, в первое пятилетие правления Мономаха в Киеве и почти немедленно трагически кончившаяся отнятием у него минского княжения (1118 г.), насильственным выселением его в Киев, где он через год (1119 г.) от неизвестных причин умер. Дело, очевидно, не в том, что он об этом «не каяшеться» (как пишет летописец). Не был ли Глеб сам активным членом антимономаховской партии, с главой которой, Святополком Изяславичем, его связывали родственные связи через жену?

Сопоставим действия Святополка и Глеба Минского по летописи. Как известно, Киево-Печерский монастырь был в оппозиции к Мономаху и пользовался благосклонностью враждебной ему партии. Если Святополк принимал участие в Печерцах, перед походами испрашивал благословения их игумена, приезжал молиться у гроба Феодосия и по ходатайству монастыря приказывал митрополиту записать его имя в синодик[65] и т. д., а его брат Ярополк (отец жены Глеба) в свое время, как мы знаем, отказывал печерцам «всю жизнь свою» и даже самое ценное в феодальное время — землю («Небльскую волость, Деревскую и около Киева»), то Глеб, не уступая им, жертвует в монастырь 600 гривен серебра и 50 гривен золота, отстраивает для братии трапезную (1108 г.), а его вдова оставляет монастырю «все и до поя» [66].

Близкие связи Глеба Минского с Изяславичами подтверждает, по-видимому, и княжеский знак кистеня, найденного В. Р. Тарасенко в слое начала XII в. древнего Минска[67]. Его не следует сопоставлять со знаком из Гродно, на который он не похож (как делал автор раскопок). Он близок по форме знаков двузубцам Рюриковичей, отличительной чертой которых является значок над двузубцем в виде луны или креста. Б. А. Рыбаков установил, что все эти знаки принадлежат одной линии князей — Изяславичам, причем Изяслав Ярославич имел сложный двузубец с лунообразным значком наверху, а его сыновья заменили последний либо крестиком с закругленным концом (Ярополк), либо чистым крестом (Святополк)[68]. Знак Глеба Минского — двузубец с крестиком наверху, очевидно, и был заимствован этим князем у своих могущественных сюзников — родственников жены.

Несмотря на события 1104 г., когда полк Святополка участвовал в походе против Минска, этот князь, по-видимому, не считал своим кровным

[65] ПВЛ, т. I, стр. 187.

[66] ПВЛ, т. I, стр. 187; ПСРЛ, т. II, стр. 492, 493.

[67] В. Р. Тарасенко. Раскопки Минского замчища. КСИИМК, вып. 35, стр. 126 и рис. 42; Он же. Древний Минск, «Материалы по археологии БССР». Минск, 1957, стр. 243; Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 72, рис. 34, 10.

[68] Б. А. Рыбаков. Ремесло. История культуры Древней Руси. т. I. М.—Л., 1948, стр. 168, рис. 110, 5.

врагом Глеба, постоянная возможность объединения с которым была, вероятно, в его положении полезна (в борьбе с Мономахом, с половцами и т. д.). Не случайно Святополк называет своего сына полоцким именем Брячислав (единственный случай в истории Руси)[69], как бы подчеркивая перемену его политики и отмечая новые связи, возникшие теперь с ветвью игнорируемой ранее линии, ведущей свое начало от прямых потомков Владимира Святославича — Изяслава и Брячислава.

Ориентация минского Глеба на киевскую партию противников Мономаха объясняет и те крутые меры, которые ждали Глеба с вокняжением в Киеве Мономаха. При первом же поводе (Глеб «воевалъ дрѣговичи и Случескъ пожегъ, и не каяшеться о семъ, ни покаряшеться, но болѣе противу Владимиру глаголюще, укаряя и»)[70], захватив Оршу, Копысь, Друцк и осадив Минск, Мономах «нача ставити истьбу у товара своего противу граду (Минска. — *Л. А.*) Глѣбови же, узрившю, оужасеся сердцемъ. . .» В результате этот князь «вышедъ из города с дѣтми и с дружиною, поклонися Володимеру, и молвиша рѣчи о мирѣ». «. . . омир в Глѣба и наказав его о всем [Мономах] вдасть ему Менескъ, а самъ възвратися Киеву. Ярополкъ же сруби городъ Желъди дрьючаномъ, их же бѣ полонил»[71]. В. Н. Татищев, читавший полоцкую летопись, сообщает о дальнейших событиях следующего, 1117 г.: «Глеб Минский князь с полочаны паки начал воевать область владимировых детей: новогрудскую и смоленскую. Владимир, хотя беспокойство сего князя смирить, послал Мстислава сына, с братиею и воеводы с довольным войском и велел, как возможно, Глеба самого, поймав, привезти. Мстислав же, пришел вскоре, Минск оступя, взял, где Глеба, не прияв его просьбы о мире, пленил и в Киев привез, где он в заточении преставился»[72]. Сведения эти необычайно ценны, так как наши летописи их не знают, не сообщает о них и сам Мономах[73].

[69] Киевские князья давали имена своим сыновьям, по-видимому, не случайно, что особенно распространилось во второй половине XII в., когда дробление древней Руси на уделы часто вызывало борьбу за княжение, в которой требовалось показать прямое происхождение от тех или иных предков. Каждый княжеский род тогда имел свою группу характерных имен. См., например, в Ипатьевской летописи: под 1173 г. сына Рюрика Ростиславича по деду звали Ростиславом-Михаилом (ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 567); под 1187 г.: Всеволод III назвал сына Юрием, причем отмечено: «Дедне имя» (там же, стр. 659); под 1192: он же назвал другого своего сына Владимиром, причем летописец также отметил: «деда своего имя (т. е. деда Всеволода III Владимира Мономаха. — *Л. А.*) (там же, стр. 675) и т. д.

[70] ПВЛ, т. I, стр. 200.

[71] Там же, стр. 200, 201.

[72] В. Н. Т а т и щ е в. История Российская. . ., II, стр. 133, 134.

[73] В «Поучении» есть любопытное свидетельство о нападении Мономаха на какого-то Глеба, у которого он «чади пояхом дружину свою всю» (ПВЛ, т. I, стр. 160). Д. С. Лихачев полагает, что речь идет о знатном половце (фраза следует за сообщением о походе на половцев), который «носит русское имя Глеб» (ПВЛ, т. II, стр. 447). Однако вполне возможно, что речь идет либо еще об одном походе Мономаха на Глеба

Минск надолго (по-видимому, на 29 лет) отошел к южнорусским князьям [74].

Для уяснения и оценки деятельности Глеба составим хронологический список вех его жизни (крестиком отмечены сведения вероятные, но недостоверные):

1. 1073 г. Обручен с новорожденной дочерью Ярополка Изяславича (+).
2. Конец XI в. (?), женится на ней и к 1116 г. имеет нескольких детей.
3. 1101 г. (или несколько ранее). Получил минское княжение.
4. 1104 г. Совершил какой-то проступок, по-видимому, против Давида Всеславича Полоцкого и в результате подвергся нападению коалиции южнорусских князей, которую отбил. Враждует и с великим князем Святополком.
5. 1106 г. Потерпел поражение с братьями от земгалов.
6. Между 1104 и 1108 гг., помирившись со Святополком, входили в его антимономаховскую коалицию.
7. 1108 г. Строит трапезную в Печерском монастыре и жертвует ему в течение жизни 600 гривен серебра и 50 гривен золота.
8. До 1116 г. состоит в союзе с Друцком, Оршей и Копысью (может быть, владеет этими городами).
9. Около 1116 г. нападает на Слуцк [75].
10. 1116 г. Осажден в Минске Мономахом и сдается на милость победителя.
11. 1117 г. В союзе с полочанами нападает снова на владения князей южнорусской коалиции — на Новогрудскую и Смоленскую области (?).
12. 1117 г. Осажден в Минске сыном Мономаха Мстиславом, вторично сдает город и попадает в плен.
13. 1119 г. Умирает в Киеве.

Итак, письменные источники сохранили свыше десятка сведений о минском Глебе, т. е. значительно больше, чем о любом полоцком князе после Всеслава. Вероятно, его энергичная деятельность бросалась в глаза современникам. Действительно, получив минское княжение и, очевидно, понимая, что полоцкий стол третьему сыну Всеслава скоро не получить, Глеб направил всю свою энергию на укрепление и усиление своего удела. Уже

Минского, либо о походах 1116 или 1117 г. В этом случае понятной станет фраза «Поучения» (которую Д. С. Лихачев считает ошибочной, см. ПВЛ, т. II, стр. 446), где сказано, что событие происходит «по Святополць» (т. е. после 1113 г.). В этом случае, правда, требует изучения вопрос, как эта фраза попала в несоответствующей ей во времени текст.

[74] Минск (и, вероятно, весь удел) отошел к Турово-Пинской земле, и им владел Изяслав (ПСРЛ, т. I, стр. 301, 302).

[75] Летописец, мы видели, сообщал о каких-то укорах Глеба Мономаху (ПВЛ, т. I, стр. 200), что указывает на какие-то неизвестные нам столкновения Мономаха с Глебом.

в 1104 г. этому маленькому князьку не страшна была коалиция нескольких южнорусских князей. Войско Святополка под предводительством воеводы Путяты, войско сына Мономаха — Ярополка и князя Олега Святославича — «не успеша ни что». Указание летописи на то, что при этом последнем находился Давид Всеславич, указывает и на причины похода [76]. Полоцкий князь, очевидно, не мог уже усмирить усилившегося Глеба и был инициатором вторжения южнорусских князей.

После описанного похода Глеб Минский в течение 11 лет продолжал укреплять свои позиции. Если действия на западе против земгалов не удались (1106 г.), то на востоке он закрепляет свое влияние вплоть до Днепра (в Друцком княжестве), возобновляет политический союз с Изяславичами, в своей столице, Минске, начинает отстраивать каменный храм. Смерть главного союзника — Святополка его не останавливает, и около 1116 г. он нападает на соседний Слуцк, за что-то мстя Мономаху. Растеряв после ответного похода последнего (1116 г.) бо́льшую часть земель, где распространялось его влияние (от Днепра и, возможно, до верхнего Немана), и получив обратно только Минск, отчаянный князь начинает немедленно бороться за их возвращение: нападает на Смоленские земли (куда отошли, видимо, Орша и Копысь) и на Новогрудские владения. Одному это было не под силу. Помощь осталось искать на севере, у полочан. Потребовался новый поход южнорусских войск под предводительством теперь уже сына Мономаха, Мстислава, чтобы окончательно парализовать Глеба. Союз с Друцком или даже его захват, вражда с полоцким князем и неоднократные нападения на владения Южной Руси, с которыми Мономах, по выражению летописи, боролся, «надеяся на бога и на правду» (т. е., очевидно, далеко не без труда), показывает, что минский князь был незаурядной фигурой.

Третий потомок Всеслава Полоцкого вынашивал широкие планы расширения пределов своей земли от Немана и Двины до берегов Днепра и Припятского левобережья. Энергичные действия Мономаха пресекли его честолюбивые устремления.

Усобицы полоцких князей в 20-х годах XII в., война 1128 г. и ее последствия

Политическая жизнь Полоцкой земли после падения Минска и его захвата Мономахом нам почти неизвестна. Крупных событий, связанных с южнорусскими княжествами, по-видимому, не было, и летописцы временно потеряли к ней интерес. Только у В. Н. Татищева, знавшего полоцкую летопись и другие неизвестные нам источники, находим бегло оброненное, но для нас драгоценное лаконичное свидетельство, что в 1121 г. Владимир Мономах ездил в Смоленск «для рассмотрения несогласий и усмирения

[76] ПВЛ, т. I, стр. 185.

полоцких князей»[77]. Уже само указание на Смоленск, как на место разбора полоцких дел, а не на Полоцк (или один из полоцких городов), как казалось бы логичным, равно, как и краткость самого известия, безусловно указывает на подлинность сообщений. Итак, Мономах, только что разгромивший минского Глеба и владевший теперь частью южной территории Полотчины во главе с Минском, стал для остальных полоцких князей страшен. Не удостаивая даже посещением Полоцкие земли и приехав в Смоленск, где у него были, несомненно, и свои дела, Мономах вызывает к себе этих князей, вмешивается в их отношения, как в отношения своих вассалов и императивно диктует условия.

Как долго находились в послушании у киевского князя Всеславичи, неизвестно. Вероятнее всего, они сохраняли видимость спокойствия до смерти Мономаха (1125 г.). Неповиновение же его преемнику — Мстиславу — вызвало через 3 года огромный коалиционный поход на Полоцкую землю 1128 г.: «После князъ Мстиславъ братью свою на Кривичѣ четырми пути, — пишет летописец, — Вячеслава ис Турова, Андрѣя из Володимера (Волынского. — *Л. А.*), а Всеволодка из Городна и Вячеслава Ярославича исъ Кльчьска. Томѣ повелѣ ити къ Изяславлю. А Всеволоду Ольговичю повелѣ ити с своею братиею на Стрѣжевъ к Борисову и Ивана Воитѣшича туже посла с торкы и сына своего Изяслава ис Курьска с своимъ полкомъ посла и на Логожескъ, а другаго сына своего Ростислава посла со Смолняны на Дрьютескъ. Рекъ имъ в один день всемъ пустити на воропъ (начать нападение. — *Л. А.*) месяца августа в 4 день...»[78]. По количеству участвующих войск — это был беспрецедентный поход в истории Полоцкой земли домонгольского времени. Основные соединения двигались на заменившие теперь Минск — Изяславль и Логожеск. Во главе их были сильнейшие князья — братья великого князя, которым были преданы два более мелких князя — гродненский и клецкий. На Логожеск шли дружины более мелкие, но и они, очевидно, представляли большую силу, так как состояли из личных войск великого князя, курян и торков. В противоположность силам, направленным на Изяславль, этими войсками командовал только один князь, правда, старший сын великого князя — Изяслав. Логойск был в то время, по-видимому, вторым по укрепленности городом на южных рубежах Полоцкой земли; к тому же взятие его открывало дорогу на Полоцк. На Стрежев к Борисову двигались Ольговичи, а на Друцк смоленский князь Ростислав. Позднее в поход включились новгородцы, но, опоздав, от Неколоча должны были возвратиться (рис. 71). Мы не могли бы понять, почему сильные Ольговичи

[77] В. Н. Татищев. История Российская..., II, стр. 134.

[78] ПСРЛ, т. I, вып. 2. Л., 1927, стр. 297, 298. В Ипатьевской летописи ошибочно выпущен Логойск, что искажает действительное положение дел (ПСРЛ, т. II, стр. 292). Однако, во избежание путаницы, дата заимствуется из Ипатьевской летописи.

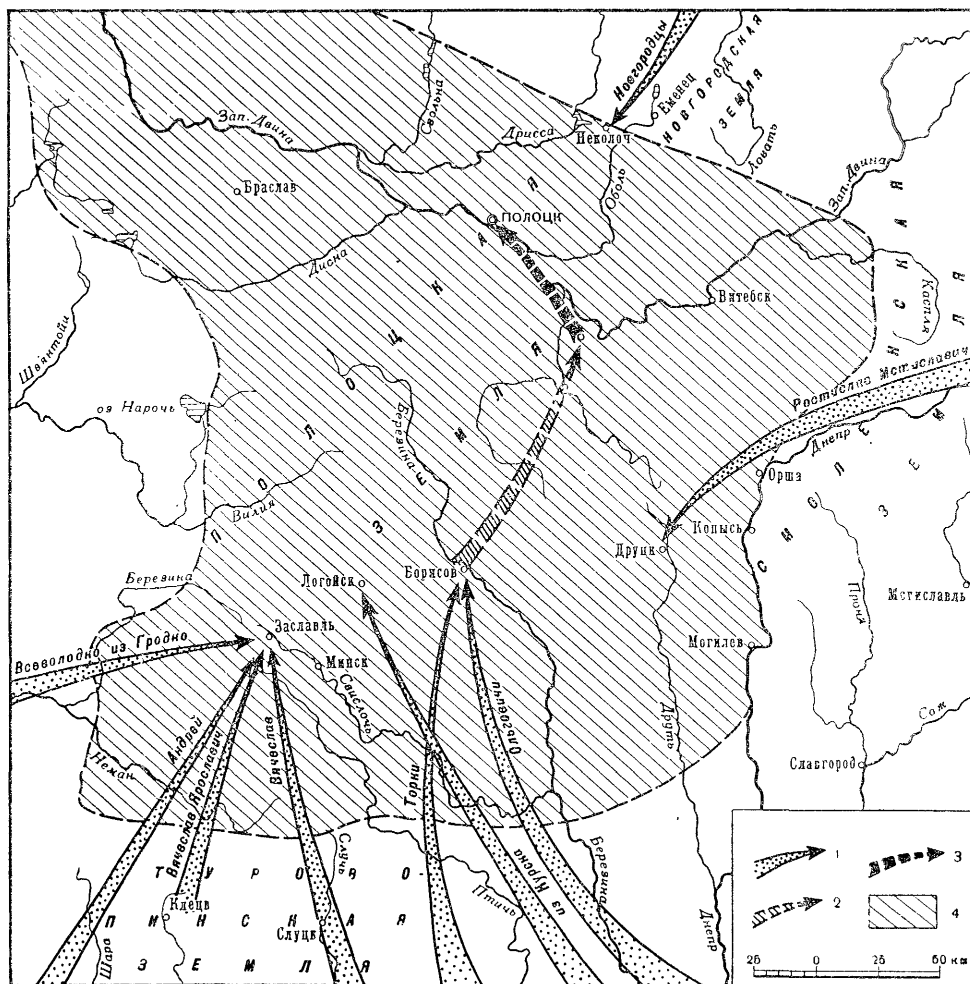


Рис. 71. Коалиционный поход русских князей на Полоцкую землю 1128 г.

1 — южнорусская коалиция; *2* — неосуществленная часть похода Ольговичей на Стрежев; *3* — предполагаемое направление удара Ольговичей; *4* — Полоцкая земля

довольствовались захватом только одного маленького, даже не княжеского полоцкого городка, если бы не установленное выше место действительного расположения Стрежева. Этих князей можно было соблазнить, очевидно, позицией, близкой к Полоцку, дальнейший поход на который, по-видимому, предполагался. Без Ольговичей же уверенность в успехе становилась более шаткой.

По плану Мстислава, штурм полоцких городов следовало начать одновременно 4 августа. Однако план нарушал его сын Изяслав, взяв Логойск днем ранее. Захватив город и пленив его князя Брячислава («иже бяше пошелъ къ отцю своему, бывъ бо посредѣ пути и острашивъся» [испугался. — *Л. А.*]), он двинулся к Изяславлю, который и был взят опять, вопреки плану, ночью и разграблен так, что «товар» (имущество) Мстиславны (дочери киевского князя, выданной сюда замуж) едва «оублюдоша и то с нужею, бьющеся». Обрывая дальнейшее изложение, летописец переходит к результату похода: — «. . . пополочане сътснувшеси выгнаша Давыда и с сынъми и поемши Роговолода идоша к Мстиславу просвяще и собѣ княземъ и створи волю ихъ Мстиславъ и поимше Роговолода ведоша и Полотьску» [79]. Таким образом, мы не узнаем из летописи ни о дальнейшей судьбе похода, ни о том, были ли взяты намеченные Мстиславом остальные города Полоцкой земли, почему поход кончился, было ли заключено перемирие. Все это удается установить лишь благодаря ряду логических рассуждений [80].

Натиск киевских князей был остановлен, очевидно, благодаря дипломатическим переговорам, которые были начаты с Полоцком. На это, во всяком случае, указывает запись следующего года, где сообщается, что полоцкие князья в этом году, «преступиша хрестьное целование», за что и подверглись суровой каре — высылке в Византию [81]. Вероятно, это крестное целование было заключено именно после похода южнорусских князей на полоцких в 1128 г., и одним из условий договора было обязательство последних участвовать в походах Киева. Ход дальнейших событий мы находим, снова возвратившись к последующей части статьи 1128 г. Оборвав изложение взятием Изяславля, летописец прямо переходит к последствиям, к которым, видимо, привели дипломатические переговоры с Полоцком:

1. Полочане прогоняют своего князя Давыда вместе с его сыновьями (может быть, с князем Изяславля Брячиславом).

[79] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стр. 298, 299.

[80] Детальные подробности, связанные со взятием Логойска, а затем Изяславля и окончание сведений изложением о взятии этого города, показывают, что информатор летописца сам, видимо, участвовал в походе в полку князя Изяслава, знал общий план кампании, наблюдал взятие двух городов и вместе с войском отбыл домой, предоставив князьям решать дальнейшие судьбы похода.

[81] ПСРЛ, т. II, стр. 293.

2. Они вступают в сношение с великим князем киевским и как данники его просят себе другого князя — Рогволода — Бориса Друцкого (возможно, что эта кандидатура была им навязана самим Киевом).

3. Великий князь «сотвори волю их» и Рогволода «ведоша к Полотьску», где он и садится на княжение.

Таковы были, очевидно, первые условия, предъявленные князьями южнорусских земель. Принимая их, полочане тем самым приостанавливали дальнейшее продвижение противника в глубь Полоцкой земли.

Чем же объяснить, что киевская коалиция, при явно выигрышном для нее положении, подобно известным нам уже случаям XI в. (1021, 1067 гг. и др.), пошла на переговоры, снова не доведя похода до конца — окружения и взятия Полоцка? На этот раз такое явление следует объяснять, по-видимому, другими обстоятельствами. Причины, очевидно, теперь крылись в противоречиях в среде самих нападавших, в разногласиях между Ольговичами и Мономаховичами. Первым было выгодно одним взять Полоцк, возле которого они уже находились. Вторые стремились этому помешать. Победило, очевидно, среднее направление: Полоцк вообще не брали, но, свергнув полоцкого князя, сажали там своего ставленника (Рогволода-Бориса). Однако вопрос о кандидатуре на полоцкий стол несомненно не был простым. С одной стороны, победители, по-видимому, понимали, что полоцкий князь должен был быть местным (неместные князья никогда длительно в Полоцке не удерживались). С другой стороны, он не должен был быть ставленником Ольговичей или Мономаховичей отдельно. Кандидатура, предложенная, если верить летописи, полочанами и утвержденная союзниками, более или менее удовлетворяла тех и других. Рогволод-Борис был друцким князем, и, попав на полоцкий стол, он не был ставленником главных враждующих линий Мономаховичей и Ольговичей, которые боролись с Полоцком и Изяславлем (Друцк брал Ростислав со смолянами). С этой стороны он был очень удобной кандидатурой.

Но вопрос, очевидно, до конца еще решен не был. Запись 1130 г. говорит о суровой каре, которой подверг полоцких князей киевский князь за ослушание: они были высланы в Византию. Что произошло в Полоцкой земле за эти два года? В 1129 г., мы знаем, умер киевский ставленник Борис Всеславич (Рогволод). Вместе с ним, очевидно, канули в вечность и клятвы полочан в верности Киеву. Кого пригласило после этого Полоцкое вече — неизвестно, как неизвестно и то, как это произошло. Видимо, дело обошлось без санкции Киева, так как указаний на это после сообщения о смерти Бориса в киевской летописи нет. Полоцк, таким образом, снова начал стремиться к самостоятельности.

Отказ идти в поход против половцев — пункт, очевидно, предусмотренный договором 1128 г., вынудил киевского князя к решительным действиям против непокорных полоцких князей, что и выразилось в высылке

их за пределы русских земель. Нам трудно понять, как это произошло без специального похода на Полоцк, которого, очевидно, не было, так как о нем не говорит летописец. Вероятно, поражение 1128 г. было настолько сильным, что окончательно лишило их минимальной самостоятельности. Непонятно также, какие князья были сосланы и, следовательно, не подчинились Киеву. Четыре имени дает «Степенная книга» (Ростислав, Святослав, Василий и Иван). Позднее мы узнаем о возвращении лишь двух Рогволодичей (Василия и Ивана). Трудно решить также, был ли сослан бывший полоцкий князь Давид или он, как и Борис, к этому времени умер. К тому же, не все полоцкие князья, по-видимому, ссылались со своими взрослыми сыновьями. Так, например, Василько Святославич — сын высланного Святослава — избирается Полоцким вечем в 1132 г.

Полоцкая земля в 30—40-х годах XII в.

Смерть Мстислава Киевского принесла еще большие распри между князьями. Снова был нарушен порядок престолонаследия. Обиженным оказался Изяслав Мстиславич, не получивший киевского стола. Первоначально ему было предоставлено завоеванное Полоцкое княжество, в которое он был направлен с братом Святополком, но удел его, вероятно, не удовлетворил, и Ярополку предстояло снова перераспределить земли с тем, чтобы дать законному претенденту на киевский стол удел наиболее «достойный» и близкий к Киеву — Переяславль. Этим как бы подчеркивалось, что киевский стол при первой возможности будет предоставлен ему.

Но киевские князья удовлетворены не были. Братья Ярополка требовали наделения их лучшими землями. В результате в 1131 г. Изяслав был выведен из Переяславля «с нужею» и отправлен снова на северо-запад. Теперь, к единственному городу, который остался в его распоряжении — Минску (со времен Мономаха он все еще считался, очевидно, достоянием его рода), вместо утерянных северных областей Полоцкого княжества были даны южные — Туров и Пинск. Насилие, причиненное Изяславу, только подлило масла в огонь. Бросив свое Туровское княжение, этот князь уходит через Минск в Новгород и Ростов, где сносится с врагами Ярополка, поднимая их против одного из претендентов на переяславский стол — Юрия Долгорукого. Создаются две враждующие коалиции: на одной стороне — Ольговичи, Давыдовичи, Изяслав и Всеволод Мстиславичи, на другой — Мономаховичи: Ярополк, Юрий Долгорукий, Андрей Владимирович. Первая попытка новгородцев (посадник Мирослав) помирить Ольговичей с Мономаховичами не привела ни к чему. Некоторое примирение было достигнуто лишь при участии архиепископа новгородского Нифонта в 1135 г. По новому перераспределению земель Переяславль был отдан участнику коалиции Мономаховичей — Андрею, Влади-

мир — Изяславу Мстиславичу. 1136 год снова приносит с собой столкновения прежних коалиций. В этот раз Ольговичи приводят с собой половцев, вместе с которыми берут Преполь и Халеп.

Полоцкая земля при ставленниках Мстислава Изяславича (1130—1132 гг.)

Выслав князей в Византию, Мстислав полностью завладел Полоцкой землей и «мужи свои посади по городомъ ихъ» [82]. Что происходило в это время в княжестве — сказать трудно. Несомненно, ставленники Киева грабили страну, душили население поборами, да и сам Мстислав, по-видимому, приложил руку к тому, чтобы подорвать экономическую базу полочан, совершая походы на народы, дающие дань Полоцку. В этом отношении важен следующий текст летописи:

«В лѣто 6640 (1132) Ходи Мьстиславъ на Литву с сынъми своими и съ лговичи и съ Всеволодомъ Городеньскимъ и пожгоша я» [83]. Этот отрывок обычно не используется в данной связи, так как Полоцкое княжество в нем не упоминается. Вместе с тем сам факт похода Мстислава на Литву свидетельствует о связи его с предшествующими политическими событиями Полотчины. Посмотрим (см. табл. 7), когда упоминаются походы на Литву или ятвягов до этого времени (их всего шесть) [84].

Из табл. 7 следует, что походы на Литву и ятвягов в X, XI и начале XII в. организуются южнорусскими князьями только в тех случаях, когда Полоцкое княжество им или непосредственно подчинено (983, 1129, 1132 гг.), или находится с ними в дружественных отношениях (1038, 1040, 1112 гг.). Значит Полоцкое княжество само взимало дань со своих непосредственных соседей [85]. Позднее это подтверждает Генрих Латвийский [86] и некоторые другие исследователи. Поход Мстислава на Литву 1132 г., таким образом, был также связан с полоцкими событиями. Полоцкое княжество было полностью подчинено Киеву, князья его были «поточены», и Мстислав беспрепятственно подвергал разграблению подчиненные племена, подрывая экономическую базу княжества [87].

[82] ПСРЛ, т. II, стр. 295, 304.

[83] Там же, стр. 294.

[84] Мысль о возможной связи походов южнорусских князей на Литву с их взаимоотношением с Полоцком уже высказывалась А. Н. Насоновым (А. Н. Насонов. «Русская земля»..., стр. 154).

[85] Летописец, сообщающий в недатированной части летописи об инородных племенах, которые дань дают Руси, вероятно, имел в виду Полоцкое княжество (ПВЛ, т. I, стр. 13; А. Н. Насонов. «Русская земля..., стр. 152—154).

[86] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Л., 1938, стр. 71.

[87] Судя по Лаврентьевской летописи, ограбление сопровождалось большим полоном («веземъ полонъ многъ», ПСРЛ, т. I, вып. 2, стр. 301). Густынская летопись добавляет: «Литва же потом собравшеся гониша за Русью и погонивше Киян многих тогда побиша» (ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 293).

Таблица 7

Зависимость походов южнорусских князей на Литву и ятвягов от отношений с полоцкими князьями

Год	Направление похода	Имя нападающего князя	Отношения нападающего с полоцкими князьями
983	Ятвяги	Владимир Святославич	Полоцк подчинен Владимиру
1038	Ятвяги	Ярослав Владимирович	Полоцкий князь Брячислав воюет с Ярославом вместе „все дни своей жизни“ (т. е. до 1044 г.)
1040 *	Литва	Ярослав Владимирович	То же
1112	Ятвяги	Ярослав Святополчич	У киевского Святополка дружественные отношения с Глебом Минским. Ярослав Святополчич — дядя его жены
1129	Литва	Мстислав Владимирович	Полоцкие князья сосланы в Византию
1132	Литва	Мстислав Владимирович	То же

* Этот поход Новгородская 1 летопись (Комиссионный список) относит к 1044 г., что не противоречит нашей мысли (Новг. 1, стр. 181).

Однако внутри городских центров Полоцкой земли зрели новые силы, которым князья противостоять уже не могли. В этом отношении интересен отрывок летописи, где под 1132 г. сообщается о княжеских распрях вокруг Переяславля. Изгнав Юрия Долгорукого из этого города, Ярополк «посла по другого Мстиславича [по Изяслава] вь Полтескъ и приведе и с клятвою. Онь же оставив брата Святополка Полотьскѣ и приде в Переяславль на Госпожинъ день[88]; Полочане же рекше: «лишается насъ» и выгнаша Святополка, а Василка посадиша Святославича. Видѣвъ же то Ярополкъ, уладися с братьею и да Переяславль Вячеславу, а Изяслава выведе сь нужею и тое же зимы даша Изяславу Туровъ и Пинескъ к Мѣньску. То бо бяшеть его осталося передьниѣ волости его»[89]. Здесь опять, как и в тексте 1127 г., звучит новый, ранее не встречавшийся термин — «полочане», по-видимому, новая сила города — горожане.

В 1137 г. Полоцк участвовал в борьбе южнорусских князей на стороне противников Изяслава Мстиславича. «И не бе мира с ними (псковичами. — *Л. А.*) ни съ сужъдальци, ни съ смольняны, ни съ полоцяны, ни съ кыяны», — удрученно восклицает новгородский летописец[90].

[88] Православный праздник успения богородицы.
[89] ПСРЛ, т. I, стр. 301, 302.
[90] Новг. 1, стр. 25, 210.

О правлении Василька в Полоцке летописи не сообщают Есть лишь сведения о трогательной встрече им Всеволода и Святополка Мстиславичей — новгородских изгоев, приезжавших в Псков (1138 г.)[91]. Демонстрировалась, следовательно, антиновгородская политика полочан. Слабому Полоцку были выгодны и отношения с Мономаховичами, и в 1139 г. полоцкие «вои» участвуют в походах на Ольговичей[92]. В результате, по-видимому, с разрешения Ярополка Киевского, двум Рогволодичам — Василию (очевидно, Рогволоду) и Ивану было разрешено возвратиться на Русь. Однако, возвратившись (1140 г.), они застали на киевском столе Всеволода Ольговича, принадлежащего к враждебному лагерю. Пришлось поддерживать Ольговичей, принимать прежнего врага Святослава Ольговича, спасающегося бегством из Новгорода (в Смоленске, 1140 г.)[93] и т. д.

Правление Василька Святославича (1132—1144 гг.) в Полоцке, возвращение сосланных князей и перераспределение уделов

Вокруг возвратившихся князей началась дипломатическая игра, так как южнорусским князьям было выгодно перетянуть их на свою сторону. Всеволод Ольгович женит сына на Васильковне. Не отстает и Изяслав Мстиславич, выдавший дочь за Рогволода Борисовича[94]. Эти родственные узы приковывали потомков Святослава Всеславича и Бориса Всеславича к разным лагерям, враждующим в Русской земле. Епископ Козьма, поставленный в Полоцк в этом же (1140) году[95], несомненно отражал интересы одной из этих партий, и само поставление его в этот ответственный момент было далеко не случайным. Судя по тому, что в период правления ставленника Изяслава Мстиславича митрополита Клима епископ Козьма был в числе тех оппозиционных епископов, которые были лишены своих епархий, и смог возвратиться в Полоцк только после свержения Изяслава Мстиславича и, следовательно, Клима Юрием Долгоруким в 1156 г., догадываемся, что назначение епископа в Полоцк в 1143 г. было делом Ольговичей, все более проникающих в его внутренние дела.

Епископ — противник Мономаховичей — обеспечивал Ольговичам поддержку и оппозиционного полоцким князьям (сторонникам Мономаховичей) духовенства.

Кто был в это время полоцким князем — решить трудно. Васильковна, дочь полоцкого князя, могла выходить замуж и после смерти своего отца,

91 «Псковские летописи», II. М., 1955, стр. 76, 77.
92 ПСРЛ, т. I, стр. 305, 306.
93 ПСРЛ, т. II, стр. 307.
94 Там же, стр. 313, 314.
95 Там же, стр. 314.

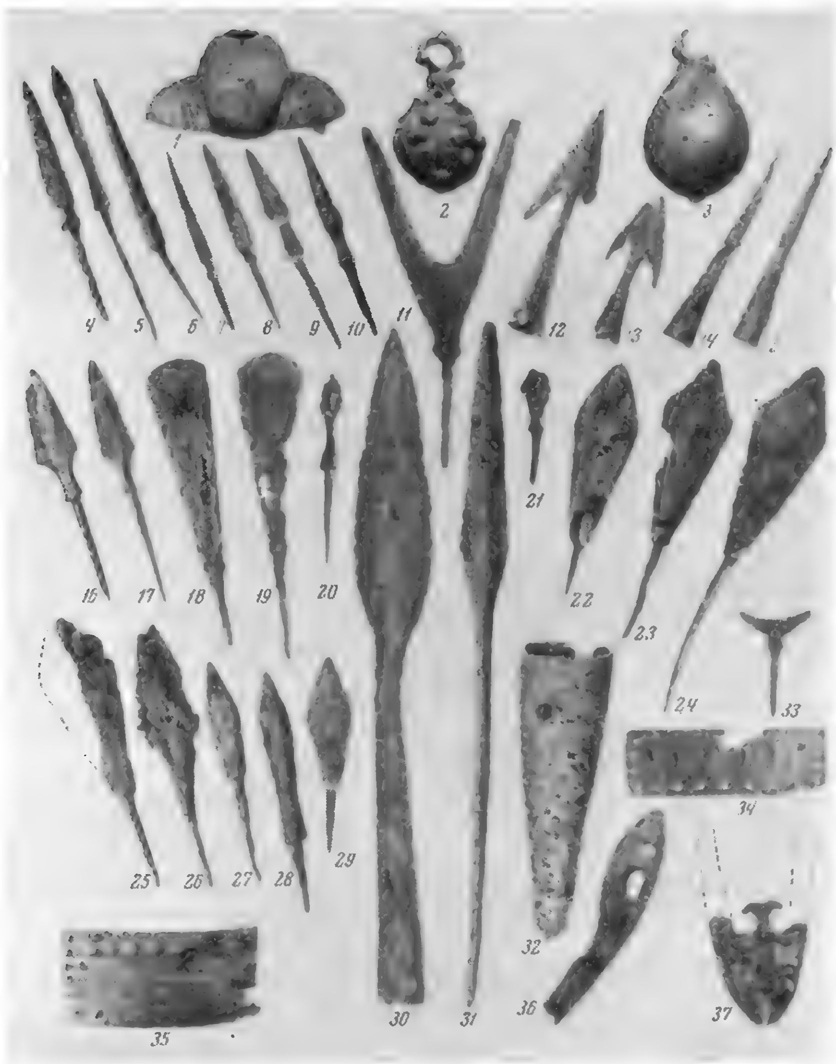


Рис. 72. Предметы вооружения из Друцка

1 — навершие меча (бронза); *2*, *3* — кистени; *4—29*, 33 — железные наконечники стрел; *30* — наконечник копья; *31* — дротик; *32* — вток; *34*, 35 — пластины панциря; *36* — петля для колчана; *37* — наконечник ножен

а Изяслав Мстиславич, отдавая «дщерь свою Полотьску», мог выдавать ее в Полоцк и за князя, не сидящего на полоцком столе.

Необходимые перемены в замещении полоцких княжеских столов, связанные с возвращением князей из Византии, создали, по-видимому, острую политическую ситуацию в стране. Во внутренних усобицах полоцкие князья снова вынуждены были опираться на южнорусские княжеские группировки. Следовательно, замещение полоцкого стола могло зависеть и от воли того великого князя, который в данный момент занимал киевский стол. Сообщая о свержении с полоцкого стола в 1151 г. Рогволода Борисовича, летопись не сообщает, когда этот князь, держащий сторону Мстиславичей и женатый уже на дочери Изяслава, сел здесь на княжение и сменил Василька. Мы вправе предполагать, что это произошло в 1146 г., что подтверждает, на наш взгляд, и Вокресенская летопись, которая относит вокняжение в Друцке якобы Глеба Рязанского к 1146 г.[96] Это, безусловно, ошибка сводчика. В Полоцкой земле были свои два Глеба — сын минского Ростислава Глебовича и друцкого Рогволода Борисовича. Сын последнего, очевидно, и получил в 1146 г. Друцк, а его отец, которого мы застаем в Полоцке позднее (1151) г.), именно теперь и ушел в Полоцк. Таким образом, с вокняжением в Киеве Изяслава в Полоцкой земле немедленно произошло перераспределение уделов. Полоцкий стол получил зять Изяслава Рогволод, его сын наследовал фамильный Друцк. А. П. Сапуновым было высказано предположение, что в 1146 г. в Минске утвердился Ростислав[97], что вполне согласуется со всем вышесказанным. Полоцк и остальные княжеские центры становятся теперь сравнительно мощными крепостями, военное значение которых подтверждают археологические находки древнего оружия в городах (рис. 72).

Полоцкая земля в середине и второй половине XII в.

Середина XII в. — одна из самых бурных эпох феодальной Руси домонгольского времени. Экономический рост отдельных областей и укреплений их политической самостоятельности, возрастающая борьба феодалов за увеличение земельной собственности — все это окончательно расшатало политическое единство древнерусского раннефеодального государства. Смерть Всеволода Ольговича (1146 г.) привела в движение всех русских князей, открыв широкие возможности борьбы за великое киевское княжение. Среди феодальных верхов в это время создаются две коалиции: Мономаховичи и (временно) Давыдовичи, с одной стороны, Святослав Оль-

[96] ПСРЛ, т. VII, стр. 242.
[97] «Россия», т. IX. СПб., 1905, стр. 413.

гович и Юрий Долгорукий — с другой. В 1150 г. киевский стол беспрестанно переходит из рук в руки[98]. В 1151 г. Юрий Долгорукий собирает огромную коалицию, в которую входят: Владимир Давыдович Черниговский, Святослав Ольгович Новгород-Северский, Владимир Галицкий, Святослав Всеволодович и ряд других князей, привлекаются даже половцы.

К этому походу не остались равнодушными и полочане, хотя активного участия в походе не приняли. Поход 1151 г. не удался Долгорукому. В следующем году он ссорится с Давыдовичами, и только 1154 год приносит, наконец, победу: ему удается получить киевское княжение.

Источниковедческие наблюдения и вопрос о заимствованиях из Полоцкой летописи

Включение вернувшихся из Византии полоцких князей в общерусскую политическую жизнь, по-видимому, снова подняло интерес летописцев к Полоцкой земле, политические события которой они иногда начали освещать, и даже подробно.

Тексты 50-х годов, касающиеся Полоцкой земли, сообщают о новых распрях тех же двух династических линий князей — Рогволодичей и Глебовичей между собой, по-видимому, за то же обладание полоцким столом. В 1151 г. «... яша (захватили. — *Л. А.*) полочане Рогволода Борисовича князя своего и послаша Мѣньску и ту и держаша у велицей нужи, а Глѣбовича собѣ уведоша и прислашася полотчане къ Святославу Олговичу с любовью, яко имѣти отцем собѣ и ходити в послушаньи его и на том целоваша хрестъ»[99]. Сюда примыкает статья 1159 г.[100], где летописец повествует о том, как Рогволод Борисович «иде... от Святослава от Олговича искать собе волости...» Его братья в 1151 г., оказывается, «не створиша ему милости ... в земше под ним волость его и жизнь его всю...» Из Слуцка[101] Рогволод сносится с дручанами, которые, изгнав Глеба Ростиславича, с радостью его принимают. События в Друцке всколыхнули Полоцк, где «бысть мятеж велик ... мнози бо хотяху Рогволода». Поход Ростислава Полоцкого на Друцк после кровавой битвы привел к временному примирению Ростислава с Рогволодом, но полочан это не удовлетворило. Был составлен заговор, члены которого тайно снеслись с Рогволодом: «Княже нашь, — писали они, — согрѣшили есмь к Богу и к тобѣ, оже вѣстахомъ на тя без вины и жизнь твою всю разграбихомъ и твоея дружины, а самого емше выдахом тя Глѣбовичем на великую муку. Да еще ныне помянеши всего того иже створихом своимъ безумиемъ и хрест к нам цѣлуеши, то мы людие твое, а ты еси нашь князь, а Ростислава (захватив

[98] См. Ипатьевскую летопись под этим годом (ПСРЛ, т. II, стр. 394—418).
[99] ПСРЛ, т. II, стр. 445, 446.
[100] Там же, стр. 493—496.
[101] Слуцк в это время — город Святослава Ольговича, который он отобрал у Изяслава (ПСРЛ, т. II, стр. 45—299).

отдадим тебе в руки. — *Л. А.*) ти емше вдамы в ручѣ, а еже хощеши, то створиши ему...» Рогволод ответил согласием, и заговорщики приступили к действиям.

Покушение было назначено на петров день 29 июня, когда Ростислава можно было вызвать к церкви Богородицы Старой на братчину. Князь, предупрежденный о заговоре, приехал «изловчивъся в бронъ подъ порты», очевидно, с усиленной охраной, и заговорщики «не смѣша на нь дѣрьзнути». Следующий день начался с веча, на котором избили сторонников Ростислава и куда обманом хотели вызвать Ростислава. Снова предупрежденный, не заезжая в город, князь бросился с дружиной из Бельчиц, к брату Володарю в Минск, грабя по пути Полоцкую волость. Сев на полоцкий стол и получив подкрепление из Смоленска, Новгорода и Пскова, Рогволод осадил Минск и через десять дней заключил с Глебовичами мир[102].

Текст этот выделяется необычайной подробностью в изложении полоцких событий и полностью он есть только в Ипатьевской летописи. Позднейшая Воскресенская и Никоновская летописи[103] содержат его в более сокращенном виде и оканчивают кратким сообщением о возвращении Рогволода в Полоцк. Небольшие изменения и добавления находим у В. Н. Татищева:

1. Все события он датирует 1158 г., куда присоединяет и сообщение о выдаче Рогволода Глебовичам 1151 г.

2. Неизвестные нам причины освобождения Рогволода он объясняет настоятельными требованиями Юрия Долгорукого. Воспользовавшись смертью последнего, Глебовичи, по В. Н. Татищеву, отказались выдать имущество освобожденного князя.

3. Восстав против Ростислава Глебовича, полочане, якобы для видимости, начинают переговоры с его сыном Глебом, сидящим в Минске, а на самом деле тайно сносятся с Рогволодом.

4. Будучи изгнан из Полоцка в Минск, Ростислав Глебович организовал специальный поход на Полоцк вместе с братьями, окончившийся безуспешно, после чего, возвращаясь обратно, он начисто разграбил Полоцкую волость[104]. Вероятно, в XVIII в. существовал еще один список разбираемой летописной статьи, где было заменено название Стрежев на Туров, ошибочность чего указал В. Н. Татищев уже в примечании. Все же текст, попавший ему, был исправнее нашего. В нем, например, была точная дата вокняжения Рогволода (8 июля), события были отнесены к 1158 г., что более правильно, так как упоминавшийся епископ Аркадий пришел в Новгород «мѣсяца сентября в 13 день, на канон святого Въздви-

[102] ПСРЛ, т. II, стр. 493—496.
[103] ПСРЛ, т. VII, стр. 67, 68.
[104] В. Н. Татищев. История Российская..., т. III. М.—Л., 1964, стр. 69 и сл.

жения»[105] 1158 г. С. М. Соловьев высказал мысль о принадлежности данного летописного отрывка полоцкой летописи[106]. А. А. Шахматов предполагал, что текст мог относиться к Владимирскому полихрону XIV в., отражающему «то киевский, то галицкий, то волынский летописец», и относил текст к черниговскому летописанию. Действительно, статья очень подробна. Летописцу известны не только детали переговоров, которые вел Рогволод из Слуцка с Друцком, но и то, что дручане устроили ему торжественную встречу. Он знает, что на эту встречу выехало 300 человек и даже осведомлен, что среди них были и жители Полоцка, т. е. эмигранты (!). Следя далее за борьбой этого князя за полоцкое княжение, летописец по дням излагает полоцкие события и даже не забывает незначительную деталь, что предупрежденный об опасности Ростислав, прежде чем бежать, снова заезжает в Бельчицы. По всем этим подробностям, по детально приводимым текстам переговоров читатель чувствует, что летописец или его информатор сам участвовал в походе и если не был в Полоцке до вокняжения Рогволода, то описывали события по горячим следам.

Однако «эффект присутствия» в последней части исчезает и заменяется сухой летописной констатацией факта. Встречающиеся небольшие подробности носят иной характер и не меняют дела (епископ Аркадий, проезжая через Смоленск, удержал Ростислава Смоленского от участия в походе на Минск; сдавая Изяславль, князь этого города выехал на поклон к Рогволоду и т. д.). О большой коалиции князей, организованной новым полоцким князем, говорится коротко, о десятидневной осаде Минска и переговорам князей внимания почти не уделяется и лишь сообщается о причине отсутствия прежнего минского князя — Володаря. Итак, информатор летописца активно участвовал в событиях, разыгравшихся в Слуцке, Друцке и Полоцке, и знал понаслышке о последующих действиях Рогволода и его коалиции. Значит, он находился в том войске Рогволода, которое участвовало в вокняжении его в Полоцке и затем, очевидно, ушло. Это мог быть только «полк Святославль» (т. е. Святослава Ольговича), помогавший сначала Рогволоду и не названный в последней его коалиции.

Итак, текст статьи 1159 г. о событиях в земле заимствован составителем Ипатьевского свода не из Полоцка или Черниговского летописания, а из Придворного летописца Святослава Ольговича, выделенного в составе Ипатьевской летописи М. Д. Приселковым[107].

[105] Новг. 1, стр. 30.

[106] С. М. Соловьев. История России, т. II. М, 1960, стр. 113; В. С. Иконников. Русская историография, т. II, вып. 1. Киев, 1908, стр. 536.

[107] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 50, 51. Когда настоящая рукопись уже находилась в издательстве, мне стала известна довольно интересная, но, как кажется, мало плодотворная попытка В. А. Чеме-

Рассмотрим дальнейшие летописные тексты о Полоцкой земле. Под 1158 г. в Ипатьевской летописи содержится обширная некрологическая запись, посвященная жене Глеба Минского и дочери Ярополка Изяславича. Оказывается, что Глеб «вда [Печорскому монастырю] в животѣ своемъ, съ княгинею, 600 гривень серебра, а 50 гривень золота, а по княжи животѣ княгини вда 100 гривенъ серебра, а 50 гривень золота; а по своемъ животѣ вда княгини 5 селъ и съ челядью, и все да и до повоя» [108]. Запись эта, конечно, принадлежит южнорусскому летописанию. Под 1159 г. Воскресенская летопись свидетельствует, что «Глѣбовичи Володшу и Брячислава яша во Изяславли и всадиши Володшу в поруб, а Брячислава окована дрьжахуть» [109]. К этому же источнику, несомненно, относится текст, встречаемый на этот раз и в Воскресенской и в Ипатьевской летописях, датированный следующим, 1160 г.: «Ходи Рогъволодъ с Полотчаны на Рославнаго Глѣбовича к Мѣньску, послал же Ростиславъ из Киева помочь Рогъволоду, с Жировславомъ с Нажировичем торк 600, а ты померше и придоша пѣши не дождавше мира. Рогъволодъ же, стоя около города 6 недель и сотвори мир с Ростиславомъ по своей воли и выстоя Володшю из поруба, а Брячислава из желѣзъ и целоваста хрест к себѣ» [110]. Одинаковые выражения, использованные в обоих отрывках, показывают, что оба они принадлежат перу одного автора. Смысл же сообщений, имевших лишь местное значение, позволяет, вероятно, отнести эти сообщения к полоцкому летописанию, против чего, правда, выражение «и придоша» от Минска, в то время как местный летописец скорее употребил бы выражение «и поидоша». Однако в Воскресенской летописи, где сохранился и первый текст, не вошедший в Ипатьевскую, смущающая нас фраза вовсе отсутствует и, по-видимому, в первоначальном тексте ее также не было, и мы, следовательно, не теряем оснований считать оба текста отрывками местного летописания. Под тем же, 1160 г. Ипатьевская летопись сообщает о походе Святослава Ольговича и ряда князей на Вщих, принадлежавший Святославу Владимировичу. Ему сопутствует и «Всеслав из Полоцка» (вероятно, один из сыновей Рогволода, что под-

рицкого вернуться к предположению С. М. Соловьева о принадлежности данного отрывка полоцкой летописи (В. А. Чамерыцкі. Да пытыння об раннім летапісанні Беларусі XII—XIII ст. «Весці АН БССР», серыя грамадскіх навук, вып. 3. Мінск, 1965, стр. 90—98). Не обратив внимания, где обрываются полоцкие подробности и полностью игнорируя возможность принадлежности текста летописцу Святослава Ольговича, автор заключает, что «перед нами летописный рассказ несомненно (!) полоцкого происхождения» (В. А. Чамерыцкі. Да пытання..., стр. 93), что «в период второго княжения Рогволода Борисовича в Полоцке была сделана попытка начать его короткую летопись» (В. А. Чамерыцкі. Да пытання, стр. 96) и т. д. Все это, безусловно, не соответствует действительности.

[108] ПСРЛ, т. II, стр. 492, 493.

[109] ПСРЛ, т. VII, стр. 71.

[110] ПСРЛ, т. II, стр. 505; VII, стр. 71.

тверждает и Густынская летопись)[111]. Этот отрывок, очевидно, заимствован из Летописца Святослава Ольговича. В Полоцке же в это время продолжал княжить Рогволод Борисович, который в этом же году помог Святославу Ростиславу, бежавшему из Новгорода, добраться до Смоленска, где сидел его отец[112]. По следующему, 1161 г., находим сообщение о новом походе Рогволода Борисовича на Минск и о примирении его с Глебовичами, которое также может восходить к местным летописям, так как оно касается внутренних дел Полоцкой земли, и никаких указаний на помощь извне нет[113]. Однако и здесь более надежных доказательств мы не имеем. Под 1162 г. в летописи помещено сообщение о внутренней борьбе полоцких князей:

«Том же лѣтѣ приходит Рогъволодъ на Володаря с Плотьчаны к Городцю, Володарь же не да ему полку въ дне, но ночь выступи на нь из города с Литьвою и много зла створися в ту ночь он ѣхъ избиша, другыя руками изоимаша множьство паче изъбьенных. Рогъволодъ же вбѣже в Случьск и ту бывъ три дни иде въ Дрьютескъ, а Полотьску нѣ смѣ ити, занеже множьство погибе полотчань. Полотчане же посадиша в Полотьски Василковича»[114]. Это опять полоцкое известие, в котором отсутствует упоминание о какой-либо помощи извне. В Слуцке в то время сидел князь — представитель линии Мстислава — Владимир Мстиславич. Конечно, в этом городе знали от дружины Рогволода и от него самого о событиях, происшедших с ним, но маловероятно, чтобы через третьи руки события, столь далекие от южной Руси и для нее неважные, дошли до киевского летописца. Скорее и здесь следует предполагать снова тот же местный источник, который сквозит на предыдущих страницах Ипатьевской и Воскресенской летописей. Любопытно, что и здесь так же, как в одном из предыдущих случаев, мы находим фразу, наличествующую в Ипатьевском своде и отсутствующую в Воскресенском: «Занеже множьство погибе Полотчан»[115]. Под тем же годом летопись, между прочим, сообщает об участии «кривских князей» в коллективном походе князей на Слуцк[116]. Источник ее явно не местный (полоцкие князья именуются просто «кривскими», даже без указания имен) и происходит, может быть, из того же Летописца Святослава Ольговича. Как предполагал уже В. Е. Данилевич[117], под кривскими князьями Летописец понимает

[111] ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стр. 509 (Ипатьевская летопись). ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 306 (Густынская летопись).
[112] ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стр. 511.
[113] Там же.
[114] Там же, стр. 519.
[115] Даннсе событие Воскресенская летопись помещает под 1161 г. (ПСРЛ, т. VII, стр. 75).
[116] ПСРЛ, т. II, стр. 521.
[117] В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли. . ., стр. 93.

не всех князей Полоцкой земли, а только их часть — минских Глебовичей — северных соседей слуцких князей. Рогволод Борисович и Всеслав Василькович, как увидим, придерживались мономаховско-мстиславичской ориентации, и один из них только что пользовался гостеприимством слуцкого Владимира Мстиславича. Более важен для нас летописный текст статьи 1165 г., где впервые мы узнаем о постепенном политическом распаде Полоцкой земли, об отделении от нее Витебского удела, который начинает тяготеть к Смоленску [118]. Из текста статьи 1167 г. узнаем, что, борясь с минскими Глебовичами, Полоцк также ищет поддержки Смоленска [119]. Последняя фраза данной статьи (Давид Витебский «Всеслава посла кь Полотьску») и весь стиль сообщения показывают, что теперь летописец получал сведения из Витебска непосредственно (Всеслав не приходит к Полоцку, а посылается Давидом Витебским в Полоцк). Ища помощи у князей неполоцких династий, полоцкие князья вынуждены были, по-видимому, и сами поддерживать тех в междоусобной борьбе. Так, в том же 1067 г. «полочане», наряду со смольнянами, помогают Андрею Боголюбскому в борьбе с Новгородом [120], за что в следующем году «Полоцкая волость» подвергается ответному нападению новгородцев совместно с псковичами [121]. В этом же, 1168 г., полочане в союзе со смоленскими Ростиславичами безуспешно нападают на Киев [122]. Отсутствие сведений о всех этих событиях в южнорусских сводах вряд ли случайно. Борьба с Новгородом, естественно, всего более волновала новгородцев, летописцы которого и занесли сведения о событиях в свою летопись.

Последнее сообщение о Рогволоде Борисовиче находим на известном Рогволодовом камне, представлявшем некогда, по мнению некоторых авторов, дольмен [123]. Камень (ныне уничтоженный) находился неподалеку от Коханова и содержал следующую надпись: «В лѣто [1170] мца мала в З ДНЬ Доспень [к]РЬ сиІ гипомози [ра]бу своему Василию в крщени [и] [и] менемь Рогволод [у] сну Борисову» [124].

Итак, рассмотрение письменных источников позволяет считать, что, повествуя о событиях Полоцкой земли середины XII в., летописец пользо-

[118] «Том же лѣте [1165] Давыд Ростиславьичь сѣде Витебьски, а Романовичи, Вячиславлю внуку, да Ростиславь Васильевъ и Краснъ» (ПСРЛ, т. II, стр. 525).

[119] ПСРЛ, т. II, стр. 526, 527.

[120] Новг. 1, стр. 220.

[121] «Ходиша Новгородци с плесковици к Полтеску и пожгоша волость и воротишаяся от города за 30 веръст» (Новг. 1, стр. 220, т. е. «новгородци зашли, очевидно, за Неколоч»).

[122] Там же, стр. 220, 221.

[123] «Виленский дневник» 1818, № 11, стр. 394; А. К. Киркор. Белорусское Полесье. «Живописная Россия», III. СПб., 1882, стр. 245. Назначение этой надписи недавно выяснено Б. А. Рыбаковым (Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. САИ, Е1-44. М., 1964, стр. 26, 27).

[124] В. П. Таранович. К вопросу о древних лапидарных памятниках..., стр. 252.

вался южнорусскими источниками (Летописец Святослава Ольговича), новгородскими летописями, и некоторые события заимствовал из источников, использовавших местное летописание. Следует, таким образом, полагать, что, как во многих других древнерусских княжествах, в Полоцке во второй половине XII в. уже существовало свое летописание.

Политическая борьба друцких и минских князей в 1151—1162 гг.

В. Н. Татищев и Н. М. Карамзин справедливо отнесли события 1159 г. к 1158 г. (мы уже говорили о датировке летописью приезда епископа Аркадия в Новгород в 1158 г.). Ростислав Глебович, следовательно, правил в Полоцке не 8, а 7 лет. Наиболее подробное толкование данных отрывков летописи находим у В. Е. Данилевича. Однако при специально предпринятой нами проверке выяснилось, что все его построения неверны вследствие отказа от детального рассмотрения сообщений летописи по всей Руси в целом и полного недоверия к В. Н. Татищеву, что, с легкой руки Н. М. Карамзина, характерно для мчогих исследователей XIX в.[125]

Пытаясь найти объяснение изгнанию Рогволода полочанами в 1151 г. и отмечая, что в летописи прямых указаний на это нет, В. Е. Данилевич строил различные маловероятные предположения[126]. Попробуем пойти косвенным путем. Девятилетие 1147—1156 гг. связано в Киеве с деятельностью митрополита Клима Смолятича, хиротонисанного по указанию Изяслава Мстиславича наперекор Византии. Со смертью Изяслава (1154 г.) Клим был сменен митрополитом из Византии (1156 г.). Для его встречи киевский князь Юрий Долгорукий пригласил только тех епископов, которые в предыдущем избрании Клима не участвовали, за исключением одного, который был им недоволен, писал на него «рукописание» и т. д. Словом, византийского ставленника встречали те епископы, которые были недовольны умершим киевским князем. Среди них называется имя и полоцкого епископа[127]. Все это приоткрывает завесу над внутренними событиями Полотчины в конце 40-х—начале 50-х годов XII в. В Полоцке до 1151 г. правил Рогволод Борисович, ориентировавшийся на Мономаховичей-Мстиславичей. Им было недовольно полоцкое вече, изгнавшее его, наконец, и вступившее в сношения со Святославом Ольговичем. Итак, в Полоцке с первых же лет правления Рогволода было неспокойно. Налицо несомненные расхождения его с местной епископией, которая, очевидно, была в контакте с недовольным боярством, возглавляющим вече. Таким образом, мы не знаем настоящих причин изгнания Рогволода, но понимаем, что в его судьбе в 1151 г. не последнюю роль сыграла церковь.

[125] В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли..., стр. 87—87 и сл.
[126] Там же, стр. 86.
[127] ПСРЛ, т. II, стр. 485.

В. Е. Данилевич также считал, что поход полочан с Изяславом Давидовичем (с которым Святослав Ольгович был якобы в натянутых отношениях) на Туров послужил причиной тому, что маститый Ольгович перестал их поддерживать и помог Рогволоду захватить Друцк. Мы видели выше, что причины были в другом. К тому же, рассмотрение летописи показывает, что «натянутых» отношений между упомянутыми князьями тогда не существовало[128].

Почему именно Святослав Ольгович, а не иной русский князь привлек внимание полочан при изгнании Рогволода? Почему через семь лет он выступил в защиту изгнанного князя, после того, как Юрий Долгорукий потребовал его освобождения? Мы видели, что с возвращением из Византии полоцкие князья, враждуя друг с другом, стремились заручиться поддержкой южнорусских князей — Мономаховичей (Мстиславичей) и Ольговичей, союзы с которыми были частично закреплены династическими браками. Следовательно, сначала надлежит обратиться к общерусским политическим событиям, связанным с названными князьями, и выяснить их роль в этих событиях. Перелистывая Ипатьевскую летопись, начиная с 1149 г., когда Юрий Долгорукий сел на киевское княжение, и до 1158 г., когда он умер, приходим к заключению, что все это время князь боролся с Мстиславичами, и в этой борьбе большей частью пользовался поддержкой Святослава Ольговича. Однако отношения их были далеко не всегда одинаковыми. В 1149—1151 гг. Святослав Ольгович пользуется полным доверием Юрия Долгорукого, который в этот период необычайно силен и дважды добивается киевского стола (1149 и 1150 гг.). При разделе волостей Долгорукий выдает ему Слуцк, Клецк и «вси дреговичи» (1149 г.), добиваясь вторично Киева (1150 г.), просит его помочь и вместе с ним продолжает борьбу с Изяславом Мстиславичем в следующем, 1151 г. («Гюрги есть силен, а Давидовичи и Ольговичи с ним суть»). Этот год переломный в их отношениях. Юрий Долгорукий теперь слабеет, что вынуждает его идти на временное соглашение с Изяславом Мстиславичем и Вячеславом. Добиваясь ухода Юрия в Суздаль, что было предусмотрено соглашением с ним и им не выполнялось, Изяслав Мстиславич осаждает Долгорукого у его сына в Остерском Городце. Среди осаждавших войск

[128] Единственный разрыв между князьями произошел в 1155 г. вследствие ухода Святослава Ольговича в лагерь надвигавшегося Юрия Долгорукого, что было нарушением хоробрьской клятвы двух князей 1153 г. («якоже за один мужь быти». ПСРЛ, т. II, стр. 465). Однако в интересующие нас годы все, видимо, было забыто. Так, после 1155 г., в том же году, Изяслав Давидович, Святослав Ольгович и Юрий Долгорукий заключают взаимное соглашение (ПСРЛ, т. II, стр. 477 и сл.) и в следующем, 1156 г., идут на «снем» с половцами (там же, стр. 485), в следующем, 1157 г., оба князя собираются идти в поход с Юрием Долгоруким на Мстислава Изяславича (правда, Юрий их не взял, там же, стр. 486). Став вторично киевским князем в 1158 г., Изяслав помогает Святославу Ольговичу получить Чернигов. Таким образом, указанное утверждение В. Е. Данилевича основано на недоразумении.

мы видим и «помощь» Святослава Ольговича. Юрий, наконец, уходит в Суздаль, и по дороге его «с честью великою» принимает Святослав Ольгович в Новгороде-Северском, давший ему к тому же транспорт («повозы»). Однако отношения уже были подорваны. В следующем, 1152 г., Святослав Ольгович неохотно идет с Юрием Долгоруким на Чернигов и после неудачной осады, почти не поддержанный Долгоруким (который, несмотря на его просьбы, оставляет ему в помощь лишь 50 человек дружины вместе с сыном Васильком), чуть не теряет при осаде Изяславом Мстиславичем новгород-северское княжение. По смерти Изяслава Мстиславича (1154 г.) при княжении в Киеве Изяслава Давидовича Святослав Ольгович пытается поддерживать и этого князя, но понимает, что «перед Гюргем невозможно им удержаться». Узнав о походе на Киев Юрия, он немедленно бросает Изяслава, униженно встречает «свата» у «Синина мосту», у Радогоща, и дважды посылает в Киев, предлагая Изяславу уступить этот город Юрию Долгорукому (1155 г.). В дальнейшем Святослав Ольгович не покидает Долгорукого и получает от него Мозырь, но Долгорукий ему уже откровенно не верит и даже отказывается от его участия в походах (1157 г.). В 1158 г. Юрий Долгорукий умер. Итак, с 1149 г. Святослав Ольгович — ближайший сосед Глебовичей минских: он владеет Клецком, Слуцком и «всеми дреговичами». Обращаясь к нему после ареста Рогволода, Глебовичи, по-видимому, получали поддержку мощной южнорусской коалиции, группирующейся вокруг Юрия Долгорукого, что обеспечивало безнаказанность их действия на много лет вперед.

Так это понимал и В. Н. Татищев, который прямо указывал, что полочане просили Святослава Ольговича, «чтобы он был князю их (т. е. Ростиславу Глебовичу. — *Л. А.*) в отца и их обороняя»[129]. Теперь становится понятным и вмешательство Юрия Долгорукого в полоцкие дела в 1157 г. с требованием освобождения Рогволода. В конце своей жизни грозный князь изверился в былой преданности старшего Ольговича. Освобождение Рогволода и, вероятно, предполагавшееся последующее его возведение на полоцкий стол (что Долгорукий не успел сделать) наносило удар по одному из союзников Святослава Ольговича — полоцким князьям — Глебовичам. Смерть помешала Юрию Долгорукому довести свои планы до конца. Рогволод был освобожден, но не только не получил полоцкого (и даже друцкого) стола, а судя по сведениям В. Н. Татищева, все его имущество осталось у Глебовичей, воспользовавшихся смертью киевского князя[130].

Однако Святослав Ольгович, по-видимому, был недоволен Глебовичами и на этот раз поддержал Рогволода, дав ему свой полк,

[129] В. Н. Татищев. История Российская, т. III. СПб., 1774, стр. 57.
[130] В. Н. Татищев. История Российская, т. II, 1963, стр. 62.

с помощью которого он проник сначала в свою вотчину — Друцк, где он был радостно принят, а затем и в Полоцк.

Что же дает рассмотренный текст, кроме соображений о дипломатической игре различных княжеских партий Русских земель (и Полоцкой в том числе)? Прежде всего мы узнаем о тех недовольствах, которые вызвало семилетнее правление Глебовичей в Полоцкой земле. Летопись указывает, что по вокняжении в Друцке Рогволода в Полоцке немедленно вспыхнул «мятеж велик», «мнози бо хотяху Рогъволода», и Ростиславу Глебовичу с большим трудом удалось установить порядок, «одарив многыми дарми и води я к хресту». Ясно, что здесь речь не идет о беднейших слоях населения, одаривали и водили к кресту, вероятно, именитых жителей Полоцка — местную боярскую верхушку и крупное купечество, стоявших во главе веча, за которыми шел и весь торгово-ремесленный люд. Измены этой олигархической верхушки и боялся Ростислав. От них и зависело, очевидно, «утишить» мятеж «в Полочанех». Кроме этой, условно говоря, «рогволодичской партии» полочан, в Полоцке существовала и противоположная, сторонников Ростислава, на что есть прямое указание летописи («дружину ти избивають»). Однако, если полочане были усмирены, то «гнойник» оставался: в Друцке сидел претендент на полоцкий стол — Рогволод Борисович. Поход на него дал лишь незначительные и явно временные результаты. Рогволод «затворился» в городе. Друцк был осажден, но не взят. По-видимому, успех осады был переменным («и много от обоих падаху»), а результаты выгодны для Рогволода, который, присягнув в верности Ростиславу, получал приращение территории («прида волости Рогволоду»).

Все же недовольство семилетним хозяйничаньем Глебовичей, видимо, было выше соображений верности «крестному целованию». Несмотря на заключенный мир, в Полоцке шли тайные переговоры о необходимости возведения на стол Рогволода и выдаче ему Ростислава. Посольство в Друцк оказалось удачным, и «рогволодовичская партия» именитых полочан решила, воспользовавшись братчиной в праздник Петра и Павла (29 июня), привести свой план в исполнение. В первый день этого сделать не удалось, во второй, узнав об их планах, Ростислав бежал в Минск, освободив княжение для Рогволода, и князь был возведен на полоцкий стол, судя по сведениям В. Н. Татищева, 8 июля 1158 г.

Начиная с конца 50-х годов XII в. количество сведений о Полоцкой земле начинает необычайно расти, и до 1180 г. их можно насчитать по разным источникам почти до двух десятков. Это объясняется политикой ее князей, мечущихся между различными коалициями князей других земель и все более теряющих свою самостоятельность.

Получив с помощью посторонних князей полоцкий стол, Рогволод Борисович оказывается перед необходимостью действовать на два фронта. Внутри земли он ведет борьбу с Глебовичами и, усмиряя их, почти еже-

годно совершает на них походы. Вне страны он, связанный, вероятно, обязательствами с другими князьями, вынужден поддерживать их своими силами в их грабительских походах друг на друга, что не могло не влиять на его внутреннюю политику и несомненно его ослабляло. Так, получив стол в 1158 г., Рогволод немедленно принял участие в походе великого князя Изяслава Давидовича на Туров, который предполагалось отдать Владимиру Мстиславичу. В следующем, 1159 г. он вынужден бороться под Минском за освобождение своих сторонников — Володши и Брячислава (последний князь Изяславля), неожиданно схваченных Глебовичами.

В следующем, 1160 г., Рогволод посылает Всеслава Витебского (в летописи сказано: «из Полоцка», но Всеслав был сын Василька Святославича Витебского и в Полоцке, вероятно, получил только войско) на помощь Святославу Ольговичу (которому полоцкий князь был обязан столом) для взятия Вщижа. А следующие два года снова тратит на борьбу с Глебовичами. Если поход 1161 г. оканчивается заключением мира, то в следующем, 1162 г., он бесславно кончает полоцкое княжение, потерпев страшное поражение под Городцом, после которого панически бежит в Слуцк, а оттуда в свой Друцк, боясь гнева полочан, которые приглашают теперь витебского Всеслава, «до сих пор не участвовавшего в борьбе между полоцкими князьями и, вероятно, принявшего, как это обычно бывало, условия «ряда», выработанного полоцкими феодалами и торгово-ремесленной верхушкой» [131].

Полоцкая земля в 60—70-е годы XII в.

Появление на полоцком столе вновь Васильковичей, свергнутых при возвращении полоцких князей из византийской ссылки, не могло не подогреть страсти среди «обойденных» князей. Усобицы усиливаются: вся земля как бы распадается на две (первоначально даже на три) части. Первую составляет Полоцк и Витебск, вторую — Минск, третью — Друцк. По каким-то внутренним договорам в 1165 г. Витебск отходит к представителю смоленской династии — Давиду Ростиславичу [132], с которым через два года блокируется Всеслав Василькович Полоцкий, видимо под угрозой нападения Глебовичей. В этом же году (1167 г.) Володарь Минский захватывает Полоцк, клянется в верности полочанам и бросается в погоню за Всеславом, укрывшимся в Витебске. Однако, по ложному слуху о приближении Романа Смоленского, Володарь, боявшийся окружения, уходит в свои земли, а Да-

[131] В. И. Пичета. Полоцко-минское княжество. «Очерки истории СССР IX—XIII вв.» М., 1953, стр. 387. Автор смешивает Рогволода Борисовича с его отцом Рогволодом Всеславичем, умершим, как указывалось, в 1128 г.

[132] ПСРЛ, т. II., стр. 525.

вид Витебский посылает (sic!) Всеслава в Полоцк [133]. Таким образом, сознавая, что с Глебовичами бороться ему не под силу, Всеслав Василькович не только жертвует Витебск союзным смоленским князьям, но и сам попадает к ним в зависимость.

Связь со Смоленском втягивает Всеслава Васильковича и в другие коалиции, в которых участвуют смоленские князья. В это время начинается ожесточенная борьба Суздаля с Новгородом. В 1167 г. Андрей Боголюбский насильно сажает в Новгороде изгнанного оттуда Святослава Ростиславича — сына смоленского князя, а смоляне и действующие с ними за одно полочане «пути заяша и послы изьмаша новгородчкыя всѣдѣ, а вести не дадуще Кыеву» [134]. Правда, связь с киевским Мстиславом была, наконец, налажена обходным путем через врагов полочан — известного нам Володаря и какого-то Вячку (вероятно, также Глебовича) [135]. Впрочем, Святослав Ростиславич в Новгороде не удержался и бежал в Суздаль, новгородцы же «от Семеня дни до велика дни» [136] ждали сына киевского Мстислава, с которым летом 1168 г. совершили ответный поход на Полоцк, когда «пожгоша волость Полоцк» и «воротишаяся от города за 30 верст» (очевидно, дошли до Неколоча). Таким образом, кроме Смоленщины, Полоцкая волость-удел прочно связывается и с Андреем Боголюбским. Об их совместных походах на Киев читаем под 1168 г.[137], на Новгород под 1169 г.[138] Во главе коалиции стоит теперь сам Боголюбский, который в 1174 г. организует новый поход на Киев [139]. Новый поход новгородцев на Полоцк (1078 г.), своеобразно аргументируемый его организаторами как отмщение за походы Всеслава Полоцкого на Новгород в XI в.[140], был остановлен смоленским князем Романом Ростиславичем, в свою очередь защищавшим своих полоцких союзников [141].

[133] В Новгородскую 1 летопись здесь вкралась, по-видимому, неточность, так как упоминаемый в статье 1067 г. Мстислав Изяславич стал киевским князем только в 1169 г. (ПСРЛ, т. II, стр. 535).

[134] Новг. 1, стр. 220.

[135] Вряд ли это тот Вячко, который упоминается Генрихом Латвийским (Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 107).

[136] Новг. 1, стр. 220.

[137] Там же, стр. 220, 221.

[138] Там же.

[139] ПСРЛ, т. II, стр. 574. («полотьским князем пойти повеле всем»). Для характеристики коалиции, в которую входили полочане, небесполезно вспомнить слова Андрея Боголюбского, сказанные им Ростиславичам. Напоминая о том, что они целовали к нему крест, он говорит: «... нарекли мя есте себя отцом». Очевидно и полоцкие князья находились в подобной зависимости.

[140] Мстислав Ростиславич Новгородский «на весну сдума с мужи своими пойде на Плотьскь на зятя на своего на Всеслава: ходил бо бяше дьдь его на Новгородь и взял ерусалим церковный и сосуды служебныь и погост один завел за Полтексь» (ПСРЛ, т. II, стр. 608).

[141] ПСРЛ, т. II. стр. 609.

Через два года политическая ситуация в корне изменилась. Уже смерть Андрея Боголюбского, павшего жертвой боярского заговора (1175 г.), внесла, по-видимому, коррективы в соотношение сил князей. В 1179 г. умирает былой враг полочан Мстислав Ростиславич Новгородский, а еще через год (1180 г.) — их основной союзник и защитник Роман Ростиславич.

Новая политическая ситуация. Борьба с Друцком новой коалиции 1180 г.

Под 1180 г. летописец рисует следующую картину: князь Ярослав Всеволодович и герой «Слова о полку Игореве» князь Игорь Святославич «сдумали» с помощью половцев напасть на Друцк. Было решено, что великий князь Святослав Всеволодович, только что воевавший в Суздальской земле и заехавший с сыном Владимиром ненадолго в Новгород, возвращаясь оттуда на юг, повернет к Друцку и поддержит нападающих. Инициаторы похода, вероятно, уже знали, что к ним присоединятся Брячислав Василькович Витебский, Всеслав Василькович Полоцкий, Всеслав Микулич Логожский, Василько Брячиславьич, князь изяславский (так как до княжения в Витебске его отец владел, видимо, этим городом), более мелкие князья Полоцкой земли — Андрей Володшич (очевидно, сын Володши, закованного некогда в Минске) и его «сыновец» Изяслав, а также «либь» и «литва». В соответствии с общим соглашением все эти князья подходят к Друцку, но, в виду задержки в Новгороде Святослава, минуют этот город и направляются к нему навстречу. Тем временем Глеб Рогволодич Друцкий открывает ворота смоленскому Давиду, который намеревается его защищать. Уяснив, по-видимому, ситуацию и поняв, что в их интересах не давать врагам объединиться со Святославом, Давид немедленно отправляется в погоню, стремясь зайти «за Ярослава» (т. е. оказаться у него в тылу). Не желая принимать сражения без Святослава, Ярослав и Игорь отступают за Друть и становятся в «твердые места». Войска стоят «обапол» Друти без сраженья неделю и, по сообщению летописца, только стрельцы Давида время от времени приезжают и крепко бьются с неприятелем. По приходе Святослава войска гатят Друть и готовятся к сражению. Давид не рискует сражаться со Святославом. Бросив Друцк на произвол судьбы, он ночью бежит в Смоленск. Святослав поджигает друцкий «острог» (стены), отпускает приехавших с ним новгородцев и уходит к Рогачеву (рис. 73). Поход оканчивается ничем.

Что же послужило причиной всех этих событий и почему Друцк не был взят? С переходом Давида Ростиславича в Смоленск (1180 г.) Витебск достался (вряд ли не без участия веча) брату полоцкого Всеслава — Брячиславу, т. е. был возвращен Полоцкой земле. События 1180 г. показывают, что противник обоих Васильковичей Глеб Рогволодич Друцкий был привлечен Давидом на свою сторону и оказался под

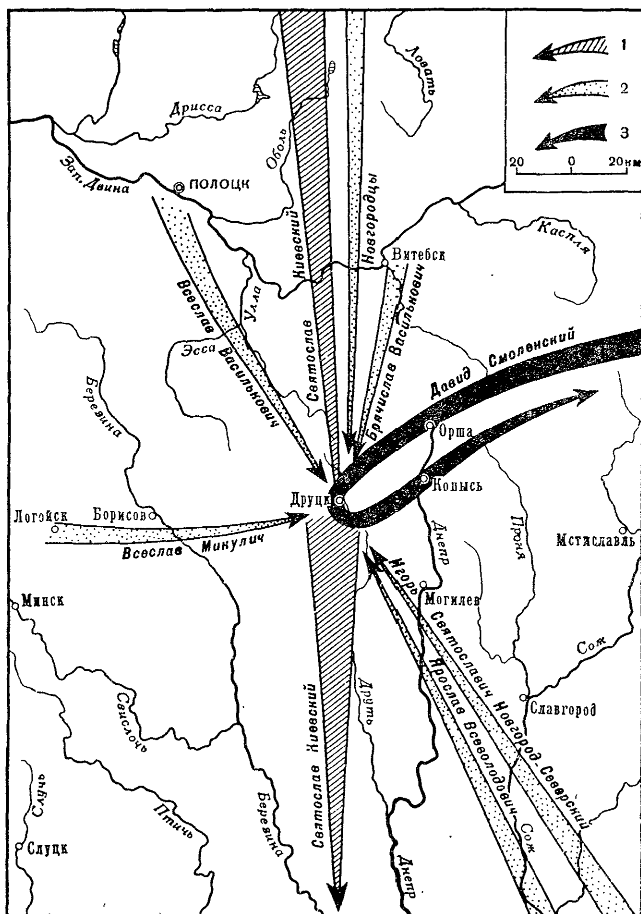


Рис. 73. Коалиционный поход князя Игоря Святославича и других князей на Друцк 1180 г.

1 — движение Святослава Киевского; *2* — движение его союзников; *3* — движение Давида Смоленского

эгидой Смоленска, контролировавшего теперь ключевые позиции друцко-ушачского волока. Борьбой за возвращение этого главнейшего пути полочанам и следует объяснить огромный коалиционный поход. Уже количество князей, нападающих на Друцк, показывает, как не прав В. Е. Данилевич, утверждая, что «для Ростиславичей союз со слабым Друцком не представлял много выгод» [142]. Нам ясно, почему осада Друцка была снята. Бегство смоленского Давида автоматически решало вопрос в пользу Полоцка.

Полоцкая земля накануне перехода к Литве

Политическая история Полотчины в конце XII—начала XIII в. — наименее ясна. Русские летописи почти замолкают, и лишь несколько сведений мелькает в Новгородском летописании. Основным источником становится «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского — участника немецкой агрессии в Прибалтике в XII в.[143]

Вопрос о том, какая коалиция князей правила теперь в Полоцке, не ясен. Летописец в последний раз упоминает имя полоцкого князя под 1186 г. (Всеслав Василькович) [144]. Но епископ Мейнард испрашивал разрешение на крещение ливов в том же 1186 г. у полоцкого «короля» Владимира, княжившего затем в Полоцке, судя по этому источнику, почти 30 лет (ум. 1215, см. ниже) [145]. Летопись не противоречит хронике: в походе на Полоцк 1186 г. она упоминает друцкого Всеслава и, следовательно, уступая полоцкий стол «загадочному» Владимиру, Всеслав занял друцкое княжение. Другого князя в 1186 г. мы застаем и в Логожске (Василько Володаревич) [146]. Можно предполагать, что при появлении в Полоцке Владимира при перераспределении столов этот город попал к минским Глебовичам.

Полоцк и Прибалтика и их совместная борьба с немцами

Политические взаимоотношения Полоцкой земли и прибалтийских племен, недостаточно еще выясненные в науке, заслуживают особого внимания, так как проливают дополнительный свет на их последующую борьбу с тевтонским орденом. Изучая рост территорий отдельных княжеств Киевской Руси, мы видели, что первоначальная дань с прибалтийских племен взималась Полоцком. С усилением княжеских распрей в середине XII в. связь с этими племе-

[142] В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли. . ., стр. 98.
[143] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии.
[144] ПСРЛ, т. I, стр. 403; т. VII, стр. 100.
[145] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 179.
[146] ПСРЛ, т. I, стр. 403.

нами в Полотчине начинает носить не только чисто экономический характер. Полоцкие князья теперь привлекают литовских конников (о ловкости которых в ведении войны говорит и Генрих Латвийский)[147]; для поддержки в их распрях (1158, 1162, 1180 гг. и др.) используется также и «либь» русских летописей (ливы) и т. д.

Но вот в 1186 г. в устье Западной Двины с купеческого торгового судна сходит первый миссионер — немецкий священник Мейнард, взявший на себя неблагодарный труд крещения языческих аборигенов. Испросив разрешения у полоцкого князя — сюзерена страны, Мейнард ревностно принимается за дело, так и не увенчавшееся при его жизни (в течение 10 лет) успехом[148]. В Полоцке, правители которого были заняты местными распрями и взаимоотношениями с политическими группировками других земель, по-видимому, не отнеслись серьезно к данному предприятию, не поняли первоначально тех опасностей, которые оно за собой влекло. Между тем умершего Мейнарда (1196 г.) сменяет убитый через год епископ Бертольд (1197—1198 гг.) и, наконец, надолго утвердившийся епископ Альберт. Возведение последним в устье Западной Двины крепости Рига (1201 г.)[149] и блокирование тем самым жизненно важного для Полотчины водного торгового пути, не могло, естественно, не насторожить Полоцк. Заключение литовцами союза с Альбертом и последующее нападение их на Земгаллов (1201 г.) вынудило полочан к немедленным ответным действиям, заставившим литовцев отступить[150]. Дальнейшее закрепление немцев в Ливонии, выразившееся в построении крепости Дюнамюнде (1202 г.), все усиливающееся хозяйничанье их в подвластных Полоцку землях и, наконец, учреждение папой специального ордена меченосцев, ставило вопрос о полоцких данниках в Прибалтике и прежде всего о ливах со всей остротой. Именно так, вероятно, следует понимать поход полоцкого Владимира на замок Икесколу, когда, как сообщает Генрих Латвийский, он прекратил осаду города не раньше, чем получил с ливов дань. Нападая тогда же на окрестности Риги (1203 г.), герцикский князь с литовцами, очевидно, выражал то же недовольство «пилигримами»[151].

1205 год внес новые осложнения в жизнь полоцких князей. Епископ Альберт вернулся из Европы со значительным пополнением «латинских пилигримов», что уже непосредственно угрожало наиболее западным полоцким городам, и кукенойский князь Вячко поспешил в Ригу для заклю-

[147] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 118.

[148] Там же.

[149] Там же, стр. 80. Нельзя не пожалеть, что деятельность этих крупнейших деятелей тевтонского ордена в Прибалтике не нашла отражения в Советской исторической энциклопедии (т. I—VIII. М., 1961—1966).

[150] Там же, стр. 81.

[151] Там же, стр. 85.

чения с епископом мира[152]. Полоцкий князь оказывается теперь наиболее сильной опорой в борьбе с орденом, что понимают в равной мере и угнетенные им прибалтийские племена, и сами тевтоны. В своей резиденции полоцкий князь устраивает очные ставки ливских послов, жалующихся своему сюзерену на притеснения немцев, и представителей последних, пытающихся «снискать у него дружбу и расположение», а вернее, нейтралитет в их отношениях с ливами (1206 г.)[153]. Однако полоцкий князь уже твердо стоит на стороне языческих ливов и в этом же году осаждает вместе с ними крепость Гольм, правда, так ее и не взяв[154]. Отступление полоцкого «короля» придало силы немецким захватчикам. Под следующим годом Генрих с удовлетворением констатирует, что теперь «вся Ливония была крещена». Епископ Альберт, предчувствуя, очевидно, столкновения с «пилигримами» из-за раздела земель, становится ленником Филиппа Гогенштауфена[155]. Если в предшествующие годы немцы колонизировали Ливонию, не входившую в непосредственные владения Полотчины и только платившую в Полоцк дань, то с 1208 г. вопрос стал о латгалльских землях, непосредственно примыкавших к Полотчине, часть которых (по Западной Двине) принадлежала полоцким князьям (Герцике, Кукенойс).

Отношения Полоцка и Риги окончательно обострились. Еще в 1207 г. какие-то угрозы немцев по отношению к Кукенойсу заставили его князя Вячку разделить с ними пополам свои земли[156]. Приступая к сообщению о захвате этого города, Генрих Латвийский, оправдывая действия ордена, пишет о беспокойном характере Вячки, хорошем отношении к нему епископа и т. д.[157] Нападение на этот первый полоцкий город было совершено, и после нескольких столкновений с немцами Вячко поджег город и ушел на Русь (1208 г.). Его активно поддерживали данники Кукенойса — латгаллы и селлы, для которых полоцкая дань была, по-видимому, терпимее немецкой, сопровождаемой, к тому же, идеологическим порабощением — крещением[158]. Захват города Герцике начался в следующем, 1209 г.

По признанию Генриха, использовавшего цитату из библии, этот город «всегда был ловушкой, и как бы великим искусителем для всех, живших на этой стороне Двины, крещеных и некрещеных»[159]. Т. е. город под властью русского князя был твердой защитой от действия немецких

[152] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 92, 93.
[153] Там же, стр. 94 и сл.
[154] Там же, стр. 102, 103.
[155] Там же, стр. 107, 109, прим. 82—84.
[156] Там же, стр. 107, 108.
[157] Там же, стр. 114, 115.
[158] Там же, стр. 116.
[159] Там же, стр. 126.

поработителей. Город был взят и выдан бежавшему князю Всеволоду в ленное владение. Это, впрочем, не помешало ему вести негласную войну с немцами и позднее, что кончилось новым и окончательным захватом города в 1214 г.[160]

Во всех этих событиях нам не очень ясна роль полоцкого князя Владимира, не поддержавшего кукенойского и герцикского князей, своих вассалов. Правда, судя по последующему тексту Генриха Латвийского, где епископ Альберт посылает в Полоцк «брата-рыцаря» Арнольда с предложениями мира (1210 г.), Полоцк, как будто бы находился в это время в состоянии войны с Ригой[161]. Однако сведений о конкретных действиях Владимира в источнике нет, а из обвинений, предъявленных Всеволоду Герцикскому, даже создается впечатление, что немцы защищают интересы Руси от его посягательств[162]. Заметим также, что при столкновениях с немцами и Вячко не обращается в Полоцк, а идет на мир с тевтонами, согласившись разделить с ними свои земли. Лишь позднее, восстав против Риги и ограбив тевтонов, этот князь посылает Владимиру Полоцкому богатые подарки — «лучших тевтонских коней, баллисты, панцири и тому подобное», как бы «замаливая грехи»[163]. Создается впечатление, что самостоятельность феодальных князьков Полоцкой земли, контролирующих двинский водный путь, была в это время особенно велика, и князья жили с Полоцком далеко не мирно. Потребовались грозные события немецкой агрессии, чтобы заступничество Полоцка стало необходимым, однако князь Владимир отнесся к западнодвинским вассалам, по-видимому, сурово[164].

Следует заметить, что, несмотря на внутренние распри, в начале XIII в. Полоцкое княжество было достаточно крепким, чтобы противостоять немецкой агрессии на собственно Русских землях. Колонизуя прибалтийские племена, крестоносцы вместе с тем все время вынуждены были считаться с полоцким Владимиром. То епископ Альберт засылал к нему послов, желая приобрести его расположение, подобно тому, как это сделал Майнард, и полоцкий князь, мы видели, судил тевтонов и ливов, а «при походе Владимира на Гольм, рижане «боялись за положение

[160] Там же, стр. 127, 128, 164.

[161] Там же, стр. 136.

[162] Судя по Генриху Латвийскому, епископ Альберт соглашался на мир с Всеволодом в следующих случаях: «Если ты согласишься впредь избегать общения с язычниками, ... не станешь вместе с литовцами разорять землю твоих русских христиан», и т. д. (там же, стр. 127).

[163] Там же, стр. 115.

[164] Наше предположение о вражде полоцкого князя с западнодвинскими князьями подтверждается тем, что Вячку позднее мы находим в Юрьеве (Тарту), куда он был посажен новгородцами и убит при взятии города крестоносцами в 1224 г. (там же, стр. 235—239; Новг. 1, стр. 61, 264). По-видимому, несмотря на подарки, полоцкие князья принять Вячко отказались.

(своего. — *Л. А.*) города, так как сооружения его еще не были крепки»[165], то Альберт отпускает с подарками захваченного Вячку (очевидно, боясь мести Полоцка)[166], то дважды за год (1210 г.) шлет послов «к королю полоцкому попытаться, не удастся ли добиться какого-либо мирного соглашения с ним» и соглашается платить Владимиру за ливов дань (облагая их, очевидно, уже в тройном размере)[167]. Одна фраза «Хроники Ливонии» открывает нам причины такого стремления немцев найти доступ к полоцкому князю. Упомянутый Арнольд посылался в Полоцк помириться с его князем и узнать, «не откроет ли [он] рижским купцам доступ в свои владения». Следовательно, в этот напряженный период отношений немецкие купцы через Полоцкую землю не пропускались. Теперь становятся понятными не дошедшие до нас первые договоры Полоцка с орденом, о которых сообщает хроника Генриха. Содержание первого договора установить нетрудно: Владимир соглашался пропускать немецких купцов и не вмешиваться в войны с эстами и другими языческими племенами (что, очевидно, имело место), немцы же обязывались допускать сбор дани полочанами с ливов, либо выплачивали ее сами[168]. Как видно из текста хроники следующего года (1211 г.), дань с ливов («христианские повинности», а также «десятина» — десятая часть доходов) все же собиралась немцами и, по-видимому, в Полоцк поступала лишь небольшая ее часть[169]. При дальнейших переговорах и заключении второго договора (1212 г.) требования с обеих сторон остались в основном прежними, однако Владимир требовал также прекращения крещения ливов, что едва не привело к войне. По состоявшемуся в конце концов соглашению, Владимир, по свидетельству Генриха, якобы отдал Ливонию ордену безданно, что все же кажется сомнительным. Вероятнее, Полоцк получил за это крупную единовременную сумму[170].

Покончив с колонизацией ливов, «окрестив», латгаллов и освободив руки соглашением с Полоцком, крестоносцы двинулись на завоевание эстов; и о Полоцкой земле хроника замолкает. Лишь судя по известию об обращении эстов в Полоцк с просьбой о помощи и о сборах Владимира в этот поход (чему помешала его неожиданная смерть, 1215 г.)[171], можно понять, что Полоцк, как и раньше, оставался главной антинемецкой силой.

[165] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 103.
[166] Там же.
[167] Там же, стр. 133, 136.
[168] Там же, стр. 136.
[169] Там же, стр. 145. Двойной гнет был ливам невыносим (что не скрывает и Генрих). Они то обращаются к епископу с просьбой облегчения повинностей (стр. 145), то умоляют его освободить их от ига (в данном случае, несомненно, полоцкой дани) русских (стр. 153).
[170] Там же, стр. 152, 153.
[171] Там же, стр. 179.

В. Н. Татищев под 1217 г. приводит отрывок из Полоцкой летописи, принадлежавший сподвижнику Волынского — Еропкину, казненному в 1740 г.[172] Этот отрывок, достоверность которого опротестовал Н. П. Лыжин, видевший в нем памфлет на события царствования Анны Иоанновны (на власть Бирона, положение Елизаветы Петровны и т. д.)[173], убедительно защищавшийся А. П. Сапуновым[174] и игнорируемый все же В. Е. Данилевичем, содержит любопытные дополнительные сведения. Борис Давидович Полоцкий, имевший двух сыновей (Василько и Вячко) от первой жены, вторично женился на католичке поморянского происхождения Святохне и имел от нее сына Владимира. Желая устранить пасынков от престола и освободить его тем самым для младшего сына, Святохна уговорила мужа послать их в западнодвинские города. С помощью подложного письма пыталась их погубить, но была изобличена, и пасынки остались живы, а Святохна наказана. Подлинность отрывка, по убеждению А. П. Сапунова, доказывается прежде всего многими совпадениями с хроникой Генриха, которую предполагаемый Н. П. Лыжиным автор памфлета, Еропкин, не мог еще знать (казнен в год выхода хроники — 17 июня 1740 г.). Генеалогию Бориса, якобы сына Давида Всеславича, предложенную А. П. Сапуновым, все же нельзя считать убедительной[175]. Вряд ли это был брат Евфросиньи Полоцкой — Давид, который также не дожил бы до 1217 г.[176] Борис Давидович Еропкинского списка был тем самым Борисом, сыном Давида Ростиславича Смоленского, который упомянут в летописи под 1195 г. как друцкий князь[177].

Сведения В. Н. Татищева о Полоцкой земле 1217 г.

Конец самостоятельности Полоцкой земли

Если первые, не дошедшие до нас договоры с Ригой (1210, 1212 гг.) были составлены еще в Полоцке от имени полоцкого князя и учитывали главным образом его интересы, а смоленские представители лишь участвовали как представители еще одной заинтересованной

[172] В. Н. Татищев. История российская, т. III, стр. 403—409. Подробно комментированную библиографию см.: В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 536.

[173] Н. П. Лыжин. Два памфлета времен Анны Иоанновны. ИАНОРЯС, т. VII, вып. 1. СПб., 1858.

[174] А. П. Сапунов. Достоверность отрывка из Полоцкой летописи. ЧОИДР, 1898, т. III, стр. 3—13.

[175] Этого имени нет в летописях, а о сыновьях Давида есть лишь глухое указание под 1128 г. Давид был полоцким князем в 1128 г. и, очевидно, умер в Византии (т. е. умер в 30-х годах). Следовательно, его сыну Борису в 1217 г. должно было быть более 70 лет, когда у него родился сын. Все это выглядит слишком натянутым.

[176] ПСРЛ, т. XXI.

[177] ПСРЛ, т. II, стр. 692

стороны[178], то в следующие десятилетия первенствующая роль в сношениях и торговле с Ригой и о. Готландом переходит к Смоленску. Судя по дошедшему до нас договору 1229 г., этот город теперь гарантирует выполнение условий договора не только «оу волости князя смоленского», но и «оу полоцкого князя вѣлѣсти и оу витебского князя вѣлѣсти»[179] и, следовательно, Полоцк становится подчиненным Смоленску.

Однако вскоре положение меняется в корне. Политическая слабость Полоцкой земли 30—50-х годов XIII в. была использована экономически и политически крепнущим Литовским государством[180], постепенно захватившим всю Северную Белоруссию. Нам трудно определить, как это произошло, так как источников почти не сохранилось. Ряд данных и прежде всего хроника Генриха показывают, что в начале XIII в. Литва значительно окрепла и стала внушительной силой. Если в начале века (1201 г.) полоцкие князья, по-видимому, еще держали ее в узде (см. выше), то в последующие времена литовцы беспрестанно и беспрепятственно нападают на кукенойсского князя Вячко[181], а герцикский князь Всеволод, лишь породнившись с ними, покупает себе спокойствие[182]. Касаясь этого времени, И. Длугош и М. Стрыйковский сообщают о походе литовцев на Полоцкую землю под 1216 г.[183] Позднее их воинственные войска мы видим уже за пределами Полотчины «около Торопца» (1223 г.), «около Торжьску» (1225 г.), снова «около Торжьку и также Бѣжици» (1246 г.)[184]. Лишь изредка сообщается о полочанах, боровшихся теперь (1222, 1232 гг.) со Смоленском. В 1258 г. полочане и Литва выступают против этого города уже совместно[185]. Где-то в эти годы, по-видимому, и произошло подчинение Полоцкой земли литовским феодалам. Под 1262 г. мы уже читаем о полоцком князе Товтивиле, павшем от руки убийц Мендовга в следующем, 1263 г. при дележе наследства («роспрѣвшся ... о товаръ»)[186]. Частью наследства Мендовга считалась, вероятно, и Полотчина. Так кончился древнерусский период политической истории Полоцкой земли.

[178] Генрих Латвийский (Хроника Ливонии, стр. 136) сообщает об участии в разработке договора 1210 г. «Лудольфа, разумного и богатого человека из Смоленска».
[179] «Смоленские грамоты XIII—XIV вв.». М., 1963.
[180] В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М., 1959.
[181] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 107, 108 и др.
[182] Там же, стр. 161 и др.
[183] В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли..., стр. 131.
[184] Новг. 1, стр. 263, 269, 304.
[185] Там же, стр. 263, 281 и 310. В 1222 г. Полоцк был даже взят смолянами (стр. 263).
[186] Там же, стр. 312.

Заключение

Мы проследили историю Полоцкой земли на протяжении пяти веков ее существования и, насколько возможно, рассмотрели вопросы, связанные с этническим составом племен, населявших ее в дофеодальное время, с ее экономикой, политикой и культурой. Очевидные недостатки исследования проистекают прежде всего от неполноты источников, от известной «многоплановости» поставленных проблем и от вынужденной ограниченности объема. Сейчас надлежит подвести некоторые итоги и попытаться определить то место, которое заняла Полоцкая земля в общерусской истории.

Период второй половины I тысячелетия н. э. в Восточной Европе характеризуется окончательным распадом родо-племенной организации общества, распространением нового феодального способа производства, возникновением классов и образованием русской народности. В эту эпоху впервые начинает играть определенную роль и Полоцкая земля, участвующая первоначально в образовании этнической территории восточнославянских племен, а затем и государственной территории Киевской Руси.

Мы видели, что Полоцкая земля возникла в IX—X вв. на территории этнически сложной. Здесь только что в основных чертах завершилась ассимиляция местных балтийских племен пришлым славянским населением. Как проходил этот процесс — мы не знаем, но кажется вероятным, что это был мирный симбиоз пришельцев с аборигенами. Во всяком случае в XII в. различия тех и других настолько снивеллировались, что, описывая «токмо словѣнеск язык в Руси», летописец безоговорочно причисляет к нему и полочан.

Составленная нами подробная археологическая карта Северной Белоруссии позволила установить, что славяне расселились там неравномерно, скапливаясь в местах экономически выгодных и менее удобные земли оставляя безлюдными. Сильно населенные территории разделялись не-

проходимыми лесными массивами, что затрудняло общение и приводило, по-видимому, к известной обособленности отдельных групп населения в ряде черт быта и культа. Однако, как было показано, к X в. страну объединили две скрестившиеся здесь крупнейшие общерусские торговые коммуникации, протянувшиеся через всю Северную Белоруссию с юга на север и с запада на восток. Все волоки этих водных магистралей оказались в Полоцкой земле, она владела, таким образом, ключевыми позициями международного транзита, что не могло не отразиться решающим образом на ее экономике. Если социально-экономическое развитие некоторых других земель (главным образом русского Севера) несколько запаздывало и земли эти, находясь в зависимости от Юга, лишь к XII—XIII вв. достигли уровня развития других княжеств (например, Ростово-Суздальская земля, А. Н. Насонов, 1962), то Полоцкая земля оказалась в совершенно особом положении. Не случайно процесс становления феодальной раздробленности проявился в Киевской Руси прежде всего в фактах, связанных с историей Полоцка. Эта страна первая открыла путь к экономической и политической самостоятельности. Первые торгово-ремесленные центры возникли здесь начиная с IX—X вв. (Полоцк, Витебск) и в начале XI в. (Друцк) и именно на водных путях сообщения. Появившийся местный феодальный класс раньше феодалов других земель начал расширять свою областную территорию, облагая данью и подчиняя себе земли свободных еще от нее северных дреговичей, некоторые восточнолитовские, латгалльские и племена Прибалтики вдоль Западной Двины. Расширение территории не могло продолжаться бесконечно и не могло не привести к столкновению с интересами феодалов соседних земель. Во главе Полоцкого княжества, к тому же, стояла династическая линия, родственная общерусской, но обойденная ею и исключенная из общекняжеского «коловращения». В результате этих двух обстоятельств вражда и войны с соседними князьями, с князьями других русских земель, и в частности с Киевом, — основное, чем проникнута почти вся политическая история Полотчины долитовского времени.

Итак, Полоцкое княжество представляло наиболее самостоятельную политическую единицу древней Руси, обладавшую к тому же и оригинальной культурой. Во внутриполитической жизни княжества это проявилось прежде всего в известном своеобразии социального строя, выразившемся в развитии вечевого начала в XII в. и в слабости княжеской власти. Отношения полоцкого князя с вечем в XII в. носили характер его подчинения последнему. Князь был главным военачальником полоцкого войска, проводил все военные операции, но вече могло требовать от него отчета за проигранное сражение, за большое количество жертв (1162 г.) и т. д. Можно полагать, что в XIII в. полоцкий князь уже не ведал судом. Во внешнеполитической жизни княжества обособленность начала проявляться весьма рано. Уже Брячислав овладел торговыми путями у во-

локов пути «из варяг в греки» (1021 г.), обеспечивая тем самым контроль товаров, идущих в южную Русь и обратно, а при Всеславе Полоцком земля почти полностью освободилась от власти Ярославичей в течение всей второй половины XI в. Феодальная раздробленность, захватившая Полотчину в XII в. и ослабившая власть князей, ищущих в борьбе с горожанами союзников в среде враждующих между собой княжеских группировок южной Руси, не сломила прежних сепаратистских устремлений Полоцкой земли. Киевским князьям не удается навязать Полоцку своих ставленников; в делах мира, войны и приглашения князей полоцкие бояре и именитые горожане ведут свою самостоятельную политику.

Необычайное оживление городской жизни на Руси в XII в. и рост политического самосознания жителей городов, повсеместно широко отразились, как известно, в области городской культуры. Имея самостоятельные связи с Византией, Западной Европой и, может быть, с Востоком, Полоцк стал крупным культурным центром со своей оригинальной архитектурной школой, впитавшей лучшие традиции тогдашней мировой культуры, с монастырями — центрами просвещения и письменности, ведущими, подобно Киеву, Новгороду и другим крупнейшим центрам Руси, свое летописание. Культурное наследие Полоцка было высоко оценено в древности. Новаторские замыслы его зодчих послужили толчком к новому переосмыслению византийского храма в ряде городов Руси, а просветительная деятельность Евфросиньи Полоцкой получила широкую известность за пределами земли.

Однако мы стремились показать, что, несмотря на черты обособленности, Полоцкая земля никогда не порывала экономических и культурных связей с Киевской Русью. Ее купцы всегда держали тесный контакт с Киевом. В Полоцке строились церкви по киевско-новгородскому образцу, а городские и деревенские ремесленники использовали общерусские технические навыки и вырабатывали изделия общерусских типов. Из этого следует, что, несмотря на балтийский субстрат в прошлом, этническое самосознание населения Полотчины прочно тяготело к землям всей Руси, с которыми ее связывали общность территории, экономической жизни, языка и культуры. Иными словами, будучи от Руси неотделимой, Полоцкая земля принимала живейшее участие в сложении русской народности.

При учете всего вышесказанного возникает следующий закономерный вопрос: как объяснить исторически борьбу полоцких феодалов с феодалами других русских земель, в конце концов задушивших самостоятельность Полотчины? Нам представляется, что борьба полоцких князей с южнорусскими носила прогрессивный характер до тех пор, пока она способствовала выявлению и развитию внутренних экономических сил страны. Непомерно разросшиеся аппетиты ее князей в XII в., боровшихся теперь не только с Киевом, но главным образом друг с другом за перераспределение феодальной ренты, истощали страну постоянными войнами,

ослабляли ее экономический потенциал. В этих условиях, прогрессивная роль перешла в конце XII в. к южнорусским князьям, усмирившим полоцких и присоединивших страну к остальным землям, что в условиях нависшей угрозы немецкого, а затем литовского и татарского вторжений было чрезвычайно важным.

Наконец, мы не определили бы роли Полоцкой земли в Киевском государстве, если бы не отметили ее значения в качестве русского форпоста на западе, особенно усилившегося к XIII в. Полоцкое княжество было первым, принявшим на себя удары немецкой агрессии. В течение последних десятилетий XII в. и в начале XIII в. оно помогало латышам и литовцам сдерживать превосходящие силы тевтонского ордена, так и не пустив крестоносцев в свои коренные земли.

Список сокращений

АН БССР — Академия наук БССР
АС — Археологический съезд
БАН — Белорусская Академия наук
ВАИ — «Вестник археологии и истории»
Вит. ГВ — «Витебские губернские ведомости»
ВУАК — Витебская ученая архивная комиссия
ВОМПК — Виленское отделение Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
ДАК — «Дело Археологической комиссии»
ЖМНП — «Журнал министерства народного просвещения»
ЗОРСА — «Записки Отделения русской и славянской археологии»
ЗРАО — «Записки Русского археологического общества»
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — «Известия Археологической комиссии»
ИАНОРЯС — «Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности»
ИЗ — «Исторические записки»
ИМАО — «Известия Московского археологического общества»
ИНБЕЛКУЛЬТ — Институт белорусской культуры
ИРАО — «Известия Русского археологического общества»
ИРГО — «Известия Русского географического общества»
КСИА. Киев — «Краткие сообщения Института археологии Украинской Академии наук»
КСИА — «Краткие сообщения Института археологии АН СССР»
КСИИМК — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры»
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР — «Материалы по археологии России»

МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР»
МИАЛ — «Материалы и исследования по археологии Латвии»
Мин. ГВ — «Минские губернские ведомости»
МНК — «Материалы научной конференции, посвященной 40-летию советского искусствознания»
Новг. 1 — Новгородская 1 летопись старшего и младшего изводов
ОАК — «Отчеты археологической комиссии»
ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, археологии, этнографии
ПВЛ — «Повесть временных лет»
Пк Вил. г. — «Памятная книжка виленского генерал-губернатора»
Пк Вит. г. — «Памятная книжка Витебской губернии»
Пк Мин. г. — «Памятная книжка Минской губернии»
Пк Мог. г. — «Памятная книжка Могилевской губернии»
Працы, I — Институт белорусской культуры. Запіскі аддзелу гуманітарных навук, книга 5. Працы катэдры археологіі, т. I
Працы, II — То же, книга II. Працы археологічнаіі камісіі, т. II
Працы, III — Беларуская акадэмія навук, інстытут гісторыі. Працы сэкцыі археологіі, т. III.
ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей»
СА — «Советская археология»
САИ — «Свод археологических источников»
СЭ — «Советская этнография»
ТМАО — «Труды Московского археологического общества»
ТПЭ — «Труды Прибалтийской экспедиции»
УЗГСУ — «Ученые записки Государственного саратовского университета»
ЧИОНЛ — Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва)

Оглавление

Леонид Васильевич Алексеев

Полоцкая земля

Утверждено к печати Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор *М. Г. Воробьева*
Редактор издательства *Л. С. Кручинина*

Художник *К. Н. Никохристо*
Технический редактор *А. П. Ефимова*

Сдано в набор 18/VI 1966 г. Т-14202.
Подписано к печати 10/X 1966 г. Формат $70 \times 90^{1}/_{16}$.
Печ. л. 18,5+3 вкл. Усл. печ. л. 21,6. Уч.-изд. л. 20,8.
Тираж 2500 экз.
Изд. № 583/66. Тип. зак. № 1028.

Цена 1 р. 56 к.

Издательство „Наука". Москва, К-63, Подсосенский пер., д. 21
1-я типография Издательства „Наука". Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12